

**ВИКТОР
ТЮНИН**

**ХОЧЕШЬ ЖИТЬ
СТРЕЛЯЙ ПЕРВЫМ**

2016

Человек современного мира, в прошлом боец специальной разведки, волею судьбы попадает в Америку второй половины 19 века, оказавшись в теле известного бандита Джека Льюиса. Понимая, что подобная "слава" рано или поздно приведет его к виселице, он принимает решение бежать на Восток, в Нью-Йорк. Во время путешествия герою придется испытать на себе все "прелести" жизни Дикого Запада, насквозь пропахшего порохом и кровью. Но если Запад с его шерифами, бандитами и стрелками являл одну сторону монеты, то города Востока с продажной полицией, уличными бандами, коррупцией властей были другой ее стороной. Человеческая жизнь в трущобах Нью-Йорка того времени стоила ровно столько, сколько находили у трупа в карманах. Здесь чтобы выжить, нужно было иметь жесткость, хладнокровие и полное безразличие к своей и чужой жизни. Здесь — каждый сам за себя. Бывшему бойцу придется приложить немало сил, чтобы выжить на пути, ведущим от бандита, стоящего вне закона, до человека, ставшего у истоков создания собственной торгово-промышленной империи.

Тюрин Виктор Иванович

Хочешь Жить — Стреляй Первым

**ЧЕЛОВЕК ЧЕЛОВЕКУ ВОЛК ИЛИ ПОКОРЕНИЕ
АМЕРИКИ**

ПРОЛОГ

Я уже выходил из двери, как сильный удар в предплечье, развернув, бросил меня обратно в полумрак подъезда. Сначала плечо горело огнем, потом его сменила острая пульсирующая боль, вместе с теплом льющейся крови они были моими основными ощущениями на этот момент. С трудом поднялся на ноги. Сунул руку под пиджак — пальцы сразу стали липкими. Несколько секунд растерянности и недоумения прошли, после чего мозг принялся анализировать происшедшее.

"Снайпер. Но почему в плечо? — мозг сделал первую отметку. — Ранить. Сбить с толку. Задержать... Сдать? Ждут снаружи?".

Прислушался на секунду. Обычный шум двора.

"Кто? Заказчик? Но... Не об этом думаешь! Время уходит!".

Страх я пока четко контролировал, что нельзя было сказать про ситуацию, в которую попал. Не успел начать просчитывать свои дальнейшие действия, как наверху щелкнул замок, потом тяжело хлопнула дверь. Следом раздались шаги. На какое-то мгновение они прервались вскриком, после чего раздались глухие удары в дверь. Стук перемежался с криками: "Убили! Помогите!". Где-то на верхнем этаже хлопнула дверь: "Что случилось?! Васильевна! Это ты что ли?!". Но Васильевна, если это была она, уже опрометью неслась вниз по лестнице. В пустом подъезде старинного дома четко прослушивалось громкое захлебывающееся дыхание женщины, прорываемое тянущимся на одной ноте речитативом: — Ах ты, мамочка моя! Да что ж это такое! Ах ты...!

Сейчас она выскочит во двор и... все. Снайпер запер меня в этом подъезде, заставив метаться, как крысу, загнанную в угол. Чердак и подвал отпали раньше, когда я искал пути отхода. Мозг лихорадочно пытался просчитать варианты, чтобы тут же отбрасывать их. Убить? Использовать как заложницу? Как отвлекающий маневр? Успею? Где-то наверху хлопнула еще одна дверь. Рискну! Когда женщина пробежала мимо, я кинул ей вслед негромко: — Ага, попалась.

Эти два слова ее словно в спину толкнули, заставив рвануться вперед с удвоенной скоростью. Несколько секунд спустя двор огласился истошным воплем: — Караул!! Люди!! Милиция!! Убивают!!

Я рассчитывал, что страх, завладев разум, превратит ее в завывающую сирену, которая отвлечет внимание и даст шанс мне уйти незамеченным. А снайпер... Что ж... Чувствуя себя рыбой на крючке, бьющейся изо всех сил, но ничего не могущей поделать, мне только и оставалось, что рисковать.

Рывком, выскочив из подъезда, я тут же метнулся по защите густого кустарника, растущего прямо под окнами первого этажа. Не успела зелень скрыть меня, как в следующий миг, послышался мягкий шлепок о кирпич, прямо рядом с моей головой. Звук пули, ударившей в стену. Крысу хотят загнать обратно в угол?! Не выйдет!

Скользя за кустами, я слышал, как к истошным крикам женщине прибавились крики переполошенных жильцов: — Милиция!! Васильевна! Да что случилось?! Милиция!!

За эти полминуты, предоставленные мне судьбой, я сумел добраться до следующего подъезда. Сердце замерло, когда я увидел открытое пространство перед подъездом, но тут же снова забило о грудную клетку. На веревках перед подъездом сохло белье, частично закрывая обзор снайперу. Последующий рывок — отрезок времени оказался для меня

растянут на века. Вот сейчас...

Только нырнув в прохладный полумрак подъезда, я осознал, что жив и возможно буду жить. Я уже закрывал за собой дверь подвала, когда во дворе раздался рев форсированного двигателя, тут же резко оборвавшийся. Гул голосов на какое-то мгновение затих, благодаря чему голос женщины прозвучал особенно громко: — Тот подъезд!! Тот! Он там!!

Услышав щелчок захлопнувшегося замка, я щелкнул выключателем. Тусклый свет озарил грязно-серые стены. Пройдя всю длину подвала, открыл ключом дверь, которая соединяла подвал с подсобкой магазина, выходявшего на другую сторону улицы. Пройдя мимо двух грузчиков, ворочавших коробки, я вышел через грузовой подъезд магазина на улицу. Бросил взгляд на рану. На черной коже пиджака кровь не была почти заметна. Рубашка и подкладка пиджака стали своеобразным тампоном, но потеря крови давала себя знать. Голова мягко кружилась. Слабость обволакивала меня все больше, каждый последующий шаг давался мне все труднее. В спину ударил рев милицейской сирены.

Мое везение закончилось вместе с возбуждением, которое, гоня по крови адреналин, держало меня на плаву. Прислонившись к стене, я закрыл глаза. Желание присесть, а еще лучше прилечь тянуло меня к земле. Собравшись с силами, я сумел оторваться от стены, пройти еще два десятка шагов, после чего свернул за первый попавшийся угол. Только сделав несколько шагов, я понял, что это не очередной двор, а тупик, приспособленный под помойку. Возле трехметровой стены, старой кирпичной кладки, стояло несколько мусорных баков и сломанная скамейка с облупившейся краской. Неожиданно боль с такой силой вцепилась в мое плечо, что ноги разом стали ватными, а в глазах потемнело. Двор — тупик, мусорные баки...

Открыл глаза. Вечерело. Вопрос "Где я?" с попыткой пошевелиться тут же отдался ввинчивающейся болью в области простреленного плеча. Кровь не текла. Рубашка с подкладкой кожаного пиджака, набухнув, снова взяли на себя роль тампона, не дав окончательно мне истечь кровью. На следующее мое движение в ребра ткнулась рукоятка ТТ. Мой клиент хотел, чтобы убийство выглядело как вооруженная попытка ограбления, но не как заказное. От пистолета я собирался избавиться позже, также как от бумажника и часов. Некоторое время пытался придать телу более удобное положение, когда же мне это удалось, я неожиданно почувствовал на себе чей-то взгляд. Рука сама поползла к рукоятке пистолета. Желание жить на какое-то время заглушило грызущую плечо боль. Звуки и время словно замерли. Рука сжала рукоять ТТ. "Ну! Давай! Выходи...".

— Мужик, ты че?

Не успела фраза прозвучать, как меня отпустило. Я снова вернулся в мир людей: услышал гудение двигателей, звонкий смех девушки, ощутил резкую прохладу весеннего вечера и... вонь. Кислый, противный запах. К горлу подкатил комок. В это время над баками появилась голова. Мутный взгляд, седая щетина недельной давности, отеки под глазами. Тупая растерянность бомжа подсказала мне, что делать дальше. Выпустив рукоятку пистолета, я ткнул в его сторону пальцем, при этом с трудом выдавив из себя пересохшими губами: — Ты кто, мужик?

Я попытался прикинуться пьяным, который, придя в себя, пытается понять, где он очутился. Муть в голове, соединившись вместе с болью, помогли мне в создании образа. Икнув для антуража, я бросил взгляд вокруг себя. Лицо бомжа несколько просветлело, когда до него дошло, что происходит. Обычная, жизненная ситуация. Напился человек. И заснул. А что на помойке, так-то дело житейское.

— Я? Я Жига. Меня тут все знают. А ты чего здесь? Отлить зашел и вырубился?

— Уга-дал, — губы были словно деревянные, с трудом протолкнули слово наружу.

Я снова начал плыть. Понимая, что вот-вот отключусь, я пошел ва-банк: — Ты поблизости живешь?

После его кивка головой, я продолжил: — Выпить... хочешь?

— Вопросов нет, — четко отрапортовал санитар города, правда, после легкой заминки все же добавил. — Ежели ты ставишь, конечно.

Попытка встать на ноги с помощью Жиги удалась с первого раза. Я даже смог почти самостоятельно проделать часть пути, под стеклянный перезвон бутылок, несшийся из потертого полиэтиленового пакета, пока окончательно не провалился в небытие.

Старый торшер освещал кусок стены, покрытый старыми, местами вздутыми, обоями. Окон не было. Нетрудно было сделать вывод: я нахожусь в полуподвале. Слегка повернул голову. И тут же встретился глазами с Жигой. Пока я пытался сообразить, как разговаривать с хозяином подвала, он начал действовать. Рванув без всякой жалости присохшую рубашку, он плеснул на рану водку из бутылки, которую держал в левой руке. Этого я никак не ожидал. Его горестный вздох утонул в моем вопле. Рука автоматически рванулась к поясу, но пистолета не было на привычном месте. Приподняв голову, только тут я увидел, что мой пиджак вместе с пистолетом валяются рядом с матрасом, на котором я лежал. Жига, тем временем, приложился к бутылке. Кривясь, сделал пару больших и быстрых глотков. На секунду замер, словно прислушиваясь к себе, затем протянул мне. Я брезгливо качнул головой.

— Как хочешь. Скорую вызвать?

Я снова отрицательно качнул головой.

— Почему-то я так и думал, — лицо его стало медленно наливаться нездоровой краснотой. — Давай на бок.

Таким же варварским способом он обработал выходное отверстие. Достав из пакета вату и бинт, перевязал меня. Не успел я с тяжелым вздохом перевернуться на спину, как бомж сунул мне под нос свою грязную лапу, на которой лежали две капсулы и таблетка.

— Это что? Откуда?

— Не бойсь. Не колеса. Из аптеки. Эти две болеутоляющие, а это... блин! Уже забыл! Короче, против воспаления. Ну, что смотришь! Жуй! Из аптеки, точно говорю, — некоторое время мы смотрели друг на друга, после чего он запустил руку в рядом лежащий полиэтиленовый пакет и шарил там до тех пор, пока на свет не появилась сначала коробочка, а потом пластина, запаянная в фольгу. — На. Смотри. Недоверчивый ты наш.

С этими словами он бросил мне их на грудь. Я взял их здоровой рукой, прочитал названия, после чего столкнул на пол. Это было не совсем то, что нужно, но учитывая данные обстоятельства, вполне терпимо.

— Давай таблетки. И воды. Пить хочу.

После перевязки всколыхнутая боль стала медленно спадать. Дойдя до определенного предела, она остановилась, но усталость, температура и таблетки сделали свое дело. Заснул, словно провалился в темный омут. Не знаю, сколько я проспал, но в какой-то момент меня что-то вытолкнуло из сна. И виной этому была не боль, а человеческий взгляд. Рука уже шарила в поисках пистолета. Не сразу понял, что это лицо хозяина подвала, так он изменился за то время, пока я спал. Его ожившие глаза сейчас рассматривали меня с

доброжелательным любопытством. Сейчас находился в том состоянии, когда подпитые люди жаждут общения.

— Ты уж извини. Пришлось порыться у тебя в карманах, — приняв мое молчание за согласие, продолжил: — Ну, вот и хорошо. Меня Жига зовут. Впрочем, я это тебе, похоже, говорил. Кто ты не спрашиваю. Слушай... я к чему разговор веду. Я тут... пожрать купил. Тебе есть надо. Здоровье восстанавливать. Сам понимаешь...

Не обращая внимания на его болтовню, бросил несколько быстрых взглядов вокруг себя. Увидев, лежащий на сером солдатском одеяле, в нескольких сантиметрах от моей руки, пистолет, я не смог удержаться, чтобы не прикоснуться к нему. Хозяин подвала, заметив мое движение, тут же сменил тему: — Во, во! Как же без инструмента! Профессионал, он же сразу чувствуется. Тут уж, что в человеке заложено. Что от черта, что от бога. У меня от бога был талант. У меня ведь руки были, — тут он прервался, чтобы сделать глоток водки из пластикового стаканчика, — золотые! Послушай...

Лежа на грязном, засаленном матрасе, постеленным прямо на полу, я смотрел в возбужденное лицо алкоголика, создавая видимость внимания, а сам тем временем пытался понять, что пошло не так. Почему меня решили подставить? Прокрутив в голове несколько вариантов, понял, что гадать бессмысленно, так как исходных данных катастрофически не хватало для какого-либо вывода.

"Да — а... В моем состоянии и в моем положении много не накопишь... — при этом я настолько сильно углубился в свои мысли, что совсем забыл о хозяине подвала и когда мне под нос сунули две грязные лапы, я инстинктивно отпрянул, а затем с трудом сдержался, чтобы не ударить бомжа.

— Ты посмотри на них! Было время, когда эти руки творили искусство. Сейчас, погоди!

Вскочив, Жига неровной, покачивающейся походкой побежал в дальний угол, где стал рыться в облезлой тумбочке. Некоторое время он что-то перекладывал, затем воскликнул: — Вот он! Он не даст соврать! Этот альбом я пронес через все!

С толстой книгой, заляпанной жирными пятнами и захватанной так, что потеряла свой первоначальный облик, он вернулся ко мне. Книгой оказался цветной альбом — каталог татуировок.

— Здесь мои мысли, чувства, мое сердце и душа... — его пространная речь продолжалась некоторое время, пока он неожиданно не сменил тему разговора: — Слушай! У тебя на предплечье орел изображен. Хорошо сделано! Но орел — это небо! Простор! А у тебя, его нет. Понимаешь, нет! Один маленький штрих. Разреши, а? Ты не смотри на меня! Я сейчас в самой норме! Уважь, а? Как — никак я твой спаситель.

Я не знал, что ответить на эту странную просьбу. Послать его... А с другой стороны, он был пока нужен...

— Все, — дыхнув на меня сивушным перегаром, благоговейно произнес Жига. — Идеаль-но.

Пока Жига любовался творением своих рук, я неожиданно почувствовал себя как-то странно. Прислушался к себе. Это не было тревожным звонком — проявлением инстинктов, не раз спасавших мне жизнь, это было нечто другое. Непонятное. Обволакивающее. Словно я куда-то нырнул. Резкий стук в дверь вырвал меня из этого состояния, но не освободил полностью, только это дало возможность Жиге первому открыть рот.

— Хорош стучать, уроды! Дверь сломаете! Да открою сейчас, открою!

Он только начал подниматься с колен, как взгляд, задержавшись на моем перевязанном плече, заставил его замереть. В дверь снова застучали. Глаза Жиги растерянно бегали от меня до двери и обратно. Он явно растерялся. Стук снова повторился, но уже более сильный и настойчивый. Пальцы сами вцепились в рукоять пистолета.

— Подойди. Спроси. Но не открывай.

В ответ он кивнул головой, после чего поднялся с колен и медленно, словно во сне, пошел к двери.

— Кого принесло?!

— Жига открывай! У меня пузырь! В натуре!

Голос был сильный и резкий, явно не принадлежавший полупьяному бомжу.

"Это за мной!".

Страх, отодвинув боль, помог мне сесть, прислонившись спиной к облезлым обоям. Жига в растерянности топтался у двери. Я передернул затвор и стал медленно поднимать пистолет, стараясь раньше времени не напрягать руку.

"Если удастся убить всех — будет шанс. Иначе...".

В следующую секунду замок двери был выбит сильным ударом. Дверь, резко распахнувшись, сбила с ног хозяина подвала. В сдавленный вопль Жиги вплелись негромкие хлопки. Один, второй, третий. Стреляли наугад. Брали на испуг, на неожиданность, пытались понять, где я и как отреагирую. Вслед за выстрелами, в подвал в прыжке влетел человек.

Пистолет дважды дернулся в моей руке и тело незваного гостя вместо того, чтобы красиво уйти в перекат, глухо шлепнулось на старый потрескавшийся линолеум. Ствол моего пистолета уже развернулся к дверному проему, ловя следующую мишень, как в грудь словно ударили гигантским кулаком, выбив из меня весь дух. Рука с оружием безвольно упала. Окружающий мир стал меркнуть...

ЧАСТЬ 1. ДИКИЙ ЗАПАД

Вечерние тени уже легли на городок под названием Моралес, когда два ковбоя медленно въехали на пыльную главную улицу и направились к конюшне. Они проезжали мимо офиса шерифа, как дверь неожиданно распахнулась, и на пороге показался сам представитель закона Фред Морган с листком бумаги в руках.

— Привет, Фредди! Здорово, шериф! — вразнобой поздоровались ковбои.

— Привет, парни!

— Кто-то новый появился, Морган?!

— Старый, — буркнул шериф, прикрепляя афишку о розыске преступника к стене офиса. — Второй год ловят, а поймать не могут. Из банды братьев Уэйнов.

Ковбои свернув, подъехали поближе. Молодой ковбой, почти еще парнишка, удивленно присвистнул, прочитав афишку.

— Чего свистишь, читай! — раздраженно бросил ему второй ковбой, мужчина в годах, с длинными густыми усами.

— Разыскивается Джек Льюис! Живым или мертвым! Награда 3000 долларов. Разыскивается властями штатов Техас и Арканзас за ограбления и убийства! Приметы: возраст — 23–25 лет; рост -6 футов 2 дюйма; глаза — карие! Особые приметы: татуировка в виде головы орла на правом предплечье!

* * *

Окружающий мир ворвался в меня вместе с болью. Первый ее натиск был настолько силен, что я невольно застонал. Глаза смотрели на окружающий мир, словно через грязное стекло вагона, напряженно ловя постоянно ускользающую от взгляда картину. Потолок. Спинка кровати. Одеяло. Я уже начал проваливаться в темноту небытия, как в поле зрения неожиданно появилась странная фигура. В чем проявилось ее необычность, сначала я не мог понять, сил только хватало, чтобы удержать свое сознание, не дать ему скользнуть в беспамятство. Мужчина остановился в шаге от моего изголовья.

"Усы. Как... у... Тараса Бульбы. Шляпа, как... у ковбоя и еще... лошадью пахнет. Откуда он... такой... взялся?".

Сделав над собой усилие и отделив часть своего сознания от ломающей меня боли, я стал разглядывать странного типа. Густые, пышные усы, свисавшие кончиками вниз. Шляпа с большими полями. Белая рубашка без воротничка. Жилет. Цепочка, один конец которой прятался в жилетном карманчике. Брюки на подтяжках, заправленные в высокие, облегающие ноги, сапоги. В довершение всего у обладателя странного гардероба на груди сверкала звезда американского шерифа, а на поясе — патронташе в кобуре висел револьвер. Всю свою жизнь, имея дело с различными типами оружия, я естественно заинтересовался исторической реликвией, торчащей из его кобуры.

"Судя по виду, весит весьма прилично. Но кто этот ковбой? И что он здесь делает? — не успел последний вопрос сформироваться в моей голове, как хозяин оружейного пояса, до этого пристально вглядывавшийся в меня, воскликнул: — Вот дерьмо!

Человек, одетый как американский шериф, выглядел крепким, жилистым мужчиной с

обветренным и загорелым лицом. Взгляд холодный и цепкий. Как мне показалось, он даже несколько напрягся, встретившись со мной взглядом, по крайней мере, об этом свидетельствовала рука, непроизвольно опустившаяся на рукоять револьвера. Некоторое время мы смотрели друг на друга, пока он, не повернув голову чуть назад, громко не закричал: — Док!! Давай сюда!! Этот чертов ублюдок очнулся!!

Снова повернувшись ко мне, он сказал, причем явно недовольным тоном: — Умеешь ты, Джек, людям жизнь портить. Думал, хоть на веревке сэкономим, и вот на тебе. Лечи теперь тебя, висельника. Я уже сегодня хотел послать нарочного к судье... Думал — помрешь, тогда мы твоих дружков быстренько повесим, а теперь жди, пока ты на ноги станешь, чтобы вместе с ними до виселицы дойти. Ладно, сейчас послушаем, что док скажет. Может, мне все-таки повезет, и ты еще помрешь.

Говорил он вроде понятно, но смысл его слов для меня был весьма тёмнен.

"Джек. Это он про меня, что ли? Виселица? Дружки? Я наверно брежу. Иначе откуда мог появиться этот ряженный? И где я, черт возьми, нахожусь?".

Несмотря на боль, часть сознания начала автоматически изучать пространство вокруг себя на предмет опасности. Это было заложено в меня преподавателями спецшколы на уровне рефлекса. Как у собак академика Павлова. То, что я смог охватить взглядом, вызвало у меня, точно такое же удивление, как и этот странный тип. Помещение представляло собой деревянный барак без малейших признаков цивилизации, о чем говорило отсутствие даже стандартной прикроватной тумбочки. Спинка кровати была металлической, да еще какой-то архаической постройки. Линялая тряпка, типа занавески, висящей на веревке, отгораживала угол, где я лежал, скрывая от меня все остальное помещение. Солнечный свет падал из-за моей головы, значит, окно там. Попытка повернуть голову в сторону окна отдалась в теле такой болью, что я не выдержав, застонал. Больше мне уже ничего не хотелось знать. Борясь с приступом, я даже не сразу заметил появление полного мужчины, лет сорока пяти, с солидным животом и большими сильными руками. У этого типа усы, в отличие от шерифа, завершались плотной окладистой бородкой.

— Билл, тебе сколько раз говорить, это больница, а не поле боя! Чего ты орешь каждый раз так, словно поднимаешь солдат в атаку?!

— Ты мне лучше скажи Митчелл, почему он еще не сдох? Кто мне недавно говорил, что с такими дырками не живут?!

— Я тебе что, Господь Бог?! Он один знает, кому жить, а кому умереть! А я всего лишь доктор в этом Богом проклятом захолустье! Отступи, дай посмотреть на больного!

Отодвинув животом нахмурившегося Билла, он наклонился надо мной. Из-за длинного фартука, закрывавшего грудь, местами заляпанного кровью, выглянули широкие подтяжки. Бесцеремонно сдернув одеяло у меня с груди, эта пародия на доктора начала ощупывать меня, причиняя сильную боль. Мне ничего не оставалось, как стиснуть зубы и терпеть.

— Так. С плечом хорошо. Теперь грудь... рана чистая. Рот-то открой! Язык! Так. Температура есть, но лихорадка ушла. Хорошо молодчика отделали. Пуля в грудь и в плечо. Да крови сколько потерял... И все равно умирать не хочет, как зверь за жизнь цепляется.

— Пить. Воды, — я с трудом вытолкнул сухие, ломкие слова через непослушные губы.

Не обращая не малейшего внимания на мою просьбу, он продолжил обследование, не переставая говорить: — Впрочем, он зверь и есть. Похоже, пуля не задела внутренних органов. Да — а... Не повезло тебе, Билл. Он встанет на ноги... недели через две. Все. Я пошел. У меня еще куча дел благодаря этому бандиту.

— А тот рейнджер... как его... Маклин совсем плох?

— Выглядит хуже, чем хотелось бы! А к тебе, — он обратился ко мне, — попозже сестру пришлю. Она сейчас занята.

С этими словами он развернулся и исчез за занавеской. Растревоженная этим садистом боль постепенно стала стихать, снова возвращая мне интерес к окружающему миру. Скользнул глазами по уже знакомой для меня обстановке. Нет, это однозначно не похоже на больничную палату, даже если предположить, что она находится в самой что ни есть глуши. И еще... Весь разговор велся на английском языке! Как это я сразу не сообразил?! Тип, изображающий американского шерифа, странный доктор, вся эта архаичная обстановка не соответствующая времени. Что все это значит? Спектакль, поставленный для меня?! Но ради чего?! Ведь я прекрасно помнил обстоятельства, благодаря которым оказался у татуировщика Жиги. Как ворвались в подвал мои преследователи. Помнил, как убивал и умирал... Умирал?! Но я же не умер. Скосил глаза на человека, одетого шерифом. Бред... наяву?

— Где я? Кто я? — я попытался спросить громко и внятно, но сумел лишь выдавить из себя хриплый шепот.

Некоторое время человек по имени Билл недоуменно смотрел на меня. Потом, скривив в насмешке губы, сказал: — Тебе всадили две пули в грудь, а не в голову, Джек! Так что брось придуриваться! А на вопрос: кто ты? — отвечу. Ты бандит и убийца, без чести и совести! Двое твоих дружков уже жарятся на сковородках в аду, а через две недели вы втроем к ним присоединитесь. А потом придет время братьев Уэйн! Ты думаешь, рейнджеры оказались в городе случайно? Как бы, не так! Это была засада! Когда твою голову оценили в три тысячи, тут же нашелся ублюдок, охочий до легких денег. Но Бог все видит, и кара настигла иуду. Вместо денег предатель получил пулю. Ты, наверно, хочешь знать, кто он? Это Мидлтон. Да тот самый банковский клерк. Он сначала продал вам своего хозяина и благодетеля, а потом решил, что выгоднее продать вас. Нам после этого осталось только организовать засаду! Видишь, как все просто! Теперь, когда за голову каждого из Уэйнов дают по четыре с половиной тысячи долларов, я жду появления нового иуды. Знаешь Джек, за полтора года шерифом я понял, поймать таких, как ты, можно только случайно. За вами не угонишься! То вы грабите банк в Тоскане, а уже через две недели останавливаете почтовый дилижанс по дороге в Колумбус. Я правильно говорю, Джек? Ну что ты молчишь?

Я слушал этого человека и одновременно пытался понять смысл происходящего, но в голову ничего не приходило кроме дурацкой мысли, что нахожусь под действием наркотика, давшего такой своеобразный эффект. Но если принять эту мысль за основу, то, как же боль, терзающая тело или свежий ветерок, дующий из-за занавески, донося аромат луговых трав и цветов. К чему можно отнести звуки, доносящиеся снаружи: ржанье лошадей, цокот копыт о твердую землю, скрип деревянных колес и громы ханье тяжелого фургона. Чем я больше вслушивался в свои ощущения, пытаюсь уловить в них фальшь, тем больше приходил к мысли: если это бред или галлюцинация, то, что тогда реальность?

— ... твои дружки — висельники, оставшиеся в живых, Джесси Бойд и Роберт Форд...

Боль и сбитый с толку разум объединились против меня, терзая с удвоенной силой. Мне был нужен ответ. Сейчас. В эту секунду. Облизав сухие губы, я резко перебил шерифа: — Билл, кажется, я спросил тебя: где я? Где я?!

Шериф, замолкнув на полуслове, некоторое время пристально вглядывался в меня: — Откуда у тебя этот странный акцент, Джек? Мне говорили, что ты стопроцентный

американец.

— Я... в Америке? Слушай, шериф, мать твою, ты говори, но не заговаривайся! Еще раз спрашиваю: где я?! — от полного непонимания ситуации, а также от чувства, что меня зачем-то выставляют идиотом, сначала прорезалась злость, а вслед за ней и голос.

Шериф вместо ответа, стал переминаться с ноги на ногу, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

— Э-э... Я... сейчас дока позову.

— Не надо его звать. Просто ответь.

— Америка. Техас. Ты меня начинаешь злить, Джек! Может тебе еще и год сказать?

— Скажи!

— 1869 год.

Он не врал! Мой мозг, несмотря на мое состояние, просканировал мимику, жесты, поведение этого человека и выдал результат: не врет. В нем была злость, раздражение, доля неуверенности, но не было лжи. Я ее не чувствовал, но просто так взять и поверить его словам не мог. Глаза заскользили по помещению, пытаюсь найти хоть что-то, что могло бы указать на розыгрыш. Грубо беленый потолок. Занавеска, колеблющаяся ветерком. Плотная шерсть одеяла под пальцами. И еще этот мужик, стоящий перед моей кроватью, в одежде шерифа времен Дикого Запада. От него несло табаком и лошадьёю. Запахи и звуки... Все было против меня. Это была цельная картина чужого времени, без малейшего изъяна. Может быть оно и так, но оказаться на сто сорок лет назад...

"Раз и...! Нет, этого не может быть! Просто не может быть, — я был в растерянности, что со мной бывало крайне редко. — А если попробовать сбить его с толку? Он сейчас уверен в себе и не ожидает подвоха. Хуже не будет".

— Актер из тебя никудышный, парень. Играешь с чувством, но достоверности — ноль! — при этом я постарался скривить губы в усмешке. — Консультант ваш где? Придется ему лекцию по истории Америки прочитать! А камеру где прячете?

После моих слов с шерифом чуть не случился удар. Глаза округлились, челюсть отвисла.

— Ты, что Джек, совсем того? Или бредишь?

"Или он великолепный актер, или я...попал в прошлое. Прыжок во времени. Но как такое может быть? Стоп! Он говорил, что я... Как я сразу не догадался!".

Затаив дыхание, медленно и осторожно я поднял правую руку на уровень глаз. И тут же уронил обратно.

"Этого... не может быть! И все же... Рука не моя, а разум мой. И память моя. Это что же... душа переместилась? Как же так?".

Хотя я продолжал пребывать в шоке от случившегося, но, будучи профессионалом, чья работа была заключена в жесткие рамки логики и фактов и не было места эмоциям, мой мозг уже включился в привычную работу, начав обрабатывать и анализировать окружающий мир, словно я находился на враждебной территории. Теперь, когда шериф из киношного героя превратился в реального человека, представителя местной власти, он стал представлять для меня интерес, являясь источником информации. И как к любому информатору, к нему нужно было найти подход.

"Доктор сказал, что он орет будто солдат в атаку...Значит, солдат".

— Билл, ты воевал?

— В третьей кавалерийской дивизии генерала Кастерса, — он произнес эти слова с явным чувством гордости. — Прошел войну от начала до конца, закончив сержантом.

Сказав это, он почти рефлексивно стал по стойке "смирно". Выпрямился, плечи подал назад.

"Вот уж истинный солдат! Уже готов в бой, только приказ отдай! Интересно, генерал Кастерс это южанин или северянин? Впрочем, мне какая разница".

— А кто сейчас президент?

— Генерал Грант. Улисс Грант.

"Пятидесятидолларовая бумажка. Хоть один знакомый".

— Что это за город?

— Данвилль, — он отвечал на мои вопросы, не думая, автоматически, а сам тем временем внимательно вглядывался в мое лицо, пытаюсь понять, говорю правду или у меня действительно что-то с головой, но, так и не придя к какому-либо решению, он решил закончить разговор, ответив на мой очередной вопрос следующими словами: — Джек, как ты не крути, а все одно тебе плясать на пару с конопляной тетушкой!

Затем резко развернулся, отдернул занавеску и вышел.

"С конопляной тетушкой? А... понял. Это, он виселицу имел в виду".

Через неделю шериф пришел снова, но уже в компании из двух человек. Оба относились явно к разряду власть имущих. Одеты строго. Сюртуки и жилеты темных тонов. Белые рубашки. Высокие стоячие воротнички. Шляпы — котелки. Об их состоятельности говорили массивные золотые цепи, свисающие из жилетных карманов. Правда, у мужчины, стоящего позади всех, было еще два украшения, помимо золотой цепи. Кольцо — печатка на мизинце, которое он постоянно крутил, явно нервничая и начавший уже сходить здоровенный синяк на левой стороне лица. Один из незнакомцев, шедший первым, имел круглую физиономию, обрамленную пышными бакенбардами, плавно переходящими в такие же пышные и густые усы. Остановившись перед кроватью, он стал рассматривать меня оценивающим взглядом торговца, пытающегося понять, получит он с этого товара какой-либо навар или нет. За эту неделю, пообщавшись с местным народом, я пришел к выводу, что все они люди простые и незатейливые, не умеющие столь искусно прятать свои чувства, как последующие поколения. Нет, они не выпячивали их наружу, старались их скрывать, но делали это, на мой взгляд, несколько наивно.

"А важности то в нем сколько! Местный мэр? Скорее всего. Судя по взгляду, пришел с каким-то предложением. А вот второй... для меня загадка. Гладкий и прилизанный. Может секретарь мэра? Но кто же его так отделал? И врезали, похоже, от души".

Мы рассматривали друг друга до тех пор, пока шериф Билл, этот непосредственный парень, не ткнул пальцем в синяк "секретаря": — Льюис, ты это тоже не помнишь?!

Ведь это твой приклад оставил эту отметину!

"Прилизанный" бросив возмущенный взгляд на шерифа, сделал шаг в сторону, подальше от представителя закона и поближе к своему боссу. Но шерифу, похоже, было плевать на светские условности: — Ну, что ты теперь скажешь, висельник?!

"Так это я ему приложил! Теперь бы знать, за что?".

— Слушай, Билл, этого человека я вижу впервые в жизни. Что я должен вспоминать?

— Ну, ты и сукин сын, Джек Льюис! — шериф задохнулся от возмущения, лицо побагровело, пальцы сжались в кулаки. — Ты же, сволочь, его банк грабил! А теперь...!

Тут не выдержал банкир. Нервы у него, похоже, были уже на взводе, поэтому он сразу перешел на крик: — Сволочь!! Ты смеешь утверждать, что никогда не видел меня?! Это не

поможет тебе избежать петли, Льюис! Ты за все заплатишь, грязный бандит!!

— Успокойтесь, уважаемый Барристер, — теперь слово взял большой босс. — То, что он все отрицает, не принесет ему никакой пользы. Он взят с оружием в руках на месте преступления. К тому же он обвиняется в ограблениях и убийствах в составе банды, на территории двух штатов. Не так ли, шериф?

В голосе этого человека звучало упоение властью. Было видно, что он относится к типу людей, которым дай власть, и они начинают считать себя вершителями человеческих судеб, а каждое свое слово — откровением. Но, похоже, даже в этом городишке с населением в сто пятьдесят человек он не смог завоевать себе должного уважения, судя по хитрой усмешке шерифа, промелькнувшей после слов большого босса, а уж этого я бы точно большим умником не назвал.

— Все верно, Клайд.

— Шериф, я тебе сколько раз говорил, что когда я при исполнении...

— Хорошо, хорошо, господин мэр, как скажете, — по лицу Билла скользнула новая ухмылка. — По официальным данным за бандой братьев Уэйн числятся ограбления пяти банков, четырех поездов и шести дилижансов, не считая разбоев на дорогах и налетов на фермы и ранчо. На банде также висит двенадцать трупов. Пятеро из них были представителями властей и служащими компаний. Шериф, помощника шерифа, агент железнодорожной компании и два охранника из "Уэллс Фарго". Эти убийцы заслужили не одну, а по две виселицы каждый!

Слова шерифа всколыхнули, в который раз, мысли о смерти, которые я старался держать в узде, что не всегда получалось. Вот и сейчас они вылезли наружу, простые и страшные, как сама смерть. Меня загнали в угол там, а предстоит умереть мне здесь. В чем же тогда смысл этого переноса? Или Господь Бог посчитал, что я еще не полностью рассчитался за грехи своей прежней жизни? Меня уже не занимала проблема переноса сюда, как первую пару дней, теперь я каждую минуту посвящал поиску способа или возможности избежать виселицы, пока, наконец, не пришел к печальному выводу, что если мне кто-либо не поможет, моя жизнь закончится на помосте. Если, конечно, моя душа в момент смерти не решит еще в кого-нибудь переместиться. Я уже собрал достаточное количество общей информации, чтобы понять: шансов на побег нет. Ни одного. Ближайший город находится в шестидесяти милях отсюда. Именно в нем расквартирован взвод рейнджеров, с помощью которых была устроена засада на Джека Льюиса, а помимо него, на ближайшие пятьсот миль вокруг раскинулась равнина с редкими человеческими поселениями — фермерские поселки и ранчо. Не имея ни знакомых, ни оружия, не зная местной географии, а также мест, где можно укрыться, я был наподобие слепого в стране зрячих. В довершение ко всему я был посредственным наездником.

Неожиданно надо мной нависло злое лицо шерифа: — Ты, что спишь с открытыми глазами, Льюис?! Если нет, то отвечай, когда с тобой разговаривают! Или ты, крыса кладбищенская, считаешь себя...!

— Успокойся, шериф! Мы пришли сюда не для угроз, ведь верно? У нас есть для этого человека предложение. Деловое предложение. Тебе интересно выслушать его, Льюис? — голос мэра на последней фразе изменился, из властного стал вкрадчивым.

— Да.

Тень надежды коснулась моей души.

— Через неделю, Льюис, тебя переводят в офис шерифа, к твоим друзьям. Там вы,

обсудив все, что с вами произошло, начнете искать возможность побега. Это естественно для людей, приговоренных к виселице. Ведь никому не хочется умирать. Хотя бы взять тебя, Джек. Ты же хочешь жить, не правда ли? — он сделал паузу в ожидании моей реакции на свои слова, а когда понял, что я не собираюсь реагировать на них ни словом, ни мимикой, по его лицу проскочила досада. — Ты же знаешь, как говорят ковбои, Джек: жизнь подобна укрощению лошадей, где тебя часто выбрасывает из седла. Так и тебя, Джек, выбросило. И ты соврешь, если скажешь, что опять не хочешь вскочить в седло!

— Клайд, что ты распинаешься перед этим висельником! Нам что тут стоять до вечера?!

— Ты как был Билл тупым служакой, так им и остался! Человек должен осознать, что у него нет выбора! — теперь, похоже, начал заводиться мэр. — А для этого его надо подвести к мысли...! Тьфу! Перед кем я распинаюсь! Ты же не способен...!

Мэр замолк, изобразив на лице трагедию великого мыслителя, чьи мысли опять оказались не поняты мелкими и тупыми людишками, после чего, приняв снова важный вид, продолжил: — Хорошо! Я буду краток! Джек, мне нужны братья Уэйн. Поэтому мы хотим предложить тебе такой план. Один из этих двоих бандитов, сидящих сейчас в тюрьме, бежит. Находит братьев и приводит их на выручку тебе. Здесь их ждет встреча с рейнджерами, после чего ваши пути расходятся. Ты на свободу, они со своей шайкой — на виселицу.

Для тебя будет только одно условие — убраться из штата как можно быстрее. Так как тебе наше предложение?

"Ну, ты и сволочь, Клайд. Впрочем, мне, что за дело. Предложение поступило. Принимать его или нет? Они, похоже, не верят, что Джек потерял память. Думают, что он знает, где логово банды. А те двое, Форд и еще один, значит, на предательство не пошли. Или не знают где тайное убежище? Как бы то ни было, в любом случае, надо соглашаться. Хуже уж точно не будет, чем есть".

Некоторое время я хмурился, изображал угрызения совести, а затем зло буркнул: — Хорошо. Согласен.

Мэр, при моих словах, засиял, словно новенький пятак на солнце, очевидно, этот "гениальный" план был его детищем. Затем бросил торжествующие взгляды на свою свиту, сначала на шерифа, а потом на банкира. Шериф в ответ нахмурился, а банкир выдавил из себя довольно кислую улыбку, но, судя по довольному лицу мэра, ему было наплевать на их чувства. Затем мэр, посчитав свою миссию выполненной, коротко кивнув мне на прощание, развернулся и важно, с чувством собственного превосходства, вышел. За ним исчез за занавеской банкир. Шериф задержался, очевидно, что-то хотел сказать мне, но в последнюю секунду передумал, обдав меня презрительным взглядом, резко развернулся и вышел вслед за ними.

"Чем черт не шутит, вдруг кто-то из бандитов знает, как найти этих братьев Уэйн. А тогда... у меня появиться шанс".

То, что в ловушку могут попасть люди, пришедшие меня спасать, меня не волновало. К банде я не имел никакого отношения, поэтому факт предательства, как таковой, отсутствовал. Просто представился шанс спасти свою жизнь. Вот и все. Как будут говорить потом, в двадцать первом веке: "ничего личного".

Схватив винчестер, помощник шерифа пинком ноги распахнул дверь и выскочил на улицу. Чернильная темнота ночи поглотила его с головой. Где-то рядом послышался цокот копыт: проскакал всадник. Вокруг гремели выстрелы и кричали люди. На секунду Бартон замер, пытаясь понять, насколько все плохо. Злость, растерянность, страх рвали его на части. Но грохот взрыва, прогремевший в центре города, заставил его сорваться с места и броситься по направлению к офису шерифа. Он уже подбегал, как где-то рядом, за домами противоположной стороны улицы, истошно закричала женщина. Бартон замер, развернулся на ее крик, пытаясь понять, что ему делать, бежать на крик или... Как вдруг из темноты раздался голос: — Готов умереть, законник?!

— Дьявол! — проревел в ответ Бартон и выстрелил на голос.

И тут же увидел ответную вспышку. В следующую секунду что-то раскаленное вонзилось в тело Клайда Бартона, взорвавшись у него в груди. Помощник шерифа попытался выстрелить еще раз, но тело больше не слушалось его. Рот был полон сладковатой на вкус крови.

"Я умираю".

Винчестер выпал из его рук. Не успело оружие упасть на землю, как грянул новый выстрел. Удар в живот пошатнул его, в попытке удержаться на ногах, он сделал заплетающийся шаг вперед, но не смог удержаться на ногах. Искорка жизни уже затухала, и он уже не почувствовал боли, когда с силой ударился о твердую землю лицом.

* * *

1869 год. Около четырех лет тому назад закончилась Гражданская война между Севером и Югом. Год с лишним, в штате Юта, рельсы соединили Восточное и Западное побережье Америки, образовав первую трансконтинентальную магистраль. Америка того времени представляла собой союз тридцати шести штатов, во главе которых стоял восемнадцатый по счету президент, генерал, герой войны за независимость, Улисс Грант. В прериях бегали тысячные стада бизонов, а индейцы то воевали с регулярной армией, то снимали скальпы с белых поселенцев, пытаясь подобным образом отстаивать свои права на свободу и независимость. Еще дальше за океаном находилась Россия с батюшкой — царем и двухглавым орлом, а рядом с ней раскинулась Европа с королями, кайзерами и прочими самодержцами. Все было правильно и логично в этом мире, идущего, как и положено, из прошлого в будущее, за исключением меня, человека, пришедшего из будущего в прошлое. Евгений Турмин и Джек Льюис. Каким-то образом наши личности оказались связаны. Я даже подозревал, что связующую роль здесь сыграла татуировка. Правда, мои подозрения были основаны только на моих личных ощущениях и догадках. Также я подозревал, если копнуть глубже, то возможно, наше сходство, опирается не только на тату и внешней схожести наших занятий, а имеет некую внутреннюю духовную близость. До этого я не думал о Льюисе, как о личности, а как о последнем сукином сыне, из-за которого я оказался в смертельной западне. Теперь, когда обстоятельства несколько изменились, и у меня появился шанс, мне хотелось узнать об этом бандите как можно больше, чтобы не попасть

впросак при разговоре с моими коллегами по разбою и налетам. Для сбора информации, в основном, я использовал своих охранников, набранных из местных добровольцев и стороживших меня круглые сутки. Я использовал их скуку, особенно в ночное время, предлагая им себя в качестве благодарного слушателя. И они охотно, не скупясь, делились со мной всем тем, что знали о банде и ее членах.

Оказалось, что братья Уэйн, Майкл и Барт познакомились с Джеком Льюисом на Гражданской войне, воюя на стороне южан. Всю войну они прошли плечом к плечу от начала до конца, под командованием генерала Генри Ли, вплоть до того дня, когда была подписана безоговорочная капитуляция. Если кто-то решил, что дело южан проиграно и сложил оружие, то только не они! Горячие сердца, ущемленное самолюбие и жажда реванша толкнула их на продолжение борьбы, правда в несколько иной форме. Они вступили в Ку-клукс-клан, в то время только начинавший формироваться как движение. Но спустя время они выходят из организации, создав свой отряд под названием "Белый Орел", постепенно выродившийся в обычную банду. Их первой пробой сил был налет на почтовый дилижанс, затем последовало ограбление поезда. После чего они вошли во вкус. Банки, поезда, сборщики налогов, богатые ранчо. Вместе с их успехами росла численность банды. До этой ловушки, в которую угодили пять человек, в том числе и Джек Льюис, считалось, что в банде порядка двенадцати — пятнадцати человек. Судя по тому, что ей удавалось действовать на протяжении двух лет, банда была хорошо организована и мобильна, к тому же она действовала на громадной территории двух штатов, Техаса и Арканзаса. За два года своей деятельности банда так достала власти штатов, что те, чуть ли не каждые полгода поднимали суммы вознаграждений за головы бандитов. Но благодаря тому, что банда не трогала фермеров и мелких ранчеров, к тому же частенько потрошила сборщиков налогов, столь нелюбимых в народе, она сумела приобрести статус "народных героев" и до последнего дня предателей не находилось. Естественно, что уходить от наказания им помогал не столько образ героев, сколько страх населения перед ними. Ведь бандиты, они и есть бандиты, скорые на расправу, особенно для предателей, но как бы то ни было, их "подвиги" постоянно были на слуху у народа, о них много говорили, о них писали в газетах. Особенно журналисты выделяли братьев Уэйн и Льюиса, посвящая им целые статьи, поэтому ничего удивительного не было, что люди знали об этих бандитах ненамного меньше, чем о своих соседях. Правда, подобные сведения частенько ничего не имели под собой, кроме ничем ни сдерживаемой человеческой фантазии. Ранняя биография Джека Льюиса, как раз относилась к подобному случаю. По крайней мере, только за одну неделю я услышал два разных варианта его биографии. Проанализировав, решил, что более или менее достоверная информация относиться только к последним пяти годам его жизни. А вот давно ходивший слух о татуировке в виде головы орла у каждого члена банды, после провала ограбления банка, подтвердился, чем несказанно порадовал "почитателей" банды. Все мои охранники, как один, были сильно расстроены, узнав о моей утрате памяти, так им хотелось узнать волнующие кровь подробности "подвигов" банды братьев Уэйн из уст самого Джека Льюиса. Особенно их интересовал бандит по кличке "Апач" Томсон, который, как мне рассказывали, является личным палачом братьев Уэйн, пытая и убивая людей по их одному лишь слову.

— Вот его бы пристрелили сразу, не раздумывая, как бешеного пса, попади он в руки преследователей, — так закончил о нем свой рассказ мой охранник Стив Мэгон. — Такая мразь, в человеческом образе, не должна жить на божьем свете.

— А как насчет меня? — тут же поинтересовался я.

Как оказалось, о Льюисе ходила слава человека, никогда не стреляющего в спину врагу. Уже этим он выделялся в лучшую сторону от остальных бандитов, а потому заслуживал справедливого суда.

— Какая разница. Или сразу на суку вздернут, или потом повесят после оглашения официального приговора, — скептически заметил я. — Смерть, она и есть смерть.

И тут с удивлением узнал, что подобные мероприятия сами по себе являются праздником, а если с участием популярного лица, то это уже событие, чуть ли республиканского масштаба. И на суд и на повешение соберется народ, живущий в радиусе двухсот, а то и трехсот миль. Приедет семьями, с запасом продуктов. Возможно, устроят ярмарку. Увидев в моих глазах изумление, охранник, охотно пояснил: людей соберется много, так почему бы им не заработать лишний доллар, если есть такая возможность. Мне только оставалось озадаченно хлопать глазами, слыша подобные откровения. Конечно, слушать о подобном было занятно, если при этом не думать, что вешать будут тебя, к тому же я обычно старался сводить пустые разговоры к конкретным людям, поступкам и фактам, связанным с личностью Джека Льюиса.

Судя по всему, этот парень являлся не только честным бандитом, но и в своем роде новатором среди здешних профессионалов грабежа и налетов. Именно он сделал обрез основой нового способа грабить банки. Два последних ограбления банков прошли по одному и тому же сценарию, при его непосредственном участии. Днем, в наиболее жаркое время дня, когда в банке почти нет клиентов, в операционный зал заходил молодой человек в праздничном наряде мексиканца, богато обшитым серебряным галуном и наброшенным на плечи ярким пончо. Трудно увидеть в празднично одетом человеке бандита, даже наметанному глазу, особенно если тот без оружия. Служащие пребывали в спокойном расположении духа ровно до того момента, пока из-под пончо не появлялся на свет ствол дробовика, до этого висевший на особой петле под мышкой, скрытый цветастой накидкой.

Работники банка, только начинали понимать, насколько далеко зашла в своем развитии человеческая подлость, как в банк врывались остальные бандиты. Дальше следовало банальное выгребание наличности из сейфа и карманов посетителей, если те оказывались на тот момент в банке. После чего всех связывали и запирали в дальней комнате.

"Кольт, дробовик, винчестер. В книгах, и в кино, насколько помню, на первом месте стоял револьвер. Даже банки грабили с револьверами. А тут, за все время, видел только один, у шерифа, а у моих охранников — дробовики и винтовки. Ладно, это не столь важно. А пока подведем итоги. Джек Льюис, налетчик и грабитель, но не отморозок, по местным понятиям. Трупы за ним числятся, даже, по-моему, говорили, что он убил помощника шерифа и охранника почтового дилижанса. Что тут на это скажешь? Издержки профессии! Парень физически здоровый. Возраст двадцать три — двадцать пять лет. Воевал четыре года. Потом больше года где-то болтался. Ку-клукс-клан и все такое прочее. Два года в банде. Является белой вороной среди бандитов: не стреляет в спину. Так, по крайней мере, о нем говорят. Не любит черных, индейцев, мексиканцев. Судя по кулакам, — я в который уже раз оглядел мощные кулачищи, доставшиеся мне по наследству, — врежет, слабо не покажется. Похоже все. Хотя нет. Есть еще цена за его голову, впрочем, теперь уже за мою. Есть в этом определенная изюминка: не каждый человек знает, сколько он стоит, а я вот знаю. Три штуки баксов. Для этой Америки, похоже, это довольно большие деньги, если судить по словам того же Мэгона, который проработал четыре месяца ковбоем на ранчо, а получил за

свой труд только сто долларов. А тут три тысячи! Это же как надо насолить властям, чтобы те расщедрились на такие деньги!

Я изучал с таким вниманием личность Льюиса еще и потому, что это хорошо помогало отвлечься от постоянного давления на мой мозг — ожидания смерти. Ситуация у меня была типа, "хуже не придумаешь", но я к ней относился сравнительно спокойно, хотя это спокойствие было по большей части искусственным. Просто благодаря особой методике я умел отгораживаться от подобных мыслей и переживаний, к тому же в жизни я всегда старался придерживаться выражения Сенеки: "Человек жив, пока жива надежда". В свое время я случайно наткнулся на это выражение и сразу подумал, что оно в какой-то мере может представлять философскую основу моей работы. Ведь смысл моей работы бойца специальной разведки сводился также к одной фразе: "убить — чтобы выжить". Так что, та моя жизнь в чем-то была схожа с жизнью бандита Льюиса. Как он, так и я, мы постоянно ставили свою жизнь на кон, ходя по краю пропасти. Начинал я свою службу в спецназе КГБ. После того как грозный комитет приказал долго жить, батальон стал числиться за Министерством безопасности. Позже наступило время Чечни. Мне нравилось воевать, играть в прятки со смертью, чувствовать, как закипает адреналин в крови. Со временем выяснилось, что я не теряю головы в сложных ситуациях, а главное, могу анализировать — просчитывать свои и чужие ходы, то есть оказался солдатом от бога или как принято говорить армейским официальным языком: умел грамотно воевать. Мои умения были замечены, а мне предложили пройти школу спецподготовки. Потом снова была Чечня. После нескольких удачных рейдов, поручили выполнить одно деликатное задание. После его удачного завершения, только потом я понял, что это был своеобразный экзамен, меня снова отправили на учебу, после чего я стал бойцом специальной разведки. Все шло хорошо, пока в одной из командировок я не получил серьезное ранение. После трех месяцев госпиталя, наконец, получил долгожданный полноценный отпуск и кинулся в море удовольствий без оглядки. Слишком долго был лишен простых человеческих радостей, связанный по рукам и ногам спецификой своей работы. Название ресторанов и лица проституток менялись каждый день, пока судьба не свела меня с эффектной молодой женщиной, сумевшей что-то затронуть в моей душе. Праздник продолжился, но теперь для нас двоих. Любовная лихорадка, настоящая на водке, затуманив мозги, заставила забыть меня об окружающем мире, пока вдруг меня неожиданно не отозвали из отпуска. В какой-то мере я даже был рад вызову, так как мне уже не хватало адреналина в крови, да и моя влюбленность к этому моменту стала выдыхаться. Но как, оказалось, радоваться было нечему; вместо очередной командировки меня без всяких объяснений определили на новое место работы, сделав инструктором по стрельбе в одной из спецшкол. Лишив работы, они тем самым забрали у меня сам смысл жизни. Пусть он далеко не самый правильный, пусть даже сродни наркотику, как утверждают психологи, но это было то, что я знал, что умел делать, что мне по-настоящему нравилось. Попытки выяснить, почему со мною так обошлись, с большим трудом, окольными путями, но все же привели меня к одному очень высокопоставленному чиновнику, с чьей женой, как оказывалось, я крутил роман в отпуске. Хотя мне привычно решать жизненные проблемы быстро и решительно, но тут даже я спасовал, понимая, что эта ситуация не поддается тем решениям, которыми я привык руководствоваться. Весь мой жизненный и боевой опыт оказались бессильны перед этой житейской во всех отношениях ситуацией. Я злился, бесился, выбрасывал накопившуюся ярость в пьяных драках, но время шло, и я постепенно смирился с существующим положением. Правда, этому в немалой

степени способствовало чувство собственной вины. Как-никак причиной своего бедственного положения был я сам. Теперь мне нужно было понять, как жить дальше, потому что размеренная жизнь служащего, пусть даже со специфическим уклоном, меня никак не устраивала. Мысли были разные, вплоть до бегства за границу. Наемники или Французский легион, Африка или Азия, мне было все равно, лишь бы снова играть в кошки-мышки со смертью. И тут неожиданно мне поступило предложение убить человека. Даже не человека, а бандита, не поделившего игорный бизнес с другим бандитом. Человек, который мне это предложил, когда-то был моим командиром, два года назад ушедшим в отставку. Не знаю, кто кого удивил больше. То ли он меня этим неожиданным предложением, то ли я его тем, что мгновенно дал согласие, не взяв время на раздумье. Почему я этим занялся? Во-первых, мне не хватало нужной дозы адреналина в крови, во-вторых — денег, а вот третье, даже не знаю, как назвать. Что-то вроде Божьей Кары. Просто я всегда считал, что негодяев нужно наказывать. Конечно, глупо подменять собой божье провидение, но человек такое существо, что ему в голову втемяшится, то он и будет делать. Так и со мной. Количество заказов постепенно росло, что говорило о моем рейтинге, а значит, о качестве исполнения. Правда, работа была не чета прежней, но как говорить, на безрыбье и рак — рыба. Все шло хорошо, вплоть до последнего заказа. Где и когда была допущена ошибка, я не знаю и вряд ли когда-нибудь узнаю, но в итоге оказался в ловушке, приведшей к моей смерти. Меня убили там, чтобы повесить здесь. Какой-то парадокс! Время от времени я пытался найти реальную подоплеку тому, что забросило меня в прошлое, но вопросы так и остались вопросами. Не хватало специфических знаний, так как всю свою сознательную жизнь я специализировался по отделению души от тела, а вот насчет ее переноса... это уже другая специфика.

На второй день, после того как я начал вставать на ноги без посторонней помощи, мне принесли одежду. Обноски с чужого плеча. Стоптанные ботинки, брюки с подтяжками, рубаху. Не раз стираная, мятая, к тому же шитая на чье-то весьма объемистое брюхо. Развернув ее, скривился, а помощник шерифа, стоявший рядом, тут же выдал шедевр местного юмора: — Чего кривишься? В ней и в "пеньковом галстуке" ты будешь очень даже хорошо смотреться!

Его поддержал смехом, стоявший рядом охранник с дробовиком в руках. Кривясь от боли, я медленно, с трудом оделся и как только вбил ноги в грубые ботинки, охранник в ту же секунду откинул занавеску, разрешая мне, первый раз за все время, покинуть мою "камеру". При первом же шаге боль сдавила грудь, но я даже не обратил на нее внимания, все мои мысли и чувства были устремлены к тому, что находилось за дверным проемом. Какая-то часть меня вопреки всему, все же надеялась, что все происходящее окажется гигантским розыгрышем. Все эти поднятые из глубин сознания сомнения и колебания породили в душе нерешительность, обычно мне не свойственную, поэтому я остановился в шаге от порога, в луче солнечного света, падающего из полуоткрытой двери. Волнение, любопытство, страх — смесь подобных чувств, наверно, испытывает любой первооткрыватель при открытии чего-то нового, вот и я, с клубком нечто подобного в груди, толкнул дверь и переступил порог больницы. Какую то секунду впитывал в себя картину, открывшуюся моим глазам, затем коленки дрогнули, по телу пробежала дрожь, в глазах потемнело. Если бы не доктор Митчелл, шедший сзади, и сумевший в последнюю секунду поддержать меня, я бы просто рухнул на землю. Подхватив меня под мышки, он помог мне

прислониться к стене больницы. Не знаю, что вызвало подобную физическую реакцию организма, но уже несколько минут спустя я почувствовал себя намного лучше и осторожно, боясь повторения слабости, открыл глаза. Яркие и жгучие лучи августовского солнца с непривычки вызвали резь в глазах. Смахнув набежавшую слезу, я вдруг почувствовал кожей тепло солнца, ощутил спиной неровность и шероховатость бревен, услышал пение какой-то птицы, кружащей высоко в небе. Медленно обвел взглядом двойной ряд обветренных, украшенных декоративными фасадами каменных и бревенчатых домов, большая часть которых никогда не знала краски, коновязи с верховыми лошадьми, пыльную утоптанную дорогу между ними, уходящую в даль по обе стороны городка и только потом перевел взгляд на толпу людей, собравшихся на противоположной стороне улицы.

"Это не только другое время... это другой мир. Чужой мир".

Неожиданно в мозг острой иглой вошло осознание полного одиночества. Чужак! Только теперь до меня дошло горькое и острое чувство, заложенное в этом слове, а чувство беспомощности, неспособность повлиять на ситуацию, еще более усугубило это ощущение.

Не сразу, но я сумел взять себя в руки. И чтобы отвлечься, стал рассматривать толпу, правда с меньшим энтузиазмом и любопытством, чем они меня.

Отдельной группкой стояли четверо мужчин и три женщины. Мужчины, в числе которых были мэр с банкиром, несмотря на жару, были одеты в костюмы — тройки, белые сорочки и шляпы. Женщины были одеты в длинные приталенные платья, на головах у них были надеты смешные шляпки, а в руках они держали зонтики. Их яркие наряды, все в ленточках и бантиках, смотрелись необычно, но все равно привлекательно. В двух шагах от местной элиты стояли два человека в серых фартуках и с засученными рукавами рубашек у входа в местный магазин. Над головами тружеников прилавка золотом горела вывеска "Универсальный магазин Браннера". Рядом с магазином возвышалось двухэтажное здание с вывеской попроще, черные буквы на белом фоне, "Отель". На его веранде, а также на широкой лестнице собралась основная часть любопытствующих. Ковбои, фермеры, лавочники, мелкие служащие. Часть из них стояли, облокотившись на перила, другие сидели на ступенях или просто стояли, в одиночку и группками. В основном все они были одеты в сапоги, жилеты и шляпы различных фасонов. Среди мужчин затесалось несколько женщин, одетых просто и скромно. Две из них держали в руках, накрытые кусками материи, корзинки. А в десятке метров, на самом солнцепеке, держась особняком, стояла группка из трех негров, в одежде сродни моей. Впрочем, мой наряд был круче. У меня были на ногах ботинки, а у них — нет. Но чего-то во всей этой картине не хватало. И только уловив краем глаза, блик на стволе винтовки охранника, понял, что почти ни у кого из них не было оружия, разве что у парочки ковбоев. Удовлетворив свое любопытство, я прислушался к гомону толпы, которая, ничуть не смущаясь моим присутствием, с большим оживлением, неумеренно жестикулируя, обсуждала меня во весь голос, при этом сыпля во все стороны незамысловатыми шутками и громким смехом. Но не прошло и пары минут, как вдруг головы зрителей, присутствующих на шоу "Известный бандит Запада Джек Льюис" одновременно повернулись влево. Я тут же оторвался от стены больницы и последовал их примеру. И увидел, как на улицу из-за угла выехал экипаж в сопровождении двух всадников, вооруженных винтовками. При их виде сердце заколотилось само собой, а на лбу и над верхней губой выступил пот. Экипаж с конвоем мне живо напомнил, разомлевшему на солнышке, что приговора никто не отменял, а удастся ли ловушка мэра — это вилами по воде писано.

Клубы пыли, поднятые колесами, еще не начали оседать, как на мое плечо опустилась рука. Повернул голову. Охранник, кивнув головой, дал понять, чтобы я шел к экипажу. Усевшись на обитое кожей сиденье, я разрешил себе немного порезвиться. Чуть привстав, я приветственно помахал рукой подступившей к коляске толпе, чем вызвал взрыв криков и свиста в народе. На месте кучера сидел другой помощник шерифа, с ярко начищенной звездой на рубаше. По обеим сторонам открытой коляски сидели на конях добровольцы из ковбоев в лихо сбитых на затылок шляпах, картинно уперев приклады винтовок в бедра. Сопровождавший меня охранник, сел рядом со мной. Помощник дернул поводьями, и мы отправились в путь. Пару раз мимо нас проносились всадники, оставляя за собой шлейфы пыли, медленно протащился фургон, но все, будь на коне или, идя пешком, останавливались, чтобы проводить взглядом мою бледную физиономию. Если первые минуты мне были интересны проявления чувств местных жителей, то уже сейчас их надоедливое любопытство стало надоедать, что нельзя было сказать о моем сопровождении, помощнике шерифа и охранниках. Они просто млели от всеобщего внимания, при этом пыжась и принимая героические позы, чем походили на детей, пытающихся подражать взрослым людям. Путь к офису оказался намного короче, чем я ожидал. Пять минут езды — и мы остановились перед очередным зданием барачного типа, правда, на этот раз каменным, с решетками на окнах.

— Теперь Джек, ты здесь будешь болеть, пока петля тебя окончательно не вылечит!

Дружный смех охранников подтвердил, что шутка удалась. Стараясь не растревожить раны, я осторожно сошел на землю. Оглянулся по сторонам и замер. В ста метрах, где заканчивались последние дома, начинался простор. Ничем не ограниченное пространство до самого горизонта, где небо сливается с землей, полное свежего ветра и нежных ароматов луговых трав, я воспринял как зверь, заключенный в клетку. Даль завораживала, манила к себе, обещая свободу. Мое состояние тут же оказалось поводом для шутки одного из охранников: — Смотрите, Джек Льюис уже себе путь для бегства намечает!

Новый взрыв хохота, после которого охранник — шутник, грубо развернул меня к двери. Меня уже ждали. На пороге стоял шериф, а из-за его спины выглядывал его очередной помощник.

Переступив порог офиса, я сразу попал в царство полумрака. Солнечный свет с трудом проникал сквозь грязные стекла обоих окон, явно не мытых со дня постройки этого заведения. Меня подвели к письменному столу, рабочему месту шерифа. Охранник с винтовкой, стал за спиной. Сам шериф сел в кресло и стал медленно и осторожно заполнять графы в пухлой, большой тетради, смахивающей на конторскую книгу. Было видно, что эта работа была для него менее привычна, чем скакать на лошади или стрелять из револьвера. Один из помощников шерифа сел на стул, стоящий рядом со столом и тут же принялся раскуривать сигару, второй законник уселся боком на край стола, поставив карабин у ноги, после чего уставился на меня немигающим взглядом. Я не стал меряться с ним взглядом, а вместо этого принялся неторопливо осматриваться. Прямо за спиной шерифа я увидел деревянный топчан — кровать с матрасом и наброшенным на него тонким одеялом. Ближе к двери ряд деревянных колышков, вбитых в стену, изображал вешалку, хотя использовалась она явно не по назначению. На двух из них висела конская сбруя. В углу стоял металлический ящик, типа сейфа, с нелепыми украшениями по углам, а также стеллаж для хранения винтовок, куда двое добровольцев, сопровождавших меня, только что поставили свои карабины. Примерно треть просторного помещения была отделена от общего пространства частыми толстыми прутьями. За ними я увидел двух людей, подошедших к

решетке, при моем появлении. Как только новизна ощущений пошла на спад, я ощутил и увидел все то, что ускользнуло от меня в первый раз. Потолок в серо-желтых разводах, грязный, заплеванный пол, вонь немытых тел, грязных лохмотьев и блевотины, очевидно, вьевшаяся намертво в пол и стены этого "дворца правосудия". Больше смотреть здесь было нечего. Взгляд вернулся к шерифу. Массивный стол, за которым тот сидел, с резными ножками и некогда полированной поверхностью, был завален различным барахлом. Вместе с пачкой бумаги различного формата и чернильницей лежал массивный ключ, затем еще связка из трех ключей меньшего размера, две коробки с патронами, винчестер. Завершали этот натюрморт несколько тоненьких стопок плакатов с физиономиями разыскиваемых преступников, поверх которых лежал хлыст. С видимым облегчением на лице шериф хлопнул книгу записей, затем поднялся, взял со стола большой ключ, обойдя стол, подошел к металлической двери. Щелкнул замок, дверь, проскрежежетав, распахнулась. Охранник, тем временем, подвел меня к ней, после чего легким толчком в спину отправил меня в камеру. Сделав по инерции два шага, я остановился, скривился от боли.

— Что сил девать некуда, морда толстая?! — один из бандитов, здоровенный бугай, тут же выступил на мою защиту. — Человек еле дышит, а вы его в спину пихаете.

— А ему здоровья много не надо, только до виселицы дойти! — снова проявил свое чувство юмора помощник шерифа, который меня сюда привез.

— Встреться ты мне пораньше, я бы твои слова живо пулей в пасть обратно затолкал! — зло бросил хмурый здоровяк.

— Ты что, Форд, не знаешь эту крысу со звездой по имени Клайд Бартон?! В твоём присутствии он бы посмел раскрыть рот только в одном случае! — тут же встрял второй бандит, не дав охранникам открыть рта.

— В каком, Джесси?!

— Увидев тебя, он сначала затрясся бы от страха, а потом униженно попросил тебя выпить за его счет! Ха-ха! — выдав местный образчик юмора, бандит — балагур зашелся от смеха. — Ха-ха!

— Ха-ха-ха! — ему во все горло вторил здоровяк.

Парни так тряслись от хохота, что были вынуждены отпустить меня, и я, наконец, смог развернуться. Картина была еще та! Перекошенная от гнева физиономия Бартона, злые морды охранников, только шериф, закрывший камеру, стоял с невозмутимым лицом. Но, похоже, помощник шерифа был не из тех людей, которые останавливаются на половине пути. Держа в руках винчестер, он решительно шагнул к прутьям решетки. Судя по бешеному взгляду, похоже, Бартон был готов действовать, к тому же рядом с ним, плечом к плечу, встали охранники — добровольцы, вместе с другим помощником шерифа.

"Что это с ними?! На солнце что ли перегрелись?! — не успела эта мысль сформироваться у меня в мозгу, как тут же получил на нее ответ бандита — остряка: — Мы их тут с утра до вечера подначиваем, вот они на стенку и лезут!

Неожиданно клацнул затвор, загоняя патрон в ствол. Клайд Бартон был, похоже, готов, сам вершить правосудие, не дожидаясь суда, зато остальных этот звук охладил. Нахмуренные лица людей разгладились, злоба в глазах потухла. Шериф, стоявший сбоку и внимательно наблюдавший за происходящим, неожиданно сделал шаг вперед и стал перед Бартоном.

— Назад! — его голос прозвучал резко, зло и требовательно. — Ты что, телок безмозглый, что бы идти на поводу у бандитов?! Убери винтовку! Ублюдки свое получают, я тебе говорю!

Когда дверь за добровольцами и Бартоном закрылась на засов, шериф уселся на свое законное место, после чего закинул ноги на стол и надвинул на глаза шляпу. Его второй помощник некоторое время стоял у окна, потом сел на стул и уставился своим неподвижным взглядом в пространство.

— Жаль, что эти грязные ублюдки не решились ворваться к нам, — сказал бандит, чуть не спровоцировавший самосуд, после того, как мы сели на лавку.

Молодой, не больше двадцати лет, с холодными глазами и жестким выражением лица, на котором алел шрам от ножа, Джесси Бойд являл собой, по моему разумению, истинный образчик бандита Дикого Запада.

— Почему, Джесси? — спросил здоровяк, глядя на своего приятеля по-детски наивно.

Верзила, похоже, был туговат на голову. Природа, отказав ему в мозгах, взамен дала излишек силы. Парень прямо бугрился мышцами.

— Потому что пуля лучше петли! — сказал, как отрезал Бойд.

— А по мне...

— Я уже знаю, что ты хочешь сказать, Форд! У тебя на лице все написано! — отвернувшись от приятеля, Бойд развернулся ко мне. — Ты как, Джек?

— Нормально, Джесси. Только голова...

— Слышали. Ладно, ты лежи Джек, а то чего-то совсем бледный лицом стал. После поговорим.

Устроившись на самом конце лавки, бандиты освободили мне место, чтобы лечь. Немного поерзав, наконец, я нашел на жестких досках наиболее удобное положение для тела, после чего закрыл глаза. Мне надо было разобраться и сделать выводы, из того, что я сегодня увидел. Во-первых, подтвердились мои самые первые наблюдения. Люди здесь просты, открыты и доверчивы. В этом не было ничего удивительного, ведь их личная жизнь, практически выставлена на показ. Да и куда и ее спрячешь в городке на три десятка домишек с несколькими магазинами в центре городка и двумя салунами, на въезде и выезде. Во-вторых, их законы — это их жизнь. Как мне сказал один из моих охранников, по жизни — ковбой, здесь, на Западе, есть три преступления, за которые кара только одна — смерть. Убийство человека (если это была не самозащита, и при свидетелях), изнасилование женщины, конокрадство. Эти законы явно соответствовали библейскому варианту: не убей, не возжелай жену ближнего своего, не укради. Просты и доступны. Так же как и кара для отступников от этих законов — петля и пуля. Судьба человека здесь решалась быстро. Как сказал тот же разговорчивый ковбой, здесь иной раз больше времени затрачивалось на выбор и покупку оружия или стадо скота, чем на разбирательство вины человека.

"Судя по всему, это край, где люди живут, полагаясь только на себя и на бога, — сделав подобный вывод, я разрешил себе расслабиться и просто лежать. Некоторое время перебирал в памяти картинки сегодняшнего дня. Перед глазами проплывали лица, жесты, слова. Между ними всплывали более мелкие детали. Обломанные и грязные ногти рук охранника, сжимающего винчестер, темные пятна пота под мышками помощника шерифа, пыльные маски лиц с прочерченными дорожками пота двух ковбоев, встреченных по дороге и остановившихся, чтобы поглазеть на меня. Затем картинки стали расплываться, куда-то проваливаться, вслед за ними провалился в сон и я.

Проснулся от резкого удара по ушам. Открыл глаза. Тьма. Свист каменных осколков, выбивающих на стенах неровную дробь на фоне тяжелого грохота от катящихся по полу обломков каменной стены. В этот шум вплетались посторонние звуки. Прислушавшись,

понял, что это выстрелы и крики людей, идущие снаружи. Глаза, привыкнув к темноте, различили фигуры бандитов, стоявших у дальнего конца решетки. Одна из них обернулась. Голос Джесси спросил меня: — Ты как Джек?! Не задело?!

— Все хорошо!

— А наших законников, похоже, уже черти в аду встречают!

Встав, подошел к решетке. При неярком свете луны, падавшем из окна, я увидел следы разрушения, нанесенные взрывом, который буквально вынес часть глухой стены офиса шерифа. Сила взрыва была такова, что разнесла в щепки оружейную стойку, разбросав ее куски вместе с искореженным оружием по всему помещению. Возле письменного стола, рядом с опрокинутым стулом, ничком лежало тело человека. Кто это был, понять было трудно. Неожиданно раздавшийся протяжный стон где-то в стороне стола привлек мое внимание, и я не сразу заметил, как сквозь дыру в стене проскользнул человек с двумя револьверами в руках. Не обращая на нас никакого внимания, он подбежал сначала к лежащему ничком человеку. Мгновение всматривался в него, затем двинулся дальше. В следующую секунду огонь полыхнул у дульного среза одного из револьверов, резко оборвав стон раненого. От грохота выстрела ударившего по ушам, я поморщился. После чего, бандит, чертыхаясь вполголоса, стал искать ключи. Найдя, подбежал к решетке. Щелкнул замок. Дверь распахнулась.

— Не надоело парни, жрать казенные харчи?!

Не зная, кто передо мной, я предпочел молчать, зато мои сокамерники тут же заорали в один голос: — Майкл Уэйн! Гореть мне в аду, если это не Большой Майкл!

Тот не обратив никакого внимания на их бурный восторг, просто сунул впереди стоящему Форду в руку револьвер и сказал: — На коней, парни! Задайте жару этим жирным грязным свиньям!

Следом за Фордом из камеры выскочил Бойд.

— Ну что Джек, заждался?!

— Есть немного! — я старался говорить коротко, чтобы не выдать себя произношением.

— Руки, ноги целы. Голова на месте, — пробасил здоровяк, оглядев меня. — Давай за мной!

Быстро и ловко развернувшись для своего массивного тела, он скользнул в серый туман, отдающий кислым запахом взрывчатки, стоявший в проломе. Я двинулся следом. Не успел выбраться наружу и сделать пару глотков ночного воздуха, особенно свежего и бодрящего, после затхлой и вонючей атмосферы камеры, как раздался нетерпеливый голос Уэйна, откуда-то слева: — Скорее, Джек!

Не успел я развернуться на его голос, как неподалеку раздался взрыв, заглушивший все звуки вокруг, но уже через секунду треск выстрелов и крики людей разразились с новой силой.

— Джек! Дьявол тебя побери! Быстрее!

Только я успел подбежать к Майклу, уже сидевшему в седле, как о грудь ударился, отозвавшись в ней вспышкой боли, тяжелый и упругий сверток. Я даже не успел понять, что это, как руки сами развернули его — и через минуту оружейный пояс лег на бедра. Привычным движением сдвинул кобуру ближе к животу. Сунул ногу в стремя — и я в седле. Достал из седельной сумки обрез и взвел курки. Все это я проделал автоматически, не осознавая своих действий.

— Как в старые добрые времена, Джек.

— Точно, Майкл.

— Уходи! Встретимся на ранчо Педро. Удачи тебе, Джек!

— Удачи, Майкл!

Развернув коня, я направил его в ночную темноту. Проскочив мимо нескольких деревянных строений, я уже был готов исчезнуть в ночи, как слух, обостренный до предела, уловил топот копыт чужой лошади, тело тут же напряглось, готовое к действию. Попридержав коня, я стал медленно поднимать обрез.

"Кто предупрежден — тот вооружен, — латинская поговорка только успела утвердиться в моей голове, как из-за угла показался всадник. Не раздумывая ни секунды, выбросил вперед руку с обрезом и выстрелил тому в грудь. Раздался грохот, дробовик резко дернуло вверх. В воздухе поплыло облачко дыма, тут же подхваченное ветерком. Противник тоже был готов стрелять, но потерял секунду, пытаясь определить, кто перед ним: друг или враг. У меня не было подобных сомнений, так как в друзьях я здесь никого не числил. Его лошадь, дернувшись от грохота выстрела, испуганно заржав, встала на дыбы. Тело всадника долю секунды сопротивлялось падению, затем, обмякнув, скользнуло по боку лошади и рухнуло на землю. Лошадь подо мной испуганно рвалась в сторону, сдерживаемая на месте только удилами. Только я их отпустил, как она тут же сорвалась с места и понеслась вскачь. Некоторое время за своей спиной я еще слышал крики, беспорядочную стрельбу, лошадиное ржанье, но со временем звуки затихали, пока не исчезли совсем, оставив меня наедине с ночью и звездами.

— Я скажу тебе вот что, Джек. Револьвер на твоём поясе заставляет людей думать, что ты можешь им пользоваться. Одних он заставит держаться от тебя подальше, другие же наоборот захотят убедиться, насколько ты крут.

— Что же у тебя получается, Лоутон? Надел оружейный пояс, значит, будь готов к разборкам? А если мне по службе револьвер положен?

— Как мне сказал один заезжий умник с Востока: убийство — неотъемлемая часть жизни на Диком Западе. Я тебе скажу проще. Просто наступает момент. Тут или ты убиваешь или тебя убивают. Середины нет.

— Но можно же решить дело миром. Извиниться, в конце концов.

— Конечно, можно. Но в глазах остальных это будет выглядеть, будто бы ты униженно просил прощения, вымаливая жизнь на коленях. После чего ты долго не проживешь в городке. Когда люди от тебя отвернутся, ты запряжешь фургон и уедешь далеко — далеко. Туда, где люди не знают о твоей трусости.

* * *

Остановился я только тогда, когда восток начал светлеть. Мышцы тела болели, но не так чтобы сильно, благодаря телу Джека Льюиса, которое чувствовало себя в седле, как дома. Некоторое время я просто лежал, не двигаясь. В густой траве жужжало, стрекотало, шуршало. Над головой защebetала какая-то птица, ее пение подхватила другая, за ней третья. Я наслаждался тишиной, спокойствием и... неподвижностью. Лошадь, кося на меня, время от времени, карим глазом, с удовольствием хрустела сочной травой. Я наслаждался покоем до того момента, пока не понял, что зверски хочу пить. С трудом поднявшись, подошел к лошади. При моем приближении она сделала несколько осторожных шагов вбок, но не стала сильно не возражать, когда я стал копать в притороченных к седлу сумках. Неожиданно за спиной раздался шорох. Револьвер словно сам прыгнул мне в руку. Взведя курок, я встревожено вглядывался и вслушивался в окружающее пространство. Наконец, ближайшие кусты раздвинулись, из них высунулась мордочка любопытного зверька, наподобие сурка.

"Чтоб тебя! — с облегчением подумал я, но чувство настороженности не сразу оставило меня.

Оглянулся вокруг. Затем еще раз. Это было странное, никогда раньше не испытываемое, ощущение. Кругом, насколько хватает человеческого взгляда, раскинулось безбрежное море травы, уходящее за горизонт. И ты совершенно один. Я словно оказался на необитаемом острове, вдали от городов и людей. С трудом, освободившись от гнетущего чувства заброшенности, я приступил к исследованию содержимого мешков. В них был запас патронов, две большие фляги с водой и вяленое мясо с лепешками. Помимо продуктов и патронов, в одном из мешков, я обнаружил тючок с одеждой. В скатке за седлом лежали свернутые одеяло и пончо. В кожаном чехле, притороченным с левой стороны седла, лежал винчестер. Оглядев доставшееся мне имущество, я открутил крышку фляги и с минуту жадно глотал воду. Напившись, вспомнил о лошади. Шаря взглядом в поисках емкости, наткнулся на брошенную в траву шляпу. Вылив в нее полфляги воды, я сунул своеобразным ведром в

морду лошади. Она двумя глотками осушила его, потом пару раз ткнулась носом во влажную подкладку, требуя добавки, но я не знал, когда нам в этой бескрайней степи может встретиться источник с водой, поэтому решил попридержать остатки воды.

Ни есть, ни спать мне не хотелось, и я решил, пока есть время, разобраться с оружием. Сняв одеяло, я разложил на нем весь арсенал, который нашел на лошади. Винчестер, дробовик со спиленным прикладом и маленький револьвер для скрытого ношения. Обнаружив на дробовике веревочную петлю, перекинул ее через плечо, затем под мышку — и вот дробовик висит на груди. Для стрельбы одной рукой.

"Так мне как раз о ней и говорили! Для скрытого ношения, — руки сами взяли цветастую накидку мексиканского происхождения. — Как же ее... А пончо!".

Сунув голову в прорезь, я набросил накидку на плечи. Затем осмотрел себя: — Несколько ярко, но сидит неплохо. И дробовик не сильно видно. Ну-ка попробуем! Пиф-паф! Хм. Уловка нехитрая, но ведь сумел Льюис благодаря ней ограбить два банка! Правда, если местные банки похожи на здешних людей, то их только ленивый не ограбит".

Немного потренировавшись с дробовиком, перешел к винчестеру. Несколько раз зарядил и разрядил его, а когда разобрался в работе механизма, засунул его обратно в чехол. Погладив лошадь по шее, я уже собрался улечься на расстеленное, на траве, одеяло, как в голову ударило детство. Я представил, что передо мною враг и мне его надо опередить, чтобы остаться в живых. Рука сама скользнула к кобуре и молниеносно выдернула револьвер на свет божий. Все это произошло автоматически, само собой. Несколько секунд я простоял с револьвером, чувствуя при этом не тяжесть, а мощь оружия, которая прямо вливалась в меня, заряжая меня какой-то первозданной силой. В следующую секунду я очнулся. Наваждение схлынуло. Попытался понять, что только что со мной произошло. Проснувшаяся память тела или... возвращение Джека Льюиса? Легкий холодок скользнул вдоль позвоночника.

"Если я перенесся в чужое тело сквозь время, то почему бы Льюису не навещать изредка свое тело, чтобы убедиться, все ли в порядке, — я пытался шутить, но веселья мне это не прибавило, скорее наоборот. — Скорее всего, это память тела. Вбитые намертво рефлексy и только. А я — это только я!".

Объяснение было логичным, но уверенности оно мне так и не прибавило, поэтому уже с некоторой опаской я взял в руки маленький револьвер, предназначенный для скрытого ношения. Он имел довольно большой калибр для своих размеров и прикрепленную к нему петлю. Прикинув конструкцию, я понял, что с помощью этой петли, револьвер крепиться на руке. Еще немного покрутил его в руках, после чего снова завернул в тряпицу, из которой его достал. Убрав арсенал, скинул тряпье и стал одевать припасенную для меня одежду. С одеждой проблем не было, зато с сапогами я изрядно намучился. Они не имели не шнуровок, не застежек, а держались на ногах, за счет их плотного облегания. Затем достал хлеб и мясо. Поев, и запив тремя большими глотками воды, я с тоской посмотрел на одеяло, но, пересилив себя, стал собираться в дорогу, решив, что лучше остановлюсь на отдых, ближе к полдню, в наиболее жаркое время дня.

Вечерело. Умолкли голоса птиц. Сизые сумерки опустились на землю, и я уже начал подумывать о ночевке, как неожиданно заметил странное поведение лошади. Она тянула морду в сторону, при этом прядая ушами. Что-то чувствовала, но что? Может воду? Опустив поводья, дал ей волю. Несколько минут спустя я заметил яркий отблеск. Костер.

"Погоня? Но костер горит в той стороне, куда я еду. Да и откуда они могут знать, в какую сторону поехал? Но даже если это не преследователи, у костра могут сидеть различные люди. Бандиты, ковбои, конокрады, торговцы. Вдруг кому-нибудь из них понравится моя лошадь или меня узнают, как Льюиса? Объехать костер по дуге? И сколько ехать?"

Не успел я прийти к какому-либо выводу, как за меня все решили. Неожиданно со стороны огня раздалось звонкое ржание, и моя лошадь не замедлила откликнуться на зов. А будь, что будет! Единственное, что сделал, перед тем как направиться к людям, я достал из чехла винчестер и положил его перед собой. Уже подъезжая, я знал, что это ковбои, перегонщики скота. Большое темное пятно, чуть в стороне от костра, изредка мычавшее, не могло быть ничем иным, как большим стадом, которое гонят на продажу.

Въехав в круг света, встретил внимательно-настороженные взгляды двенадцати человек, расположившихся у костра. И тут же разделил их на три группы. К первой группе относились семь парней в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, сидевших на расстеленных одеялах. К другой отнес трех людей со смуглой кожей и оливковыми глазами. Это были мексиканцы, судя по их сомбреро и пончо. Они сидели отдельно от остальных. В третью группу включил двух человек, возрастная планка которых явно превышала возраст любого из ковбоев, сидевших вокруг костра. По их загорелой, дубленой коже лиц, прорезанных морщинами, я мог только сказать, что им обоим далеко за сорок. Один из этих двоих с кряжистой фигурой и цепким взглядом, явно выделялся из ряда обыкновенных людей, от него веяло энергией и властью.

"Похоже, он здесь начальник".

Оказавшись в перекрестие взглядов, я замялся, не зная, что обычно говорят в подобных случаях, а потом решил: чем проще — тем лучше.

— Привет, парни! Кофе угостите?!

Взгляд старшего ковбоя, перед тем как ответить, скользнул по моему винчестеру. Я понял его как намек, тут же убрав винтовку в чехол.

— Слезай с коня, незнакомец. Для хорошего человека ни тепла огня, ни кофе не жалко.

Но только я слез с лошади, как из темноты в круг света выехали два молодых ковбоя на лошадях. У одного через луку было перекинут винчестер, у второго в руках был дробовик. Задержавшись с минуту, чтобы рассмотреть гостя, они затем развернули лошадей и ускакали обратно в ночь. Расстелив на траве одеяло, я снял оружейный пояс и кинул рядом с собой на траву. Мне налили в кружку, из стоящего на углях кофейника, черную жидкость, после чего перестали обращать на меня внимание. Искусственное безразличие словно отделило меня от этих людей, выведя меня из их круга. Хотя при этом я не чувствовал ни в них, ни в их, изредка бросаемых на меня, взглядах ни малейшей враждебности, только одно плохо скрываемое любопытство. Сначала почувствовал облегчение. Меня не узнали. Затем пришло раздражение, смешанное с неловкостью. Словно я оказался в гостях, где все друг друга хорошо знают, общаясь между собой, а тебя, незваного гостя, просто не замечают.

"Никто даже не спросил моего имени. Так принято или я сделал что-то не то?"

Пока я недоумевал, разговоры у костра шли своим чередом.

— Знавал я когда-то одного ковбоя, — начал молодой вихрастый парень, сворачивая самокрутку и хитро поглядывая вокруг. — Исключительно исполнительный был человек. Дай ему только задание сделать то-то и то-то, он и рад стараться. Как-то однажды посылает его босс пригнать на ранчо всю живность, что бродит к югу от горного хребта. До вечера

ковбой никто не видал, а как стало темнеть, глядь — идет и ведет с собой сто двадцать семь голов крупного рогатого скота, тридцать овец, три снежные козы, семь индюков, рыжую рысь и двух медведей... И это еще не все — он заклеил их всех до единого!

Взрыв хохота был такой силы, что казалось, он достиг самих звезд. Только смех стал стихать, как прорезался голос очередного юмориста.

— А чего?! Все верно! Только насчет овец соврал, — с невинным видом произнес, сидящий рядом, крепыш с красным платком на шее, сбитым на бок. — Коровы и овцы в одном стаде не ходят.

Новый взрыв хохота взорвал тишину. Отхлебнув черной и горькой жидкости, только запахом, напоминающим кофе, я прислушался к разговору начальника с пожилым ковбоем. Там шел степенный разговор о ценах на говядину, торговце Джексоне и даст ли он цену, как в прошлом году. Мексиканцы просто сидели молча, глядя в огонь. От нечего делать, снова прислушался к разговорам молодежи, тем более что те уже перестали травить анекдоты.

— Тим, ты Сэма Сандерса, помнишь?

— Помню. У него только две радости в жизни. Виски и драка. А что с ним такое?

— Повесили его.

— Да ну! За что?!

— Через его же дурость! Помните, шайку конокрадов словили, Норта Твидла. Их еще в Форт-Брауне судили. Народ съехался со всех сторон поглядеть, как их вешать будут. Ну и Сандерс, конечно, приехал. И сразу в салун. Кинул в себя несколько стаканчиков виски, после чего решил выяснить отношения с человеком, стоящим рядом с ним у стойки. Начали они махать кулаками, пока Сэм за нож не схватился, но не успел он и глазом моргнуть, как на него народ, сидевший в баре, насел. Скрутили и за решетку кинули.

— А вешать то за что? Он же...

— Да молчи ты! Дай дослушать! — зашикали на парня, перебившего рассказчика.

— Через час после драки состоялся суд. Собирались вешать четырех конокрадов, а повесили пятерых. Вместе с Сэмми Сандерсом.

— Как так? Его за что? Как такое случилось? — теперь уже со всех сторон раздались недоуменные голоса.

Ковбой затянулся последний раз, кинул окурок папироски в костер, выдержал паузу, как и положено умелому рассказчику, и только потом продолжил: — Забыл вам сказать, что судья, который председательствовал, имел здоровенный синяк под левым глазом. И был это никто иной, как Рони Пайпер.

— Так это он с судьей подрался?! Вот придурок!

— Тогда все поня-ятно! — протянул один из ковбоев. — Одна кличка судьи сама за себя говорит. "Вешатель".

— Парни, это не тот ли судья, который вешает всех подряд, без разбора?

— Этот. Ни одного приговора не отменил.

— Говорят, он уже сотню человек повесил.

После этих слов наступила тишина. Этим молчанием воспользовался старший ковбой: — Все! Хватит языки чесать! Ложитесь спать!

Ворчание ковбоев было явно чисто символическим жестом недовольства, потому что не успели они завернуться в свои одеяла, тут же мгновенно заснули. Вслед за ними улеглись мексиканцы. Некоторое время я еще смотрел на затухающий костер, а потом и сам последовал их примеру.

Когда я проснулся, вокруг никого не было, зато в отдалении был слышны звуки движущегося стада — глухой рев быков, недовольное мычание коров, звонкое ржанье лошадей. Поднял голову. Костер догорал, а синий дым, клубясь, вздымался к начавшему светлеть небу. Пожилой ковбой, беседовавший вчера у костра с боссом, сейчас запрягал в фургон лошадей. Даже не повернув головы в мою сторону, он закричал: — Завтракать будешь?! Еда на тарелке! Кофейник на углях!

Встал я с трудом. Рана в груди и натруженные мышцы еще давали о себе знать. Ополоснувшись, сел на свернутое одеяло, возле затухающего костра. Закончив грузиться, ковбой подошел ко мне.

— Наливай себе кофе. Ешь. Я тоже кружечку выпью, — присев рядом, он взялся за кофейник. — Меня зовут Билл Лоутон. "Метатель еды".

Увидев недоумение в моих глазах, пояснил: — Это прозвище. Я повар.

Я ел жареное, чуть тепловатое, мясо, с такой жадностью, словно голодал как минимум неделю. Тарелка опустела в три минуты. Несколько секунд соображал, обо что вытереть жирные пальцы. Сорвал траву, вытер. Взял кружку с налитым кофе. Повар, наблюдавший за мной, нейтрально заметил: — Ковбой бы вытер руки о сапоги.

Попытка вывести на разговор. Дескать, если не ковбой, то кто ты? Поговорить хочешь? Пожалуйста. Мне, как раз надо узнать про дорогу, так почему не у него?

— Меня зовут Джек Форд. Спасибо за еду. Было очень вкусно.

Ковбой только кивнул головой, соглашаясь с моей оценкой его стряпни. Я подумал, что раз мы познакомились, приличия соблюдены, можно приступить к расспросам, но Лоутона, похоже, интересовал только сам процесс поглощения утреннего кофе. Пришлось самому продолжить разговор: — Слушай, Билл. Я тут, похоже, немного заплутал.

Повар вел себя так, словно я говорил сам с собой. Поставив кружку на камень, достал кисет и трубку. Затем последовал неторопливый процесс набивки трубки.

— Мне бы хотелось, как можно быстрее достичь железной дороги, чтобы добраться... до Нью-Йорка.

Лоутон сделал первую затяжку, затянулся.

— Бежишь?

Я поперхнулся кофе и закашлялся. Вопрос ударил не в бровь, а прямо в глаз.

— Бегу... от себя.

В принципе, я сказал правду. Я бежал от "славы" Джека Льюиса.

— Где-то... я уже это слышал.

Он задумался, потом, словно просветлел лицом.

— Ты с Востока. Угадал?

"С Востока? Он, очевидно, имеет в виду, что я прибыл с Восточного побережья. А почему бы и нет!".

— Угадал, Билл.

Повар самодовольно усмехнулся и тут же начал объяснять, как ему в голову пришла эта светлая мысль: — Это было год назад, в Додж — сити. Как-то в баре, за стаканчиком виски, я разговаривал с одним мистером Лаковые Башмаки из Бостона. Набравшись, тот начал рассказывать о себе. Он, типа, газетчик. Вставил, как раз, эти самые слова. Он еще много чего говорил, и все как по писанному. Вроде, хотел "вдохнуть воздуха свободы". И прочий бред. Ты тоже в газеты пишешь?

— Не пишу.

— Акцент у тебя странный. Ты немец?

— Нет. Русский.

— Знавал я одного немца. Отто его звали. Неплохой был парень. Застрелили его в Додж-Сити. Хм. Россия? Вроде слышал, но не уверен, что именно о ней. Много тут вас приезжих, в голове путается. Давно в Америке?

— Недавно, — подумав, добавил. — С полгода.

— Ну и как тебе?

— Пока трудно сказать.

— На Востоке где был?

— Нью-Йорк. Оттуда прямо сюда.

Ответив так, мне осталось только молиться, чтобы повар не оказался родом из Нью-Йорка.

— А я из Кентукки. Там есть такой небольшой городок Битворт. Я там не был с четырнадцати лет. Как уехал, так и мотаюсь по стране. Я так понимаю, ты не был в тех краях?

— Не был! — резко отрезал я, начиная терять терпение от пустопорожних разговоров. — А сейчас мне хотелось бы вернуться к вопросу о железной дороге.

— Если пойдешь с нами, точно до нее доберешься. Только я думаю, тебе этот путь не подойдет.

Повар сделал очередную затяжку, потом медленно выпустил дым в небо.

— Почему?

— Стадо делает за дневной перегон от силы двадцать пять миль, значит, только недели через четыре, не раньше, мы увидим рельсы. Думаю, для тебя это слишком долго.

— Правильно думаешь, Билл.

— Странный ты человек, Джек. По твоему виду я бы решил, что ты родом с Запада, а по разговору, что только сошел с восточного экспресса, — после того, как я сделал вид, что не заметил в его словах вопроса, Лоутон продолжил. — Все, парень! Мне пора ехать. Садись ко мне в фургон, поговорим по дороге.

За время нашего разговора я получил массу нужной и ненужной информации, а повар — возможность всласть почесать языком. Неторопливо и доходчиво, он объяснял и рассказывал мне, как живут люди на Диком Западе.

— Наша жизнь далеко не сахар, как бы там, на Востоке не думали. И все равно сюда бегут, кто за новой жизнью, кто за свободой. А я вот, что скажу: свободу на хлеб не намажешь и вместо штанов не оденешь. Как и там, приходится на хозяина работать. Но-о, милые!! — некоторое время он кричал на лошадей и щелкал в воздухе кнутом, потом продолжил. — Вот за перегон скота хорошо платят, но за эти деньги парни работают по двенадцать — четырнадцать часов в сутки, день изо дня. К тому же наши деньги еще зависят от цен на мясо, от состояния скота, а также от самих торговцев.

Меня заботы ковбоев мало трогали, поэтому я временно отключился, пытаюсь систематизировать полученные сведения. Стадо гонят в Канзас, в Абилин. Этот город — скотоводческий центр, где его оценят, купят, погрузят в вагоны и отправят на восток. Город сравнительно большой, насколько это возможно для Запада, если судить по рассказу Лоутона. Уже через пару недель там будет настоящее столпотворение, когда начнут прибывать стада. Билл говорит, что в город вместе со стадами каждую неделю пребывает по

четыреста — пятьсот ковбоев. Нетрудно будет затеряться среди такой толпы, а затем незаметно сесть на поезд. Но четыре недели... За это время все что хочешь, может случиться. Правда, Лоутон утверждает, что я могу быть в Абилине уже через восемь — десять дней, если поеду сам. Но один я буду на виду, а если еще исходить из того, что половина пути проходит по обжитым местам, то встречи с представителями закона мне никак избежать. Второй путь — двигаться к океану. Достигнуть порта, а там, сесть на пароход и поминай, как звали! Но этот путь, как я понял из сравнительной географии Лоутона, почти в два раза длиннее, а главное, он находился в том направлении, откуда я бежал.

"Дубль два. Джек Льюис, пройдите, пожалуйста, к помосту. Нам необходимо переснять сцену с вашим повешением".

Третий путь был самым простым, и в тоже время самым сложным. Просто взять и поехать в направлении железнодорожных путей через равнину. Если держаться правильного направления, то по выражению Лоутона, "морда твоей лошади уткнется в рельсы через четыре-пять дней". А там уж как повезет. Можно встать на пути паровоза, а можно вскочить на тормозную площадку вагона, когда поезд резко снижает скорость, например, при крутом повороте. Лучше, конечно, найти станцию. Но трудность этого пути, заключалось не в способе посадки на поезд, а в поисках воды. Места, по которым придется ехать, по большей части, пустынные, неисследованные.

"В этих местах я проскочу незамеченным, но только вот что делать с водой? Взять запас. А если собьюсь с пути?".

— Чего задумался, парень? Едем с нами! Знаешь, что говорят про Додж — сити?! "Здесё можно нарушить все двенадцать заповедей и умереть. И всё в один день". Так я тебе вот что скажу, Абилин не хуже. Сначала, как следует, отмокнем в ванне. Потом переоденемся во все новое и в салун. Пропустим несколько рюмочек, пообедаем, а там уже каждому свое. Я — за игорный стол, а ты с парнями — в танцзал. Они большие любители вскапывать пол мотыгой с ситцевой королевой!

Я посмотрел на него вопросительно, пытаюсь одновременно понять, что может означать эта странная фраза.

— Слушай, Джек, я все время забываю, что ты русский. Это чисто ковбойское выражение означает: танцевать с женщиной. Хотя, по правде говоря, топтание на месте, стуча каблуками в пол, вряд ли можно назвать танцем. Уж поверь мне, я успел кое-что повидать в жизни. Как-то я был приглашен на свадьбу дочери мирового судьи. Так вот там...

Все же я решил рискнуть, избрав третий путь. Еще сутки я пропутешествовал с ковбоями, а утром расстался с ними. Честно говоря, трое суток в седле здорово меня вымотали. Если бы не большая часть второго дня, проведенная на кучерском сиденье, рядом с Лоутоном, я бы просто сейчас рухнул на землю и лежал целую неделю, не двигаясь. Болела каждая клеточка тела. Горела грудь. Даже заныло раненное плечо, хотя я уже думал, что больше не придется вспоминать о нем, но, несмотря на боль, настроение у меня было приподнятое. Со слов Лоутона, я узнал, если погоня не настигает беглеца в первые сутки, то власти поиски прекращают, переходя к стандартным мерам. Расклейке розыскных листов. Повышению награды за голову. Если я все правильно понял, мне ничего не угрожает до тех пор, пока буду придерживаться безлюдных мест и объезжать населенные пункты. Правда и помимо закона на Западе хватало опасностей, но тут совсем другое дело. Кто кого опередит.

Напряженность за эти дни постепенно сошла, и я мог позволить себе несколько расслабиться. Около двух часов прошло, как я расстался с ковбоями. Хотя проспал восемь часов, отдохнувшим я себя не чувствовал. Глаза слипались. Лошадь, словно почувствовав мое состояние, сама перешла с легкого галопа на шаг. Я пытался бороться со сном, но видно в какой-то момент проиграл бой, закрыв на мгновение глаза. Проснулся оттого, что лошадь встала. Судя по положению солнца, спал часа полтора, не меньше. И как только не грохнулся с лошади и не свернул себе шею? Скорее всего, тут опять было дело в навыках тела настоящего Джека Льюиса. Мозг отключился, предоставив всю власть инстинктам и навыкам бандита, который всю свою сознательную жизнь провел в седле, чего нельзя было сказать обо мне. Мои навыки работы с лошадью, как Евгения Турмина, ограничивались только полутора месяцами общения с этими животными. Эта командировка стояла особняком от обычных заданий, которыми мне обычно приходилось заниматься. Во-первых, я впервые участвовал в составе такой большой группы, а во-вторых, мне пришлось вплотную иметь дело с лошадьми, с которыми до этого практически не приходилось сталкиваться. Нас забросили в одну из восточных стран, где четверть территории приходилось на горы. Мы занимались тем, что сопровождали и охраняли караваны, пересекающие границу через горы, как в одну, так и в другую сторону. Тропа представляла собой узкую полоску, очень крутую и временами, из-за погодных условий, почти непроходимую. Только там я узнал, что испытывает человек, едущий на лошади на высоте ста метров, когда неожиданно животное оступается, а его копыта начинают съезжать все ближе и ближе к пропасти. Сердце замирает, а ты начинаешь молить творца, чтобы пронесло. Раньше подобные воспоминания бередили душу, а вот теперь я не почувствовал того душевного трепета, как раньше, словно и не со мной это происходило, а с кем-то другим.

"Странно. Прожил одну жизнь, теперь живу другой... А ведь в свое время мне часто приходилось заучивать чужие биографии и жить по чужим паспортам, то есть жить чужой жизнью. Как и сейчас. Но эта жизнь, не как те. Она другая. Интересно, для чего она мне дана? — я в который раз задал себе этот вопрос, но, так же как и раньше, не смог дать на него ответа. — Все. Хватит забивать голову тем, на что нет и, возможно, никогда не будет ответа! Мне дали направление на восход, но при этом надо было забирать чуть левее, тогда я выйду на источник. А я, судя по солнцу, ехал правее".

Только я успел развернуть лошадь в нужном направлении, как раздался еле слышный звук, типа громкого щелчка. Он явно не принадлежал к местному животному миру. Вот еще один, и еще. Теперь не трудно было определить, что где-то вдаль идет перестрелка. Я привстал в стременах. В той стороне виднелись какие-то постройки. Если не вглядываться в них специально, то в потоках горячего воздуха и на таком расстоянии, они просто казались расплывающимся коричневатым пятном, не притягивающим взгляда.

"Похоже, местные ребята развлекаются. Как у них тут принято. Сначала бандиты грабят мирных скотоводов. Потом меняются. Мирные скотоводы, озверев, гонятся за бандитами. Так как меня ни с какой стороны это не касается, поеду-ка я своим путем".

Тронув поводья, я направил лошадь в нужном мне направлении, подальше от местных разборок. Но как, оказалось, я зря старался, уйти мне от них не удалось. Спустя два часа, с левой стороны, в двухстах метрах, я заметил стоящую, без всадника, лошадь.

"Засада! — эта мысль пулей заставила слететь с седла, заодно прихватив из кожаного чехла винчестер.

Лежа на земле и высматривая потенциального противника, я одновременно пытался

проанализировать ситуацию.

"Местная уловка? Оставил лошадь, как приманку, а сам затаился и ждет, пока кто-нибудь клюнет на нее. Вообще-то глупо. Спит? Ты же заснул, причем сидя на лошади, а ему что нельзя. А может его бандиты подстрелили? Тогда почему лошадь оставили? Хрен поймет этих аборигенов! Что теперь делать? Подобраться к нему или на коня и вскачь? Тьфу! — я злился на себя и ничего не мог с этим поделать.

Сейчас опять сложилась одна из ситуаций, из-за которых я чувствовал себя словно на другой планете, настолько все было чужим и незнакомым. Но делать было что-то надо. Натура, привыкшая к риску и постоянной готовности к действию, взяла вверх. Мелкими перебежками, с винчестером наперевес, я быстро пересек открытое пространство, время от времени, припадая к траве. Лошадь, при виде меня легонько заржала и попыталась отойти, но ее удерживал повод, зажатый в левой руке, лежащего без сознания, человека. Быстро осмотрел его. Итоги были неутешительны. Два ранения в бедро и грудь, к тому же он потерял много крови. Судя по всему, он был ближе к смерти, чем к жизни.

"Хорошо хоть без сознания. Умрет, не мучаясь".

Мои мысли отражали не равнодушие к человеческой жизни, а практичность. Работа приучила меня быть холодным и расчетливым, а в жизни — деловым и практичным. Вот и сейчас перевязка могла помочь этому человеку, как мертвому лекарство. Он был еще жив, только потому, что лежал неподвижно. В этой ситуации я ничего не мог для него сделать, только похоронить его. И даже это было проблематично, так как лопаты у меня с собой не было. Поднявшись с корточек, внимательно осмотрелся, но вокруг, насколько хватало взгляда, никого не было. Тогда я подошел к лошади, собираясь порыться в чужих дорожных сумках, как та, подняв голову, шумно фыркнула.

— Спокойно, лошадка, спокой... — не успел я договорить, как услышал за своей спиной хриплый, полный боли, негромкий голос: — Ты... Джек... Льюис?

Змея не делает такой быстрый бросок, с какой скоростью я развернул ствол винчестера на голос. Лицо незнакомца кривилось от страданий, но глаза смотрели ясно, словно боль их не коснулась.

— Подойди... ближе, — тут боль снова заставила его скривиться. Помолчав, он продолжил. — Я умираю?

Подойдя к нему, я еще раз оглядел горизонт, только потом опустился на колени перед раненым.

— Да. Я ничего не могу сделать. Перевязывать твои раны, только мучить тебя. Ты потерял слишком много крови.

Он продолжал смотреть на меня, словно хотел услышать от меня что-то еще. Мне трудно было представить, что может ждать человек в подобной ситуации. Помощи? Молитву? Хотя по его жесткому лицу, пристальному взгляду и мощному телосложению, не скажешь, что такой человек, может просить и унижаться перед кем-то. Все же я решил прояснить этот вопрос, хотя бы для себя.

— Если тебе так будет легче, я могу перевязать тебя.

— Не... надо. Воды.

Я снял с его лошади флягу и напоил раненого.

— Лучше... стало, — с минуту мы смотрели друг на друга. — Ты... здесь... зачем?

— Ехал мимо. А ты откуда меня знаешь?

— Я... Барни... Фергюссон. Агентство... Пинкертона.

Теперь было понятно, откуда он меня знает. Такие, как он, должны были все знать о таких, как я. Это их работа. Особенно, если он работает здесь, на Западе.

"Кстати, зачем он здесь? И на кого охотиться? Может, на меня?"

— Слышал о таком. Так что тебя привело в эти края?

В его взгляде явственно проступило удивление. Видно, я должен был отреагировать на него как-то иначе. Черт! Я же разыскиваемый властями преступник! Мне положено, услышав подобные слова, хищно оскалиться и достав нож, начать пробовать его остроту пальцем, перед тем как начать нарезать на лоскуты представителя закона.

"Черт! Все время забываю об этом бандите Льюисе!"

— Ты... точно... Льюис?

Этот вопрос неожиданно навел меня на оригинальную идею. В какой-то мере, она могла скрасить последние минуты жизни этому человеку.

— Слушай, Барни. Ты все равно умираешь, поэтому я тебе могу признаться. Я не тот Джек Льюис, о котором ты слышал. Мой дух, душа или сознание, назови, как хочешь, переместилось из будущего на сто сорок лет назад, оказавшись в теле бандита Льюиса. Звучит, как бред, но это правда.

В глазах агента зажглись искорки интереса. Даже лицо перестало выглядеть восковой маской.

— Значит, душа бессмертна? — его голос дрожал, но фраза прозвучала ровно и четко, словно жизнь нашла в нем новый источник силы.

— Честно говоря, не знаю. Но то, что произошло со мной — свершившийся факт.

— У тебя странный акцент... И говоришь ты... как учитель. Может в твоих словах... А-а-а!

Стон прервал его слова. Grimаса боли стянула лицо. Мне показалось, что он уже отходит, но агент оказался крепче, чем я думал. Чувство долга этого человека оказалось таким сильным, что сумело в последний момент вырвать его душу из лап смерти.

— Я... приехал сюда... за мальчиком. Отыщи его.

Я несколько опешил от такого необычного заявления, но смолчал. Пусть надеется, если ему так нравится. Тут бы самому ноги унести, а он мне предлагает заняться поисками какого-то мальчишки.

— Выполнишь... получишь деньги... в Нью-Йорке. Кармашек... в моем поясе. Тайник... в седле. Дневник... Там все.

Его голос слабел с каждой секундой. Черты лица, и без того худого, окончательно заострились.

— Кто тебя ранил, Барни?

Он с трудом выговаривал слова, гаснущее сознание заставляло его делать перерывы, съедать окончания слов.

— Грогги... "Мексиканец". За голову... награда. Хотел зара...ботать. Их там... осталось... трое. Я убил...

Губы замерли на полуслове. Глаза слепо уставились в бездонную синь небес.

— Покойся с миром Барни Фергюссон.

Я встал с колен. Минуту молчал, отдавая дань усопшему. Затем посмотрел в ту сторону, где слышал выстрелы, и где, по словам Фергюссона, должны находиться бандиты.

"Мне нужны деньги? Мне нужны деньги! Особенно, когда в наличии только двадцать баксов, которые мне подкинули братки — бандиты в одну из сумок. На бедность, что ли

дали? А мне ведь нужно билет на паровоз купить, одеться как человеку, да и в дороге надо чем-то питаться. Требовать премию за голову "Мексиканца" у властей чревато неприятностями, когда ты сам в розыске. Так как быть с деньгами? Дилемма: или банк грабить или с бандитами разбираться. Но банк еще найти надо, а бандиты рядом, поблизости. Правда сразу напрашивается вопрос, а стоят ли они подобного риска? С другой стороны, раз за голову главаря назначена награда, по мелочам ребята не работали. А это значит, что денежка у них есть!".

Глаза Сиды полыхнули волчьей злобой, но в глубине его сердца сидел страх. Он должен, должен убить этого грязного койота, убить сейчас! Рука рванулась к револьверу, и в этот же миг Сид увидел огненный цветок, расцветший на стволе винчестера. Что-то тяжелое ударило его в грудь, и тело моментально онемело до самых кончиков пальцев на ногах. С тупым упорством Сид начал поднимать, ставший в одно мгновение таким тяжелым и неподъемным, револьвер, глядя вверх его ствола. Он сумеет справиться, он сильный! Сейчас эта крыса кладбищенская свое получит! Палец нажал на спусковой крючок. Тяжелый револьвер в руке Сиды дернулся, и он увидел пламя на конце ствола. В следующий момент, улица неожиданно покачнулась перед его глазами. Боль, до этого сдерживаемая внутри усилием воли, неожиданно вырвалась на свободу. Окружающий мир поплыл перед глазами. Он даже не заметил, как оказался на коленях. Странно. Большие красные капли в серой пыли... Кровь. Моя... кровь?

* * *

Убежищем бандитов был город — призрак. Таких городков немало оставалось после очередной волны иммигрантов в поисках лучшей доли. Они основывали городки, начинали жить, затем бросали, заслышав о золотоносных жилах, где самородки лежит прямо на земле, о тысячных стадах ничейных коров, бродящих по зеленым лугам. Почему именно это место привлекло внимание переселенцев, я так и не мог понять, как не старался. Наблюдательности и внимания мне не занимать, но ничего похожего на рудник я так и не увидел, земля тоже казалась нетронутой. Единственное, что я мог сказать об этом месте — люди его бросили очень давно. Полуразрушенные стены домов из самана, провалившиеся крыши, глядевшие черными дырами, окна — все говорило о том, что городок был на полпути к забвению.

Въехал я в город — призрак открыто, не таясь, ведя за собой на поводу лошадь, с перекинутым поперек седла трупом Фергюссона. Не зная планировки городка, ни точного количества бандитов и места их базирования, я решил действовать открыто. Исходил из того, что мое открытое появление с трупом законника удержит их пальцы от спусковых крючков на какое-то время, а если дело дойдет до переговоров, то мне будет что им предъявить в качестве доказательств, что я свой. А там... как говорить: "каждому свое".

— Эй, ты! Стоять! — голос раздался из пустоты одного из развалившихся домов. — Ты кто?!

— Не узнаешь?! — я кивком головы указал на свисавший с лошади труп. — Мне пришлось за вас работу доделать!

Из пролома стены ближайшего дома осторожно показалась фигура бандита, державшего в руках винчестер. Некоторое время он вглядывался в труп, затем потребовал: — Скинь его!

Я подтянул вторую лошадь за повод, после чего сдернул тело на землю. Труп тяжело, с глухим стуком упал на землю. Бандит, крадучись, не спуская с меня глаз и ствола винчестера, подобрался к трупу, затем неожиданно закричал: — Сид! Возьми его на мушку!

— Взял, Берт!

Я осторожно повел глазами в сторону голоса. Самого бандита я не увидел, зато увидел, как из темного проема окна высунулись стволы дробовика. Берт еще секунду буравил меня злым взглядом, затем нагнулся над трупом. С минуту рассматривал, потом пробормотал, словно бы про себя: — Вроде он.

Но в его голосе слышалось сомнение. Медленно распрямившись, повернулся ко мне: — Ты кто?

— Джек Льюис!

— Льюис?! Тот самый?! "Белый орел"?!

— Где "Мексиканец"?!

— Ты откуда знаешь, что здесь "Мексиканец"?! — подозрительность бандита снова подпрыгнула до небес, а ствол винчестера на уровень моей груди.

— От него, придурок! — я кивнул головой в сторону трупа.

Грязный, с длинными волосами, висящими сальными сосульками из-под помятой шляпы, Берт выглядел нищим бродягой, если бы не оружие и злой, подозрительный взгляд, выдававший в нем бандита.

— Чего тебе надо от Грогги?!

— Это я ему скажу!

Бандит замялся, не зная как ему поступить. С минуту стоял в раздумье, потом крикнул: — Сид!

— Здесь я, Берт! — отозвался невидимый Сид.

— Я отойду, а ты последи за ним!

— Одно лишнее движение, и он труп!

Развернувшись, Берт двинулся к развалинам, в которых до этого прятался. Осторожно, стараясь не раздражать Сиду, я стал осматриваться, пытаясь определить, есть ли в засаде кто-нибудь, кроме этого бандита, но больше обнаружить никого и не смог. Не прошло и пяти минут, как появился Берт.

— Слазь с лошади!

Как только я оказался на земле, последовала следующая команда: — Скинь оружейный пояс!

Я выполнил его приказание, четко и без колебаний.

— Повернись спиной! Вроде ничего нет... Теперь пошли! Сид, смотри здесь в оба!

— Смотрю! — раздалось из темноты проема.

Бандитское логово оказалось недалеко. Из тех развалин, что я видел по дороге, этот дом, по крайней мере, имел все четыре стены и большую часть крыши. Первое, что я увидел, переступив через порог, так это лежащего на топчане человека. Он лежал на груди одеял, наброшенных на доски, голый по пояс. Торс бандита был неумело забинтован, порванными на ленты, рубашками. На его левом боку расплзлось красное пятно. Из одежды на нем были только кожаные штаны. Сапоги валялись на земляном полу, рядом с курткой и рубашкой, а на самом верху этой груды лежало сомбреро. В правой руке он держал револьвер, который для удобства положил на ногу. Пока его глаза бесцеремонно ощупывали меня всего, каждую мою складку одежды, я с любопытством рассматривал бандитского главаря, за чью голову власти были готовы платить деньги. Черные, глубоко посаженные, глаза, на щеках и подбородке жесткая, недельной давности, щетина, кожа грязная, нездорового оттенка. Но что особенно отвратительной делало его физиономию — это улыбка — оскал. Словно заученная, не имеющая ничего общего с настоящим весельем, она выставляла напоказ его

редкие желтые зубы и придавала ему сходство с оскалившейся собакой — бродяжкой.

— Ты Льюис? — его голос был грубым и злым.

— А что не похож? — я говорил твердо, но в тоже время спокойно, чтобы не спровоцировать бандита на конфликт раньше времени.

— Чем докажешь?

— Татуировки хватит?

— Показывай!

Скинув куртку, я расстегнул ворот рубашки, после чего обнажил плечо. При моих движениях "Мексиканец" напрягся. Рука с револьвером чуть приподнялась.

— Нравится?

— Подойди поближе. Хотя, нет. Стой на месте. Берт, глянь, что у него там.

Я даже не рассчитывал на такую удачу. Бандиты оказались еще более тупыми, чем я их себе представлял. Стоя за моей спиной, он не отставил винтовку в сторону и не взялся за револьвер, что дало ему возможность продолжать держать меня на прицеле. Нет же, он стал обходить меня, с винтовкой в руках. Как только он приблизился, чтобы рассмотреть рисунок, я чуть развернулся, заставив бандита стать в пол оборота к лежащему на топчане главарю, закрыв тому часть радиуса обстрела.

— Ты чего? — тут же насторожено спросил "Мексиканец".

— Плечо под свет подставляю. Чтобы было лучше видно.

Свет, в действительности, упал, из одной из многочисленных дыр в крыше, на плечо, высветив татуировку.

— Ну что там? — недовольно спросил главарь, смотревшего на мое плечо, бандита.

— Орел! — отрапортовал тот.

— Ты идиот?! Ты мне скажи, он у него как на рисунке или нет?!

Теперь я вспомнил, что розыскные листы, присылаемые шерифам, помимо описания самого бандита иногда были снабжены его особыми приметами, о которых знали власти.

— Я один раз его только видел на той розыскной бумаге! Да и то пьяный! — он зло сверкнул глазами в сторону главаря. — Но это орел! А тот или не тот... Сам посмотри!

Лучшего момента и придумать было нельзя. Если до этого бандиты настороженно косились в мою сторону, не забывая держать руки вблизи оружия, то в эту секунду они просто забыли обо мне, бросая друг на друга злобные взгляды. Меня в свое время долго и жестко учили, как использовать подобные промахи противника. Рванув оружие на себя, я вывел бандита из равновесия, затем толкнул его на главаря. Краем глаза я успел заметить, как ствол револьвера "Мексиканца" дернулся в мою сторону. Грохот выстрела сильно ударил по ушам. Берт, падавший спиной вперед, получил пулю вместо меня. С криком боли бандит рухнул на "Мексиканца". Выдернув из-за голенища нож, я метнулся к главарю, который в это время пытался стряхнуть с себя стонущего бандита, чтобы высвободить свою придавленную руку с револьвером. Тонкое и длинное лезвие ножа, пробив горло "Мексиканца", затем Берта, оборвали их никчемные жизни.

Нож, которым воспользовался, я нашел в дорожных сумках агента. Он представлял собой, своего рода, стилет. Позже я узнал, что в народе его называют "Арканзаской зубочисткой". Именно им я рассчитывал без шума разобраться с бандитами, но, к сожалению, получилось не так, как хотел. Теперь надо было ждать появления остальных бандитов. В том, что они сбегутся на выстрел, я не сомневался. Это же звери, живущие инстинктами, основанными на страхе, злобе, и боли. Схватив винчестер Берта, метнулся к

окну. Осторожно выглянул, прислушался. Никого. Быстро перелез, а затем, обойдя дом, затаился за углом у дальней стены. Через несколько минут послышались тихие шаги и хриплое, тяжелое дыхание. Затем последовали два еле слышных щелчка.

"Взвел курки дробовика. Сид. Один. Идиот!".

Последнее слово относилось к действиям бандита, открыто ворвавшегося в дом. Мне даже не нужно было выглядывать, чтобы знать, что он делает. Так же, как нетрудно было понять, что он будет делать дальше. Выскочит обратно, в поисках врага. Если сразу не найдет его, прихватит общественную кассу и удариться в бегство. Как и предполагал, бандит выскочил наружу, пробежал немного вперед, потом неожиданно резко остановился. Я уже выглянул из-за угла, готовый последовать за ним, как тут же мне пришлось спрятаться обратно. Снова послышались его шаги — он возвращался. Остановился рядом с дверью, оглядывается по сторонам.

"Кроме Сиды никого нет. А бандитская касса, похоже, в доме главаря, раз он тут крутится. Начнем, с Богом!".

Подобрав камешек, я бросил его так, чтобы бандит, повернувшись на звук, оказался ко мне спиной. Гром двойного выстрела разорвал тишину.

"Нервы у парня ни к черту!".

Выскочив из-за угла, я взял на прицел бандита.

— Сид. Я здесь.

Бандит, начавший перезаряжать дробовик, услышав мой голос, замер на какую-то долю секунды, затем стремительно начал действовать, демонстрируя завидную реакцию. Не успел дробовик упасть на землю, как бандит уже начал резко разворачиваться ко мне, выхватывая из кобуры револьвер. Я не стал ждать, пока он его достанет, сделав упреждающий выстрел. У меня не было должной подготовки в обращении с подобным оружием, к тому Сид был в движении, поэтому, целясь в плечо, я попал ему в живот. Получив пулю, бандит все же сумел достать револьвер и выстрелить в мою сторону, только после этого рухнул на колени. Подскочив к нему, ударом ноги выбил из руки револьвер. Превозмогая боль, бандит поднял голову. Я невольно удивился тому, что прочитал в его глазах. В них не было ни мольбы, ни страха, только дикая звериная злоба.

— Где деньги?

Бандит криво усмехнулся.

— Кажется, я задал тебе вопрос, Сид?

— Шакал вонючий! Убивай — не скажу!

— Не хочешь говорить, тогда кричи!

Каблук с силой опустил на ладонь его правой руки, которой он опирался на землю. Тело бандита скрутила судорога боли, закончившаяся диким воплем. Чуть ослабив нажим, спросил еще раз: — Где?

Ответом мне был только хриплый стон, прорывающийся сквозь стиснутые зубы. Крик был такой силы, что у меня аж зазвенело в ушах.

— Ска-ажу-у! У-у!

— Слушаю.

— В этом доме! А-а-а!! Ногу убери!

— Ну?!

— Закопаны в углу! Под горшками! А-а-у!

В тайнике оказались две жестяные коробки из-под сигар. В одной лежало около

полутора тысяч долларов в серебре и билетах американского казначейства, вторая на две трети была заполнена кольцами, женскими украшениями, часами, величиной и обликом, напоминающие луковицы. Перебрав, взял для себя только часы — луковицу. Выгреб деньги из коробки, забрал лопату, которую до этого нашел в доме главаря, я вышел на улицу. Бандит надрывно стонал, лежа в луже крови. Подошел к нему. Как только моя тень упала на Сиду, тот медленно, словно нехотя, поднял голову. Выражение глаз не изменилось. Злоба и вызов.

— Ты прямо как зверь, Сид!

После моих слов на его губах появилось подобие улыбки, словно я его похвалил: — Убей. Не хочу... долго умирать.

Я выстрелил в голову. Пуля, выбив фонтан из костей и крови, распростерла на земле мгновенно обмякшее тело.

"Дурак наивный. Бойцу специальной разведки нельзя оставлять живых свидетелей в боевом поиске. А впрочем, какой я сейчас боец... Да и это Дикий Запад, а не Ближний Восток двадцать первого века. Так что Сид, неизвестно, кто из нас дурак".

Перед тем, как закопать тело Барни, я прощупал каждый шов в одежде агента, но не нашел ничего достойного внимания, за исключением пятидесяти долларов. Последним я стал исследовать пояс. Действительно, с его внутренней стороны оказался тайный карманчик, в котором оказался документ удостоверяющий, что Барни Ферргюсон является сотрудником агентства Пинкертон. Далее шли полномочия, а в конце следовали его физические данные. Рост. Цвет волос и глаз. Особые приметы. Завершала документ заковыристая подпись и громадная фиолетовая печать. Пару минут раздумывал, что делать с бумагой, но потом решил ее уничтожить. Опасная улика. Разорвав документ на мелкие кусочки, развеял их по ветру, после чего приступил к исследованию вещей и седла. В сумке, на самом дне, я нашел две вещи, тщательно завернутые в чистые тряпки. Шкатулка и лежащий внутри нее медальон в форме сердечка. Открыв его, я увидел слегка выцветшую фотографию маленького мальчика лет восьми. Минуту вглядывался в нее, потом попробовал достать ее оттуда, в поисках надписи на обратной стороне, но она оказалась приклеенной намертво. Защелкнув, положил обратно в шкатулку. Ее я осмотрел еще раньше. Черная, лакированная коробка, инкрустированная серебром, и выложенная изнутри синим бархатом. На крышке вензель из двух переплетенных букв "С" и "М". В ней, скорее всего, владелица хранила свои драгоценности. Отложив их в сторону, приступил к поиску тайника в седле. В нем я обнаружил несколько сложенных бумаг. Первые три бумаги относились к делу, ради которого сыщик прибыл в эти края. Копия церковной записи о замужестве Салли Брайен со Стивом Морисом. Затем шла копия церковной записи о рождении их сына Тимоти Мориса. Третья бумага являлась вырезкой из газеты, где говорилось о налете на почтовый дилижанс, где был убит охранник и тяжело ранен кучер. Фамилия убитого была Морис, а звали его Стив. Последним я просмотрел рабочий дневник агента, представлявший собой десять половинок обычного листа бумаги, прошитых крепкой ниткой. Три четверти из них были испещрены записями. По большому счету это был отчет о проделанной работе, где перечислялись фамилии, города, короткие пометки о собранной информации, денежные затраты.

"Судя по отчету, сначала он искал женщину с ребенком, перебирая городки, в которых они жили, один за другим. Шел по их следу через два штата. Стоп! А мне же он сказал, что ищет мальчика. Означает ли это, что мать умерла? Или он собрался забрать его у нее?"

Впрочем, это меня не касается. Последняя запись: название городка, а напротив него имя мальчика. Значит, мальчишка там? Ехал в... как его... Луссвиль, но не доехал. По пути наткнулся на "Мексиканца" и решил срубить немного денег. В итоге — жадность фраера сгубила. Городок искать не буду. Если по пути наткнусь на него. Нет — значит, не судьба. Так пройдемся еще раз глазами, для памяти. Мальчишку зовут Тим Морис. Ему сейчас двенадцать — тринадцать лет. Луссвиль. Так, с кого требовать деньги за парнишку? Кто у нас заказчик?"

Я снова внимательно перебрал бумаги, пытаюсь найти какие-либо намеки, но ничего не было. Почти ничего. Исключение составляла пометка в самом начале дневника — отчета агента. "Адвокатская контора Торнтон". Рядом с ней стояла запись: оригинал. Если я правильно расшифровал, то адвокатская контора должна была получить оригиналы всех документов, которые удастся достать агенту по этому делу.

"Значит, Торнтон. Он заказчик. Зато вот вопрос: "зачем?" остается открытым. Наверно, ищут родственники. Да и какая, к черту, мне разница? Деньги у меня есть. Остается только сесть на поезд, идущий на Восток и навсегда забыть об имени Джек Льюис. Если получится, прихвачу мальчишку. Деньги, они ведь лишними не бывают!"

Встав, отряхнул штаны, потянулся и отправился прочесывать развалины в поисках еды и воды. Десяти минут хватило, чтобы обнаружить полуразрушенный дом, разделенный на две части несколькими грубо сбитыми досками. Одна часть была отведена под конюшню, вторая, которая имела крышу, под склад и кухню. Первым делом отвязал коней и выгнал их наружу, после чего начал ревизию бандитского склада. Перебирая мешки и ящики, я обнаружил шесть дорожных сумок, очевидно принадлежавших членам банды, и тут же принялся их потрошить. Через некоторое время передо мной выросла куча вещей. Здесь была новая и старая одежда и обувь, как мужская, так и женская, часы, различной формы и размеров, серебряные ложки и вилки, коробки с сигарами и пачки табака, две захватанные книжки с картинками и еще много всякого хлама, место которому было в лавке старьевщика. Я уже начал считать, что зря потратил время, когда на дне одного из мешков, обнаружил нечто стоящее. Шесть толстых золотых цепочек от часов.

Похоронив Фергюссона, установил на его могиле подобие креста с его именем. Сделал на скорую руку ужин. Отдохнув после еды, занялся освоением и пристрелкой оружия. До глубокого вечера, не жалея патронов, упражнялся в стрельбе. Мои навыки и сноровка росли с каждой минутой. Расстреляв большую часть запаса патронов, оставшихся от бандитов, решил, что случись мне выйти на поединок с Сидом снова, пуля бы легла туда, куда я хотел. Закончил чистить оружие уже в сумерках. Теперь мне надо было решать: остаться или уехать. Осторожность победила. Уложив в сумки все то, что посчитал нужным забрать, я тронулся в путь.

Я ехал, глядя перед собой, чувствуя на себе любопытные взгляды горожан. Это был второй городок, который я видел, но и этого мне хватило понять, что все они здесь, как братья — близнецы, такие же пропыленные, прокаленные солнцем, с одной-единственной центральной улицей. На противоположных концах улицы лепились убогие домишки из саманного кирпича. Центр города представляла пара салунов вместе с отелем, бордель, контора шерифа, несколько магазинов и церковь. Даже не церковь, а церквушка, выкрашенная в белый цвет. На ней не было даже колокола, Впрочем, чего можно было еще ожидать от такого маленького городишки.

"Паршивая деревня. Убогая и пыльная".

Мое раздражение было вызвано не усталостью, напряженностью или страхом, хотя все они также присутствовали, но не они являлись главной причиной. Просто когда я только увидел очертания этого городка, у меня страшно начало чесаться тело. Шли пятые сутки в седле. Потный, грязный, со щетиной недельной давности, я мало чем отличался от "Мексиканца", когда тот был жив. К тому же я выдохся. Мои не полностью зажившие раны, предельные физические нагрузки и постоянная напряженность привели меня в состояние крайнего утомления. Мне нужны были хотя бы сутки полноценного отдыха. Получить его я мог в любом городке, но, к сожалению, этот желанный отдых являл собой также большую головную боль. Во-первых. Служба шерифа. Во-вторых. Я мог в свое время ограбить здесь банк или застрелить кого-нибудь из горожан. В-третьих. Меня просто могли узнать, запомнив мою физиономию на розыскной афишке. И все же наступив на горло своей осторожности, я решил остановиться в городке. То, что я собирался сделать, было вопреки намертво вбитым в меня приказам и инструкциям, которые бойцу специальной разведки несмотря ни на что было положено выполнять. Собственно говоря, этот внутренний разлад и был основной причиной моего раздражения.

"Вполне возможно, что делаю глупость... — тут мои мысли засбоили при виде пышных прелестей, проходящей через улицу, женщины. — Черт возьми! Какая... Решено. Ванна. Горячая еда и нормальная постель. Где, что и почему узнаю в салуне. Как сказал Лоутон: "Если что надо — иди в салун".

Но все оказалось не так просто. Первое препятствие на осуществление моих планов уже стояло под навесом, рядом с коновязью. Три молодых ковбоя, до этого наблюдавшие за движениями пышных бедер, ходящих под узкой юбкой, именно той самой женщины, которая привлекла мое внимание, сейчас уставились на меня.

"С чего бы это? — сразу насторожился я. — Узнали?".

Я сделал вид, словно интересуюсь вывесками, бросил несколько взглядов по сторонам. И тут же все понял. Женщина, на которую глазели эти оболтусы, остановившись на пороге магазина, сейчас рассматривала меня. Она знала себе цену. Открытая блузка манила обнаженными плечами и скрывающейся под ней высокой грудью. Она относилась к тому типу женщин — самок, которых сразу хотелось завалить в кровать. Она знала об этом впечатлении, чем сейчас и пользовалась. На какое-то время я забыл обо всем, ощущая неумное желание впиться губами во влажные, полные губы, ощутить под руками ее крутые бедра... Отогнав несвоевременные мысли, повернул лошадь к салуну, мазнув взглядом по стоявшей теперь тесной группкой, троице. Их взгляды не предвещали ничего хорошего, напряженные и злые. Быстро отведя взгляд, чтобы не раздражать их, я соскочил с лошади, передав поводья подскочившему ко мне вихрастому мальчишке, и сразу стал подниматься по ступеням.

— Доллар в день, сэр!

Эти слова паренек крикнул мне уже в спину. Не оборачиваясь, я согласно кивнул ему головой, толкнув двухстворчатую дверь салуна. Моим глазам предстала длинная полированная стойка. За спиной у бармена находился зеркальный буфет с полками, уставленными в несколько рядов бутылками. Пол, посыпанный стружкой. Полтора десятка столов со стульями. У дальней глухой стены был сколочен помост, на котором стояло обшарпанное пианино и табурет, на котором восседал маленький всклокоченный человечек, в данный момент, разминавший пальцы. Над инструментом висела доска с грубо

намалеванными буквами: "Не стреляйте в пианиста. Он играет, как умеет". На самом пианино стояло два подсвечника и бутылка виски с нехитрой закуской. С потолка на грубой цепи свисало подобие люстры с двумя десятками свечей. Сначала у меня мелькнула мысль о тележном колесе, но тут же понял, что это не так. "Произведение искусства" явно была выковано местным кузнецом, судя по ее "изящной" отделке. Пробежав взглядом по салуну, я перешел к его посетителям. Группа, покрытых пылью, ковбоев, громко и возбужденно беседовавших до моего прихода, чему очевидно способствовали две бутылки виски, стоявшие передними на столе. Благодаря встрече с ковбоями — перегонщиками, я уже мог отличать их по виду от остальных профессий этого века. Четыре картежника, занявшие столик у окна, меня также не заинтересовали, хотя бы потому, что имели большие животы и не имели на груди шерифских звезд. А вот три человека, стоящих у стойки, меня, очень даже сильно, заинтересовали. Рядом с двумя мужчинами, с обветренными и опаленными солнцем лицами, стояли винтовки, прислоненные к стойке, а у молодого человека с простецким лицом, разговаривающего с барменом, висела звезда шерифа. Или помощника шерифа. При виде звезды я тут же подобрался, сжавшись, как стальная пружина, в ожидании реакции законника. Мужчины, у стойки, бросив на меня по паре любопытных взглядов, вернулись к прерванному разговору. За столом ковбоев вновь возобновился громкий разговор о коровах и ценах на скот, за другим столом снова зашлепали карты. Только шериф и бармен продолжали смотреть на меня. Взгляды, что у одного, что у другого были спокойные, я бы даже сказал доброжелательные.

"Не узнал. Или притворяется? Нет. Не узнал".

Подошел к стойке. Бармен был плотный, крепкого сложения мужчина, с огромным "пивным" брюхом, что, впрочем, не мешало ему шустро перемещаться за стойкой.

— Что будем пить, приятель? Есть хорошее пиво и виски.

— Пива, — секунду я размышлял. — И то, что вы называете виски. Стаканчик на пробу.

— Не сомневайся. Это то, что надо путнику, — осклабился толстяк за стойкой. —

Отлично прочищает кишки после дорожной пыли.

Я кивнул, добавив: — И чего-нибудь горячего.

Оглянувшись, словно в поисках свободного столика, еще раз obeжал глазами зал. Нет, особого интереса ко мне никто не проявил. Успокоенный, я сел за ближайший свободный стол, спиной к стене. Теперь я мог наблюдать как за шерифом, так и за входом. И винчестер не поставил рядом, а положил на стол. Бармен, выйдя из-за стойки, поставив передо мной кружку пива и глубокую миску густого варева, от которого шел пар, стал с интересом разглядывать меня.

— За виски сам подойдешь. Первый стаканчик за счет заведения. Скупаешь скот?

В это время я с жадностью поглощал пиво, тем самым, проигнорировав вопрос. Но толстяк никак не хотел отстать от меня: — Цены на коров растут.

— В самом деле? — равнодушно спросил я, оторвавшись от пива.

— Точно растут. На этом можно заработать большие деньги, — продолжал говорить бармен, пытаясь вызвать меня на разговор.

Я поставил кружку на грубый стол: — Хорошо прополоскал горло.

— У тебя странный акцент. Ты откуда?

Меня это липкое любопытство постепенно начало доставать: — Еврей я. Не видишь, что ли? Ищу место для постройки синагоги.

— Ты еврей?! Синагога?!

Это было сказано достаточно громко и с таким удивлением, что лица всех присутствующих снова повернулись ко мне. Я понял, что шутка не удалась, а вернее, ее просто не поняли.

"Черт с вами, раз шуток не понимаете!".

Не успел я так подумать, как двери на петлях снова качнулись. В помещение ввалились три головореза, которые торчали у входа. Они вошли, держась неестественно спокойно.

— Я буду за стойкой... если что-то надо будет.

И бармена как ветром сдуло. Гул в зале притих, люди стали говорить в полголоса. Нетрудно было догадаться, что никто не хотел привлекать излишнего внимания этих парней. Не глядя по сторонам, они прошли мимо моего стола к стойке.

— Пива! — скомандовал один из них, потом все трое, как по команде, развернулись в мою сторону. — Слушай, Хэч!

— Чего, Билли? — откликнулся бармен.

— Чего у тебя дерьмом запахло? Раньше вроде не воняло!

В зале мгновенно воцарилась тишина. Тяжелая, гнетущая тишина. Двое охотников, это я узнал из их разговора, ни на кого не глядя, забрав свои кружки и винтовки, направились к самому дальнему столику. Помощник шерифа, хоть остался стоять у стойки, но постарался отодвинуться как можно дальше. Послышались звуки отодвигаемых стульев. Картежники, очевидно, решили, что пришло время подышать свежим воздухом. Я не хотел никаких проблем. Но что делать, когда тебе их навязывают? Мой принцип: разрешать их в короткие сроки и с минимальными потерями. Первым попытку сгладить ситуацию предпринял бармен: — Билли! Не задирайся! Парень поест и уедет!

Но тот уже никого не слышал, смотря на меня в упор злыми глазами. Лицо, в раз потеряв человеческие черты, превратилось в застывшую маску. Его дружки, не предпринимая никаких действий, только настороженно косили на меня глазами, видно, во всем полагаясь на своего главаря.

— И откуда же тянет? — тут он сделал шаг в мою сторону. Потом второй. — Сейчас определим. Ага, вот откуда.

Его движения были плавными. Он двигался, не расслабляясь и не сводя с меня глаз. Было видно, что ему не в новинку убивать людей.

— Еще один вшивый бродяга с конским навозом на сапогах!

Только сейчас в вязкую тишину врезался голос помощника шерифа: — Остановись, Билли! Если прольется кровь, ты ответишь по всей строгости закона!

В следующее мгновение, один из приятелей бандита, стоявший у стойки, неожиданно выхватил кольт и направил его в представителя закона: — Заткни свою пасть, ты, чучело со звездой.

А Билли тем временем продолжал наслаждаться ситуацией, чувствуя себя крутым парнем.

Еще бы! Мой винчестер лежал на столе. Револьвер в кобуре. Попытайся я их применить, как тут же получил бы пулю в лоб. И он формально был бы прав, если ориентироваться на местные законы. Хотя он меня оскорбил, но я первым схватился за оружие, а он только защищался. Сейчас его сдерживало только мое молчание и мое спокойствие. Но я понимал, этого хватит ненадолго. Отморозок уже перешел грань, и был готов пролить кровь. Он просто жаждал крови. Его рука зависла над рукояткой револьвера.

— Ты что, бродяга, оглох?!

— Да слышу я тебя. Слышу. Не напрягайся.

— Наш город не для дерьма! Ты меня понял?! — он заводился все сильнее, посчитав, что я струсил. — Ты понял меня? Отвечай, когда тебя спрашивают!

Моя рука по-прежнему была далека от оружия, что грело сознание отморозка возможностью безнаказанно убить человека. Все вокруг замерло. Воздух, люди, весь мир в эту секунду замер, затаив дыхание. Его рука еще ближе подползла к рукоятке револьвера: — Ты дерьмо! Трусливое дерьмо!

— Пшел отсюда, урод безмозглый! — я выговорил это четко и громко.

Эффект не замедлил себя ждать. После этих слов, у него, очевидно, полетели последние предохранители, отвечающие за самосохранение. Его правая рука рванула костяную рукоятку револьвера, указательный палец привычно лег на спусковой крючок. Колыт выскользнул из кобуры. Грохот от выстрела разорвал тишину. Никто сразу и не понял, почему колыт, так и не успев выстрелить, бессильно повис вместе с рукой. Бандит покачнулся. Медленно опустил голову, с недоумением глядя на расползающееся, на его груди, пятно крови, и только потом рухнул ничком. Его тело мягко шлепнулось на посыпанный опилками пол. Только револьвер, зажатый в руке, издал твердый стук, соприкоснувшись с полом. Все недоуменно смотрели на труп. Но их удивление меня не касалось. Не успел отгреметь выстрел из небольшого крупнокалиберного револьвера, до этого лежавшего в моей левой ладони, как у меня в руках уже был винчестер. С этой секунды у растерявшихся подонков не осталось никаких шансов. Первым схлопотал две пули в грудь бандит, угрожавший револьвером помощнику шерифа. Его тело еще только начало оседать, как последний отморозок получил пулю в живот. Сначала упала на пол, с тяжелым стуком, кружка пива, вслед за ней рухнул на колени бандит. Некоторое время, зажав рану, он молча наблюдал, как из-под его рук льется кровь, потом упал на бок и застонал от боли. Я быстро обежал взглядом зал, начав с бармена. Тот выглядел довольно потрясенным и несколько бледным. Не лучше него смотрелся представитель власти, хватая воздух открытым ртом. Охотники и ковбои, округлив глаза и раскрыв рты, просто смотрели, как смотрят любопытные дети на фокусника, показывающего свои трюки. А здесь, похоже, фокусником был я. Я осторожно опустил ствол винчестера, демонстрируя тем самым свои миролюбивые намерения, после чего обратился к бармену: — Хэч, как насчет обещанного виски?!

Бармен тут же отреагировал на мой голос, мгновенно выйдя из стопора: — Нет проблем, парень!

На стойке тут же появилась бутылка и два оловянных стаканчика. Наполнив их, он тут же схватил свой и опрокинул его в рот. Опять налил и снова выпил. После третьей дозы его лицо приняло свой естественный цвет. Медленно подойдя к стойке, я взял винчестер в левую руку, затем взял стаканчик, выпил, после чего аккуратно поставил его на стойку. Неторопливо повернул лицо к помощнику шерифа.

— Как ты думаешь, помощник, у меня будут проблемы... из-за стрельбы?

— Э-э... Не знаю. С Билли все ясно. И с Майком Спрэггом. Они были с оружием в руках. А Вильям... Тут ты нарушил закон, стреляя в безоружного. Ты должен был...

— В безоружного?! — перебил я его. — А что у него было в кобуре? Дамский веер?!

Моя шутка вызвала разрядку среди посетителей салуна, наконец понявших, что я из разряда "хороших" парней. Среди ковбоев послышались смех и заковыристые шуточки. Я уже знал, что эти ребята в отличие от горожан имели еще более грубое чувство юмора и страсть к каверзным проделкам. Вот и сейчас, не успев перевести дух, как начали сыпать

шуточками: — Круто завернул про дамский веер! Ха-ха-ха!

— Эй, Барт, забери у Вильяма веер, жену им вооружишь!

— Нет, Барт, ты ей лучше револьвер из дерева сделай! Ты же плотник!

— Ха-ха-ха! Плотник! Ха-ха-ха! Из дерева!

Помощник, хмуро глядя на развеселившихся ковбоев, сердито буркнул: — Вы на этих болтунов внимания не обращайтесь! Им бы только поржать за бутылкой виски.

— Бармен, еще стаканчик. А ты Барт, продолжай.

— А что продолжать, — с тоской в голосе ответил помощник шерифа. — Мне тебя задержать нужно, до выяснения всех обстоятельств.

Тут раненый в живот бандит застонал.

— А за что? Ты же видишь, он живой.

Угнетенный вид Барта, говорил о том, что тому явно не хотелось предпринимать какие-либо меры против человека, только что на его глазах расстрелявшего трех наемных стрелков.

— Давай тогда завтра со всем разберемся. Ты не против?

— Нет! Совершенно не против! — помощник явно обрадовался тому, что проблема разрешилась сама собой. — Может, к завтраму и шериф приедет. Тогда еще проще будет.

— Как понять проще? Справиться со мной?

— Нет! Нет, просто тогда он будет решать, что с тобой делать.

Не удержавшись, я усмехнулся прямо в лицо мальчишке со звездой шерифа. Тот попытался придать себе грозный вид, но вместо этого покраснел и потупил глаза.

"Все что мог, я уже здесь сделал, — придя к этому выводу, я зашагал к выходу, провожаемый взглядами. Только начал спускаться по лестнице, как неожиданно остановился.

"Куда я прусь? Ночь на дворе! А я ведь даже не спросил, где тут можно переночевать? Чертовы отморозки! Совсем с толку сбили!"

Лиловели сумерки. Дальний конец улицы уже скрылся в полумраке. Фургоны, стоявшие в трех домах от меня, казались белыми расплывчатыми пятнами. Кое-где в окнах уже горели светильники, вырезая из наступающей тьмы светло — желтые квадраты.

"Странное время. Положил троих, а вокруг тишина. Впрочем, если такие мальчишки в помощниках шерифов ходят, тогда, конечно, спокойнее дома сидеть, закрывшись на два засова. Интересно, много здесь народа подобного этим отморозкам? Если да, то жизнь здесь, точно, не сахар".

Тут мимо меня метнулась фигурка мальчишки, что бы тут же растаять в темноте. Некоторое время я еще слышал удаляющийся топот тяжелых ботинок. Нетрудно было догадаться, куда торопиться паренек. Оповестить гробовщика и священника. Может еще мэра... или местный отряд самообороны?

"Что-то я расслабился, стою здесь, как... — тут же в подтверждение моих мыслей раздался легкий скрип петель за спиной, заставивший меня резко развернуться, держа наготове винчестер.

В полосе света, у самых дверей, стоял помощник шерифа, при этом он старался держать правую руку на виду, как можно дальше от кобуры.

"Интересно, этот мальчишка, хоть раз стрелял из своего револьвера?"

— Вильям жив. Ты его только ранил. Я отправил мальчишку Хэча за врачом.

— Ему больно?

— Наверное... Да, конечно.

При этом взгляд стал недоверчиво — недоуменным. Его можно было понять. Не в правилах Дикого Запада, чтобы стрелок проявлял сочувствие, к тому, кого подстрелил.

— Так может добить его, чтобы не мучился?

— Нет. Нет! Ты...

— Успокойся! Это шутки у меня такие.

По его лицу было видно, что он уже не рад, затеяв этот разговор. К тому же я видел, что помощник нервничает даже больше, чем прежде. Он уже два раза оглянулся в сторону гула голосов, несущихся, из залитого огнем свечей, салуна.

"Что этот телок хочет от меня?! — с нарастающим раздражением подумал я. — Придется подтолкнуть!".

— Эти парни не местные?

— Они с ранчо "Три семерки". Там половина таких... отпетых. Хозяин ранчо, Билл Скофилд никак не может поделить землю вокруг родника "Солнечный луч" со Скотти Пертом, — помолчав, продолжил. — Вот оба и набирают... стрелков. Похоже, скоро у нас война начнется. Ты не... к Перту едешь?

В его голосе был страх. Он боялся меня, боялся готовой вот-вот разразиться войны скотоводов, но больше всего он боялся ответственности. Ведь если я наемник Перта, то уже можно сказать, что война началась. И начало положено на его территории, в тот момент, когда он являлся Законом в городе. Он боялся, что город именно на него возложит вину за все произошедшее. Как его малодушие не было мне противно, я все же решил его успокоить: — Не знаю никакого Перта. Я у вас тут проездом. Завтра меня уже не будет.

Лицо молодого парня прямо просветлело от моих слов. Облегченно вздохнув, он заговорил более живым голосом: — Послушайте, я не знаю, кто вы. Если честно сказать, и знать не хочу. Вы сказали, что здесь проездом. А когда собираетесь уезжать?

— Этот городок как называется?

— Луссвиль.

— Ты мальчишку, Тима Мориса, знаешь?

Вопрос застал помощника врасплох: — Тима... Сироту? На конюшне должен быть. А что?

— Его родственники, со стороны отца, попросили отыскать мальчика и привезти к ним. Поэтому я здесь.

— Ух ты! Здорово! — помощник шерифа сейчас еще больше стал мне напоминать обычного мальчишку. — Берите парнишку и уезжайте. Лучше сегодня.

— К чему такая спешка, Барт? Ведь я еще и с мальчиком не говорил. Да и собрать его в дорогу надо.

— Скофилд схватится своих людей завтра утром, после чего нагрянет сюда. Если они вас здесь застанут...будет беда. Война придет в наш тихий город. Никто этого не хочет. В первую очередь — я. А если ты уедешь, Скофилд ничего не сможет предъявить городу. Ты приехал и уехал. А куда? Ищи ветра в поле.

Прямое признание в трусости неожиданно разозлило меня: — Парень, если ты так трясешься за свою шкуру, зачем взялся за эту должность?

— Вы же видели наш городок. Он небольшой. Плотник нужен только время от времени, а помощник шерифа — должность постоянная. Город платит. А у меня семья. Жена и маленький сын.

"А пристрелят тебя, щенка за просто так? Тогда что? — слова уже рвались с губ, но

взгляд на его бледное и вытянутое от пережитых волнений лицо, заставил меня закрыть рот. — У него своя жизнь, а у тебя твоя, тем более у меня и так есть о чем думать".

— ...а мальчишка поедет. Здесь у него ничего и никого нет. Мать померла полтора года назад. Он с тех пор так и болтается от семьи к семье. Кто покормит, кто старую рубаху отдаст. Летом на конюшне конюху помогает. Перегон скота, знаете ли. Ковбои, торговцы, а за ними шулера и всякий прочий сброд тянется. Работы на конюшне хватает. Так что, договорились?

— В общем, да. Если с парнишкой все решится, то мы еще до двенадцати уедем.

— Значит, договорились! — помощник, довольный переговорами, которые, похоже, уже успел поставить себе в заслугу, резко развернулся на каблуках, и уже взялся за створку двери, чтобы войти в салун, как я его окликнул: — Эй! Где тут можно переночевать?

Тот на секунду замер: — За конюшней, следующий дом. Мари Бапьер. У нее вроде отеля. Тим покажет.

Приглушенный вскрик достиг ушей юного Тима, сидевшего в маленькой задней комнате, примыкающей к конюшне. Несмотря на свои десять лет, он знал о делах взрослых, лишь не намного меньше, чем они знали о себе. Слишком маленький был этот городишко. Слишком много здесь делалось напоказ, с пьяного куражу или дикой злобы, туманившей мозг, не хуже дрянного виски.

Осторожно подойдя к пустому стойлу, он увидел светловолосую женщину, с высоко поднятой юбкой и широко раздвинутыми ногами. Эта была Долли Памперос. Мужчина, лежавший на ней, ритмично двигался, вот Долли вскрикнула, напряглась и тут же обмякла. Мужчина поднялся и стал невозмутимо приводить в порядок свою одежду. Тим стоял в глубокой тени. Непонятно откуда, но он знал, что его присутствие не осталось незамеченным для чужака, приехавшего чуть больше часа назад. Ноги словно приросли к земле. Не зная, что делать, Тим просто стоял и ждал. Мужчина, больше не обращая внимания на распростертую на соломе женщину, застегнув оружейный пояс, поднял с соломы винчестер.

* * *

Не дойдя десяти метров до конюшни, я слышал шорох. Винчестер, который до этого лежал на плече, тут же оказался у меня в руках, но тревога оказалось ложной. Из темноты появилась женщина, которую я по приезде за приметил на улице.

"Похоже, не только я на нее запал. И она на меня".

Полные груди, выглядывающие из-под лифа, манили, обещая плотские удовольствия. Остановившись в двух шагах от меня и уперев руки в крутые бедра, она словно прицениваясь, стала оглядывать меня с ног до головы.

"Наглости у нее, что у вокзальной проститутки".

— Ты мне ничего не хочешь сказать, парень?

— А что ты хочешь от меня услышать?

Мой холодный вопрос — ответ неожиданно подействовал на нее словно красная тряпка на быка. Я мог только догадываться, но не представлял в полной мере, как много на Западе мужчин и сколь мало женщин. Плюс то, что ей богато выделила матушка-природа. Тут поневоле станешь местной королевой. Но я представлял собой частный случай. К тому же двадцать первый век не так просто не вытравить из памяти. Поэтому я видел перед собой не местную богиню, а просто красивую шлюху.

— Я думала, что ты настоящий мужчина, а ты никчемный бродяга, такой же, как и все!

— Ты что видела в жизни настоящих мужчин?

— Ты... ты сын шлюхи! — она уже была в таком состоянии, что слушают только себя. — Ты грязный, вонючий ублюдок! Ты...!

Она заводилась все больше и больше, поливая меня отборной руганью. Но даже этого ей показалась мало. Метнувшись ко мне, она попыталась ударить меня по лицу. Не успел перехватить эту руку, как в ход пошла левая.

— Ты что дура, совсем озверела!

— Подонок! Ты...!

— Придется тебя поучить, подруга!

Зажав ее руки, я перебросил дергающееся тело через плечо и двинулся к темневшей расплывчатым пятном в полумраке, конюшне.

Мальчишка нашелся там же, на конюшне. Он наблюдал за нами. Когда я его позвал, он не сразу, но отозвался. Это был тот парнишка, который встретил меня у салуна. Мне было немного неудобно, но моя неловкость полностью перекрывалась остротой ощущений, только что полученных от близости с женщиной. В другой раз я бы не отказался от продолжения, но сейчас был не в том положении, чтобы потакать своим слабостям.

Тим привел меня в местный отель под названием "Дикая роза". Претензионное название, несмотря на выпирающую из всех углов бедность. Открывшая дверь женщина, седая и полная, в халате и папильотках, торчащих из-под чепца, представилась, как миссис Бапьер, после чего без перехода потребовала денег. Получив наличные, мне было категорично заявлено: никаких женщин.

— Мадам! — с чувством оскорбленного достоинства воскликнул я. — Я девственник. Своими словами вы просто оскорбляете меня. Я поклялся перед ликом нашего Иисуса, что не нарушу свою клятву...

— Держите ключ, мистер шутник. А имя сына божьего нельзя упоминать всуе! Это грех! — сейчас ее голос был ехидный, но не злой, каким был в начале нашего знакомства.

Получив ключ от номера и свечу, я поднялся с Тимом по скрипучей лестнице на второй этаж. С порога оглядел гостиничный номер конца девятнадцатого века. Исторический интерес погас уже на второй секунде. Железная кровать с пятнами ржавчины. Тюфяк, набитый соломой и покрытый серой простыней. Сверху лежит лоскутное одеяло, явно не первой свежести. В углу — рукомойник с зеркалом. Снизу — таз. Все это было в достаточной степени потертым и пахло старостью, пополам бедностью. Подошел к окну. Оно выходило на улицу. Вернувшись, сел на кровать. Принюхался. Пахло карболкой, хозяйственным мылом и еще чем-то слегка пованивающим.

"Средство от насекомых? — при этой мысли я тут же вскочил с кровати.

Парнишка от моего резкого движения, прямо-таки вжался в дверь спиной, возле которой стоял с того момента, как мы зашли в номер. Рядом с ним лежали дорожные сумки и оружие.

— Не бойся меня, Тим Морис. Я не сделаю тебе ничего плохого.

— Сэр, а откуда вы меня знаете?

— Всему свое время, а пока скажи мне, как часто меняют белье в этой дыре?

Тот пожал худенькими плечами: — Не знаю, сэр. Наверно, когда совсем грязным станет.

— А блохи тут есть?

— А как же без них!

— Класс! Номер-люкс!

Я осмотрелся еще раз, затем поставил подсвечник со свечой на массивную тумбочку, стоявшую у изголовья кровати, а сам сел на стул, стоящий у окна.

— Садись на кровать, парень.

Мальчишка, с определенной долей робости, сел на кровать, оказавшись в кругу неровного, колеблющегося света. Пламя свечи осветило худенькое тельце, в штанах и

рубашке, не по размеру больших и грязных. Некоторое время он сидел, опустив глаза, но когда все-таки их поднял, я замер. В них клубилась тоска, страх и много всего прочего, о чем двенадцатилетний пацан не мог и не должен был подозревать. Подобный взгляд мог принадлежать взрослому человеку, много видевшему и много пережившему, но никак ни мальчику. Отодвинув эмоции в сторону, я только хотел начать разговор, как заметил, что парень правой рукой поглаживает одеяло, хранившее в себе грязь не одного десятка ковбойских сапог.

— Что не так с одеялом? Блох ищешь?

— Оно... мягкое и красивое.

— Хм! Ты что... давно не спал на кровати?

— Так давно, что даже и не помню, спал ли я на ней вообще.

— Хм. Считай, кровать твоя... на ночь. Если... ты не боишься животных, которые могут там водиться.

— Вы не шутите? Нет? Это здорово! — на лице паренька появилась улыбка, несмелая и робкая.

Не теряя больше времени, я выдал ему наспех придуманный рассказ об адвокатской конторе и человеке, который попросил его найти. Подробности и доказательства ему не понадобились, он сразу и безоговорочно поверил всему, что я сказал. Единственное, о чем он решил спросить, так это о своих родственниках, взявшихся за его поиски, но, получив в ответ, что это только мое предположение, решил удовольствоваться тем, что услышал. По всему было видно, он безумно рад, что уезжает отсюда, но особенно радовался тому, что едет в Нью-Йорк, о котором так много слышал. И опять же свою радость он проявлял не по-детски, то есть не стал прыгать по комнате и засыпать меня ворохом вопросов, а остался сидеть, только лицо озарилось тихой и робкой улыбкой. Такая иногда появляется сама собой, непроизвольно отражая внутреннюю радость одинокого человека, которому не с кем разделить ее. Я дал ему некоторое время, чтобы прийти в себя, затем спросил, что ему понадобится в пути, как получил неожиданный ответ, что сборы в дорогу он берет на себя. И уход в дороге за лошадьми тоже. Чем меня сильно удивил, а еще в большей степени порадовал.

— Я, мистер, очень неприхотлив в еде, — в первую очередь заверил меня Тим, когда я продолжил разговор о подготовке к путешествию. После чего хозяйственный парень выдал перечень основных продуктов и список кухонной утвари и снаряжения, необходимых для путешествия. После чего начал деловито прикидывать, в каком из магазинов покупки нам выйдут дешевле. Я смотрел на хозяйственного и делового не по летам паренька и диву давался. Дай ему соответствующее образование и начальный капитал, при его хватке он себе к двадцати годам точно миллион сколотит. И дети у него такие же будут. Все в папу. Потомственные миллионеры. Сейчас я мог позволить себе усмехаться прежним мыслям — страхам, когда думал, с какими трудностями придется столкнуться, заботясь в пути о ребенке. Закончив с хозяйственными вопросами, попробовал узнать у него о пути к железной дороге, но это было вне круга его интересов, поэтому он просто ничего не знал об этом, зато я узнал, зачем уехал шериф. Тот уехал, оказывается, в соседний город, который раз в пять больше этого (оценка ребенка), чтобы попросить выделить городу отделение рейнджеров в связи с надвигающейся войной скотоводов. Также я узнал, что сам шериф крутой мужик и у него есть стопка афишек с описанием преступников, среди которых есть Джек Льюис. Время от времени наиболее свежие он вывешивает для всеобщего обозрения.

но ветер и некоторые глупые ковбои, срывают их. Ветер просто так, а ковбои — на папироски. Мальчишка знал не только всех известных преступников и премии за их головы, но и подробные описания их "подвигов". Для него они были, что для меня в детстве герои сказок.

Когда Тим уснул на настоящей кровати под настоящим одеялом, я еще раз проверил, заперта ли дверь, задул свечу, потом поставил стул напротив окна. Затем, приоткрыв окно на треть, уселся, закинув ноги на низкий подоконник. Правда, перед этим я с некоторой долей зависти смотрел на уютно сопящего мальчишку, почти с головой накрытого одеялом.

"Красивым и мягким. Это ж надо! Кстати, ему хорошо подходит определение: мальчик — мужчина. Кстати, оно ко многим тут подходит. Взять же того же Барта. Или этого отморозка Билли. Что тому, что другому, лет по двадцать, а ведут себя как дети. Один трус, пытающийся себя как-то выразить, другой хулиган, задирающий всякого, кто попадется у него на пути. Радует только то, что они предсказуемы. Несложно угадать их мысли и предугадать их действия. Плохо то, что у этих детей оружие, и они, как все дети, пытаются доказать всему миру свою крутость. А взять меня? Я ничем не лучше их. Всю свою жизнь доказывал, какой я крутой. И так же как они, с оружием в руках. Правда, меня долго и упорно учили, что сила хороша только в том случае, когда над ней стоит разум, умеющий оценивать и контролировать ситуацию. К тому же меня учили на ошибках других людей, здесь же люди познают все на своих ошибках. А револьвер — очень жесткий учитель. Не дает часто ошибаться. Одна — две ошибки и тебя уже везут на кладбище".

Несколько раз за ночь я просыпался и менял позу, но разбудил меня все-таки мальчишка. За окном уже светало. Свежий, прохладный ветерок охлаждал лицо и грудь, сквозь распахнутую до пупа рубашку. Не успел я спустить ноги с подоконника, как прокукарекал петух. Где-то невдалеке грохотала тяжело нагруженная повозка. Голос возничего во все горло подстегивал лошадей, сопровождая свои выкрики хлопаньем хлыста. Из-за соседнего дома раздался рассерженный женский голос: — Том! Где ты негодный мальчишка?! Том Перкинс, живо...!

Слова резко оборвались, видно женщина вошла в дом. Несколько раз потянувшись, разминая затекшие члены, потом спросил: — Как спалось, парень?

— Как в раю, Джек.

Когда мы познакомились, я назвал ему это имя, чтобы не было лишней путаницы.

— Как ты думаешь, Тим, сколько сейчас времени? — спросил я паренька, направляясь к умывальнику.

— Петух тетки Молли пропел, значит, пол шестого или около того.

Пока я плескался, разбрызгивая воду, он стоял у окна, смотря на улицу. Натянув рубашку и заправив ее в штаны, я подошел к нему.

— Смотри, Джек. Келли Брайт взялся с утра за работу. Интересно сколько он гробов сколотит? Я вчера слышал выстрелы, а ты?

— Два сколотит.

— Откуда ты знаешь? — на его лице было написано простое детское удивление.

— Как ты насчет петуха и времени знаешь, так я насчет гробов.

Его взгляд снова стал серьезным и внимательным, некоторое время он смотрел на меня, потом его взгляд снова упал на улицу.

— Смотри, Маргарет идет!

По его голосу можно было судить, что он равнодушен к этой женщине. Разница была у них лет в тридцать пять, поэтому вариант о любви с первого взгляда можно было сразу отбросить. Невысокая, плотная женщина в оранжевом платье и несуразной шляпке с искусственными цветами, шла с корзинкой, висевшей на руке и прикрытой чистой льняной тряпицей. Вот она поздоровалась легким кивком головы, с мужчиной спешащим ей навстречу: — Доброго вам здоровья, мистер Торчетт.

Тот ответил ей плавным кивком головы, одновременно взявшись двумя пальцами за поля шляпы: — И вам того же миссис Брайн.

Оторвал меня от этой деревенской идиллии голос Тима: — Джек, когда мы пойдем завтракать?

— Ты с ума сошел, парень. Сам же говоришь еще шести утра нет. Люди только глаза продрали. Проснулся бы в девять, сразу же и пошли.

Мальчишка посмотрел на меня так, будто видел первый раз в жизни, а потом спросил: — А почему в девять? Охотники до восхода солнца уходят, а Хэч их перед этим завтраком кормит.

"Мать твою! — мысленно ругнулся я и тут же попытался оправдаться: — Так я думал позавтракать и в магазин зайти. Чтобы не ходить лишний раз.

— А! — лицо мальчишки просияло. — Я слышал, что в больших городах магазины позже открываются. У нас не так. Нам работать надо с утра до вечера, чтобы выжить в этом несовершенном мире.

При этом лицо мальчика приняло серьезное выражение. Судя по всему, мальчишка позаимствовал фразу у кого-то из взрослых. Спустившись вниз и вернув ключ хозяйке отеля, мы отправились завтракать. Не успели пройти и пяти метров, как я заметил, что люди, идущие нам навстречу, словно невзначай, стали переходить на другую сторону улицы или резко сворачивали в первую попавшуюся дверь магазина. И только на приличном расстоянии, у порогов своих домов или у входа в магазин, продолжали стоять любопытные горожане. Уже на подходе к салуну, Тим не утерпел, заскочил в конюшню. Только после обстоятельного разговора с конюхом, заверившего его, что все хорошо, мы, наконец, смогли добраться до салуна. Хэч радостно осклабился при виде нас, приветственно замахал рукой. Тим тут же направился к нему обсудить наше меню на завтрак, а я подошел к Барту, сидевший за столом с кружкой дымящегося кофе. При виде меня он привстал, коснулся полей шляпы в знак приветствия, я ответил ему тем же. Присев к его столу, я коротко обрисовал ситуацию, добавив в конце, что через пару часов мы уедем, чем несказанно порадовал его. Сославшись на дела, он тут же убежал. Позавтракав, мы пересекли улицу и вошли в магазин Саммерса. Мы вошли в лавку под испуганно — любопытным взглядом хозяина и настороженными взглядами двух покупателей — ковбоев, которые до нашего прихода выбирали себе рубашки. Я обожегал глазами магазин. Самый разнообразный товар наполнял полки и горами был свален в углах. Трудно было бы придумать какую-либо принадлежность фермы, сарая, хлева, конторы, кухни или гостиной, которой бы не было здесь. Одежда, провизия, седла, сбруя и сельскохозяйственные инструменты, ружья, скобяные товары, веревки, шляпы и бутылки с фруктовой водой, представляли странное для моего глаза смешение.

— Что желаем? — приторная угодливость хозяина прямо резала слух.

— Мне надо одежду и обувь на него, — я указал на Тима. — А потом парень скажет тебе, что нам надо из продуктов и вещей в дорогу.

Как оказалось, в этом магазине можно было купить все, кроме детской одежды. Пришлось покупать одежду на мужчину. Самая маленькими по размеру из купленных вещей стали штаны, которые были всего лишь на полтора размера больше. Больше повезло с ботинками, они были ему только немного великоваты. Только я попытался договориться с женой лавочника по поводу перешива одежды, как мальчишка меня сразу потащил на улицу, оборвав на полуслове. Выйдя, я вопросительно уставился на него.

— Мне нужно два доллара, Джек! — он выпалил эту фразу на одном дыхании и замер в ожидании ответа.

Я молча смотрел на него, требуя более детальных объяснений. Тим опустил взгляд и тихо сказал: — Хочу дать заработать... одному хорошему человеку, сэр. Она ко мне хорошо относилась, сэр. Пожалуйста, сэр.

Не знаю, что он увидел в моем взгляде, но чувствовал себя явно неловко.

— Ну и... — я не стал продолжать, давая ему закончить самому.

— Она, правда, хороший человек. Она стирает. Ей... Она и приезжих обстирывает. Она мне всегда... Вы видели ее, сэр! Это Маргарет!

Судя по тому, что он меня стал называть "сэр", парень сильно разволновался. В глазах блеск, а на щеках — легкий румянец.

— Говоришь, хороший человек?

— Да, сэр. Очень хороший человек. Она чем-то похожа на мою маму.

— Хорошо. Отнеси ей десять долларов. И пусть она хорошенько подгонит твою одежду.

Он даже задохнулся от названной суммы. Глаза стали большие и радостные.

— Я... Сэр! Она... Спасибо, сэр!

Пока он невнятно благодарил меня, я скинул ему на ладошку две пятидолларовые монеты.

— Не потеряй на радостях.

Парень сначала сорвался с места, держа деньги в кулаке, но потом остановился, аккуратно вытащил длинную просмоленную бечевку. Она охватывала по горлу старый кожаный мешочек, покрытый какими-то непонятными узорами. Раскрыв его, он осторожно положил туда деньги.

— Это что, твой потайной карман? — пошутил я.

— Карман? Нет... Это... — он видно хотел сказать, но в последний момент передумал, — то, что у меня осталось от мамы.

Тут его голова медленно опустилась. Он смотрел в землю.

"Мне только его слез не хватало для полного счастья".

— Все. Иди. После примерки — в салун. Я тебя там буду ждать.

С минуту я смотрел ему вслед, после чего направился в местную скупку золота. Эту лавку я приметил буквально пять минут назад. Мне не хотелось светиться с подобным товаром в маленьком городишке, где все на виду, но теперь — какая разница.

Плотного телосложения, коренастый мужчина с мускулистыми руками, больше походил на ковбоя или старателя, но никак не на лавочника. При виде меня он как стоял, уперев руки в прилавок, так и остался стоять. Ни в движениях, ни во взгляде не было ни суеты, ни страха, только холодное спокойствие и уверенность в себе. Я бы не удивился, если бы у него под прилавком лежал заряженный дробовик или револьвер. Осмотрелся. Слева от меня на стене висела голова здорового медведя с оскаленной пастью. На противоположной — копье и два скрещенных томагавка.

"Классно смотрится!".

Заметив, что я их внимательно разглядываю, сказал: — Военные трофеи. Вот этот топорик, висящий слева, чуть было на тот свет меня не отправил. Три пальца правее и все!

Я повернулся к нему. Увидев к своим словам интерес, помедлив, пояснил: — Пришлось повоевать в свое время. И с сию, с апачами, с команчами, — секунду помолчав, добавил вызывающе. — И с бандитами. На мексиканской границе.

Я почувствовал, как он напрягся, в ожидании моей реакции.

— Расслабься. Только один вопрос, а потом перейдем к делу: как ты здесь оказался солдат, после своих подвигов?

Хозяин лавки нахмурился. Стало видно, что своим вопросом я попал ему в болезненное место, но было уже поздно что-то менять. Я уже не надеялся на ответ, как все же его получил: — Нога.

Увидев в моих глазах непонимание, зло пояснил: — Бандиты колено прострелили. Нога не сгибается.

Судя по его суровому виду, хозяин лавки был явно не тем человеком, которому требуются слова утешения, поэтому я решил больше не искушать судьбу, а молча полез в карман. Достав комок из спутанных золотых цепочек, положил его рядом с весами, стоявшими на прилавке. Рядом с ними лежало несколько открытых коробочек со стоявшими в них гирьками — разновесами. Он посмотрел на золото, потом на меня. Если золото он только окинул взглядом, то меня он явно оценивал.

— Ты, правда, мальчишку забираешь в Нью-Йорк, к родственникам?

— Да.

— Не обижай его, он хороший паренек.

"Нормальный мужик. Прямолинейный, бесхитростный, грубоватый, но в общем порядочный, по-моему, человек".

— Я что похож на человека, способного обидеть ребенка?

— Ты воевал?

Я утвердительно кивнул.

— Я тебе скажу так. Мы простые люди и живем в свободной стране. Каждый решает сам, кем ему быть. Здесь, на Западе, если человек хочет быть плохим, и при этом это сильный человек, то его мало кто остановит. Здесь, не как на Востоке, где на каждом углу полицейский. С другой стороны, если сердце человека чистое, без червоточин, он живет честной и прямой жизнью, но опять же, только потому, что на то его воля. Ты, похоже, относишься к хорошим парням, солдат. К тому же у меня нюх на крыс помойных, типа тех троих, которых ты вчера отправил в ад.

Судя по любопытству, проявившемуся в его глазах, он был не прочь обсудить вчерашний поединок. Развивать эту тему мне не хотелось, поэтому я сухо бросил: — Сами напросились. Перейдем к делу?

— К делу, так к делу, — разочарованно протянул владелец скупки.

Разделив цепочки, он внимательно осмотрел каждую из них. После чего загрузил их, одну за другой, на чашку маленьких весов. Другую чашку начал заполнять разновесками. Некоторое время выравнивал чашки весов, подбирая гирьки. Выпрямился. Достал из-под прилавка деревянную коробку, а из нее несколько бумажек.

— Держи, — и протянул мне деньги.

Я не глядя, сунул их в карман. И уже собрался попрощаться, как мне в голову пришла

одна дельная мысль.

"Грогги "Мексиканец". А почему бы и нет? Человек-то неплохой. Пусть пользуется".

— Послушай...

— Бен.

— Послушай, Бен, ты про "Мексиканца" слышал?

Лицо Бена сразу напряглось: — Слыхал.

— Я же сказал: не напрягайся. За его голову сколько обещали?

— Шестьсот долларов, — в его взгляде и голосе прорезалась явная заинтересованность.

Хозяин лавки был, похоже, не только солдатом, но и деловым человеком.

— Здесь милях в шестидесяти есть заброшенный городок, — Бен кивком подтвердил мои слова. — Там лежат трупы "Мексиканца" и его бандитов. Прошло двое суток и они, конечно, пованивают, но на цену это вряд ли повлияет. Главаря опознаешь по перевязанному боку. Рядом с ним валяется коробка с женскими побрякушками и часами.

Бывший солдат облизал разом пересохшие губы: — Ты... А сам чего?

— В благодарность за это, ты сделаешь для меня одно дело. Хорошо?

— Честью солдата клянусь! — голос его чуть дрогнул.

— Там, недалеко от колодца, могила. Ее нетрудно найти. Холмик и воткнутый в него простой деревянный крест, обложенный камнями. Я хочу, чтобы ты перевез и похоронил его на местном кладбище. Как положено, со священником. Зовут его Барт Фергюссон. Умер два дня назад.

— Сделаю!

— Пока, Бен.

— Всего тебе, друг.

Перед лавкой цирюльника стояла плотная группа из шести мужчин, которые что-то оживленно обсуждали, но как только увидели меня, идущего с мальчиком, голоса сразу затихли. Мужчины стали тут же пожимать друг другу руки и прощаться. Сразу стало ясно, что разговор шел о событиях вчерашнего вечера, а значит, обо мне. Тим был уже в курсе того, кто вчера дал подзаработать гробовщику и врачу, и теперь купался в лучах славы человека, который был его другом. Он был горд и даже тщеславен, пусть даже не признавал этого. Шел, выпрямившись, расправив плечи. Тючок со своей новой одеждой, он уже не прижимал к груди, а нес в одной руке. Глаза его сияли. Я его понимал. После стольких лет унижений он внезапно оказался в центре внимания. Нас прямо ели глазами, позволяя себе перешептываться только у нас за спиной. Сейчас, в эти минуты, мы были фигурами первой величины, в этом маленьком городке. Это выглядело смешно, но так оно было для меня, но не для Тима. Он все лишь был маленьким мальчиком и понимал происходящее, как человек своего времени, только вместо настороженности и страха он испытывал нечто похожее на счастье. Сравнивая лицо мальчика с любопытно — настороженными взглядами обывателей, мои мысли заработали в том же направлении, что и те, посетившие меня прошлой ночью.

"Иду по улице городка. Самый настоящий убийца. Убивший на глазах десятка свидетелей двух человек. Теперь еще весь город об этом знает, и что же? Никто не сидит, закрывшись дома, с оружием в руках. Просто смотрят издали, с испугом и любопытством. В глазах нет ни отвращения, ни ненависти. И этот паренек. Идет рядом с убийцей и сияет. Все в порядке вещей. Мне странно, а им нет. Знали бы они, о чем я сейчас думаю... Ага, вот и вывеска, мимо которой я вчера проезжал".

Вывеска над входом парикмахерской гласила: "Бритье и ванна — 50 центов". Я только хотел переступить порог, как услышал за спиной негромкий людской гомон. Рука метнулась к револьверу одновременно с крутым разворотом тела, но, увидев причину шума, я снова расслабился. Шум толпы касался меня, но только косвенно.

Посередине улицы медленно катился катафалк, запряженный двумя лошадьми. Народ, который только что глазел на нас из окон и проемов дверей, тут же высыпал на улицу. Стоя на пороге, я быстро скользнул глазами по лицам, толпившихся по обеим сторонам улицы, людей. Они наслаждались происходящим, ничуть не стесняясь своего любопытства, перешептываясь, а то и высказываясь вслух по поводу похорон и покойников. Гробовщик оказавшийся в центре внимания, то и дело раскланивался по сторонам, прикладывая пальцы к своему черному высокому цилиндру.

— Мэм! Сэр! — несло во все стороны с катафалка.

В город пришло Событие. Оторванные от родины, приехавшие сюда со всех сторон света, эти люди ничего не знали, кроме работы. Они ковали свое будущее с утра до вечера. Шесть дней в неделю. А в воскресенье — церковь и пирог с начинкой. Изюм в день, из недели в неделю, из года в год, все повторялось снова и снова. И вот происходит Событие, которое навсегда останется в истории их города, о котором можно будет рассказывать приезжим и друг другу в длинные, зимние вечера.

Только теперь я рассмотрел, что многие из жителей вырядились как на праздник. Их оживленные и довольные лица только что не светились от счастья. Можно было подумать, что на их городок уже пал отсвет славы городов, где совершали свои подвиги, известные всему Дикому Западу шерифы, ганфайтеры и бандиты.

Решив, что с меня хватит этого убогого зрелища, я втащил Тима в цирюльню, не дав полюбоваться зрелищем проезжающего катафалка не только ему, но и местному парикмахеру. В лавке стоял запах лавровишневой воды и свежего мыла. Местный мастер расчески растерянно бросал взгляды то на меня, то на мальчика, не зная, как к нам относиться.

— Э, мистер... Что будем...

— Ванна. Стрижка. Для него. Потом все тоже для меня. И еще бритье.

Цирюльник натянуто улыбнулся. Мое выражение лица, видно, не располагало к обычным вольностям, которые он позволял со своими обычными клиентами.

— Да, сэр. Пять минут, сэр. — Тут он обернулся вглубь помещения, отгороженного большой цветастой ширмой и крикнул. — Сара! Джентльмены желают принять ванну!

Из-за ширмы выглянуло простоватое, на мой взгляд, женское лицо. — Пять минут, Кент! Пять минут! Она уже наполовину налита! Пусть господа немного подождут!

Я догадывался, что меня ожидает. Это счастье я уже испытал перед выпиской из больницы города Данвилля. Дубовое корыто, которое они называли ванной. В нем перемылось, наверно, полгородка, не считая всех приезжих и заезжих. Но другого выхода не было. Или быть сравнительно чистым. Или...

— Тим. Искупаешься — переоденься. Старые тряпки выкинь.

— Хорошо, Джек. Только дожидаться я тебя не буду, зайду на кладбище. С мамой попрощаюсь.

— Хорошо. Я там тебя найду.

Я слушал рассказы Тима о его трудной и безрадостной жизни, после смерти матери. О

людях — жителях городка. О лошадях. Он был их фанатом. Даже когда он рассказывал о жителях городка, то постоянно сбивался и принимался описывать лошадь этого человека. Какой у нее нрав, что она любит. Парень, похоже, их любил, больше чем людей. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Люди, здесь, на Западе, в своем большинстве были грубы и жестоки. Тяжелые условия, неустроенная жизнь, оружие в свободном обращении. Дикие пьянки, драки, поножовщина и стрельба. Надо же, как-то выпустить пар после тяжелых трудовых будней, а если подвернется бездомный малыш, он тоже сгодится. Его можно обругать, дать пинка, а то и затрещину.

Не успели мы проехать и пятнадцать миль за разговором, как увидели впереди громадное облако пыли, вздымающееся вверх за спиной десятка ковбоев, несущихся во весь опор. Мы тут же свернули немного в сторону, чтобы не попасть в пыльное облако. Мчащийся впереди здоровенный ковбой с красным лицом и пшеничными усами, скользя по нам взглядом, крикнул за спину: — Том! Разберись! Потом догоните!

От группы тут же отделились и свернули в нашу сторону два ковбоя. Остановившись в пяти метрах, они принялись пристально разглядывать нас, а я в свою очередь — их. Оббежав глазами обоих на предмет оружия и кроме револьверов, никакого оружия у них не заметил. Правда, с луки каждого седла свисало лассо. Ковбой постарше, худой и жилистый, с жестким лицом, в свою очередь также быстро и цепко пробежал глазами по моей фигуре, после чего остановил взгляд на моем лице. Несколько секунд оценивающе и пристально вглядывался в меня, затем мельком бросил взгляд на мальчишку, после чего снова принялся разглядывать меня. Очевидно, он уже успел составить обо мне свое мнение, которое, похоже, оказалось не в мою пользу, так как его взгляд изменился, стал наглым, давящим, старающимся запугать.

"Наверно, один из наемных стрелков, которых нанял для войны... Скофилд".

Только когда я выдержал его взгляд, он резко бросил: — Ты кто?

— Конь в пальто! А ты кто?

Пока он переваривал мой ответ, в разговор вмешался второй ковбой, молоденький парнишка, лет восемнадцати: — Этого мальчишку я знаю. Он на конюшне работает. Слушай, Том, наверно, это он украл у меня два доллара в позапрошлую субботу! Точно он, змееныш! Смотри, как хорошо одет! Небось, на уворованные денежки!

— Бак, не суетись, — чуть презрительно бросил стрелок своему напарнику.

— Я никогда и ни у кого не крал! — голос Тима звенел от обиды. — Ни цента! Никогда!

— Заткнись, щенок! — никак не мог успокоиться "зеленый". — Не вор, говоришь? Ты на конюшне спал и тряпки носил, а сейчас как одет?! А лошадь откуда?!

Только теперь до меня дошло, что этот "зеленый" ковбой под градусом. Похоже, выпил для храбрости, собираясь ехать на разборку в город. До того как они подъехали, я поинтересовался у Тима, откуда эти парни. Он сказал, что это ковбои Скофилда. Мне тут же стало понятно, почему они пылят в Луссвиль, а не пасут своих коров. Едут узнать, где запропастились их дружки. Уже одно то, что Билли с приятелями был из их компании, меня настроило против них. Да и отношение к мальчишке этого молодого ковбоя мне не понравилось. Короче, они мне совсем не нравились. И я был рад, что послушался своего внутреннего голоса, достал из седельной сумки револьвер и спрятал его под полу куртки. Его черная рукоять была чуть видна и скрыта от чужих глаз передней лукой седла. Я не собирался играть в местную игру "кто быстрее — тот и прав". Если они считали, раз у меня карабин в чехле, а револьвер в кобуре, то они хозяева положения. Хорошо. Пусть считают. Хотя не будь мальчишка, я не стал затягивать нашу беседу, а скакал бы уже дальше, оставив за

собой два трупа, тем более что все равно скоро война скотоводов начнется. Просто спишут еще двоих в графу убытков.

— Джек! — мальчишка, по нему видно было, испугался, что я могу поверить этому болтуну. — Я никогда не крал! Честно!

— Костюм и лошадь, я купил для мальчика.

Том, все это время пытавшийся определить, что я собой представляю, наконец, решился. Очевидно, сыграли роль мои последние слова. Раз я оправдываюсь, значит, трус. Или что-то в этом роде.

— Ты мне так и не ответил, кто ты такой? — его голос прозвучал надменно и при этом насмешливо.

Мне уже стали приедаться люди с оружием, которые никак не могли понять, что оно не игрушка, а ответственность. И если случиться, то отвечать придется в полной мере.

— Езжайте куда ехали, парни, а мы поедem своей дорогой.

— Ты поедешь, когда я тебя отпущу. Это раз. Второе — я жду ответа. И предупреждаю: долго ждать, не намерен.

Том был готов к схватке, был готов стрелять, но того, что револьвер появится не из кобуры, а из-под куртки, он явно не ждал. Бак еще только тянулся к кобуре, когда Том рванул револьвер из кобуры, но оба — увы! — безнадежно опоздали. На них смотрел ствол сорок четвертого калибра. Страх, который они тщательно скрывали, я видел в полыхнувших ненавистью глазах Тома, и в пьяных и злых глазах Бака. Револьвер подпрыгнул, и Том умер, едва успев вытащить из кобуры свой кольт. Только я успел взвести курок, как на стволе револьвера Бака расцвел огненный цветок. Промаях. Лошади под нами плясали, рвались бежать. Решив не рисковать, я выстрелил в более крупную мишень, в лошадь Бака. В этот миг он уже был готов спустить курок, как его лошадь, получив пулю, встала на дыбы. Грянул выстрел. Пуля ушла куда-то в сторону, а сам ковбой рухнул с конем на землю. В последний момент он попытался освободить ноги от стремян, но не удачно. Мало того, что конь придавил его ногу к земле, он еще, при ударе о землю, потерял револьвер. Несколько секунд он приходил в себя, а потом стал дергаться, стараясь освободиться, словно зверь, попавший в капкан. Соскочив с коня, не торопясь, я достал из чехла винчестер. Потом подошел к трупу Тома. Тот лежал на спине, глядя на солнце открытыми, немигающими глазами. Пуля попала ему в рот, выбив передние зубы.

— Тим, возьми его лошадь. Хозяину она больше не понадобится. Потом отъедешь. Мне тут с человеком надо потолковать.

Дождавшись, пока Тим не отъехал на добрый десяток метров, только тогда подошел к Баку.

— Гнусный и вонючий хорек! Ты подло убил Тома! Знаешь, кем он был?! Стрелком из Моря! Он бы тебя...!

— Попридержи язык, парень, пока я тебе его не отстрелил, как злому мальчику Билли.

— Ты... его? Кто ты? Неужели... Ты от Перта? Точно от Перта! Он тебя нанял! Ты стрелок! Как я сразу не догадался! Мальчишка сбил меня с толку! Ты убил... их всех?!

Парня настолько переполняли чувства, что он уже забыл об угрозе собственной жизни.

Он всматривался в мое лицо, пытаясь понять, с кем он столкнулся. Он явно хотел, чтобы я оказался известным стрелком, в этом случае его честь не пострадает. А так получается, что двое крутых мужиков не справились с одним заезжим бродягой. Насмешек не оберешься. Все это явственно читалось на растерянном лице Бака.

— Он убил их, стоя к ним лицом к лицу! — неожиданно раздался голос Тима. — И два ваших стрелка были с оружием в руках!

Мне неожиданно стало приятно, что он выступил на мою защиту, пусть даже таким образом.

— Тим, не болтай, а лучше смотри по сторонам!

Обойдя труп лошади, я подsunул приклад карабина под седло, затем напрягся, приподнимая тело животного. Бак, с трудом, вытянул ногу, потом помял ее немного, скривился, после чего встал. Бросил косой взгляд на револьвер, лежащий в трех метрах.

"Бойцовый характер у парня. Все неймется ему. Впрочем, может именно такой сможет усвоить урок", — подумал я, а вслух сказал: — Начнем обучение.

Бак, услышав мои слова, удивленно взглянул на меня, но его удивление мгновенно сменилось настороженностью, когда он увидел, что я прислонил винчестер к трупу лошади, а затем подошел к нему на расстояние удара.

— Драться умеешь?

— Не хуже других, — довольно заносчиво заявил "молодой и зеленый".

— Проверим, — и неожиданно, с оттяжкой, хлестнул по щеке.

Ковбой в ярости бросился на меня, но я отбил его кулак и нанес сокрушительный удар правой в челюсть. Колени Бака подкосились, и он рухнул лицом вперед. Около минуты он приходил в себя, затем, трясая головой, поднялся на четвереньки.

— Отучись от привычки болтать лишнее языком, парень. Это до добра не доводит, а в особенности, в ваших краях. Это первое. Теперь второе...

Тут он, окончательно придя в себя, рывком встал на ноги, его рука автоматически опустилась на рукоять револьвера. Но кобура была пуста. Пока он тратил впустую драгоценные секунды, я не стал терять время зря, нанеся ему мощный удар в живот. Пока он сгибался, судорожно глотая, я резко и хлестко с полу разворота ударил ребром ладони по горлу. Парень упал ничком, потом, хрипя, завалился на бок, его рвало. Я взял винчестер. С минуту наблюдал за ним, потом громко сказал, чтобы сказанное мною дошло через боль, скрутившую его тело: — Насчет второго! Не строй из себя крутого больше, чем ты есть на самом деле! Дольше проживешь!

Закончив воспитание, подошел к лошади. Та нервничала. Вздрагивала всем телом и тревожно косила взглядом. Вскочив на лошадь, ласково похлопал ее по шее, успокаивая. Поступив вопреки своему железному правилу: не оставлять за спиной врага, я в тоже время не чувствовал себя так, словно в очередной раз перешагнул через самого себя. Причина этому была проста. Мне не хотелось выглядеть плохим человеком в глазах мальчишки, который мне нравился. Почему? Парнишка и так видел много зла в жизни, так зачем же его лишний раз травмировать еще одной смертью. Да, он видел много грязи и крови в своей маленькой жизни, а теперь хватит. Но просто так отпустить без должного урока этого зарвавшегося юнца я тоже не мог, натура не позволяла. Поэтому все вылилось в своеобразную импровизацию. Подъехав к Тиму, я спросил: — Ты как?

— Нормально, Джек, — голос мальчишки был чуть хриплым от волнения. — А с ним... что будет?

— Фляга с водой у него есть? — я дождался кивка головы Тима. — Есть. До городка миль двенадцать — пятнадцать будет?

— Наверно, — неуверенно произнес мальчик. — Мы что ему лошадь не оставим?

— Обойдется. Захочет — дойдет. Не захочет — подберут дружки на обратном пути.

Поехали, Тим.

Парень здорово нервничал, но я должен был признать, что держался он неплохо для своего возраста. Впрочем, ничего удивительного в этом не было, он прошел тяжелую школу жизни. И все же он был ребенком, поэтому я решил продолжить с ним беседу, которую начал вести с Баком, в надежде, что это отвлечет его от плохих мыслей.

— Ты запомнил правила, которые я вбивал в голову Баку?

— Да, сэр.

— Хорошо. А теперь запомни еще два. Сильный человек должен знать, как и где применять свою силу. И второе. Оружие — это, прежде всего человек, само по себе оно не стреляет.

— Я запомню, сэр.

— И еще я тебе хочу сказать Тим, ты один на белом свете, поэтому старайся надеяться на самого себя. Друзья это, конечно, хорошо, но может наступить день, когда ваши пути разойдутся, и ты останешься один, поэтому учись правильно оценивать людей. Научишься, будешь жить спокойнее и лучше.

Я столкнулся лицом к лицу с шерифами, бандитами и наемными стрелками, то есть с теми, о которых потом будут писать книги и ставить фильмы. Судя потому, что я видел, не отменная меткость и быстрота обращения с оружием отличали "героев" Дикого Запада от обычных обывателей, а внутренняя жесткость, хладнокровие и полное безразличие к своей и чужой жизням. То, что я успел увидеть и услышать, помогло мне сделать кое-какие выводы. Оружие несовершенно в техническом исполнении. Тяжелое и громоздкое. Стрелки не целились, а просто наводили ствол на противника, после чего нажимали на пусковой крючок. Какая тут могла быть точность. Классические сцены дуэлей у салунов тоже оказались вымыслом. Врагов, как правило, убивали из засады, в спину или нападали толпой на одного. Основной принцип выживания на Диком Западе гласил: не оставить врагу права на ответный выстрел. И не было разницы, на какой стороне стоял человек — закона или беззакония, он все равно оставался убийцей, хотя стоит признать, что в те времена это слово имело менее жесткий оттенок, чем сегодня.

* * *

Спустя двое суток мы с Тимом подъехали к городку, похожему на те, что я видел, но явно приходившему в запустение. С правой стороны улицы стояла церковь, на которой наполовину облупилась белая краска. Дома чуть ли не через один были брошены, двери заколочены, дворы заросли бурьяном. Уже почти стемнело, когда мы слезли с лошадей у салуна. У коновязи помимо наших животных было только две лошади. К тому же из салуна не несло шума, который бы соответствовал пьяному загулу. Даже музыки не было. Это не могло меня не порадовать. После целого дня проведенного в седле не хотелось никаких приключений. Привязав лошадей, поднялись по ступеням.

Войдя в салун, быстро осмотрелся. Пахло прокисшим пивом и застоявшимся табачным дымом. Две шлюхи бальзаковского возраста, да четыре местных жителя, сидевшие попарно за двумя столами. Единственные из всех присутствующих выказали оживление местные дамы. На их лицах появились приклеенные улыбки, затем одна из них картинно засмеялась, а вторая прошептала, но так что все слышали: — Ах, какой мужчина!

Пара мужчин, сидевшая за ближайшим к нам столом, резко оборвала разговор, как только мы вошли. В их взглядах было поровну любопытства и неприязни. Я их понимал. По народной примете Дикого Запада, появление чужака с оружием — значит быть беде. Хотя примету придумал я сам, но жили тут явно исходя из нее или ей подобных. Когда я прошелся по ним взглядом, они тут же стушевались, переключив внимание на свои стаканчики с виски. Следующую пару представляли собой два старика сидевшие за столом, у самого окна. Судя по их злым, недовольным лицам, и таким же взглядам, которыми изредка обменивались друг с другом, они только что ругались. При виде нас местные пенсионеры, в отличие от лавочников, оживились, очевидно, в надежде на подачку, а может просто хотели услышать последние новости. Уяснив для себя, что прямой опасности здесь никто не представляет, я направился к стойке. За ней стоял худой и длинный бармен с большими бакенбардами, переходящими в пышные усы. Очевидно, он ими гордился, настолько они

были у него аккуратные и ухоженные. При мерцающем свете свечей я не мог рассмотреть все помещение, но когда стал у стойки, мне сразу бросилось в глаза, что салун, как и городок, переживает не лучшие дни. Стойка была старая, местами лак совсем облез, образуя уродливые пятна, похожие на ожоги. Зеркало за спиной бармена было пыльное и тусклое, как он и сам.

— Привет!

— Привет, незнакомец. Что будете?

— Пива и чего-нибудь горячего.

— Бобы с мясом. Могу разогреть.

— Давай.

Тишина, возникшая при нашем появлении, снова была нарушена. Старики, заключив временное перемирие, начали что-то обсуждать в полголоса. Я не сомневался, что темой стали мы, с Тимом. Дамочки начали искусственно хихикать, явно желая, чтобы на них обратили внимание. Двое лавочников, стали о чем-то тихо между собой говорить.

— Вот твое пиво. Садитесь за стол, сейчас принесу вам горячее.

Неожиданно послышался звук отодвигаемого стула. Я чуть повернул голову, хотя в этом уже не было нужды. Цокали женские каблочки. Тим, оглянувшись на звук, нахмурился.

— Мужчина, не хочет познакомиться с девушкой? — вслед за этим вопросом меня обдала волна приторно-сладкого запаха.

— Мужчина устал и хочет просто поесть, — взяв кружку и повернувшись к ней спиной, я пошел к столу.

— Что Лисси не обломилось?! Ха-ха! — голос, как и смех, старика был тонким и визгливым.

— Засунь свой язык в задницу, старая перечница! — зло рявкнула в ответ, возвращаясь к своему столу, Лисси.

Не успел я сесть за стол, как послышались шаркающие шаги пожилого человека, приближающиеся к нашему столу. Я поставил кружку на стол, затем повернулся лицом к попрошайке. Это был старый, невзрачный человечек, лет шестидесяти, в засаленной кожаной куртке и таких же штанах. Из-под полей старой и пыльной шляпы с широкими полями, выбивались длинные сальные волосы, цвета воронова крыла, с частыми вкраплениями седых прядей. У него был красный нос отпетога пьяницы и толстые губы, обрамленные усами и неровно постриженной бородой.

— Здравствуйте, мистер! — поздоровался он со мной тонким и визгливым голосом.

— Привет. Что надо?

— Если вы собираетесь останавливаться в нашем славном городе, то я могу предложить ночлег. У меня большая, широкая кровать.

— Дам тебе доллар за себя и парнишку. Как поедим, пойдем к тебе.

Старик помялся, видно хотел еще что-то сказать, но не решился. Хмуро кивнув, он отправился к своему столу.

Добрались мы до дома Джима Тернера, так назвался старик, за пять минут. Тим уснул сразу, как только его щека коснулась подушки. Я вышел на крыльцо распросить старика о кратчайшем пути до железнодорожной станции. Тот сидел в кресле — качалке на маленькой веранде, с бутылкой виски, которую я ему купил. На лице плавала довольная улыбка. Судя по его виду, день у него удался. Мы поговорили немного, потом я уточнил у него путь и уже собрался идти спать, когда старик опрокинув очередной стаканчик, неожиданно, без всякого

перехода, сказал: — Знаешь, Джек, каждый городок должен иметь что-то свое. Как-то был я проездом в одном городке. Пыльный и грязный. Казалось бы ничего особенного, но местные жители рассказали мне историю, случившуюся в их городке, а затем показали могилу этого человека. На кресте была табличка с надписью "Бит Батлер, дважды повешенный". Еще дата смерти. Даты рождения не было, видно, никто не помнил, когда этот парень родился.

— Дважды повешенный? Его что на гнилой веревке вешали?

— Нет, парень. Его повесили за убийство одного парня. В спину ему выстрелил. А на следующий день прискакали ковбои с близлежащего ранчо и заявили, что Бит Батлер — конокрад, он украл у них лошадь. Когда им сказали, что он уже в могиле, те заявили что лишать себя удовольствия они не собираются, зря что ли полдня пыль глотали. После чего, вырыли труп и повесили его во второй раз. Потом постреляв в воздух и тяпнув по паре стаканчиков виски в салуне, они ускакали. Покойник повисел немного, после чего горожане его сняли и снова похоронили. Не мудреная история, но они считают ее достопримечательностью их городка. Они ею гордятся.

— А чем славен ваш городок?

— Наш город на полном скаку проскочил свою историю. Теперь медленно умирает, ничем не примечательный. Раньше через него шел перегон скота, но эта проклятая железная дорога убила его. Пройдет еще пять лет, и он превратится в город — призрак. Знаешь, сколько сейчас в нем живет человек? Тридцать девять. Вот если сделать нечто такое, что останется в людской памяти, тогда город не умрет, потому что будет жива о нем память.

Тема разговора явно выходила за образ старого пьяницы, но мне так сильно хотелось спать, что вспыхнувший было интерес погас сам собой.

— Все, старик. Я пошел спать.

Не успел я встать и развернуться к двери, как меня настиг голос старика: — Джек, я теперь все равно не скоро усну. Да и много ли старику надо? Давай почищу вашу одежду и постираю рубахи. А то запашок от вас...

— Хорошо.

Я уже не спал, вслушиваясь в звуки проснувшегося и занимающегося своими делами, с утра пораньше, городка. Продребезжала по деревянной мостовой повозка, затем невдалеке послышалось ржание застоявшихся в конюшне лошадей. Я уже собрался отойти от окна, как услышал негромкий разговор, идущих по улице, двух мужчин. И тут же замер, как только понял смысл услышанного обрывка разговора. Шериф собрался ехать за помощью на ранчо Рамиреса, у которого работает пара парней, раньше служивших в рейнджерах. Кого он собрался брать вместе с подкреплением, объяснять мне не надо было.

— Тим, поднимайся!

Мальчишка без слов вскочил и стал одеваться. Неожиданно в дверь постучали. Негромко, но настойчиво. В следующую секунду, в одних кальсонах, с револьвером в руке, я затаился, рядом с дверью, напряженно вслушиваясь. А в ответ, как говориться, тишина. Снова стук. Теперь уже неуверенный, прерывистый, словно стучащий вслушивался.

— Кто там? — я старался говорить лениво, с зевотой, словно только что проснулся.

— Джек, просыпайся, — послышался голос Тернера, — через двадцать минут будет готов завтрак.

Где-то заголосил припозднившийся петух. Отойдя к кровати, я стал торопливо одеваться. Засунул ноги в сапоги, надел оружейный пояс. Огляделся, не забыл ли чего, затем

взял в руки винчестер и шагнул к двери, но тут же остановился. А не ждет ли меня засада из местных добровольцев? Открою дверь, а мне всадят пулю в грудь. Подобное предположение мне не сильно понравилось, но, судя по спокойной окружающей обстановке, я, похоже, преувеличил опасность.

— Слушай, Тим. Сейчас я выйду, ты — через минуту после меня. Займешься лошадьми. Джим поможет. Чтобы к моему приходу лошади были готовы, понял?

Мальчишка только кивнул головой. Он очень хотел узнать, что происходит, но выдержал характер, не спросил. Я повернул ключ и резко толкнул дверь. Сердце отчаянно забилось, разгоняя по телу адреналин. Выскочил. Все было тихо. Никто не гремел оружием, никто не кричал: "Стой! Стрелять будем!". Вместо запаха железа и оружейной смазки в доме аппетитно пахло жареным мясом.

"Может, я просто что-то напутал? — я уже начал сомневаться в том, что правильно понял разговор на улице. — Но что мне мешает пойти к шерифу и выяснить?".

Выйдя из-за угла, своим появлением, я словно ударил шерифа кастетом по затылку. Тот замер, пытаюсь понять, кто перед ним, но в тоже время рука сама автоматически сбросив защитную петлю, вцепилась в рукоятку револьвера. Это была нормальная защитная реакция представителя закона на неожиданное появление на человека с оружием.

— Ты шериф?

При моем вопросе лицо законника закаменело, глаза сузились, словно он уже в меня целился. Тело напряглось, налившись силой. Он был готов к ответу, как словом, так и пулей, в зависимости от моих действий.

— Да. Ты кто и зачем пожаловал в наш город? — его голос был чуть хриловат от волнения.

— Меня зовут Джек Майер, шериф. В вашем городе проездом. Через час меня уже здесь не будет.

Я не собирался пояснять причину своего появления в их городке, да это было и не принято в эти времена. Здесь жили по правилу: захочет — скажет, нет — значит так надо. Но сейчас другой вопрос стоял на повестке. Насколько ретив и честолобив этот служитель закона? За время нашего противостояния его взгляд цепко и настороженно изучал каждую черточку моего лица, и теперь в его глазах мелькнуло узнавание. В какой-то момент мы оба это поняли. И замерли.

"Узнал! Что будет делать?!".

Шериф колебался. Я уже начал думать, что мы сможем мирно разойтись, как в лице шерифа что-то изменилось. В следующий момент слух уловил чье-то присутствие за моей спиной, и тут же откуда-то сбоку раздался пронзительный крик Тима: — Сзади!!

Наработанные долгими тренировками рефлексy, отключив мозг, бросили тело на землю, в сухую, красноватого оттенка, пыль. Не успел тишину разорвать грохот выстрела дробовика, как я выстрелил в человека, выстрелившего мне в спину. Облако порохового дыма частично скрыло фигуру стрелявшего, но лицо его было видно отчетливо. Моим несостоявшимся убийцей оказался старик Джим Тернер. В следующую секунду я уже искал глазами и стволом винчестера шерифа, но увидел только бьющуюся на земле лошадь. Из-за ее жалобного ржания я не сразу расслышал глухой судорожный кашель, постепенно перешедший в хрипение. Приподнявшись, я только тогда увидел лежащего на земле, за лошадью, шерифа. Поднявшись, обошел по дуге бьющуюся на земле лошадь, подошел к телу. Развороченная картечью грудь, кровавая пена на губах, хриплое, со свистом дыхание. Судя

по свистящему хрипу, у него было задето легкое. В руке был зажат револьвер.

"Увидев за моей спиной Тернера, очевидно, решил, что сможет взять меня. Но ему и в голову не могло прийти, что старый дурак начнет стрелять без предупреждения. Вот и получил..."

Бросил последний взгляд на шерифа, развернулся и подошел к старому Джиму. Тот в отличие от представителя закона был в сознании. Судя по пятну крови, выступившей на рубашке, пуля прошла где-то под сердцем. Некоторое время смотрел в его, серое от боли, лицо. Он не стонал, только время от времени закусывал губу от боли. Я передернул затвор винчестера. Тернер секунду смотрел на ствол, затем в ожидании выстрела, закрыл глаза. В глаза он мне так ни разу и не посмотрел. Криво усмехнувшись, я развернулся в пол оборота назад, поймал в прицел голову лошади и выстрелил. После чего снова развернулся к старику.

— За что?

Тот медленно открыл глаза. Некоторое время просто смотрел в голубое небо, потом явно неохотно перевел взгляд на меня.

— За что, старик? — повторил я. — Я тебе ничего плохого не сделал.

— Ты... Льюис?

— Как ты узнал?!

— Люблю листки с картинками преступников у шерифа рассматривать. Он мне их описания постоянно читал... — спазм боли заставил его замолчать. — Тут еще слух прошел, что ты сбежал из-под виселицы. Потом уговорил рубашки... дать для стирки. Точно — на плече белоголовый орлан. Подумал — вот оно! Мой шанс! Знаешь, Джек, я тебе скажу то, что никому никогда не говорил. В молодости я два месяца проработал охранником на дилижансах компании "Уэллс Фарго". Все было хорошо, пока на нас не напали бандиты. Такие, как ты. Думал, столкнусь лицом к лицу с бандитами, покажу себя героем. Но когда увидел, как Стив, кучер, заваливается с развороченной грудью... а из его угла рта течет красный ручеек... Меня всего затрясло... я потерял голову от страха. Да-а... Хотел стать героем, а стал... трусом. А мечты о славе остались. Я тебе вчера... про наш город говорил... а имел в виду себя. Хотел, чтобы память осталась. Правда, и сейчас... трусливо поступил. В спину... А шерифа... я предупредил.

— Славы захотелось, — я покачал головой. — Героем решил стать. Ну и урод же ты, старик!

На звуки выстрелов из ближайшего дома выскочил человек. Повертев головой, он остановил свое внимание на мне. Мне даже не нужно было видеть его глаза, потому что фигура человека всем своим видом выражала настороженность. Чужак с оружием в руках, неизвестно откуда взявшийся, уже сам по себе, возбуждал подозрения. Из-за дальнего угла дома, напротив конторы шерифа, показался еще один мужчина, но уже с винтовкой в руках. Народ прибывал, кто быстрым шагом, кто бегом. Правда, собирались они в отдалении, в метрах двадцати. В толпе из семнадцати мужчин только четверо имели оружие. Две винтовки, два револьвера. Все они стояли, явно чего-то ожидая. Насколько я мог судить из своего короткого путешествия по Дикому Западу, здесь жили люди прямые и честные, знающие, что без помощи друг другу в этом суровом краю не выжить. Они не одобряли насилия, но вынужденные жить среди него, вполне допускали возможность его применения. Поэтому сейчас они собрались вместе, все такие разные, готовые убивать, если понадобится. Конечно, будь на моем месте банда, они бы, скорее всего, закрылись в своих домах, моля бога, чтобы напасть прошла стороной, но я был один. Я их не осуждал, они были

тружениками, а не бойцами. Шериф убит, и кому-то надо становиться на защиту своего города. Это был трудный выбор, так как никому не хочется умирать, а уж тем более людям, зарабатывающим на жизнь мирным трудом. С другой стороны не надо забывать, что в каждом из них жил дух первопоселенцев, дух независимости и мужества.

"Сейчас эта толпа начнет действовать. Но как? Где Тим? Похоже, сегодня не мой день".

Я не знал, что делать. Отступать или оставаться на месте? Был бы здесь Тим с лошадьми, я бы рискнул ускакать. Самому бежать за мальчишкой и лошадьми через весь город было верхом безумия. Один любитель стрелять в спину нашелся, почему бы не найтись еще одному. Чтобы удержать их на расстоянии я стал демонстративно перезаряжать винчестер. К тому моменту, как появился Тим, ведя за собой лошадей, примчался молодой парень, на ходу застегивающий оружейный пояс. Почти растолкав столпившихся горожан, он поправил кобуру, и решительным шагом направился в мою сторону, держа руку на рукояти револьвера. На груди его синей рубашки сверкала звезда. И тут же вооруженные горожане взяли меня на прицел. Первым делом помощник подошел к труп своему начальника. Разжал его пальцы, взял револьвер. Понюхал ствол, затем засунул себе за пояс. После чего подошел ко мне, все еще не отнимая руки от револьвера.

— Что тут случилось? — он старался держаться спокойно, но было видно, что он нервничает.

— Если я тебе расскажу, что случилось, то ты мне вряд ли поверишь, парень.

Законник нахмурился: — Мистер, давайте обойдемся без загадок.

— Послушай лучше старика Тернера, пока он не умер. Ты ж его знаешь?

— Кто тут не знает этого старого пьяницу? — вопросом на вопрос ответил вконец озадаченный непонятной ситуацией помощник шерифа. Он сделал движение присесть на корточки у тела, но, взглянув на меня, передумал.

— Джим! Джим Тернер!!

Старик открыл глаза.

— Джим, что тут произошло?!! — продолжал надрываться представитель закона.

— Чего орешь, Хочкинс! Может я старый, но не глухой, — огрызнулся на него раненый. — Я подстрелил нашего шерифа. Я! Стрелял в этого..., а попал в Гарри Самнера. Не хотел я убивать Гарри. Честное слово, не хотел. Воды-ы.

— За что ты стрелял в этого человека?

В ответ старик тихо охнул, глаза помутнели. Тернер терял сознание. Помощник обернулся к толпе: — Где аптекарь?! Слим, тащи бинты и воду! Да жене скажи, пусть травы какие-нибудь возьмет! Ранение в грудь! А вы, все сюда!

Когда в двух метрах полукругом выстроились горожане, у Хочкинса явно прибавилось уверенности.

— Значит, Тернер стрелял в тебя, а убил шерифа. Почему он стрелял в тебя?

— Это его надо спросить, а не меня! Только я начал разговор с шерифом, как раздался крик Тима, вот его, — я кивнул головой в сторону в сторону мальчишки, державшего на поводу лошадей. — Упал на землю, а над головой уже картечь летит. Извернувшись, выстрелил. Попал в грудь старику. Вскочил на ноги. С шерифом было все ясно, а лошадь я пристрелил, чтобы не мучилась. Я его спрашиваю, почему стрелял, а он мне все бормочет про славу или память. Короче, бред какой-то.

— Чего ж ты старику помощь не оказал? Не позвал кого? — спросил нескладный мужчина в помятом костюме и потертом котелке.

— А ты бы побежал за помощью человеку, стрелявшему тебе в спину?!

— Я? Наверно, — но это было сказано настолько невнятно и неуверенно, после чего котелок стушевался и сконфуженно замолк.

— Значит, не знаешь?! — все никак не мог успокоиться помощник.

— Не знаю, — отрезал я, всем своим видом показывая, что больше говорить попусту не намерен.

После затянувшейся паузы, неожиданно раздался голос из толпы. Он принадлежал коротышке в белой рубашке с закатанными рукавами и сером фартуке: — Хочкинс, Джим Тернер сам признал, что застрелил шерифа?

— Да! Да! Черт возьми! — похоже, помощника самого стала доставать эта непонятная ситуация.

— В принципе, что я хотел сказать. Все вы знали старину Тернера. Как подохнет, так сразу жаловаться на жизнь. Что слава и деньги, достаются другим, а ему — кукиш с маслом! Это его любимая тема. Похоже, незнакомец не врет.

— Точно славы ему не хватало! Верно! Постоянно старикан плакался, что в герои не вышел! — раздались голоса в толпе.

— Теперь скажите мне, кто сегодня видел Джима? — коротышка, похоже, брал расследование на себя.

— Я видел! И я тоже, — раздалась вразнобой несколько голосов.

— А кто с ним разговаривал? — никак не мог успокоиться коротышка.

— Я с ним разговаривал, — заявил нескладный мужчина в потертом котелке. — Он сказал, что идет к шерифу. Так он и раньше к нему частенько ходил. О бандитах и стрелках говорить. Сказал и пошел дальше.

— А я с шерифом говорил. Когда он лошадь забирал. Так, тот сказал, что на ранчо Рамиреса собирается, — взгляд у конюха был простоватый.

После этих слов, я насторожился. Теперь должны были высказаться те двое мужчин, чей обрывок разговора я слышал за окном. Наступило молчание. Очевидно, те двое решили промолчать.

"Это хорошо. Даже очень хорошо".

Коротышка вместе с помощником шерифа всем своим видом изображали мыслительный процесс, остальные излучали простое любопытство. Ни гневных лиц, ни злых взглядов. Наконец, появился аптекарь с женой и миловидной девушкой, очевидно дочкой. Толпа оживилась, придвинулась поближе. Вместе с ними пришел священник, став несколько в стороне от толпы. Серебряный крест на груди, библия в порыжевшем переплете, белый воротничок и черная сутана. Таким я и представлял себе священника на Диком Западе. Женщина только начала расстегивать рубаху, как тело старика неожиданно напряглось, пальцы заскребли по земле. Судорога продолжалась в течение нескольких секунд, затем тело обмякло, а голова упала на бок. Женщина тут же низко склонилась над лицом старика, видно пыталась уловить дыхание.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Он мертв, Слим? — помощник шерифа задал вопрос аптекарю, который, стоя на коленях, доставал из раскрытого саквояжа нечто вроде перевязочного материала. Тот поднял голову и глупо захлопал глазами, видно не поняв сути вопроса, но ему на помощь пришла жена. — Мертв.

Потом, повернувшись к священнику, добавила: — Душа Джима Тернера покинула

грешную землю.

Теперь все взгляды скрестились на священнике. Тот подошел и, склонив голову, стал у тела покойного, но сразу говорить не начал, дав время аптекарю с женой и дочкой собрать свои вещи и слиться с толпой. После чего священник поднял голову, мужчины как по команде сняли шляпы. Лица принял торжественное выражение, после чего все замерли в благоговейном молчании. Пару секунд подумав, я тоже снял шляпу.

— Господь, прими душу Джима Тернера и прости его грехи!! Не ввергай его в геенну огненную, ибо хоть не был он праведником и грешил, но не по злобе, а потому что сам не ведал, что творил!!

Я на некоторое время отвлекся от проповеди, смотря как к толпе, постепенно подтягивается народ, в основном женщины и дети, видимо привлеченные сильным рокочущим голосом священника.

— ... но почитал тебя Царя Небесного!! Аминь!

— Аминь! — дружно откликнулось все взрослое население этого чахоточного, умирающего городка

"И что теперь? — все эти процедуры уже начали меня раздражать. — Собираются они что-то решать или нет?".

Похоже, все же собирались. Из толпы, один за другим вышли трое мужчин, один из которых был коротышка. Когда один из вышедших достал трубку и потянулся за кисетом, я заметил на его жилете приколотую звезду.

"Ты смотри, еще один помощник. А по виду бакалейщик".

Я думал, что будет говорить Хочкинс, как облеченный властью и проводящий расследование, но вместо него неожиданно заговорил коротышка: — Как вы все, джентльмены, знаете, среди нас нет юристов. Цель нашего выборного суда поддерживать соблюдение закона и порядка в нашей общине. Я, мэр города и по совместительству судья, объявляю заседание суда открытым. В перестрелке участвовали три лица. Джим Тернер, шериф Самнер и...

— Джек Майер, с вашего разрешения, господин судья.

Мои слова, похоже, польстили коротышке. Он приосанился, расправил плечи, глаза заблестели.

— ... Джек Майер. По причине, которую мы не могли выяснить, Джим Тернер пытался застрелить Джека Майера, когда тот разговаривал с шерифом. Предупрежденный мальчиком, Джек Майер уклонился, и весь заряд попал в шерифа. Это подтверждается признанием самого Джима Тернера. Джек Майер убил Джима Тернера в порядке самозащиты, после того, как тот выстрелил ему в спину. Это опять подтверждено стариком Тернером. Исходя из выше изложенных фактов, объявляю решение суда: признать Джека Майера невиновным. Признать Джима Тернера виновным в убийстве шерифа Гарри Самнера. Был бы он жив, его следовало повесить, но так или иначе, он наказан. На этом я закрываю заседание суда.

Коротышка, довольный собой, повернулся к толпе. Очевидно, он хотел увидеть впечатление на лицах, которое должна была произвести речь на его сограждан. Жиденькие хлопки послышались со стороны группки женщин. Мужчины одобрительно кивали головами. Я, тем временем, бросил последний взгляд на тщедушное тело Джима Тернера.

"Было тридцать девять человек, а осталось тридцать семь. Вот и весь твой "подвиг", старик", — после чего обратился к мэру: — Я могу ехать?

Мэр, развернувшись ко мне, величаво кивнул: — Да. Вы свободны.

Коснувшись двумя пальцами поля шляпы, я направился к своей лошади. Сунул винчестер в чехол, вскочил на коня. Посмотрел на толпу. Никто не ушел, все они все продолжали стоять и смотреть на меня. Я сидел в седле, смотрел на них и никак не мог расслабиться.

Из головы все никак не выходил дурацкий старик со своей мечтой прославиться. Неожиданно в голове сформировалась мысль: — Наверно, если любому из этих потрепанных жизнью горожан дать винтовку и возможность безнаказанно убить Джека Льюиса, он бы поступил как Тернер. И стал бы народным героем, но никак не убийцей. Вот уж действительно ДИКИЙ Запад!".

После суток пути, наконец, мы увидели что-то вроде маленького поселка. Подъехав ближе, остановились на пригорке. Это была наша цель. Моя свобода и новая жизнь для нас обоих. С горки были хорошо видны постройки, вытянувшиеся вдоль железной дороги. В большинстве своем они были загонами для скота. Все как один, покрытые серыми досками, словно присыпанные пылью. На одной — единственной улице копошатся пестрые куры. Единственное здание выделялось из общей серой массы своей башенкой расположенной на середине крыши. Очевидно, это было здание железнодорожной станции. Позже, в ожидании поезда, в разговоре с охранником я выяснил, что это была не станция в полном смысле этого слова, а место, где останавливались поезда со скотом. Но, купив у кассира — телеграфиста билет, любой желающий мог сесть на поезд. Остановка поезда гарантировалась поднятым на шесте, рядом с железнодорожными рельсами, флагом.

Остановив лошадь у коновязи возле станции, я тут же наткнулся на цепкий и настороженный взгляд охранника с винтовкой в руках.

— Хочу на поезде покататься. Ты не против?!

Напрягшийся при виде моего арсенала взгляд охранника, снова стал сонным и ленивым.

— Если только покататься, то на здоровье.

— А где кассира можно найти?

— Да где ж ему быть? У себя. Ест свой омлет. И как ему не надоест жрать его каждый день?

Охранник сплюнул в пыль. Секунду постояв, потом зевнул во всю ширь нечищенных со дня рождения зубов, вернулся в тень, к креслу-качалке. Я кинул поводья слезшему с лошади Тиму и вошел по ступенькам в здание станции. Увидел несколько скамеек и две двери, ведущие в помещения.

"Телеграфист и кассир? Или начальник станции? Где кто?".

Замешательство длилось секунду. Толчок — и ближайшая дверь открылась настежь.

— Чего надо?! — раздался старческий голос — Не видите, я обедаю!

Я шагнул через порог: — Не время обедать! Время продавать билеты!

— Обойдетесь! Сейчас девять утра, а поезд пройдет не раньше семи вечера!

При этом старый телеграфист даже не оторвал взгляда от сковороды с омлетом, аппетитно скворчащим. Аромат еды заставил меня невольно проглотить слюну.

— Если так, то почему бы нам не позавтракать вместе?!

Теперь я удостоился злого взгляда старика.

— Ладно, уговорил. Заплачу!

— Придешь через полчаса. Сколько яиц?

— Шесть, нет лучше восемь яиц и не жалею ветчины.

— Куда тебе столько? Впрочем, это не мое дело. Двадцать пять центов, — видя, что я начал разворачиваться к выходу. — Деньги вперед!

— Хорошо, — ответил я, кинув монету на стол, где стоял телеграфный аппарат.

Выйдя за вокзальную площадь Нью-Йорка, мы сразу попали в сеть мелких улиц, которые разбегались без всякого порядка, в разные стороны. Ароматы большого города оседали в горле, хотелось прокашляться, да так, чтобы сразу выплюнуть этот вонючий воздух из своего горла. Раз и навсегда! Да и сам город оказался далеко не тем, каким я его себе представлял. Где широкие улицы, полные воздуха и света? Где толпы гуляющих нарядных горожан? Мрачных тупиков и зловонных переулков здесь хватало в избытке, а вот со всем остальным... Решив пока не делать скороспелых выводов и повременить с заключениями, я просто стал наблюдать жизнь города. Улица, по которой мы шли, представляла собой каменную грязную мостовую, цепь газовых фонарей и два ряда обшарпанных домов из красного кирпича. Много мелких лавок. Все грязное и унылое. И такие же люди. Они старались не встречаться со мной глазами, зато я чувствовал, как их взгляды прямо прожигали мои карманы, а также спину. Если бы не яркое солнце и теплая погода, только от вида этой одной мрачной и грязной улицы можно было впасть в депрессию. Для полноты картины я стал рассматривать вывески магазинов и баров, пытаюсь понять, чем живет этот город. Среди них встречались названия, которые мне пока ничего не говорили. Например, "Зал атлетов" или "Танцевальный зал "Три розы". Пройдя мимо множества подобных заведений у меня начало создаваться впечатление, что народ здесь только и делает, что пьет и танцует. Гнетущая атмосфера нищеты и безысходности уже начала давить на меня, когда я увидел широкую арку между домами. Тут же резко свернул в нее, посчитав, что пора бы увидеть ради разнообразия другую, более приятную для глаза часть Нью-Йорка. Так оно и оказалось. Неожиданно для себя мы оказались на довольно чистой и широкой улице, запруженной празднично одетым народом. Вся эта разряженная толпа медленно куда-то двигалась. Шум стоял неимоверный. Вся непосредственность и открытость отношений людей выливалась в криках, смехе, шутках, громких спорах и разговорах.

— Дорогая, ты видела его? Не правда ли, что в его лице есть нечто демоническое?

— Да, Мэри! Я, наверно, сегодня не засну. Его бледное лицо... В нем словно ни кровинки не осталось. Б-р-р!

— Какая процессия, а?! Военный оркестр!

— А вы заметили, что все экипажи были черными?! Кучера во всем черном и судебные приставы!

Тим дернул меня за рукав. Я наклонился к нему.

— Джек, это наверно Хигса на казнь везут. Я слышал о нем разговор в вагоне.

— Точно, малый! — раздался рядом с нами грубый мужской голос. — Это Хигс, пират и убийца! Два месяца назад он ограбил торговое судно, убив шкипера и трех матросов.

Я повернулся на него. Рядом стоял мужчина с красным от выпивки лицом и трубкой в зубах. Шляпа была залихватски сдвинута на затылок. Он, очевидно, решил, что я заинтересовался, и продолжил: — Они только недавно проехали. Вы их еще можете догнать. Такое не часто увидите. Уж мне поверьте! Я повидал в своей жизни всякое!

Только я отвернулся от краснорозевого типа, как неожиданно рядом раздался звонкий девичий голос: — Ой! Я так торопилась! Они уже проехали?! Я так торопилась! Вот

несчастье!

Миловидное, чуть грязноватое лицо молоденькой девушки даже вытянулось от огорчения.

Мужчина тут же переключился на нее, став давать советы: — Если ты сейчас свернешь в проулок, пройдешь мимо магазина Коэра...

— Да знаю я, знаю, мистер. Мальчик, если хочешь, пошли со мной! Если поторопимся, мы еще успеем!

Тим бросил на меня умоляющий взгляд. Я бросил взгляд на толпу, медленно рассасывающуюся, делящуюся по дороге впечатлениями. Многие спорили и доказывали друг другу, сколько этот тип убил народа, как он одет и что скажет в своем предсмертном слове. Перебивали других, начинали ругаться, успокаивались и снова начинали.

"Похоже, мы застряли здесь надолго. Может, действительно, пройти проходными дворами. И мальчишка пусть посмотрит. А не догоним, так и черт с ним, с этим висельником, зато выберемся из этой толпы".

— Уговорили! Пойдем, посмотрим на пирата!

Тим прямо просиял лицом, услышав мои слова. Девчонка, без лишних слов, тут же развернувшись, двинулась в проулок. Мы торопливо зашагали вслед за ней, слушая на ходу подробности казни.

— Его повесят на острове Бэдло. Виселица поставлена на таком высоком помосте, что ее можно будет увидеть с лодки. А еще будет несколько специальных пароходов для желающих. Я видела вчера один из них в гавани. Красивый! Весь украшен разноцветными флагами и лентами! Сколько народа...

Мы свернули в один переулок, затем в другой. Чем дальше мы углублялись, тем грязнее и теснее становились улочки. Сами дома грязные и обрюзгшие, как и их хозяева, стоящие у подъездов. Обшарпанные стены, дырявые крыши, окна с выбитыми или составленными из кусочков стеклами, глядят на мир хмурым и мутным взглядом, точно взгляд, точно взгляд запойного пьяницы, знающего, что у него дома нет ни капли выпивки, но все равно шарящего по полкам в пустой надежде. Шум толпы уже давно не был слышен. Обогнув очередную кучу мусора и перепрыгнув через зловонную лужу, мы уткнулись в черный провал подъезда. Рядом старая полуразвалившаяся бочка. Из него разило вонью... и опасностью. Я остановился.

— Он проходной! Быстрее! Еще сто метров и мы обгоним процессию!

— Нет. Мы разворачиваемся. Тим...

— Никуда ты не пойдешь, мистер, — произнес жесткий голос за моей спиной. — Кричать не советую.

Быстрый взгляд назад. Метрах в пяти стояли двое с короткими дубинками в руках. Полностью перекрывшие пути отхода. Увидев, что их заметили, они стали медленно приближаться.

"А кто у нас в подъезде?".

Словно в ответ на мой вопрос из полумрака выступили еще две личности бандитской наружности. Кастет и нож.

"Револьверов нет. Это хорошо. Свой не успеваю достать. Буду работать руками".

Тут мое чутье забило тревогу. Больно спокойны бандиты, словно чего-то ждут. Подходят, медленно, не торопясь. Крыша? Только тут я поднял глаза. На меня бесшумно падало черное облако. Зола! Я определил опасность, но потерял время. А вот бандиты не

стали его терять, когда поняли, что их уловка раскрыта. Двое налетчиков, до этого стоящие у подъезда, начали медленно приближаться ко мне, одновременно расходясь, чтобы напасть на меня с двух сторон. До этого стоявший неподвижно, я бросился на них в атаку, сделав ставку на неожиданность, одновременно уходя от облака золы. Первым ударом я смял гортань бандита с кастетом и уже брал на прием руку с ножом второго налетчика, как в голове, словно, что-то взорвалось. Свет померк перед глазами.

"Не успел..."

ЧАСТЬ 2. НЬЮ-ЙОРК

Подтолкнув тяжелую тележку с дровами к деревянной колоде, потемневшей от времени, Джон отпустил ручки. Некоторое время мужчина стоял, тяжело переводя дух и вытирая пот со лба, рукавом грязной рубахи. Две глубокие колеи на мягкой земле свидетельствовали о тяжести груза — дров. Глаза слепо смотрели в окружающее пространство. Мозг, давно уже находившийся в прострации, привычно спал. Окружающий мир, был пустым звуком для Джона. Мысли, чувства, ощущения, все то, что собой являет человек, были заперты в его голове настолько крепко, что ничего не могло пробиться к ним снаружи. Даже боль, которую он время от времени ощущал, например, поранив палец, являлась для него отвлеченным понятием. Ощущение, приходящее откуда-то, а затем уходящее в никуда. Единственным существом в окружающей его пустоте была маленькая девочка. Скорее всего, это произошло потому, что когда он открыл глаза, она была первой, кого он увидел после своего пробуждения. Джон никогда не задумывался над этим, просто потому, что не умел думать. Ему было все равно, все безразлично. Все, кроме девочки. Хотя его отношение к ней и тут отличалось от ощущений нормального человека. Он просто выделял ее из окружающего мира, как глаз выделяет черное пятно на белом фоне, автоматически отмечая, что она есть, она рядом. Она была для него единственной постоянной величиной среди серой пустоты. К тому же она постоянно не давала забыть ему о своем существовании, постоянно разговаривая с ним, втягивая в свои игры, или просто говорила, что нужно сделать. Работа, которую он выполнял, была несложна и требовала в основном большой физической силы. Заготовка дров, починка забора, уборка двора и еще десятки работ по хозяйству, к которым требуется приложить сильные руки. Инстинкты и привычки прочно заменили в его голове разум и чувства. И вот сейчас одна из привычек была нарушена. Девочка не выбежала из дому и не стала бегать вокруг него, дергая за рубаху и весело кричать: — Джон, Джон, проснись! Сколько можно спать стоя!

Некоторое время он складывал дрова в поленницу под навесом, потому что знал, что так было нужно, но когда работа закончилась, он застыл. Когда его не звали, он мог так стоять или сидеть часами, но сейчас было время еды. Рот наполнился слюной, рефлекс отдал приказ двигаться. Развернувшись, он зашагал к двери. Толкнув тяжелую деревянную дверь, сбитую из досок и снабженную грубым засовом, он остановился на пороге. Обычно он входил в дом только с разрешения хозяина или его дочери. Поесть, поспать или когда дочка хозяина нагружала его какой-нибудь домашней работой, все остальное время ему положено было находиться во дворе, работать или сидеть на чурбачке под навесом у сарая, где было его место отдыха.

Глаза быстро привыкли к легкому полумраку, царившему в комнате из-за плотной занавески на окне, гордости Луизы, сшитой ее маленькими ручками. Сейчас привычная картина комнаты была грубо нарушена. У массивного резного шкафа были распахнуты дверцы, посуда, сброшенная с полок, грубой рукой, осколками усеяла пол. Один из трех табуретов лежал опрокинутый. Около топчана, рядом с большой печью, на котором обычно спал Джон, лежала неестественно выгнутая фигура хозяина. Он хрипло и надрывно стонал. Над ним склонились два мужчины, один из которых придавил руки пытаемого к полу, второй в этот момент прижал раскаленную железку к его телу. Оба резко и одновременно повернули головы в сторону возникшей на пороге фигуры.

— Ты же, сука, сказал, что он в дом без приказа не заходит, — злобно прорычал главарь другому бандиту в лицо.

— Мне эта паршивая крыса так сказала, — тот мотнул головой в сторону стонущего и корчащегося от боли хозяина дома, но взгляд главаря продолжал гореть дикой злобой. Бандит хорошо знал этот взгляд. Он часто был равносителен смертельному приговору.

— Не знаю... почему так произошло. Матерью клянусь! — уже испуганно и растеряннo промямлил тот.

— Он может нас запомнить?!

— Нет. Он ничего не помнит и не может говорить, босс, — голос бандита был испуганный и заискивающий.

— Почему я должен тебе верить, паршивый урод?!

Бандит опустил голову, молясь про себя, чтобы главарь сменил гнев на милость. Тот секунду жег его взглядом, потом повернул голову в сторону жилой половины дома: — Кастет, хватит шарить по ящикам! Лучше разберись с этим болваном, который стоит в дверях! Да поживее! Нам пора заканчивать!

Джон, не понимая, что происходит, сделал два шага вперед и остановился у изрезанной столешницы тяжелого стола, стоявшего посредине комнаты. Он стоял и ждал, когда ему скажут: — Садись за стол, Джон, — и не видел, как справа к нему метнулась темная фигура. Резкий взмах руки за его спиной и мир перед глазами Джона померк.

Пробуждение было в двойне неприятным. Во-первых, жутко болела голова, а во-вторых, он мог стоять, только опираясь двумя руками на стол, иначе его начинало шатать из стороны в сторону. Перед глазами плыло. Все эти ощущения были странными и незнакомыми, но в тоже время он их знал. И это также было странным для него — что-то чувствовать. Сколько так стоял, он не помнил, но наступил момент, когда зрение восстановилось, и голова почти перестала кружиться. Дом продолжал все также странно выглядеть. К определению "странно", если бы Джон мог нормально мыслить, он мог бы прибавить выражение "новым взглядом". Но подобные выражения и сравнения ему были пока недоступны. Его взгляд остановился на теле хозяина, лежащего на полу, у печи. Одна его рука была неестественно вывернута, застыв под неестественным углом. Левого глаза не было. Лицо и грудь были не только изрезаны, но и были в красно — черных пятнах ожогов. Мухи жужжа, кружились над залитым кровью телом. Ни убийство, ни следы жестоких пыток ничего не затронули в душе Джона. Он стоял и смотрел на труп, пока за спиной не раздалось странного звука, похожего на сдавленный стон. Мужчина развернулся. Теперь в поле его зрения была жилая часть комнаты, отделенная от остальной ее части занавеской, задергиваемой, когда хозяева готовились ко сну. Сейчас занавеска была сорвана, открывая низкий пузатый комод в углу и большую, широкую, застеленную цветастым лоскутным одеялом, кровать. На ней спали хозяин и его десятилетняя дочь. Глаза привычно искали Луизу на кровати, но нашли ее рядом с ней, лежащей на боку, на тряпичном коврике. Детское тельце напоминало сломанную куклу, выброшенную за ненадобностью. В тишине снова раздался слабый и хриплый стон. Джон, даже не понимая, что делает, сделал несколько шагов и присел перед лежащей девочкой. Вся правая часть ее милого личика, грудь и правое плечо длинного платья, давно потерявшее свой первоначальный цвет от частых стирок, были залиты кровью. Образ девочки, до этого только слегка выделявшийся на фоне серого полотна окружающего мира, стал неожиданно становиться объемным и наливаясь красками. Страх и тревога за жизнь девочки неожиданно всплыли из глубин сознания мужчины, заставив подхватить ее

тело и выйти во двор, залитый ярким солнцем. Вспышка чувств, управляющая мужчиной, оказалось короткой, его мозг снова начал цепенеть, но в этот миг тельце девочки дернулось от боли. Судорога боли вместе с жалобным стоном, сорвавшимся с губ девочки, сдвинул что-то в его сознании, не дав до конца задернуть шторку, закрывавшую его мозг от окружающего мира. Так как мозг еще не проснулся, чтобы подсказать, что надо делать в подобных ситуациях, в дело вступили инстинкты, унаследованные человеком от своих далеких предков. Джон заревел, зовя на помощь, во всю мощь своих легких. Первыми услышали этот дикий крик семья Грегсонов, копавшихся в полном составе на своем огороде. Глава семьи недолго соображал, откуда может идти страшный вопль. Дом Доббсона, единственный, который находился в том направлении, стоявший в отдалении от остальных домов, почти на самом берегу реки. Крикнув жене, чтобы звала на помощь соседей, Стив Грегсон, вооружившись топором, вместе со своим старшим сыном, кинулся бежать к дому Доббсона.

Из рапорта детектива — сержанта: По прибытии мы обнаружили в собственном доме труп Майкла Доббинса, со следами пыток на теле. Доббинс работал в порту ночным сторожем. Согласно свидетельствам соседей он был человеком нелюдимым и скрытным. Судя по характеру пыток, Доббинса пытали хладнокровно и жестоко. Выколот глаз. Ожоги лица и груди. Сломаны пальцы на обеих руках. Умер от четырех ножевых ранений, нанесенных в грудь и живот. При обыске дома и двора, в сарае был найден пустой тайник. Определить, что там хранилось, на данный момент не предоставляется возможным. Могу сделать предположение, что хозяин был как-то связан с какой-то шайкой. Хранил и сбывал награбленное. Его жестокое убийство могло быть следствием разногласий между членами шайки. Во дворе был обнаружен неподвижно стоящим хозяйский работник Джон, с тяжело раненной дочкой хозяина Луизой Доббинс, на руках. Своим поведением он походил на помешенного, так как стоял неподвижно и глядя в пространство невидящим взглядом. У самого Джона была сзади разбита голова. По определению судебного медика травма была нанесена тяжелым и тупым предметом. Кастет или дубинка. Травма лица Луизы Доббинс могла быть получена, по определению врача, вследствие удара шипованным кастетом. Девочка была доставлена в больницу в тяжелом состоянии. Работник Джон, по показаниям соседей, появился у них около шести месяцев назад. По словам Майкла Доббинса его дочь Луиза нашла Джона на Роут-стрит, в сточной канаве с проломленной головой, она же придумала ему это имя. После месяца проведенного Джоном в больнице, Доббинсы забрали его к себе. Девочка ухаживала за ним, как за ребенком. Джон, по свидетельствам соседей, являлся тихим сумасшедшим. Может часами стоять неподвижно. Врач, который осматривал его, сказал, что на его теле следы огнестрельных и ножевых ран. Могу предположить, что он мог получить травму головы во время выяснения отношений между бандами. Кто он и откуда выясняется. Сейчас он находится в камере следственной тюрьмы, хотя судебный медик настаивал на содержании и обследовании его в психиатрической клинике профессора Джозефа Мортимера.

Он стоит на коленях, перед этим дьяволом, который разрушил все, что он сумел создать. Все рухнуло в мгновение ока. Его власть... Он больше не будет испытывать наслаждение, издеваясь над человеческим дерьмом, которое целых два месяца было в его власти. Он был почти богом в этой камере... Как это могло случиться?! "Вист" пытался понять, как такое могло случиться: их было четверо против него одного. Он убил их всех. Теперь его очередь. Случись подобное на свободе, он бы попытался бежать или вымолить себе жизнь. Но не здесь, не в тюрьме. Он знал, что не проживет и часа, даже если этот дьявол оставит ему жизнь. Заключенные не простят ему тех унижений и издевательств, которым он их подвергал. А ведь еще час назад...! Только по одному его слову...! Все это жгло и рвало мозг на части, затмевая боль. Злоба, ненависть, недоумение, взвихрившись в голове бандита черным облаком, затянуло пеленой мозг и глаза. Исчез человек, остался зверь, загнанный в угол.словно отпущенная пружина, он рванулся на ненавистного врага. Добраться до горла. Рвать...

— А-а-а-а!!

* * *

Камера напоминала преддверие ада, где томят несчастные души, перед тем как определить им наказание. Вонючие испарения поднимались вверх, конденсировались на потолке, каплями срывались вниз и ручейками стекались по стенам. Стены, покрытые серой от влажности штукатуркой, были изрезаны похабными надписями. Три окна под потолком, сделанные наподобие бойниц, были забраны толстыми металлическими прутьями. Половину камеры занимали топчаны, в три яруса. Воздух был душным и влажным, пропитанный вонью немытых тел, дерьма и карболки.

За спиной новичка хлопнула, обитая железом, обшарпанная дверь с кривой цифрой 27, грубо намалеванная серой краской. Противно лязгнул засов. Тот сделал несколько шагов по инерции, после тычка надзирателя в спину, после чего замер. Сэм Морган, вор, в числе остальных сорока обитателей камеры, с интересом наблюдал за новичком. Тот стоял уже десять минут неподвижно, бессмысленно смотря в одну точку, когда один из шакалов "Виста", некоронованного короля камеры, подошел к нему. Сначала он обошел его вокруг, потом стал напротив и спросил: — Ты кто?

Слишком мало развлечений, томившихся в неволе людям, предоставляла тюремная жизнь. Дни и ночи здесь тянулись медленно и уныло, поэтому появление каждого нового заключенного превращался в маленький праздник, отвлекая хоть на какое-то время от монотонной серости тюремной жизни. Не получив ответа, шакал помахал рукой перед его глазами, но новичок никак не отреагировав, продолжая пялиться в пространство. До этого момента подручный вел себя осторожно, держась настороже, то, теперь видя, что перед ним стоит обычный человек, очевидно, попавший в тюрьму впервые, к тому же ненормальный из разряда "тихих", осмелел до такой степени, что, презрев общепринятые правила, толкнул того в грудь. Правда, несильно, при этом воскликнул, как бы в свое оправдание: — Эй, парень, ты чего с обществом не здороваешься!

Увидев, что тот никак не отреагировал ни на его слова, ни на толчок, он уже безбоязненно повернулся к новичку спиной и крикнул: — Люди, нам сунули самого настоящего психа!

Толпа откликнулась смехом и грубыми шутками. Подручный "Виста" почувствовав себя в центре внимания, разошелся уже во всю, начав кривляться и делать неприличные жесты в отношении вновь прибывшего. Он просто млел от мысли, что может безбоязненно помыкать им, издеваться и выставлять того на посмеище. Снова повернувшись к новичку, громко сказал: — Теперь псих, мы будем называть тебя... Психом!

Заключенные грохнули смехом. Посыпались грубые шутки, одна из них, брошенная кем-то из заключенных, вызвала новый взрыв смеха: — Постучи ему по его голове! А мы послушаем, есть в ней что-нибудь или нет! Только стучи громче!

— Точно! Стучи! Послушаем! — обрадовано подхватили остальные заключенные.

Шакал, видя полную незащищенность тихого сумасшедшего, размахнувшись, с силой опустил кулак на голову новичка. Удар был такой силы, что у того подогнулись ноги, и он зашатался. Сэм, вор — карманник, наделенный цепким и внимательным взглядом, способным замечать мельчайшие детали, ускользавшие от взгляда других, неожиданно заметил, что в лице новичка что-то изменилось. Секундой позже он понял: выражение глаз, а шакал, которому нравилось играть главную роль в этом незатейливом и грубом представлении, а главное находиться в центре внимания всей камеры, уже потерял всякую осторожность. Он снова повернулся лицом к толпе, по-шутовски раскланялся, после чего сказал: — Объявляю всему народу, что голова у Психа совершенно пустая!

После чего снова раскланялся. Толпа орала, смеялась, свистела. Представление получилось на редкость удачное. Только Сэмми не смеялся, с тревогой наблюдая, как напряглось тело новичка.

"Что-то будет. Носом чую. Клянусь святой девой...!".

Не успел шакал выпрямиться, как руки новичка быстрыми, четкими, до автоматизма заученными движениями сломали ему шею. Это произошло настолько быстро, что в толпе еще слышались смешки, когда тело подручного Виста начало валиться на пол. Мало кто мог понять, как безобидный сумасшедший в одну секунду превратился в опасного убийцу, зато эки кто интуитивно, кто разумом сразу сделали один и тот же вывод: раз он псих и опасен, то он опасен для любого заключенного, так как этому ненормальному, скорее всего, безразлично кого убивать. Поняв это, население камеры тут же отхлынуло к стенам и замерло в тревожном ожидании. Все они громилы, воры, налетчики были по своей сути звери, живущие рефлексам и инстинктами, кому как не им чужь такого же зверя в других. По камере распространился запах матерого хищника. Почуял его и "Вист", некоронованный король камеры.

Кодла действовала слаженно, чувствовалось, что у нее изрядный опыт в таких делах и на счету ни одна победа. "Вист", как стоял, так и остался стоять, сверля взглядом психа, в то время как его костлявая, перебитая венами кисть, словно сама по себе нырнула в карман и опасной ловкостью выскользнула обратно. Тускло блеснул остро заточенный клинок. Напряжение тугой петлей сжало горло обитателям камеры, знавших, что сейчас прольется кровь, за исключением двух шакалов, ходивших в шестерках, которые чуть ли не скандировали: — Режь его, гада! Режь, Вист! Его уже в аду ждут!

Шакалы, состоящие в услужении у стаи волков. Чужак слепо прошелся по их лицам

взглядом. Сейчас их взгляд был несколько иным — запоминающим и холодным, но что им было до его взглядов, когда этому ненормальному осталось несколько минут жить, после чего он предстанет перед господом богом. Толпа, замерла в ожидании реакции чужака, так как здесь были все опытные в подобного рода делах и знали, что человек, стоящий у черты, не может никак не проявить себя, особенно когда он "больной на голову". Ожидали вопля ярости, искажившегося страхом лица или грязных жестов, но почему-то никто не обратил внимания на напрягшееся тело, готовое к бою. Рефлексы бойца, в теле человека с потухшими глазами, после долгой дремы проснулись и теперь были готовы уничтожить врага.

Как только подручные Виста начали действовать, часть заключенных тут же забрались на верхние нары, освобождая банде место для маневра. Чужак был приговорен к смерти. Щербатый, скалясь гнилыми черными корешками передних зубов, шумно сглотнув слюну, сдвинулся влево. Рябой, верзила с избитым оспинами лицом, крадучись, стараясь не привлекать внимания, обходил чужака слева. Третий бандит с вытянутым лицом, смахивающим на лошадиную морду, зажав в руке осколок заточенного бутылочного стекла, стал осторожно заходить за спину. "Вист", на правах жоака, остался на месте, Злобно скалясь, он с интересом наблюдал за разворачивающимися событиями. Он не секунды не сомневался в победе своих подручных. Три против одного — что тут можно сказать? Аминь! Напряжение в камере сгустилось до предела, когда сзади за спиной, казалось ничего не подозревавшего чужака, сверкнул осколок заточенного стекла. Казалось, исход был предрешен, но в следующую секунду каблук тяжелого ботинка левой ноги психа врезался в пах "лошадиной морды". Удар оказался настолько стремительным, а дикий, почти звериный вопль, полный боли, оказался настолько неожиданным, что не только заключенные замерли от подобной сцены, но и нападавшие бандиты, чем не замедлил воспользоваться "тихий сумасшедший". В следующую секунду молниеносный удар ребра ладони сокрушил гортань Рябого. Хрипение, заваливающегося подручного, словно разбудило главаря, который неожиданно осознал, что если в эту секунду он ничего не предпримет, потом будет поздно. Почему эта мысль пришла к нему, здоровому мужику, с ножом в руке, не раз выходившему победителем в подобных схватках, он не знал. Просто животные инстинкты подсказали ему, что сейчас он нарвался на крупного, матерого зверя, не чета ему. Но он не мог этого понять, а главное, поверить, что для него все кончено. Он не может проиграть! Отчаянно рванувшись вперед, главарь выбросил руку с ножом. Сейчас он увидит, какого цвета кровь этого...! И клинок со всего маху вошел в плоть, но это было не печень чужака, а спина его подельника Щербатого, за долю секунды до этого сбитого с ног тяжелым ударом кулака. В следующую секунду два тела с треском столкнулись и полетели на пол. Пока Вист, хрипло ругаясь, пытался выбраться из-под агонизирующего тела Щербатого, смерть продолжала собирать жатву. Мягкое, почти кошачье движение в сторону, и в следующий миг нога чужака мощным ударом смяла грудную клетку шакала, который настолько был оглушен происходящим, что не сумел оценить опасности и оказался в опасной близости от зверя. Заключенные тут же бросились в рассыпную, стараясь найти место как можно дальше от страшного убийцы с пустыми глазами. Кто-то не выдержав напряжения уже начал подвывать от страха, а в углу один из зэков упав на колени и заламывая руки, почти в истерике, срывающимся голосом начал призывать господу унять слугу нечестивого. Тем временем последний шакал, после бесплодных попыток спрятаться за спинами сокамерников, которые отбрасывали его каждый раз назад, залез под дальний лежак и там замер неподвижно. "Вист", получив, таким образом, несколько секунд передышки, сумел спихнуть с себя труп и сейчас сидя на

корточках, судорожными движениями пытался вытащить нож. Но клинок на всю длину вошел в тело, к тому же его рукоять, залитая кровью, делая ее невероятно скользкой. Во время очередной судорожной попытки он вдруг понял, что время, отведенное для жизни, кончилось. В двух метрах от него застыл этот ненормальный, неподвижной статуей. Его неподвижность должна была успокоить "Виста", но вышло наоборот, как все непонятное, она напугала его так, что он был уже готов пасть на колени, унижаться, вымаливая жизнь. Сейчас чужак представлялся в этом грубом, тупом уме громилы чем-то вроде ангела смерти. Неужели никто не видит этого? С трудом, оторвав глаза от пустого взгляда убийцы, он посмотрел по сторонам. Может кто-то придет к нему на помощь? Но взгляды заключенных, еще полчаса назад подобострастных и трусливых, сейчас светились злобным злорадством и ненавистью. К нему. Это было равносильно смертному приговору. Смерть. Выхода не было. Сознание перемянуло. Уже не осознавая, что делает, словно подброшенный пружиной, он прыгнул на чужака.

— А-а-а-а!

В следующее мгновение удар ноги протаранил его грудную клетку. Тело бандита, грозы камеры, грохнулось о стену и мягкой грудой скользнуло на пол. На некоторое время восстановилась идеальная тишина, люди боялись даже дышать. Что этот безумец предпримет? Остановиться или будет убивать дальше? Более умные из них, такие как Сэм, не настолько цепенели от страха, чтобы не попытаться оценить возможную расстановку сил. Пока сознание грубых и ошарашенных людей пыталось переварить смерть шестерых человек в считанные минуты, тишину разрезал вопль боли очнувшейся "Лошадиной морды". До этого он находился в шоке и не воспринимал окружающего до этого самого момента, но теперь его прорвало: — "Вист, не убивай его совсем! Дай его мне! Дай, гада!".

Зэки, все как один, перевели взгляд с корчившегося от боли "Морды" на труп "Виста". Сумасшедший убийца, до этого стоящий неподвижно, быстрыми, мягкими движениями приблизился к "Лошадиной морде". Тот, почувствовав движение около себя, приподнял голову, затем попытался привстать. Увидев, кто перед ним, глаза бандита округлились от страха, горло выдало вместо слов невнятное хрипение. Резкий удар тяжелого ботинка с хрустом подцепил челюсть бандита, рванул вверх. Тело дернулось вслед рванувшейся вверх голове, затем, опав на пол, замерло. Чужак некоторое время стоял истуканом, после чего четким, словно заученным движением, сел на койку, находящуюся тут же за его спиной. Заключенные, некоторое время смотрели на неподвижно застывшую фигуру, после чего стали медленно и осторожно, с оглядкой, по одному, расходиться по своим местам, стараясь обходить койку с сумасшедшим убийцей как можно дальше. Некоторое время чужак привлекал всеобщие взгляды, но потом стало скучно смотреть на неподвижную фигуру и внимание заключенных переключилось на вылезшего из-под лежака и забившегося в угол, последнего из оставшихся шакалов. Было забавно смотреть, как тот трясется мелкой дрожью, выставив перед собой дрожащую руку с осколком стекла, бывшим оружием "Лошадиной морды".

Осознание самого себя как личность пришло рано утром. Мрак камеры стал только рассеиваться под напором пробившихся сквозь строй толстых металлических прутьев на окнах, еще бледных, не налившихся силой, утренних лучей восходящего солнца.

Приподняв голову, я огляделся по сторонам. Увидев окна с решетками, ровные ряды нар с раскинувшимися на них людьми, услышал их храп и сонное бормотание, я понял, что

нахожусь в тюремной камере. Нахлынувшие эмоции, от осознания того, что я сижу в тюрьме, встряхнули меня словно контрастный душ. Но, постепенно успокоившись, я воспринял это как факт, после чего начал пытаться вспоминать, за что я здесь оказался. До нападения грабителей по прибытии в Нью-Йорк я все четко помнил, но потом шли обрывочные воспоминания. Они были словно воспоминаниями другого человека. Особенно это подчеркивалось тем, что не несли с собой ничего, что могло быть связано с человеческими ощущениями, переживаниями или эмоциями. Они были похожи на фотографии сделанные другим человеком, который дал мне их посмотреть, никак их не комментируя. В них был дом у воды. Маленькая девочка Луиза. Хмурый мужчина со щетиной недельной давности, ее отец. И работа, которой я занимался. Рубка дров, кормление свиней, починка крыши. Вдруг в памяти всплыла совсем другая картина, отличная от остальных. Двое мужчин пытаются третьего, этого со щетиной, хозяина дома. Они резко поднимают головы и смотрят на меня. Один из них, палач, имел бледное, четко очерченное и решительное лицо. О злобе и насилии говорил его взгляд, полный дикой злобы, а также глубоко залегающие морщины возле рта и глаз. Другой, был маленького роста, с мелкими чертами, глазами пуговками и безгубым ртом. Что произошло потом, я никак не мог вспомнить, как ни старался. Черный провал вплоть до сегодняшнего пробуждения сознания. Я сел. И тут же уловил взгляд человека. Осторожно повернул голову.

— Если ты обратил на меня внимание, значит, ты окончательно проснулся, Джон Непомнящий родства, — прошептал человек с хитрыми и умными глазами.

— Ты кто и почему меня так называешь? — шепотом спросил я его.

Тот сел на кровати, подобрав под себя ноги. Затем потер переносицу пальцем, наверно, он так делал, когда ему требовалось подумать.

— Меня зовут Сэм Морган. Вор. А тебя так прозвали, потому что ты ничего не помнишь и никого не узнаешь.

— За что меня сюда посадили?

— Ты находишься под следствием. Как я слышал, тебя задержали непосредственно на месте преступления. Убийство при отягочающих обстоятельствах. Пока ты был не в себе, тебе не предъявляли никаких обвинений, а теперь за тебя возьмутся по-настоящему. Труп со следами пыток есть, а убийц не могут найти. Поэтому для следователя ты тот человек, на которого можно будет повесить дело. Он обязательно попытается выбить из тебя признание. Так что все теперь зависит от тебя.

— Расскажи, что знаешь о моем деле. Все, что слышал.

Пока тот рассказывал, я перебирал то, что осталось в моей памяти, вставляя куски воспоминаний в рассказ Сэмми, как недостающие детали в пазл, но, к сожалению пустых мест в картинке было намного больше. Тогда я обрисовал ему лица двух бандитов, оставшиеся у меня в памяти. Мортон некоторое время думал, а потом сказал: — Другому я бы ничего не сказал, но ты избавил нас от такой большой кучи дерьма, что... Надеюсь, впоследствии я не пожалею, что рассказал тебе все это. В общем, так, это была одна шайка. Доббсон и эти трое. Сам Доббсон не ходил на дела, так как сильно хромал на правую ногу. Он был наводчиком, а также занимался сбытом краденного. Так я с ним познакомился, — увидев в моих глазах вопрос, он пояснил. — Время от времени сбывал через него кое-какие вещички. Маленький, с глазами — пуговками и безгубым ртом — Том Пристли. Его еще зовут Маисовой Лепешкой. Любит их до безумия. Пустой человечек. Он вроде тени Кокни Уорда, главаря. А вот этому я не хотел бы стать поперек дороги. Ему что палку настругать,

что человека — все одно. Третий — Кастет Генри. Говорят, у него не все хорошо с головой, а если еще нюхнет чего-либо, крышу полностью сносит. Еще говорят, что свой кастет он практически никогда не снимает с руки. Даже когда со шлюхами балуется. Вот идиот! Ха-ха!

Неожиданное возвращение ко мне памяти и речи очень обрадовало следователя, который вел дело об убийстве Доббинса. Он даже не стал скрывать, что подозревает меня в сговоре с убийцами и что моя потеря памяти, ни что иное, как хитрая уловка, чтобы запутать следствие. За две с половиной недели я трижды побывал на допросе, где он с превеликим усердием пытался выбить из меня признание. В основе его методики лежали удары дубинкой по спине и ребрам. В четвертый раз было все по-другому. Вместо обычного приветствия, типа "Ты мне все подлец и подонок расскажешь, а иначе я тебя..." и злого азарта в глазах, сегодня на его лице была кислая и обиженная мина. Я понял, почему у него такой недовольный вид, только когда увидел лежащее на столе постановление о моем освобождении.

— Тебе повезло, висельник! Ты считай, заново родился! Эта девчонка Луиза Доббинс дала показания в твою пользу. Рассказала, что ее отец сам впустил бандитов в дом. Войдя, они накинулись на него и сбили с ног, а когда она бросилась к отцу с криком, один из бандитов ударил ее в лицо. С этого момента она совсем ничего не помнит. Я беседовал с ней дважды. И дважды, она мне рассказывала одно и то же. Про трех бандитов, напавших на ее отца. И при этом категорически отрицала, что ты с ними в сговоре. Но чтобы ты или эта девчонка мне не говорили, я все равно убежден, что ты один из этих убийц! Запомни, я буду следить за тобой! Как только ты допустишь хоть малейшую ошибку, я подведу тебя под виселицу! Клянусь! Все! Если грамотный, читай постановление! Подписывай! А тепері пошел вон отсюда, грязный ублюдок!

Бригадир даже не понял, когда с виду обычным грузчиком произошла такая странная перемена. Его глаза вдруг стали пустыми и холодными, как у змеи. Даже хуже, ведь от змеи можно убежать, а этот взгляд примораживал к земле, не давая возможности ни вздохнуть, ни пошевелиться. Единственное, что он чувствовал, так это капли холодного пота, стекающие по его спине. Обрывки мыслей, метавшиеся в его голове, были многократно повторяемым эхом страха, который заполнил его всего целиком. Он видел, как губы этого страшного человека шевелились, но понять смысла слов он не мог, так как его как личности в этот миг не было, был только страх. Всепоглощающий холодный и липкий страх.

* * *

Вновь рожденный, я шел по улице, видя и подмечая то, что в обычной жизни проходит мимо твоего взгляда и сознания. Такое бывает у людей чудом спасшихся от смерти или выздоровевших после тяжелой и продолжительной болезни, внимание к обыденным мелочам, к пониманию их значимости в твоей жизни. Проходит немного времени и человек перестает обращать на них внимание, войдя в привычный ритм жизни. Вот и сейчас, выйдя из тюрьмы, видел молодую листву, нежащуюся под лучами весеннего солнца, чувствовал дуновения легкого ветерка, холодком пробегающего по лицу, слушал щебет и трели птиц. Сейчас, все то, чего был лишен в тюрьме, я впитывал в себя, наслаждаясь жизнью, свободой и солнцем. Идиллия продолжалась недолго, до тех пор пока неожиданно из-под ног не раздалось сердитое хрюканье. Резко остановившись, я обнаружил под ногами, посреди улицы, в луже подсохшей грязи, самую настоящую свинью. Минуту я рассматривал ее, пытаюсь понять как она сюда попала. Но стоило мне оглянуться по сторонам, как уже пришлось удивляться тому, что ее собратья не попались мне раньше. Судя по тому то, что меня окружало, больше напоминало деревню, чем район такого большого города, как Нью-Йорк. Низкие деревянные дома, с потемневшими от времени стенами, окруженные сараями и огородами, лужи с дурными запахами, кучи навоза. Вся эта картина дополнялась хрюканьем свиней, квохтанием куриц, лаем собак. Мимо меня шли люди, больше похожие на фермеров, которых я видел на Западе, чем на горожан. Мужчина с грубым лицом, в широкополой обтерханной шляпе, тяжело толкающий перед собой тележку с дровами, шедший мне навстречу, женщины, среднего возраста, в чепцах и длинных по щиколотки платьях, обогнавшие меня. Они так оживленно обсуждали какую-то Мэри, что даже не заметили меня. Зато я заметил грубые, натруженные руки, платья, потерявшие первоначальный цвет от долгих стирок. Единственным, кто обратил на меня внимание, был мальчишка, одетый в рубашку и штаны, явно доставшиеся ему по наследству от старшего брата. Чтобы они не сваливались, он перекинул подтяжки крест накрест. Тяжелые, разбитые ботинки были ему также явно велики. Парнишка напомнил мне Тима. Жив ли он? Мотнул головой, отгоняя грустные мысли, снова посмотрел на мальчишку, но тот уже занялся делом, принявшись строгать палку ножом. Только теперь до меня дошел мерзкий запах шедший от животного. Брезгливо сморщившись, обогнув свинью, я пошел дальше. До этого момента я шел вне окружающего мира, наслаждаясь свободой и ярким майским утром, то сейчас стал частью

его. Бедность района в который я забрел, просто резала глаза. Кривые, покосившиеся заборы, мутные, подслеповатые окна, стены домов, изъеденные плесенью, словно проказой.

Во всем этом было что-то гнилое, изъеденное болезнью изнутри, умирающее. Это ощущение было настолько ярким, что меня даже передернуло при подобной мысли.

Я даже невольно ускорил шаг, стараясь побыстрее выбраться из этих мест. Некоторое время плутал грязными и узкими улочками, пока не вышел на широкую и шумную улицу. И словно попал в другую жизнь, где много яркого солнца, свежего морского воздуха и ярко и красиво одетых людей. Разница "там" и "здесь" оказалась настолько разительна, что я автоматически сделал пару шагов назад, отступив в тень здания, чтобы не нарушать великолепия этого красочного зрелища. Солнце отражалось в каменных плитах тротуаров, отполированных до блеска бесчисленным множеством ног и в стеклянных витринах магазинов. Его блики лежали на золотых и серебряных часовых цепочках мужчин или переливались в гранях драгоценных камней на прелестных женских шейках. Но солнце было только фоном в этой яркой и сочной картине, основой композиции здесь являлись люди. Они шли нарядные и довольные жизнью. В одиночку, парами и компаниями. Даже не шли, они несли себя, словно находились на подиуме, на показе коллекции прославленного художника — модельера. Нетрудно было заметить, что это был показ не только нарядной, хорошо сшитой одежды и драгоценностей, но и своего положения в обществе. На эту мысль меня натолкнула встреча двух пар в возрасте сорока пяти — пятидесяти лет. Завистливый взгляд, сопровождаемый низким раболепным поклоном с одной стороны и полный чванства и пренебрежения, кивок с другой стороны. Их отношения не мог не заметить лишь только слепой. Люди, не стесняясь, выпячивали то, что намного позже стали прятать в тайниках своей души.

"Хватит философствовать. Смотри лучше".

И я смотрел, правда, больше на женщин. На данный момент они привлекали мой взгляд не столько красотой и обаянием, сколько пестротой нарядов. Иной раз сочетание цветов прямо резало глаз. Платье одного цвета, накидка с пестрым капюшоном другого цвета, к тому же на яркой подкладке другой расцветки. Вдобавок на всем этом висят разноцветные ленты, бантики, шелковые кисти! И этого еще мало! В руках каждой дамы еще и зонтик яркой расцветки. За этой радугой, состоящей из женской красоты и ярких нарядов, не сразу можно было заметить мужчин. Те смотрелись в основном серо-синими пятнами, основными цветами сюртуков и брюк. Если к ним добавить белый отложной воротничок, часовую цепь и трость, а к лицу приклеить бакенбарды и ухоженную бородку, то получите полное представление о мужчине второй половины девятнадцатого века, как молодом, так и в годах. Проследив глазами за хорошо одетым молодым джентльменом в сером шелковом цилиндре, изящно, даже с налетом артистизма, играющим со своей тросточкой, я неожиданно наткнулся на его случайный взгляд, брошенный на меня. Встретившись с ним глазами, я прочитал в нем брезгливость и отвращение, точно так же, как я недавно смотрел на свинью. Этот взгляд заставили меня посмотреть на себя со стороны. Рубаха грязная и мятая, пропитанная едкими тюремными запахами, такие же брюки. Стоптаные, разбитые, давно потерявшие свой первоначальный цвет, башмаки. Взгляд уязвил меня, заставил почувствовать себя тем, кем я сейчас выглядел. Нищим, бродягой, отбросом. Я никогда не испытывал подобного ощущения. И мне оно сильно не понравилось. Ощущение праздника в душе окончательно сошло на "нет". Мне оставалось только не обращать внимания на подобные взгляды и отстраненно наблюдать дальше за жизнью большого города, но как это

сделать, когда каждый взгляд обливал тебя новой порцией брезгливого отвращения. Проблема разрешилась просто, стоило мне перевести взор на дорогу. Громадное количество колесного транспорта самых разных конфигураций,двигающееся в обе стороны дороги способно поразить любое воображение в первую минуту. Чего здесь только не было. Наемные кэбы и коляски: двуколки, фаэтоны, тильбюри на огромных колесах и собственные выезды. Правили лошадьми, восседая на козлах, как негры, так и белые. Одеты пестро и нелепо. Черные и белые шляпы, лакированные фуражки. Куртки черного, коричневого, зеленого и синего цвета. Над мостовой стоял грохот обитых железом колес карет и телег, цоканье копыт, ржанье лошадей, гиканье и крики кучеров, свист кнутов. Только теперь я обратил внимание на кучи лошадиного навоза на обочинах дороги, а мой нос уловил их "аромат". Но тут же мое внимание привлек остановившийся, на противоположной стороне дороги, омнибус, городской транспорт девятнадцатого века. Не успел я полюбоваться галантностью кондуктора, помогавшего женщинам сойти с последней высокой ступеньки, как взгляд уловил новую диковинку.

Это была карета с неграми на запятках, одетыми в ливреи с золотыми позументами. Я заметил злые взгляды группы мужчин, которыми они обменялись при виде этой кареты, а, судя по брошенной из толпы грубой и презрительной фразе, брошенной вдогонку экипажу, это был какой-то плантатор с Юга. Насколько я мог судить, даже четыре года прошедших после окончания войны не смогли примирить враждующие стороны. Отсюда презрительные плевки и неприличные жесты в сторону экипажа южанина. Когда картина потеряла остроту и первые впечатления улеглись, я решил более детально изучить местных красоток. Но, только приступил к изучению, как заметил фигуру полисмена, решительно направляющегося в мою сторону. Нетрудно было предугадать, по его строгой физиономии и тяжелой дубинке, которую он мастерски крутил в руке, его дальнейшие действия. Решив не нарываться на неприятности, я развернулся и пошел обратно. Пройдя метров пятьдесят, оглянулся. Полисмен стоял на моем месте и также как до этого я, смотрел на толпу. Чувство тоски и одиночества сжало мое сердце. Чужак! Уже в который раз я почувствовал себя чужим в этом мире. Полицейский, прогнал меня, как... бродячую собаку. Это был последний штрих, окончательно испортивший мне настроение. Я выругался по-русски от души, громко и с чувством. Проходившие мимо меня в этот момент люди, не поняли ни слова из сказанного, зато, сразу почувствовав агрессию в моем голосе, старались держаться от меня как можно дальше, бросая при этом настороженные взгляды. Заметив их, я криво усмехнулся, после чего двинулся дальше. Еще час тому назад я радовался жизни, а теперь снова не доволен. Усмехнувшись несовершенству человеческой души, я несколько успокоился и принялся размышлять: — Ни родственников, ни друзей, ни дома, ни денег. И есть хочется! Может кого-нибудь ограбить?".

С минуту я прокручивал в голове эту мысль. Вопрос, как у принца датского, у меня не стоял: быть или не быть? В моем положении выбирать не приходилось. Конечно, грабить нехорошо, но как я понимаю, бог сначала создал человека с его желудком, а уже потом общество, законы и мораль. Меня сдерживало только то, что подобный способ добывания денег я считал недостойным для профессионала. Я уже почти уговорил себя, как неожиданно вспомнил о бывшем доме Доббсонов. Правда, не столько о самом доме, сколько о погребе, в котором хранились продукты.

"Может там что-то осталось из еды. Да и крыша над головой... Устроюсь там на первое время. А вот насчет работы... Тут придется подумать. Короче, надо посмотреть, как они тут

живут и зарабатывают на хлеб с маслом".

По дороге я продолжал размышлять о своем возможном будущем. К роли бандита я был более всего подготовлен, к тому же мои тюремные "подвиги" создали мне определенный авторитет. Когда громилы и убийцы, сидевшие со мной, узнали, что я вернул себе память и личность, меня завалили предложениями "работы". Но иметь что-то общее с ними мне не хотелось. Тупые и злобные громилы, которые с детским удовольствием, чуть ли не захлебываясь от восторга, рассказывали, как добивали раненых и упавших на землю врагов, прыгая на них всем весом, с наслаждением слушая, как трещат их кости. Естественно, что помимо подобных образчиков в криминальном обществе были толковые и сообразительные люди, те же самые главари крупных бандитских группировок, но до них еще нужно добраться. И не только попасть им на глаза, а заслужить их уважение громкими делами. Можно, конечно, броситься в другую крайность. Пойти служить в полицию. Но, как я слышал, кандидаты проходят скрупулезные проверки. Вряд ли никому неизвестная личность с улицы, к тому же сидевшая в тюрьме по подозрению в убийстве, пройдет их.

"Интересно, а есть ли у них бои без правил? Скорее всего, есть! Тоже возможность срубить копейку! Как промежуточный этап. А вообще надо присмотреться к местной жизни, глядишь и что-нибудь приличное появится. Город большой — значит и возможностей больше. А не получится здесь, на пароход и в Россию — матушку. Дома, как говорят, и стены помогают, — перебирая возможные варианты своей будущей жизни, я не заметил, как добрался до цели.

Подойдя к забору, понял, что лишился крова, на который так рассчитывал. Здесь уже поселилась семья. Женщина, сидевшая на лавочке возле дома, с вязаньем в руках, напряженно замерла при виде меня. Мужчина стоя ко мне спиной, выбирал дрова из поленицы. Вот он повернулся лицом к жене, видимо хотел что-то сказать ей, но увидев выражение ее лица, резко развернулся в мою сторону. Брови тут же нахмурились, на скулах вздулись желваки. Единственным, кто не обратил на меня внимания, был мальщ, лет четырех от роду. Не замечая ничего на свете, он все так же увлеченно продолжал гоняться за громко раскудавившимися курицами.

"И куда мне теперь идти? Может обратно в тюрьму попроситься? Ни дома, ни денег, ни работы — неплохое начало для новой жизни! Может опять податься на Дикий Запад, банки грабить? — пока я иронизировал над собой, мужчина медленно, с опаской, подходил ко мне. Молодой, лет тридцати, с простым лицом. Причем он явно меня боялся. Чувство разочарования сменилось интересом к его непонятному и странному поведению. Тем более, что торопиться мне было некуда. Мужчина остановившись в двух метрах от забора неожиданно начал жестикулировать руками, показывая, чтобы я уходил. Я смотрел на него, ничего не понимая.

"Может он глухонемой?"

Но в следующую секунду он заговорил.

— Ты, Джон?! Да?! Джон?! — его голос был напряжен. — Уходи!! Уходи, Джон!!

Только теперь до меня дошло, что он меня знает как сумасшедшего, а также знает, что я здесь жил. Но почему он меня боится? Стоп! Наверно, слышал что я сидел в тюрьме. Теперь понятно. Бывший зэк и еще сумасшедший.

"Но чего он так глотку рвет?! Как у него самого в ушах не звенит? А в желудке как бурчит. Стоп! Есть идея!"

— Пожрать дашь? Тогда уйду.

Если бы в этот момент разверзлась земля, и из трещины, окруженный огнем, появился дьявол, мужика бы наверно не так достало, как мои слова. Его злаза расширились до предела, челюсть отвисла. Похоже, он даже не понял, что я сказал. Ухмыльнувшись, я настроился на представление, как из-за спины мужа раздался звонкий женский голос: — Мистер... Джон, если вы не сильно торопитесь, мы могли бы пообедать вместе. Правда, без особых разносолов, но как говорится, что есть, то и будем есть.

Тут у мужа кончился столбняк. Его челюсть стала на место, после чего он почти простонал: — Мэри, ты что не понимаешь, он...

— Это ты не понимаешь, Дикки. Ведь он же здесь жил. Мы не можем его просто так прогнать. Это нехорошо. Не по-христиански. К тому же соседка Милли Купер сказала, что Джона забрали в тюрьму ни за что. На семью Доббинсов напали бандиты. Когда маленькая Луиза очнулась, она все рассказала полицейским. Ей наш констебль так сказал. Как ты думаешь, почему Джон здесь стоит, Дикки?! Потому что его освободили!

— Мэри, ну что ты такое говоришь?! Ничего я такого не думал! Просто думал, что он сумас..., а он..., - он бросил на меня новый испуганный взгляд. — Я хотел сказать... Нет, я не то хотел сказать...

Тут он кончательно запутался и замолчал, медленно наливаясь краской. Мне пришлось прийти к нему на помощь.

— Все нормально, Дикки. У меня действительно было не все в порядке с головой, но сейчас все в норме. Хотя не совсем. Наверно, все-таки болен.

Дикки только что начавший расслабляться, снова насторожился, а я продолжил: — В животе бурчит. Как ты думаешь, это не очень опасно?!

Дикки попытался сохранить серьезный вид, но Мэри за его спиной уже смеялась во весь голос. Муж не выдержал и стал вторить ей. Чтобы не выбиваться из общей картины я тоже немного посмеялся.

— Ха-ха-ха! Заболел! В животе бурчит! Заходи, Джон!

После двух мисок мясной похлебки со свежим хлебом, я почувствовал себя намного лучше. Мэри стала укладывать ребенка спать, а мы с Дикки вышли во двор и сели на лавочку.

— Что ты теперь будешь делать, Джон?

— У меня такое ощущение, словно я заново родился. Поэтому, может ты мне что подскажешь, Дикки?

Тот замялся. Я уже понял характер этого человека. Честный, откровенный, доверчивый. Таких обычно зовут простаками, люди, которые обманывают и манипулируют ими. Нетрудно было понять, в каком направлении сейчас думает Дикки. О том, что Джон хочет остаться у них. И как отказать ему. В каких словах?

— Послушай, Дикки, я не собираюсь претендовать на ваш дом. Даже в мыслях не было. Просто я в растерянности. Я как бы снова начал жить... — тут я сделал паузу, давая домыслить ему остальное.

Дикки просиял. У него не требуют, его — просят. Он должен был показать свое великодушие. Так оно и получилось.

— Джон, Джон. Подожди. Тебе ведь некуда идти. Ты мог бы несколько дней, даже неделю поспать в сарае, пока не найдешь себе место. У нас есть лишний матрас и одеяло. Как тебе?

— Нет слов.

— Отлично. Я думаю, что Мэри будет со мной согласна. А вот насчет работы... Тут сложнее. Город переполнен. Много приезжих. Каждый день пароходы привозят все новых и новых людей. Я работаю в порту грузчиком, и часто вижу как цепочки людей сходят по трапам с пароходов на землю. Иногда думаю, что все люди с того конца света решили переселиться в Америку. Неужели они не могут найти работу у себя дома? И вот ты приехал... Ладно, забудь. Я что хотел сказать, когда приходит много судов в один день, бригадир берет двух — трех дополнительных человек на несколько дней, а то и на неделю. Так что, пойдем завтра вместе, может тебе повезет. Если же нет, попробуешь найти что-то сам.

— Отлично! Ты настоящий друг Дикки!

Тот снова покраснел, но уже от удовольствия.

— Джон, расскажи мне о России. Я слышал, что у вас большую часть года зима.

За обедом меня спросили, кто я, откуда родом и чем занимался. Я сказал, что родом из России, решил посмотреть мир, а по приезде в Америку сразу подался на запад. Был ковбоем, немного шерифом, короче все понемножку. Заработал денег и решил вернуться в Нью-Йорк, а тут меня заманили в ловушку. Разбили голову и ограбили. Супруги расчувствовались чуть ли не слез. В итоге: хорошее отношение, на неделю крыша над головой и возможность получения работы. Только я начал рассказывать, как пришла Мэри, тоже послушать. После того как я закончил свой рассказ, Мэри решила, что мужчины достаточно побездельничали и определила нам фронт работ. Я колол дрова, а Дикки чинил калитку. Мне нравились эти люди. Простые и честные. Рубя дрова, я слушал, как перешучиваются Мэри и Дикки и мне стало завидно их простому бесхитростному счастью.

"Сколько я потерял в жизни... Но почему потерял? Ты еще ничего и не находил, парень! Тебе сейчас не больше двадцати четырех лет. А значит, вся твоя жизнь еще впереди!"

Утром, солнце еще только взошло, а мы уже позавтракав вчерашней похлебкой, шли на работу. Подходя к порту, я увидел лес мачт. Только на некоторых судах весело хлопали на ветру паруса, а еще на двух кораблях я заметил фигурки матросов, убиравших паруса. Среди мачт торчали грубые и закопченные трубы пароходов, смотревшихся неуклюже на фоне изящных обводов парусных судов. Чем ближе мы подходили к территории порта, тем больше рос шум и движение на улицах. Целые колонны повозок и фур шли в обе стороны, грохоча колесами по каменной мостовой. В самом порту к ним прибавился лязг лебедок, ржанье лошадей, крики и ругань докеров и матросов. Через минуту я уже перестал обращать внимание на весь этот бедлам, все мое внимание уходило на то, чтобы не отстать от Дикки в лабиринте штабелей досок, сложенных в горы ящиков, корзин и кулей.

С работой мне повезло сразу. Бригадир посмотрел на мои плечи и руки и тут же дал согласие. Я получил то, что хотел, но когда к обеду начало ломать спину и задрожали руки, я уже не считал, что мне так уж здорово повезло, как утверждал Дикки. Правда, мне хватило двух дней, чтобы втянуться, а вот с людьми из бригады у меня контакта не получилось. Большинство из них смотрело на меня, как на пустое место. Сегодня он есть, а завтра — нет. Добрая половина бригады состояла из иммигрантов. Ирландцы, немцы, даже был один венгр. Они все приехали в Америку, как в страну равноправных возможностей, в расчете на лучшую жизнь. Но работы на всех не хватало. Нью-Йорк был перегружен людьми, которые прибывали со всех концов света. И только половина из них уезжала вглубь страны, другая

половина пыталась устроиться в самом городе. Не найдя ничего, проев последние деньги, люди хватались за низкооплачиваемую и неквалифицированную работу, работали за гроши, лишь бы хоть как-то прокормиться.

— Тут своим не хватает работы, а еще эти прутся, — пожаловался мне Дикки, в первый же день, когда мы возвращались с работы.

Его слова подтверждали ежедневно десятки людей, приходившие предлагать свои руки и мышцы. Видя это, я решил поговорить с бригадиром насчет постоянной работы, как на пятый день, прямо с утра, мне и еще двоим временным, было объявлено, что мы сегодня работаем последний день. Настроение упало. Я снова стал перед проблемой, как жить дальше.

"Похоже, осталась одна дорога — в бандиты".

Отработав около трех часов, я остановился, чтобы вытереть пот, градом катившийся с меня, как за спиной послышались шаги. Только я начал оборачиваться, как в следующий момент получил сильный тычок в плечо. С трудом, удержавшись на ногах, я резко развернулся. Передо мной стоял бригадир. За его спиной стоял верзила, с красной пьяной рожей. От обеих пахло виски и табаком. Верзилу я видел второй раз. Его мне показал Дикки, он же и рассказал, кто он такой. Своего рода надзиратель за работой в порту от банды Мяслика Томаса Пила, которая контролировала эту часть порта.

— В чем дело?

— Он еще спрашивает?! — оскалился бригадир. — Тебе, за что крыса вшивая деньги платят?! Ты, мать твою...!

Мне бы сказать: — Извините, сэр, — и быстро приняться за работу, но не тот у меня характер. Не приучен он к смирению и покорности.

— Пасть заткни!

— Что?! Уволен!! — возмущение бригадира было не поддельным. — Ты не получишь ни цента, даже если на коленях ко мне приползешь!

— Ну, вот. Это уже тема для разговора! — и размашистый удар правой в челюсть, бросил бригадира на землю.

Бандит, хоть и был пьян, тут же надвинулся на меня, явно уверенный в своих силах. Я оказался не лучше его, посчитав этого пьяницу за легкую добычу, за что и поплатился, пропустив резкий удар по ребрам. Он легко двигался и бил на удивление сильно. Скорее всего, он когда-то долго, а может, даже профессионально занимался боксом. Несколько минут я только и делал, что отбивал сыплющиеся на меня с двух сторон удары. У меня болели ребра, ныла скула и в кровь были разбиты губы. Дрался он хорошо, но очень быстро выдохся, да и виски сыграло свою роль. Как только напор несколько ослаб, пришла моя очередь атаковать. Левой, правой, левой, правой, я посылал удар за ударом в корпус и в лицо. Вскоре бандит, задыхаясь, ушел в глухую защиту. Пора было кончать с ним. Отступив на шаг, я сделал ложный выпад и, когда соперник, защищаясь, поднял руки, сильно ударил правой в живот. Тот на какое-то мгновение опустил руки и подставил челюсть. И тут же был наказан за ошибку. В этот удар я вложил всю свою силу. Бригадир, уже поднявшийся на ноги, напряженно следил за схваткой, стоя в стороне. На его лице явственно читался страх за свою дальнейшую судьбу.

— Ну что, козел, мать твою..... берешь меня обратно на работу?

Я был возбужден и поэтому особо не следил за своими словами. Бригадир, только тупо смотрел на меня, никак не реагируя на мои слова.

— Не слышу ответа! — рявкнул я, демонстративно сжимая пальцы в кулак и делая шаг к нему.

— Что?! Да. Да! Конечно, беру, — испуганно забормотал тот, отступая от меня и оглядываясь по сторонам, словно в поисках пути для бегства.

— О — ох! — нокаутированный бандит приподнялся на подламывающихся руках, тяжело помотал головой. Было видно, что мир еще плывет перед его глазами. Я знал подобное состояние, поэтому мне не трудно было представить, как он себя чувствует.

— Ну что, бригадир, я принимаюсь за работу, как ты просишь. Ты тоже не стой столбом, лучше приятелю помоги, а то так и будет здесь валяться.

Тот, тут же с излишней суетливостью, стал поднимать с земли плохо соображающего бандита. Собравшиеся зеваки, в основном матросы с кораблей, до этого комментирующие особо острые моменты поединка, тут же переключились на истекающего потом бригадира, пытающегося удержать на подгибающихся ногах бандита. Смех, презрительные клички, грубые насмешки полетели в него со всех сторон.

"Блин! Что я наделал?! — я только сейчас понял, что, забывшись на секунду, дав волю кулакам, я все испортил. — Я лишился работы! Не получу денег! И меня бандиты за своего под пресс пустят! Бежать?! А что еще тут придумаешь?!"

Оглянулся по сторонам. Толпа потихоньку рассасывалась. Ни полиции, ни бандитов пока видно не было. Я уже был готов бежать, как неожиданно увидел Дикки, стоявшего в стороне от бригады, с глазами побитой собаки, и мне стало плохо. Привыкший отвечать только за самого себя, я совсем забыл о человеке, которого считал случайным знакомым.

"Мать...! Как я про него забыл! Не себя, я его подставил! Эта жирная сволочь, бригадир, отыграется на нем за все. Выгонит с работы! А ведь бандиты могут и на нож поставить! С этих уродов станется!"

Пока я пытался найти выход из ловушки, в которую сам себя загнал, народ разошелся. Грузчики, до этого стоявшие и наблюдавшие за происходящим, торопливо пошли к грузовому трапу парохода, за ними со скорбным лицом потянулся Дикки. Я снова огляделся. Бригадира, вместе с так и не пришедшим в себя бандитом, не было видно. Уходить или остаться? И я остался. Я не любитель играть в благородство, но в подлецах себя никогда не числил. Принялся за работу, будто ничего не случилось. Если раньше в бригаде слышались соленые шутки, насмешки, ругань, то теперь люди работали молча, сосредоточенно, с угрюмым видом. На лицах даже не появлялось обычной гримасы облегчения, даже тогда когда они сбрасывали груз с плеч. Их можно было понять. Избили члена банды. Сейчас приедут его дружки и начнут разбираться. Но только ли с ним? А если их посчитают заодно? Их изобьют и вышвырнут с работы! Как тогда жить? Все это легко читалось на напряженных лицах. Не легче было и мне. Ожидание бандитской расправы висело надо мной дамокловым мечом.

Наступило время обеда. Мы с Дикки расположились на штабеле досок, постелив вместе скатерти кусок беленого полотна. Четыре ломтя серого хлеба, четыре яйца, по паре репок и лук. Я ел не спеша, тщательно прожевывая пищу, изредка бросая взгляды по сторонам. Дикки, взвинченный до предела, ужом крутился на месте, и не ел, а просто давился, пытаясь запихнуть ее в себя. Еще во время работы, парень пытался шутить, пару раз заговаривал с докерами, но, наткнувшись на явное нежелание общаться, замолк окончательно. Вот и сейчас мы сидели вместе с бригадой, но в тоже время нас отделяла от них словно невидимая

стена. Нас старались не замечать, уже не говоря о том, чтобы переброситься словом. Дикки не зная как себя вести со мной, старался молчать, а когда я его спрашивал, старался смотреть в сторону. Старался подражать поведению остальных, но это у него плохо получалось. В душе он проклял меня уже не один раз, что нетрудно было понять по изредка бросаемым на меня злым взглядам. Так мы и сидели, пока из-за штабеля досок неожиданно не вынырнул бригадир. Увидев нас, он злорадно оскалился и закричал: — Тут они!

Дикки при его виде совсем перестал есть. Опустив руки, он обреченно смотрел на медленно подходящих к нам трех человек. Вернее сказать, трех бандитов. Одежда темных тонов. Брюки, заправленные в сапоги. Длиннополые сюртуки. Шляпы. Остановившись в двух метрах от нас, троица замерла, разглядывая нас с Дикки. Я встал и в свою очередь стал разглядывать пришедших. Старший из них, стоящий впереди, бандит имел лицо ожившего скелета. Образ подчеркивали глубоко посаженные глаза, впалые щеки, большие залысины и маленький, почти безгубый рот. Правда, при всей своей резко отталкивающей внешности имел жилистую и мускулистую фигуру бойца. Один из двух бандитов, стоящих за его спиной, был типичным образчиком телохранителя. Большой рост, широкие плечи и грудь, а бицепсы просто распирали рукава. По всему было видно, что он большой любитель помахать кулаками, зато на другого бандита, худого и длинного, я бы и цента не поставил, как на кулачного бойца. Если верзила, рядом с ним, стоял неподвижно, как вросшая в землю скала, то этот переминался с ноги на ногу, а его взгляд, как и руки постоянно находились в движении. Грязные пальцы ни секунды не оставались на месте, без надобности, трогая то большие роговые пуговицы, то, сминали лацканы сюртука. Мерзкая, противная личность. Такого как увидишь, сразу бить хочется.

— Ты зачем, парень, нашего парня и бригадира обидел?

"С подходцем, сволочь. Решил в справедливого поиграть. Ну что ж, играть, так играть".

— Так я чего? Я ему говорю, минутку передохну! А он мне: Убирайся! Ты уволен! Вот я и погорячился, сэр. Не хотел! Честное слово, не хотел! Оно само как-то получилось!

— Мне почему-то кажется, что ты сейчас надо мной смеешься. Так, кажется или смеешься?

— Кажется! Ей богу, кажется! Чтобы я... Да ни в жисть!

Бандит, похожий на скелета, некоторое время пристально смотрел на меня, потом вдруг неожиданно спросил: — У тебя какой-то странный акцент. Откуда ты?

Я тут же ответил: — Из России.

— Это где Франция?

— Почти рядом.

— Ненавижу лягушатников.

Я неопределенно пожал плечами.

— Ты какой-то не такой, как все. Непуганый. А с другой стороны, из своей России сюда убежал. Значит, страх в тебе должен быть. Хм! Ты недавно приехал?

Я задумался, не зная, что сказать.

— Давно уже. Точно не скажу.

— А до Нью-Йорка где был?

— На Западе.

Теперь он задумался.

— И что мне теперь с тобой делать?

— Ничего не надо делать. Вы меня лучше к себе возьмите.

Еще до этой беседы, больше похожей на допрос, я решил, что это будет наилучший выход из положения. Сыграть под дурачка, тем самым отвлечь все внимание на себя, отодвинув на задний план Дикки. А уж там по обстоятельствам. Драться, бежать или еще как. Но бандитский босс оказался далеко не дурак, что настораживало и интриговало. Они явно приехали разобраться со мной, потому что оставлять все в таком виде — плохой пример для подражания. А вместо этого он затеял разговор-допрос. К чему все это? Похоже, я ему интересен. Но в чем этот интерес? Некоторое время мы прощупывали друг друга взглядами, пока не раздался голос нервного типа: — Сержант, он же борзый. Может ему укоротку дать?

"Кличка странная. Сержант. Похоже, служил в армии".

Тот сделал вид, что не обратил внимания на слова своего подручного, но по выражению лица было видно, что он, наконец-то, пришел к определенному решению: — К нам, говоришь, хочешь?

— Ага.

При этом я постарался придать себе простецкий вид.

— Ну, что ж. Можно. Но как при приеме на любую работу, надо пройти испытание. Хочешь пройти испытание?

— Я здоровый. Сила есть.

— Здоровый, говоришь? Быка уложишь?

Тут пришло время мне чесать в затылке.

— Быка? Ну, не знаю. Вот этого быка, — тут я ткнул пальцем в здоровяка, — положу. А вот насчет настоящего...

После моих слов бандиты заржали в голос. Особенно старался Нож. Он сгибался почти пополам от хохота. Отсмеявшись, Сержант сказал: — Его я и имел в виду. Мы его Быком кличем.

Громила, не говоря ни слова, тут же выдвинулся вперед, демонстративно засучивая рукава. Стал передо мной, расправил плечи. Его руки были, что лапы у медведя. Я уже ожидал сигнала к началу схватки, как Сержант дал отбой: — Бык — отставить! Нож ты хотел дать ему укоротку? Давай!

Видно Сержант сумел каким-то образом заметить, что я настроен на эту схватку. Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Если он воевал, тем более, что дослужился до звания сержанта, он должен был видеть бойца "изнутри" в момент опасности. Бык, не слова не говоря, тут же вернулся на свое место. Дерганый бандит, скривив презрительно губы, вышел вперед, стал на его место. Скосив глаза на главаря, спросил: — Как?

— Как получится.

Нож кивнул, затем бросил на меня оценивающий взгляд, после чего, сплюнув мне под ноги, процедил сквозь зубы: — Давай деревенщина, нападай.

В следующую секунду в его руке сверкнул нож. Кто-то из грузчиков, толпившихся поодаль, не выдержал: — Господи! Он же его...

Послышался звук оплеухи, и взволнованный голос замолк на середине фразы. Я посмотрел в сторону Сержанта. Встретившись глазами, наткнулся на холодно-изучающий взгляд.

"Все еще изучаешь? Ну-ну, изучай. Дальше, еще не то будет".

Глядя в глаза главарю, я спросил его: — Как?

Тот криво усмехнулся, повторившись: — Как получится.

Ножу наш короткий диалог не понравился, что выразилось в следующих словах, обращенных ко мне: — Ты сам, гад, напросился.

— Жалко, а я думал, мы с тобой подружимся, Ножик.

Коротко хохотнул здоровяк. Скривил губы то ли в презрительной, то ли в глумливой усмешке Сержант. Нож зло ощерился, выставив на обозрение желтые зубы, чередующиеся с черными гнилыми пеньками. Правую щеку передернуло судорогой.

"Завелся. Очень хорошо. Будем работать".

Тело привычно приняло боевую стойку. Бандит, разъяренный не на шутку, не стал тратить время на уловки, а просто кинулся на меня. Его действия, были не движениями бойца, а обычного уличного хулигана. В следующую секунду я взял на излом его кисть, резко вывернув ее. Взвыв, он выпустил нож. Оттолкнув бандита, нанес ему прямой и резкий удар ногой в живот. Ножа согнуло пополам. Теперь он был мой полностью. Удар снизу в челюсть распрямил его, но последовавший удар в печень, свернул его обратно до позы человеческого зародыша. После чего он рухнул на землю, утробно воя. В другой ситуации я бы прикончил его, но сейчас этого делать было нельзя. Выражение необузданной ярости, которое надел на себя специально для окружающих, согласно роли заводного, но отходчивого парня, начало сползать. Некоторое время делал вид, что прихожу в себя. Тяжело дыша, я словно бы с недоумением смотрел на корчащееся, на земле, тело. Потом обвел глазами окружающих. Потом, постарался припустить растерянности в голос, сказал: — Он сам напросился.

Сержант некоторое время смотрел на тело Ножа, потом развернулся ко мне: — Тебя как зовут?

После некоторой заминки, я сказал: — Джон.

— Просто Джон и все?

Я вспомнил, как меня прозвали зэки в тюрьме: — Джон Непомнящий родства.

После моих слов Сержант только что на месте не подпрыгнул от возбуждения: — Ты замочил Виста?!

Я допустил ошибку. К сожалению, понял это слишком поздно. Отрицать было бесполезно.

"Если что не так, придется делать ноги".

— Да. Я.

После чего напрягся, готовый к любому исходу, но к моему вящему удивлению сомнения развеял не Сержант, а громила по кличке Бык: — Этот шакал уже давнo напрашивался на перо в бок. Так что...

— Бык, забирай этого дохляка и вези к тетке Молли. Пусть ставит его на ноги.

Громила без напряжения вскинул себе на плечо Ножа, после чего двинулся в проход между штабелями досок.

— А ты, — Сержант повернулся ко мне, — пойдешь со мной. У меня к тебе разговор есть.

— Хорошо. Эй, Дикки! Я буду вечером. И не забудь у бригадира забрать мои деньги!

Это было сказано не столько для Дикки, сколько для бригадира, понуро стоявшего у штабеля с досками. Вид у него был, как у только что наложившего в штаны человека. А может, так оно и было.

Некоторое время мы шли молча. Я смотрел по сторонам, все еще играя под простачка. Нетрудно было заметить, что скелетообразного человека, идущего рядом со мной, знают почти все, кто встречался нам по дороге. Если на меня бросали любопытные взгляды, то с

ним здоровались, с подчеркнутым уважением, а он отвечал только некоторым, небрежным кивком головы. Из его поведения нетрудно было сделать вывод, что Сержант одна из крупных шишек в банде Мясника. Не успели мы выйти за ворота порта, как он неожиданно спросил: — Ты выступал в своей России на ринге?

Вопрос меня озадачил, некоторое время я обдумывал ответ, затем сказал: — Можно сказать и так.

Мой ответ Сержанту не понравился. Рот скривился в злой ухмылке: — Не крути, парень. Отвечай, как есть.

— Выступал.

Я занимался боксом до армии, потом когда служил. Выступал за округ, получал призовые места, но дальше не пошел, хотя мне пророчили неплохое будущее в этом виде спорта.

— Хм. И видно неплохо, раз сумел отделать Боксера Джима. Тот в свое время даже пробовал выступать в классе профессионалов. Правда, далеко не пошел. Слабоват в коленках оказался, да и пил много. Я тебе, что хотел сказать, парень. Нам нужен боец для выступлений на арене. До этого у нас выступал Джимми, которого ты сегодня побил. Но он все чаще прикладывается к бутылке. Да и приелся он публике. Мы иногда приглашаем бойцов со стороны, но наемники частенько влетают нам в копейку. Ты нам подойдешь. Возражений не принимаю. При другом раскладе ты бы сейчас рыб кормил. Надеюсь это тебе понятно?!

— Еще бы не понять!

— А ты чего не удрал? Время у тебя было.

Я замаялся. Незачем было цеплять к себе Дикки. Похоже на то, что наши пути с ним разошлись.

— Ладно. Не хочешь, не говори. Я и так узнаю. Мне положено знать слабые места своих людей. И чем их больше этих мест, тем лучше. Легче манипулировать.

Город, в те годы, полностью отвечал словам преподобного Тэлмеджа, известного проповедника, который назвал его "современной Гоморрой". Еще он так сказал о Нью-Йорке в своем выступлении в Бруклинской церкви: "Город, став прибежищем для убийц, проституток и аферистов, умирает на наших глазах, корчась в развалинах и вывалившись в мусорных свалках, помоях и конском навозе".

Крысиные бега, игорные притоны, китайские опиумные курильни, кварталы красных фонарей, салуны и бары, где продавали суррогат виски по десять центов за порцию. Все это было неотъемлемой частью Нью-Йорка второй половины девятнадцатого века. Завсегдатаями подобных заведений в основном были карманники, бандиты, убийцы, аферисты, наводнившие город. Десятки банд типа "Адская кухня", "Дом газа" и другие держали в страхе целые районы. В ночное время суток в некоторых районах города человеческая жизнь стоила ровно столько, сколько находили у трупа в карманах. Чтобы выжить на улицах Нью-Йорка, нужно было иметь жесткость, хладнокровие и полное безразличие к своей и чужой жизням, так как здесь жили, придерживаясь только одного правила: "каждый сам за себя".

* * *

Мне сняли комнату в квартале от клуба Мясника, где мне предстояло выступать. Темная комнатуха с грязным, мутным окном. Койка, шкаф и умывальник — это все, что составляло меблировку этой дыры, впрочем, ничего другого в нее бы и не влезло. Единственное, что меня хоть немного радовало, за эту дыру мне не приходилось платить. Три раза в неделю я тренировался, а по субботам выступал на арене. Сначала была заранее объявленная схватка с кем-нибудь из боксеров или борцов, уже заработавших себе имя выступлениями на арене. Потом минут через двадцать приглашали всех желающих помериться силами с победителем. Приз выигравшему схватку — пятьдесят долларов. К моему удивлению любителей помахать кулаками находилось немало. К последним, в своем большинстве, относились матросы с кораблей. Дрались они жестко, применяя весь набор запрещенных приемов, которые только мог придумать человек в ущерб своему ближнему. Драться приходилось в полную силу, стараясь вырубить противника в первые минуты и с максимальным уроном. К этому выводу я пришел, когда во время одного из моих выступлений, на арену вылез здоровенный матрос. До этого момента я старался ублажать публику, растягивая поединки. Но в этот раз все пошло по-другому. После того как матрос второй раз оказался на полу, а свист, крики и грязные шуточки достигли апогея, тот озверел окончательно. Выхватив из кармана нож, бросился на меня. Единственное, что тогда спасло меня, то это слепое бешенство быка, с которым он бросился на меня. Уйдя от удара, я подсечкой сбил его с ног. Потом, с силой ударил ногой в висок и услышал, как хрустнула кость.

За каждый такой вечер я получал двадцать пять долларов. В дни, свободные от тренировок и выступлений работал в кабаке, принадлежавшем Мяснику, охранником и вышибалой. Кабак представлял собой смесь бара и танцевальной площадки. Столиков, как

таковых не было. Вдоль двух стен стояли длинные скамьи, а пили у стойки. Представлял он собой, если можно так сказать, дешевую пышность. Бумазейные занавеси, грубая лепнина и вперемешку развешанные по стенам картины и литографии на фривольные и морские темы. Назывался он одиозно "Путеводная звезда", а ниже на огромных железных крюках перед входом болталась вывеска "Большие вечерние танцы". Женщин в наше заведение пускали бесплатно, а вот мужчинам приходилось платить за право потанцевать и выпить — двадцать пять центов. Днем беспокойство доставляли только отдельные гуляки, но чем ближе время сдвигалось к полуночи, тем больше становилось посетителей. Танцы под музыку писклявой скрипки, бухающего контрабаса и дребезжащего пианино были такими же буйными и неорганизованными, как и сами танцоры. К часу ночи веселье становилось настолько диким, что кабак временами мне напоминал сумасшедший дом. Тут то и начиналась работа вышибал. Пьяные драки вспыхивали то в одном конце зала, то в другом. Мастерские, матросы, воры, сутенеры и их шлюхи, не задумываясь, пускали в ход, как кулаки, так кастеты и ножи. Женщины мало в чем уступали мужчинам в своих проявлениях злобы и неистовства. Ударить коленом в причинное место мужчине или ткнуть пальцем в глаз сопернице, а потом, схватив за волосы, бить ее лицом о стену — этого сколько хочешь!

К трем часам утра, когда заведение закрывалось, начиналась завершающая часть нашей работы. Выставив последних гуляк на свежий воздух, мы начинали вытаскивать на улицу вконец упившихся клиентов, не забывая при этом предварительно очистить их карманы. Закончив, мы становились у стойки и делили добычу. Затем кто-нибудь из барменов доставал бутылку и пускал ее по кругу, после чего мы начинали расходиться по домам. Выходя на улицу, я всегда стоял несколько минут на свежем воздухе, наслаждаясь ночной тишиной и покоем после сцен разгула и буйного веселья. Мне нравились эти минуты, приносившие в душу спокойствие и умиротворенность. Они стали для меня своеобразным ритуалом, даже в те дни, когда было холодно и сыро или шел проливной дождь. Идя домой, я привычно оглядывался по сторонам, держа наготове револьвер, лежащий в кармане сюртука. Шансы быть ограбленным и убитым были достаточно реальны, особенно в районах, где проживали бедняки. Где жил и я. Живя на человеческой помойке уже четвертый месяц, я стал уставать от грубости и жестокости окружающих меня людей, от неустроенности быта. Подобный суррогат жизни был не для меня. И это был не гонор человека двадцать первого века с высокими запросами, а простое понимание ситуации: подобная жизнь и работа могли удовлетворить только громилу со здоровыми кулаками и куриными мозгами. Приглядываясь к местной жизни и людям, я искал любую возможность подняться наверх, но даже не смог стать равноправным членом банды, так как был "человеком со стороны", не имевший ни известных преступлений за своей спиной, ни знакомых уголовных авторитетов. Просто кулачный боец, выступающий за деньги на потеху публике. До первой серьезной травмы, после чего меня вышвырнут на улицу и возьмут другого. Попыткам вырваться из человеческого болота мешало плохое знание внутренних хитросплетений местной жизни, а также отсутствие связей и денег. Всю свою прошлую жизнь я был солдатом, исполнителем. Мог быстро оценить или проанализировать сложившуюся на месте ситуацию, проявить инициативу в ходе операции, но это был мой предел. Правда, был и плюс. Моя прежняя жизнь приучила меня жить с оглядкой, что оказалось здесь одним из основных правил выживания в городских трущобах. Мне даже не пришлось переиначивать свой основной принцип, которым я руководствовался в моей бывшей работе: "Не оставлять ни шанса врагу!".

Искать наиболее быстрый выход из жизненного тупика, в котором я оказался, меня заставляло не только мое животное существование, но и моя работа, то чем я зарабатывал себе на жизнь. Схватки на арене и работа вышибалы. Если на арене противник у меня был перед глазами, то в кабаке, пьяный или одурманенный клиент мог запросто ударить ножом в спину или проломить голову, как моему предшественнику, чье место я занял. Ему разбили голову кистенем, когда тот вышел подышать свежим воздухом. Убийцу так и не нашли. Предполагали, что это был один из буйных клиентов, который был выброшен им из кабака. Я даже пытался использовать свои знания и возможности, как человека будущего, но, к сожалению, они были настолько специфичны, что не представляли никакого практического применения в этом времени.

Здесь никому были не нужны мои исчерпывающие знания о марках и тактических свойствах оружия будущего, как и мастерское владение техникой, от мотоцикла до вертолета. Единственное, что осталось при мне и не только не потеряло своей ценности, а еще больше набрало вес, то это искусство убивать человека.

Попытки вытащить из своей памяти исторические факты, знание которых сделало меня ценным для науки и техники этого времени, наткнулись на общие знания, имевшие довольно расплывчатый характер. Я знал, что был Генри Форд, изобретатель автомобиля. Но это все, что я знал о нем. Я не знал ни даты, ни места его рождения. Ни где он жил потом, когда ему пришла идея создания автомобиля. Я также знал, что на Аляске, которую два года тому назад купила Америка, нашли золото и алмазы, но где их искать — не знал. То же самое касалось моих знаний о различных событиях и находках в России. Они были отрывочными и бессистемными, почерпнутыми не из академических изданий с четким перечислением дат, событий и имен, а по большей части из художественной литературы. Поэтому даже то, что я знал, представлялось весьма сомнительным знанием. Оставалось только терпеливо ждать и надеяться на удачу. И она пришла, правда, в странном виде, в образе одноногого попрошайки. Все началось со случайно подслушанного обрывка разговора, одноногого нищего с уличным проповедником.

— ... нельзя жить во грехе, предаваясь блуду и пьянству, сын мой.

На что нищий, с отрезанной по колено левой ногой и в наброшенной на плечи голубой шинели северян, ответил: — А на фига мне такая жизнь, где нет баб и виски! Оставь ее себе, божий угодник!

Услышанный ответ мне понравился и я решил, что когда буду возвращаться, после выступления на арене, обязательно дам безногому доллар. Уже отдаваясь, я успел услышать продолжение разговора.

— Гореть тебе в аду...!

— Думаешь испугать меня адом?! Не надейся! Я уже живу в аду, кочерыжка чертова!!

Его слова говорили о силе духа и неукротимом характере.

"Настоящий боец!".

Возвращаясь обратно, я остановился рядом с ним. Некоторое время мы мерили друг друга взглядами, пока тот не разозлился: — За показ деньги беру! Кидай доллар и смотри, нет — проваливай!

Я кинул в кепи военного образца монету, продолжая стоять. Он посмотрел на меня более внимательно: — Ты от меня что-то хочешь?

Ничего конкретного от него я не хотел, может быть, только выговориться. Или просто поговорить с человеком, в котором чувствовалась внутренняя сила, несмотря на его

незавидное положение.

— Воевал? — я кивнул на шинель.

— Прошел всю Гражданскую и только один раз был легко ранен. А вот на Мексиканской границе получил вот это, — он похлопал ладонью по обрубку ноги. — Теперь приходится сидеть здесь и кланяться милостыню.

— А что пенсии по инвалидности не получаешь?

— Ты как-то странно говоришь, парень. Слова какие-то ученые. Впрочем, какая разница! Государство за потерю ноги заплатило мне сто девяносто восемь долларов и выкинуло на помойку. Вот такая мне благодарность за восемь лет службы!

— А что на Мексиканской границе делал?

— Бандитов ловил. С индейцами воевал. Почти три года. Есть что вспомнить!

При этих словах его глаза загорелись, лицо преобразилось, помолодело, и я вдруг понял, что этому обросшему щетиной с опухшим лицом мужчине, никак не больше тридцати пяти лет. Тема Мексиканской границы меня не сильно увлекала, но рейнджеры как род войск мне был интересен. Из рассказа Джеймса Богарта, так назвал себя ветеран, я понял, что рейнджеры, это был тот тип бойцов, который и был мне нужен. Не теряющие головы в опасных ситуациях, умеющие обращаться с оружием, а главное знающие, что такое дисциплина. Я уже думал о подобных людях, но как их найти и сделать из них единую команду, не знал, а тут Джеймс возьми и скажи: — Знаешь, парень, ты мне понравился. Давай я тебя познакомлю с моими парнями. В свое время мы воевали вместе в одной роте на Мексиканской границе. Нас тут двенадцать человек. Своего рода братство по оружию. Ты я вижу чужой в этом городе, как и мы. Может быть, если найдем общий язык, мы сможем держаться вместе. Через несколько дней встреча состоялась. Пришло шестеро. Крепкие, сильные, неудовлетворенные своим нынешним положением, эти парни были сплочены и способны на многое, лишь бы нашелся человек сумевший повести их за собой. Наш разговор стал своего рода разведкой боем. Беседуя, мы одновременно прощупывали друг друга, пытаюсь понять, кто чего стоит. Судя по тому, что мы договорились о новой встрече, я не разочаровал их, Впрочем, как и они меня.

Банды, делившие город, представляли собой дикую, своенравную и жестокую вольницу, а границы их владений были расплывчатыми и неопределенными.

Стоило только в пределах подобной границы появиться заведению, вроде лавки или бара, как тут же появлялись сборщики дани от соперничающих банд. Затем следовали выяснения отношений, начиная от мелких стычек и доходя иной раз до настоящих войн, длящихся неделями, со строительством баррикад на улицах и применением огнестрельного оружия. На время подобных военных действий организовывались, так называемые штабы, где заседали главари со своими подручными. Обычно штабы располагались в задних комнатах лавок или магазинов, владельцами которых часто являлись сами главари. Обычные проблемы, главари банд, также делал и Мясник, разрешались в облюбованном кабаке, в кругу ближайших подручных. Там они все вместе надирались, попутно решая назревшие проблемы своей криминальной империи. Свидетелем пары подобных собраний был и я. Вначале я только удивлялся простоте и безалаберности подобных собраний, потом понял, что это просто банда — сборище головорезов, но никак не вооруженная группировка наших дней, имеющую свою иерархию и четкую структуру. К тому же для главарей это был своеобразный способ играть в демократию, показывая всем, как прост и доступен для народа

их лидер. Не забывал Мясник также поддерживать боевой дух бандитов, бросая в толпу воинственные лозунги, типа: — Пора бы дать по паре хороших пинков Ирландцу и Дикому Джиму Мортону! — на что толпа бандитов в ответ ревела в пьяном азарте: — Мы их в бараний рог скрутим! Только прикажи!

Но это были только слова. Уже почти полтора года между бандой Мясника и его ближайшими соседями Ирландцем и Диким Джимом Мртоном не было серьезных конфликтов. Из подслушанных разговоров я узнал, что некоторые приближенные Мясника винят его в трусости, дескать, разжирел, сидя на одном месте и теперь боится потерять то, что имеет, но мне казалось, что он не так прост, как кажется, просто выжидает подходящего момента. И я решил создать для него этот момент. Именно он должен стать моей ступенькой наверх. План был простым и ясным. Убрать главаря одной из группировок. Главари банд в то время еще не научились прятаться от всего мира в личных апартаментах, отделенные от всего мира пуленепробиваемыми стеклами и армиями телохранителей, поэтому вычислить их не представлялось сложной задачей. Я рассудил так: смерть главаря принесет сумятицу и раздоры, а с ней борьбу за власть. Нам только и останется, выждав время, предложить свои услуги одной из враждующих сторон, потребовав в качестве награды за помощь кусок территории. Судя по тому, что я видел и слышал, подобный план был вполне в духе этой эпохи. Единственный вопрос, который я сразу не мог решить: ставить Мясника в известность или нет. Потом все же решил: не стоит. Победителей не судят. Не откладывая, я начал собирать информацию. Ирландец Патрик Салливан не сильно отличался от своих подчиненных. Не боялся крови, не чурался предательства и громко смеялся, забывая до смерти поверженного врага ногами, в тоже время он должен был быть более жесток, силен и хитер, чем обычный бандит. У Ирландца также был телохранитель. Большая двухметровая жирная свинья по имени Кабан Донни. Насколько я мог судить, из Кабана был такой же телохранитель, как из обычного кабана.

"И визжать они будут одинаково, когда их будут резать, — подвел я итог профессионализму телохранителя.

Как не легко было наблюдать за передвижениями Ирландца, все это потребовало намного больше времени, если бы у меня к этому времени не появился помощник. Джек Крыса. Он появился в моей жизни совершенно случайно, по непонятной прихоти судьбы. Большинство из посетителей кабака, где я работал вышибалой, пили, снимали шляху и исчезали в ночи, чтобы больше никогда не появиться и только небольшая часть из них являлись своего рода завсегдатаями. Появлялись, если не каждый день, то пару раз в неделю обязательно. Одним из таких посетителей был Джек Крыса, невысокий тщедушный человечек с худым и бледным лицом, развлекавший посетителей тем, что за десять центов откусывал голову живой мыши, а за двадцать пять — крысе. Его представления, как и он сам, вызывали у меня только отвращение и брезгливость. Я не предполагал, что мне придется с ним когда-либо общаться, не случись в один из вечеров происшествие, связавшего нас самым странным образом. Трое загулявших мастеровых стали требовать от Джека, чтобы тот съел мышь, которой только что откусил голову, предлагая ему за это доллар. Когда тот наотрез отказался, двое из них схватили его за руки, а третий стал пихать трупик мыши ему в рот. Пьяным посетителям кабака представление понравилось, а вот мне нет. Не долго думая я треснул дубинкой по голове мастерового с мышью в руке так, что тот рухнул без сознания на заплеванный пол. Не успели посетители поднять недовольный крик, как моя дубинка с силой въехала в солнечное сплетение одному из ремесленников,

державших Крысу. В следующую секунду тот рухнул на колени, скрюченный болью. Толпа, лишенная спектакля, зашумела. Я думал Крыса, улучив момент, сбежит, но вместо этого, тот сбил растерявшегося мастерового с ног, после чего принялся пинать его подкованными сапогами. Народ снова оживился, принявшись подбадривать его криками. Но Крысе не пришлось долго торжествовать, он был схвачен за шиворот одним из моих коллег и выброшен на улицу. Вслед за ним в темноту вылетела троица пьяных мастеровых. После чего сумасшедшее веселье закружилось с прежней силой. Крысы потом долго не было, я уже думал, что после этого случая, он уже вряд ли явиться, но через неделю он появился снова. Правда, теперь у него из-за голенища сапога торчала рукоять ножа, а в глазах появился странный блеск. Как оказалась, эти перемены в нем не ограничились только этим.

Этой же ночью возвращаясь с работы, я услышал чьи-то негромкие шаги за своей спиной, резко обернулся. За мной шел Крыса. После короткого и странного разговора, я понял, что он считает себя должником по отношению ко мне. Попытка вразумить его ничего не дала, и я решил оставить все как есть. Единственное что я для себя точно выяснил, что с головой у Джека далеко не все ладно. Впрочем, это не мое дело решил я: пусть живет, как считает нужным. Но когда мне понадобилась помощь, я сразу вспомнил о нем. Хотя бы потому, что доверить такое дело я мог доверить только человеку, которого хорошо знал, а таких у меня не водилось. И я не прогадал. Этот маленький невзрачный человечек оказался отличным агентом по наружной слежке. Правда, ему не хватало воображения, но зато он обладал цепкой памятью и был отличным исполнителем, выполняя мои инструкции четко и неукоснительно, вплоть до мельчайших деталей. Когда с помощью Крысы я набрал достаточно информации на Ирландца и выбрал место нападения, я несколько дней изучал планировку места, пути отхода и готовил необходимую маскировку, а затем мне только осталось дожидаться подходящего дня для осуществления моего плана. Местом покушения должен был стать отдельный кабинет ресторана под названием "Последний приют", который главарь ирландской группировки регулярно посещал два раза в месяц. Если судить по итогам двух раз, Ирландец в течение двух — трех часов будет ужинать, в компании с кем-нибудь из ближайших подручных, а затем, ближе к полуночи закажет девочек. За ужином Ирландец здорово надирался со своим собутыльником, что давало мне шанс убрать их быстро и без шума. К тому же имея за спиной большой опыт в подобных делах и специфическую подготовку, я вполне мог рассчитывать на подобный успех. После недели ожидания Крыса, наконец, принес мне весть — главарь со своим ближайшим помощником занял кабинет в "Последнем приюте". Услышав, что его собутыльником будет Зуб Майкл, первый претендент на "трон" после смерти Ирландца, я мог только порадоваться такому удачному стечению обстоятельств.

Жирная свинья по имени Кабан Донни даже не смогла взвизгнуть, когда широкое лезвие ножа перерезало ему горло. Укладывать эту тушу на пол помог мне Джек Крыса, который самым наглым образом увязался со мной. После попытки его отослать, я решил, дальше разговаривать — время терять, а будет мешаться под ногами — просто убью. Шепнув ему: — Остаешься здесь — там сам разберусь, — я уже сомневался в действенности своих слов, как он мне вдруг кивнул головой в знак согласия. Откинув плотную штору, я вошел в кабинет. Взгляды двух мужчин излучали довольство жизнью. Не знаю за кого они меня приняли, но ни один, ни другой не выказали ни малейшей тревоги до того момента, пока нож не ушел почти по самую рукоятку в горло Зуба. Только тогда стул Ирландца отлетел в сторону, а он сам вскочил на ноги. Его решимость и смелость делали ему честь, но кидаться

на незнакомого человека с кулаками, да еще в пьяном виде... Его размашистый удар пришелся в пустоту, зато мой кулак выбил на какое-то мгновение из Ирландца сознание и воздух. В следующий миг я оказался за его спиной. Резкий рывок, хруст шейных позвонков, судорожная конвульсия. Вместе с движением рук, моя память неожиданно выдала намертво заученные слова — команду: "...резко скрутить голову резким движением рук. Левая толкает затылок от себя, правая тянет подбородок на себя и вверх...". Отпустил руки. Тело Ирландца мешком свалилось на пол. Зуб к этому моменту перестал хрипеть. Тело выгнулось в последний раз дугой, после чего неподвижно замерло. Убедившись, что оба мертвы, я уже начал разворачиваться к выходу, как шпора, загораживающая вход, поползла в сторону. Я уже был готов встретить нового врага, как на пороге появилась фигура Крысы. С трудом подавил в себе желание свернуть ему шею. Тот молча оглядел кабинет, после шагнул к трупку Ирландца.

— Куда лезешь, урод! — зашипел я на него. — Нам уходить надо! И как можно быстрее!

— Уходи, Джон. Мне кое-что надо сделать, — его голос был странно — спокойным, без малейшей примеси каких-либо чувств.

— Что ты тут забыл?

— Подожди меня у черного входа. Если хочешь.

Я посмотрел на нож, торчащий в горле Зуба, потом на неподвижное лицо Крысы и после секундного колебания, буркнул: — Жду десять минут, Джек.

Он появился с раздутой сумкой в руках. Где он ее взял и что в нем лежит я не стал спрашивать, только бросил достаточно выразительный взгляд на Крысу. Ответом мне был пустой, ничего не выражающий взгляд. Выразив свое неудовольствие тем, что плюнул ему под ноги, после чего развернулся и шагнул в темноту узкой и грязной улочки.

Когда наемный экипаж скрылся за углом, мы обошли дом, где на втором этаже жил Мясник, и зашли с черного хода. Дверь никогда не запиралась, но за ней незваного гостя ждал сюрприз в виде парочки головорезов. Но мы были свои, поэтому нас пустили без лишних вопросов. Только я успел добраться до середины лестницы, как Джек Крыса, идущий за мной, схватил меня за руку и остановил. Я уже занес руку, чтобы отвесить ему затрепину, как он сказал, что лежит в кофре. Будничным, спокойным тоном. Я замер, глядя ему в глаза, одновременно пытаюсь понять, что это: правда или просто шутка сумасшедшего. Его глаза были пусты и холодны.

"Не шутит. И этот кофр... Блин!".

На что я привычен к различным видам человеческой агрессии, в чем бы она не выражалась, но глаза маньяка для меня были нечто новое. Даже мурашки пробежали по спине. Если до этого я был напряжен, то сейчас был взведен не хуже часовой пружины.

— Иди вперед, Крыса. Я за тобой.

Ни слова не говоря, тот пошел вверх по лестнице, а уже за ним следом двинулся я.

Кабинет Мясника отражал суть своего хозяина. Заставленный грубой мебелью, он являл собой тяжеловесный, с грубой резьбой, набор из нескольких предметов: письменного стола, массивного бюро, такого же буфета и двух стульев. Во всем этом было много веса, но очень мало изящества. Не успел я перешагнуть порог, как меня встретили два взгляда. Мясника — настороженно — любопытный и Быка Сэма, стоявшего у кресла хозяина, — цепко — внимательный. Если Мясник продолжал сверлить взглядом незваных гостей, решившись потревожить его в столь поздний час, то Бык, очевидно, решив, что мы не представляем

опасности, снова вернул себе сонный и ленивый вид. Мясник, откинувшись на спинку стула и положив руки на край стола, неожиданно напомнил мне гориллу, своей широкой грудью и длинными мускулистыми руками, поросшими черным жестким волосом. Он уже начал недовольно морщиться, когда я сделал знак Крысе открыть кофр. Он поставил его на стол, открыл, и достал из него человеческую голову. Он это сделал так же, как доставал изо рта откусанные мышьиные или крысиные головы. Без малейшего намека на чувства. Даже я, зная, что нам предстоит увидеть, не смог сдержать чувства отвращения. Бык, мгновенно утратив свой сонный вид, широко раскрыл глаза, уставившись на голову Ирландца. Наиболее сильно отреагировал на голову Мясник. Он с такой силой подался всем телом назад, что тяжелые ножки стула глухо заскрежетали по полу. На его лице был написан откровенный страх. Он смотрел на голову, не отрывая глаз до тех пор, пока Бык Сэм не нарушил тишину: — А кто в кофре, кроме Ирландца?

Я бросил взгляд на Крысу. Его работа, пусть он и отвечает. Тот понял мой взгляд правильно. Аккуратно опустив голову в кофр, ответил: — Зуб Майкл. Голова Кабана Донни не влезла.

Я в очередной раз поразился холодному равнодушию в его голосе. Сэм тоже особого волнения по поводу отрезанных голов не показывал, зато у Мясника был такой вид, словно его сейчас удар хватит.

— Ты... зачем мне это принес?

— Мясник, ты же сам говорил неоднократно, что будь у тебя хоть малейшая возможность, оттяпал бы у Ирландца или Дикого Джима кусок территории. Теперь у тебя есть такая возможность.

— Ты идиот! — Мясник изменился в лице и побагровел. — Ты что урод, не понимаешь, это война! Мы не готовы! Если они...

— Тебе что этого мало? — я кивнул в сторону кофра. — Пока они поймут, что к чему, пока будут выяснять между собой отношения пройдут сутки, а то двое. За это время ты можешь спокойно собрать людей и сделать все необходимые приготовления.

— Кто ты такой чтобы давать мне советы?! Крыса вонючая!! Да тебя убить мало за то, что ты сделал!! Я тебе самому голову отрежу, тварь!!

Честно говоря, я несколько растерялся, так как никак не ожидал я подобного расклада. Мясник, похоже, праздновал труса. А я-то думал...

"Опять не на ту дорогу свернул. Думал как лучше, а получилось как всегда. Надо убирать этих двоих и мотать из города".

Бросил быстрый взгляд на Быка. Странно... Тот должен был уже среагировать на создавшуюся ситуацию как на угрозу своему боссу, выхватив оружие, а он вместо этого стоит, увалень деревенский, как ни в чем не бывало, только что в носу не ковыряет.

Я уже был готов выхватить револьвер из-за пояса, как краем глаза ухватил молниеносное движение Быка. Мы выхватили оружие одновременно, но что произошло дальше, заставило меня широко раскрыть глаза и замереть с револьвером в руках. Нож в руке Быка появился словно неоткуда. Клинок, тускло сверкнул при свете свечей и почти весь погрузился в грудь Мясника. Дернувшись, тело бывшего главаря завалившись на бок, замерло на секунду, затем, скользнув вниз, тяжело плюхнулось на пол. Бык осторожно, не делая лишних движений, развернулся ко мне своим массивным телом.

— И как это понимать? — я махнул стволом револьвера в сторону трупа.

— Не тот стал наш Мясник. Раньше боец был, а теперь... — Бык скривил губы и

брезгливой усмешке. — Душою сгнил.

Я уже был удивлен подобным поворотом, но сказанные слова, так не подходящие к образу тупого громилы, меня добила окончательно. Я с трудом верил тому, что видел своими глазами.

— Не понимаю. Объясни.

Бандит почесал в затылке.

— Мясник только делал вид, что он крутой, но это не так. Ожирел он. Две мясных лавки. Свой кабак. Ему и так было хорошо. А для дел у него Сержант есть. Разобраться с ирлашками или итальяшками. Сержант. Выбить долги. Опять Сержант. Тот за него все делает, а Мясник не доволен. Дескать, я главный. Почему Сержанту парни уважение больше показывают, а не ему? Так дело до подозрений дошло. Решил, что Сержант под него копает. А тот тоже не дурак, понимает к чему все идет. Сорваться, что тот, что другой, могли в любой момент. А начнись резня, тут нам и амба! Или Ирландец, или Джим Мортон, — он снова почесал в затылке. — Ну, как теперь тебе понятно?

— Так ты за Сержанта?

— Вроде того, — немного подумал, добавил. — За ним парни пойдут. Из него хороший главарь выйдет.

— Хорошо, придет Сержант, — начал рассуждать я. — Посмотрит на труп и скажет: спасибо, ребята. А завтра соберет парней, покажет на нас пальцем и скажет: вот эти гады убили нашего главаря. Мочите их!

— Может. Сержант, он такой, через любого переступит. Надо будет, по нашим трупам пройдет. Но тут у тебя есть то, что может его заинтересовать. Этот кофр. Он уже давно подбивал Мясника к войне с Ирландцем, а тут такой подарок. Вот он точно воспользуется ситуацией. Слово даю!

Я задумался. Мир, в который я попал, до этого казавшийся простым и понятным, в одно мгновение стал непостижимым и запутанным, и все потому, что люди, оказались совсем не такими простыми, какими их себе представлял. Взять хотя бы Быка. Думал тупой громила, а тот вдруг берет и начинает мыслить и логически рассуждать! А Крыса? Думал человек с сумасшедшинкой в голове, а он оказывается маньяк, сдвинутый на отделении головы от тела. Интересно, что преподнесет мне Сержант?

— Хорошо. Ты знаешь, где сейчас можно найти Сержанта?

— Знаю. Сейчас человека пошлю.

У Сержанта так же, как и у Мясника вытянулось лицо при виде содержимого кофра, но его изумление, по крайней мере, не перешло в дикий страх пополам с яростью, как у Мясника. Некоторое время он вглядывался в голову Ирландца, а потом посыпались вопросы.

По мере того как он уяснял для себя обстоятельства происшедшего, постепенно начала исчезать его настороженность.

Затем с видом глубокой задумчивости опустил на стул и, судя по отсутствующему выражению лица, стал напряженно размышлять. Очнувшись и увидев, что мы все за ним наблюдаем, зло рявкнул: — Чего уставились?! Кашу заварили, так давайте расхлебывать! Живо думайте, как выкручиваться будем!

Начали перебирать всевозможные варианты, это продолжалось до тех пор, пока Крыса сидевший на корточках у двери, не спросил: — Можно я Мяснику голову отрежу?

Я показал ему кулак, а вот Сержант до этого сидевший неподвижно, неожиданно

вскинул голову, а затем ударил кулаком по столу, привлекая наше внимание: — А это мысль! Все увидят что у Мясника, как и у Ирландца отрезана голова. И что подумают? Что это сделал кто-то со стороны! А кто он? Тут даже самый тупой громила ткнет пальцем в сторону Дикого Джима Мортон! Как вам идея? Так мы отвлечем от себя подозрение! Правда, и причину войны с ирлашками не объяснишь, но когда начнется заваруха — кто будет в этом во всем разбираться! Крыса принимайся за дело! Сэм! Головы утопить! Сейчас же!

Не успела за Быком закрыться дверь, как тут же последовал вопрос, уже адресованный мне: — Как ты думаешь, что будет делать Дикий Джим, а Джонни?

— Объявит военное положение. Затем поставит всех под ружье, и будет ждать объявления войны.

— Точно. Значит, ближайшие дня три Джим Мортон будет просто сидеть и ждать. А вот мы ждать не будем! Теперь ирландцы... У них в связке претендентов осталось только двое: Билли Сломанный нос и Лом Мак-Грегори. К сожалению, я только слышал о них, а вот так по делам — не сталкивался. На кого ставить? Ничего не хочешь сказать? — он, как бы в задумчивости, кинул взгляд на меня.

В ответ я постучал по крышке серебряных часов Сержанта, которые тот достал, как только мы сели за решение проблемы. Он тут же щелкнул крышкой, затем встал: — До рассвета — полтора часа. Бык, несколько часов спустя, найдет обезглавленное тело Мясника и оповестит всех о его смерти. Соберем общий сход, а уж там посмотрим, как пойдут наши дела.

Выйдя вместе, мы расстались у входа, разойдясь в разные стороны. За мной тут же затопал Джек Крыса.

"А что с этим делать? Да ничего не делать! У этого ненормального своя жизнь, у меня своя. А вот насчет простоты местных аборигенов я несколько погорячился. Далеко не все простые! Далеко. Нравы у них простые, а вот они сами...".

Джек Латур с малых лет болтался по морям и океанам. Начав с юнги, дорос до первого помощника капитана, правда, продержался на этой должности только один рейс. Во время плавания забил до смерти юнгу и покалечил матроса, чем едва не подтолкнул команду к бунту. Дело получило широкую огласку. Суд дал ему шесть лет каторги. Если раньше он был просто жестоким человеком, подверженным вспышкам слепой ярости в состоянии сильного опьянения, то после заключения вышел уже законченным убийцей с душой холодной и темной, как дождливая осенняя ночь. И вот сейчас, когда он снова в двух шагах от "капитанской фуражки" какой-то Сержант стал на его пути. Многие становились на пути у Капитана Джека. И где они теперь?! Сейчас он разделается с этим вырожденком Джоном и займется поганцем Сержантом, которого черти давно заждались в аду. Все произойдет именно так и сейчас! Сомнений, что он зарежет чужака, не было. Он безоружен, он отступает, скоро его спина коснется стены, а там его ножу всласть найдется работы. Вот только почему глаза этого Джона не бегают, почему в них нет ни ярости, ни страха, а только одно... холодное спокойствие?!

* * *

В городе поползли слухи один страшнее другого. Одни говорили о страшном маньяке, собирающем коллекцию из голов, другие — о банде наемных убийц, которые отрезанными головами отчитывались перед заказчиком о сделанной работе, третьи — что таким образом группа честных полицейских решила вершить правосудие над бандитами. Газеты выходили с аршинными заголовками, типа: "Маньяк против банд Нью-Йорка!", "Кто вышел на тропу войну против главарей преступного мира?!", "Необъявленная война преступникам!". Полицейский департамент, как только до него дошли подобные слухи, тут же направил детективов на места преступлений, придав им для безопасности отряд полицейских. По прибытии те смогли найти только замытые пятна крови. Ни тел, ни свидетелей происшедшего, они так и не смогли найти. На все вопросы полиции был только один ответ — угрюмое молчание. Зато все осведомители в один голос утверждали — грядет война банд. Обстановка накалялась не по дням, а по часам. Облавы следовали одна за другой. Полиция, пытаясь показать, что она работает, трясла всех без исключения, хватая и сажая всех тех, на кого падало хоть малейшее подозрение. Районы Мясника и Ирландца теперь патрулировали не только полицейские, но и солдаты, целыми отделениями во главе с сержантом. Криминальный мир залег на дно, но полицейские облавы не прекращались ни днем, ни ночью. Несколько облав прокатилось также по территории Дикого Джима Мортон. Время шло, но никаких результатов полиция так и не смогла предъявить, что дало прессе во всю поиздеваться над ее беспомощностью. Впрочем, политики, зарабатывая себе рейтинг, также старались не отставать от журналистов. Но прошло две недели и газеты переключились на крупную аферу, связанную с облигациями. За ними смолкли политики. С улиц отозвали армейские патрули и усиленные наряды полиции. Жизнь вернулась в свое русло.

Выбор Сержанта пал на вожака Лома Мак-Грегори, в итоге оказавшийся неудачным.

Согласившись вести с нами переговоры, претендент на "трон", как оказалось, решил, таким образом, выиграть время. Пока мы ждали его представителей, тот неожиданно напал на штаб-квартиру своего конкурента. После жестокой и кровавой стычки поле боя осталось за Ломом. Нос бежал и теперь где-то скрывался, а Мак-Грегори срочно начал собирать под свои знамена людей. Мы потеряли время и фактор неожиданности, но Сержант решил не менять свои планы и нанести два удара ирландцам: в районе рынка и порта. У нас были все шансы на победу. Неразбериха и разборки в банде покойного Ирландца все еще продолжались, поэтому организованного и сильного отпора мы не ждали, но был еще Дикий Джим Мортон, который мог ударить нам в спину. Вот если бы у нас была договоренность с одним из ирландских главарей... но, к сожалению, эта возможность была упущена. Значит, война! Мне не приходилось участвовать в бандитских войнах, но наслышан о них я был в достаточной степени. Человеческая жизнь в этот период истории, а это я уже знал не понаслышке, не представляла собой особой ценности, поэтому войны между бандами были предельно жестокими и кровопролитными. Люди шли стенка на стенку, убивая и калеча, друг друга. В ход шли кирпичи, железные прутья, кастеты, ножи, револьверы. Баррикадировались улицы, горели дома. Теперь мне предстояло участвовать в подобном побоище. Возможность получить по голове куском кирпича или кусок металлического прута в живот, прямо скажем, меня не вдохновляла. Наверно поэтому у меня в голове созрел план, который соответствовал моим профессиональным навыкам и пониманию, как надо воевать, а главное, в случае удачи, резко повышал наши шансы на победу.

Все это время я находился неотлучно при Сержанте, входя в состав его штаба. На меня косились, за спиной обсуждали мое непонятное возвышение, но никто не возражал против моего присутствия на совещаниях, по крайней мере, прямо. После очередного сблища, на котором было утверждено время нападения, я дождался, когда все уйдут и Сержант останется один, после чего предложил свой план. Тот выслушал меня, покрутил у виска пальцем, затем сказал: — Умирают только один раз!

Вместе с таким своеобразным напутствием я получил под свое командование трех крепких парней. Отведя в сторону, я изложил им свой план, после чего стал ожидать реакции. Головорезы молчали, опустив глаза. Я их прекрасно понимал, умирать никому не хочется, будь ты хоть самый крутой бандит. Прошло пару минут в молчании, и я уже не знал, что думать, пока бандит по кличке Сиплый не сказал: — Нас в аду так и так ждут, парни!

Эти слова, как не странно, вдохновили бандитов.

— Точно! Чем быстрее туда попадем — тем меньше грехов за нами запишут!

— Ха-ха-ха! Если попадешь первым Сиплый, местечко мне там похолоднее найди!

— Тогда все, парни! — подбил я итог короткого совещания. — Идите, готовьтесь. И никому ни слова. Встретимся через час у бара Мельника.

Выйдя вслед за ними на улицу, я на минуту задержался. Поднял голову. Посмотрел на звезды.

"Странно, почему они не такие яркие и большие, как на Западе? Может из-за того, что смотришь на них, как со дна колодца, — я с неприязнью окинул мрачные, сырые стены из красного кирпича, нависавшие с двух сторон на узкую улочку. — Ладно, лирику отложим на потом, если жив останусь. Сначала дело".

— Крыса, ты здесь?

Тень из подворотни неслышно скользнула в моем направлении. Я до сих пор не знал, почему мозг этого ненормального заиклился на мне, но после убийства Ирландца он

практически стал следовать за мной по пятам. Единственный способ отделаться от него — дать какое-нибудь задание. Вчера я дал ему поручение и сегодня рассчитывал получить результат.

— Как дела, Джек?

— Лом сейчас у себя в штабе. Там с ним три или четыре человека. Возле дома, где расположен штаб, засада. Человек пять. Сидят за кустами у соседнего дома, — его голос был сух и бесцветен.

— Молодец, Джек. А Сломанный Нос? Его ты нашел?

— У китайцев, в опиумокурильне. Китаец сказал, что Нос не очнется еще часов восемь.

— Молодец, Джек. Держи пятьдесят долларов. Заплатишь китайцу, если за Носом есть долг. Потом забереешь его и отвезешь ко мне домой. И побудешь с ним, пока я не приду. Иди.

Крыса скользнул обратно в темноту, а я снова поднялся наверх, чтобы забрать любимое оружие производства киллера. Правда, не снайперскую винтовку, а только винчестер.

Собираясь стрелять, с расстояния сорока метров, я сделал ставку не на армейскую винтовку с повышенной точностью стрельбы, а на винчестер с его скорострельностью и емким магазином. Когда я проворачивал подобные операции в будущем, то рассчитывал все до мелочей, а здесь же мог надеяться только на удачу и оружие. К тому же сама сам план был насквозь авантюрен. Поймать бандитского главаря на приманку! Меня в прежней жизни коллеги по работе за слабоумного посчитали бы, расскажи я кому-нибудь из них про подобный план. Зато сейчас, самое то. Просто, грубо, нагло — в духе времени.

В последнее время Лом практически не покидал своего штаба, боясь покушения, поэтому это был единственный способ. Конечно, может, были и другие, но я их просто не видел, да и время поджигало. Его штаб находился на втором этаже двухэтажного дома, в собственной квартире. Внизу находилась бакалейная лавка. Его собственность. Когда Крыса показал мне дом, в котором, как в крепости отсиживался бандит, мне пришла в голову неплохая мысль. Сесть в засаду на крыше дома напротив. Затем выманить главаря ирландцев к окну и... Пиф-паф и нет злодея! Слабым местом в моем плане была приманка, то есть то, что должно его заставить подойти к окну. Она должна быть естественной, чтобы не вызвать раньше времени подозрений и одновременно иметь притягательную силу, чтобы заставить такого осторожного и подозрительного бандита, как Лом, выглянуть в окно. Ответ пришел, когда я проходил мимо одного питейного заведения под названием "Зеленый дракон". Вывалившись из ресторана, пьяная компания с криками, смехом и веселым женским визгом принялась усаживаться в экипаж. Все на них тут же начали обращать внимание.

"Вот и приманка, — тогда подумал я.

Когда я подошел к месту встречи, экипаж уже ждал меня. На козлах сидел Сиплый, одетый кучером.

— Что делать, парни, знаете, но все-таки напомним. Выедете на начало пятьдесят второй авеню, там, где бар "Старый боцман". Посидите полчаса. Можете кинуть в себя по паре стаканчиков для бодрости. Затем покупаете бутылку, берете шлях. И едете. К половине одиннадцатого вы должны быть на Честер-стрит, напротив бакалейной лавки. Там разыгрываете пьяный скандал. Вот вам на все пятьдесят долларов. С богом, парни!

За полчаса до начала операции я забрался на крышу. Одетый во все темное, в темной маске, специально изготовленной мною для этого случая, практически я был невидим. Внимательно осмотрел кровлю, затем крыши близлежащих домов, не обнаружив противника, пробежался взглядам по окнам напротив стоящего дома. Пару раз в проемах

окон появлялись мужские фигуры, но так быстро исчезали из поля зрения, что я даже не успевал взять их на прицел. Плюнув с досады, я положил винчестер за печной трубой, а сам осторожно подобрался к краю крыши. Рядом с домом Лома горел газовый фонарь, который не столько освещал, сколько сгущал тьму за блеклым кругом света, лежащим под фонарем. Замерев, стал наблюдать, одновременно прислушиваясь к окружающим звукам, за происходящим на улице. Вокруг все было тихо, даже слишком, на мой взгляд. Где-то вдалеке во всю играла музыка, иногда перекрываемая пьяными криками. Вот послышался стук колес. По улице проехал наемный кэб, через какой-то промежуток времени — экипаж. Насколько мог, проследил взглядом их движение. Никто на всем участке пути их не остановил и не проверил.

"Дорога не перекрыта. Значит, мои парни спокойно проедут. Это уже хорошо. А где же засада, о которой говорил Крыса? Вон кусты. Черт! Там темно как у негра в зад... Стоп! Там... кто-то есть! Только сколько их там? Все. Время вышло".

Подобрав винчестер, принялся искать позицию для стрельбы. Перебрав пару мест, я нашел место, дававшее хороший обзор обеих окон квартиры Лома. В них была видна часть стола и стулья расставленные вокруг него. На одном из них сидел бандит и набивал патронами барабан револьвера. Закончив, встал, засунул оружие за пояс и подошел к окну. Затем поднял раму и принялся раскуривать трубку. Я прицелился в него, затем опустил ствол.

"Как на ладони. Был бы это Лом — и делу конец, — с сожалением подумал. — А может, его вообще там нет? Сменил хату! Вот будет полный...!".

Все больше мне мой план начал казаться глупым и бестолковым, рассчитанным на авось. Беспокойство все больше охватывало меня, как вдруг мое ухо уловило нечто похожее на пьяные крики. Прислушался. Шум пьяной компании звучал все громче, вместе с цокотом лошадиных копыт. Приготовиться! Представление началось с пронзительного женского вопля: — Ты куда под юбку лезешь, пьяная рожа?! А деньги показал?! — след за этим криком раздался звон разбитого стекла и новый крик, на этот раз мужской: — Козел, ты зачем бутылку выбросил, там еще виски оставалось! Кучер, останови! Я ему сейчас морду начищу!

Я не вслушивался в разгоравшийся скандал, отдав полностью все свое внимание освещенным окнам. К окну подошел бандит, которого я уже видел и определил как телохранителя. Высунувшись, он стал всматриваться в полумрак, пытаясь разобраться, что происходит на улице. Следом за ним ко второму окну подошел другой телохранитель с винчестером в руках. Поднял раму второго окна и с интересом стал наблюдать за происходящим. Вдруг неожиданно отпрянул в сторону, освобождая место. Я напрягся. К окну подошли двое мужчин.

"Лом. Точно Лом. А вот второй... Сросшиеся густые брови. Волосы аккуратно расчесаны и блестят. Крыса сказал, что он их каждый день какой-то дрянью смазывает. Вроде медвежьим жиром. Значит, по всему выходит это Цирюльник, его правая рука. Хорошо стоят. Как мишени в тире. Ну, с богом!".

Прицелившись, я послал пулю в голову Лому. Тот, отшатнувшись, с залитым кровью лицом, начал заваливаться, слепо цепляясь руками за подоконник, а Цирюльник, вместо того чтобы спрятаться за стену, зачем-то попытался его поддержать. Зачем он это сделал, не знаю, но за ошибки надо платить. Фигура бандита, четко очерченная светом, сейчас выглядела точь-в-точь как мишень в тире. Осталось только наделать в ней дырок. Грянул

выстрел. Не успел я перезарядить винчестер, как в моем поле зрения оказались еще два человека. Один из них кинулся к телам, а другой с винтовкой стал на колено и попытался прикрыть своего напарника, пока тот будет вытаскивать боссов из зоны обстрела. Но стрелок успел сделать только один выстрел, причем выстрелил явно наобум, как получил пулю в лоб. После чего, уже не целясь, я стал посылать в людей, в живых и мертвых, пулю за пулей с такой скоростью, какую только позволял затвор ружья. Я стрелял до тех пор, пока облако порохового дыма, зависнув в воздухе, сократило видимость до минимума. После чего метнулся к другой трубе, спрятавшись за ней, стал пристально вглядываться в окна дома напротив. Пока руки автоматически перезаряжали винчестер, глаза оценивали урон, нанесенный противнику. Три разорванных пулями тела, залитые кровью с ног до головы крови, явно принадлежали мертвецам. Четвертый, телохранитель, похоже, остался в живых. Внизу уже во всю шла стрельба. Опустил взгляд вниз, на улицу. Охрана Лома, до этого отсиживавшаяся в кустах, теперь высыпала и перекрыла улицу. Судя по двум бандитам, лежавшим посредине мостовой, определив меня по вспышкам, ирландцы кинулись к дому, но, неожиданно наткнувшись на огонь Сиплого с парнями, откатились обратно в кусты. Стена серого дыма мешала обеим сторонам прицельно стрелять, но как бы то ни было, стрельба не затихала не на минуту. Лошади дико ржали и били от страха копытами. Испуганные женские вопли и истерический визг, иной раз перекрывали грохот выстрелов. Окинув взглядом создавшуюся ситуацию, я первым делом послал пулю в стрелка, стрелявшего из-за угла дома по моим парням, не успел тот еще выронить винтовку из рук, как я дважды выстрелил в бандитов, которые снова пошли в атаку. Одного из них резко развернуло и бросило на землю. Ирландцы поняли, что попали под двойной огонь и бросились врассыпную. Дорога была расчищена. Увидев это, Сиплый ударил кнутом по рвущимся прочь лошадям: — Пошли, залетные!!

Кони рванули с места и помчались, словно бешенные. Вслед понеслись крики, затем ударил выстрел, за ним другой, но по всему чувствовалось, что противник растерялся. Больше мне здесь делать было нечего. Отбросив винчестер, я быстро преодолел конек, соскользнул по противоположной стороне крыши, к веревке, закрепленной на трубе. Скинув ее конец вниз, соскользнул, затем быстро пересек улицу. Углубившись в переулок, запетлял среди домов. За спиной некоторое время были слышны звуки полицейских трещоток, крики, отдельные выстрелы. Я так усердно заплетал следы, что потратил больше времени, чем планировал. Когда я пришел, в штабе Сержанта уже во всю шло обсуждение покушения на Лома. Сиплый, несмотря на ранения в бок и в руку, все же сумел добраться до штаб-квартиры. Двое других парней погибли. Увидев меня, все кто был в комнате, радостно заорали, даже Сиплый, перевязанный с ног до головы, слегка качнул головой в приветственном жесте. Вместе с Сержантом за столом сидели четыре человека, своего рода вожаки, контролирующие отдельные части криминальной империи. Малыш Израэл, Капитан Джек и Меняла Дик. Пятеро других вожаков сейчас находились с людьми, распределяя их и формируя отряды. На столе стояло две бутылки виски. Меня тут же усадили за стол, налили виски. Не успел я опрокинуть стаканчик, как посыпались вопросы.

— Ну, как Джон? Получилось? Завалил Лома?

— Вроде, получилось.

— Ты рассказывай, рассказывай. Капитан, плесни ему еще, да и про нас не забудь.

Все дружно выпили. Глухим перестуком отозвались доньшки оловянных стаканчиков о деревянную поверхность стола. Это был последний громкий звук, после которого наступила

тишина. Рассказ слушали, затаив дыхание, а когда закончил, снова разразились восторженным ревом. Наконец, успокоившись, перешли к вопросам. Некоторое время я отвечал, потом вспомнил, что Крыса нашел Сломанного Носа и решил порадовать еще одной вестью своих соратников.

— Зачем он тебе сдался? — первым из всех спросил Сержант, после того как я сообщил им новость. — Надо прикончить его, пока есть возможность!

Временами Сержант являл собой тип умного и опытного лидера, умел воздействовать на людей, как кулаком, так и словом, но бывали моменты, как этот, когда он демонстрировал поразительную тупость и ограниченность. Я подозревал, что иногда он просто не может охватить картину целиком, видя в ней только то, что хотел видеть. Вот и сейчас он не видел того, что лежало у него под носом. Правда, в его оправдание можно было сказать, что ему сейчас не до глубоких умозаключений, его переполняла радость, подобная чувству смертника, когда тот вдруг узнает, что смертный приговор заменили на пожизненное заключение. Я его хорошо понимал, потому что испытывал сейчас то же самое. Ведь моя судьба напрямую зависела от его жизни. Дело в том, что место главаря самовольно занятое Сержантом, в другое время должно было достаться в тяжелой борьбе ставленнику одной из наиболее сильных и влиятельных группировок. Насколько я знал, на эту роль подходили двое. Капитан Джек и Гризли Кэссиди. В пользу Сержанта сыграл фактор неожиданности. Пока мелкие боссы в суматохе решали, кто с кем будет объединяться для захвата "трона", Сержант взял на себя бразды правления и быстро объявил войну ирландской банде. Те, кто открыто заявлял о своих правах на место главаря, тут же прикрыли рты, так как знали, возглавивший и проигравший эту войну, ненадолго переживет свое поражение. Так Сержант остался у власти, прекрасно понимая, как и все вокруг, насколько шатко его положение. И вот сейчас, благодаря мне, у него появились реальные шансы на победу в этой войне, что автоматически делало его вождем — победителем. И с ним, до этого не имевшим особого влияния, придется считаться его конкурентам, потому что народу, будь то обыватель или бандит, нравятся победители. Но одной этой победы, считал я, было мало. Ирландцы просто так не сдадутся, и война может принять затяжной характер. Во-первых, это отразится на популярности Сержанта, а во-вторых, в этом случае мы не гарантированы от удара нам в спину Дикого Джима Мортонна. Война на два фронта быстро превратит нашу победу в поражение. А Ломаный Нос, отдав в присутствии свидетелей территории, уже не сможет их открыто потребовать, к тому же ему предстояла схватка за власть, а значит, у нас вполне будет времени крепиться на завоеванной территории. Но я не собирался все это разжевывать и объяснять людям, чья наивысшая радость жизни в забивании врага ногами, а с другой стороны мне нужно было объяснить непонятную для них заботу о грязном ирландце внятно и понятно, без двойного подтекста, иначе меня могли запросто обвинить в сговоре с врагом. Особенно сейчас, когда в связи с предстоящей войной банд страсти были накалены до предела, и атмосфера была насквозь пропитана подозрительностью, злобой и страхом. К тому же для подавляющего большинства бандитов, я продолжал оставаться пришлым чужаком, никому неизвестным.

— После захвата территорий, нам проще будет договориться с ним, чем с кем-либо другим.

— Что один, что другой, какая разница! Мы готовы к войне, а они нет! Хватит его слушать! — заорали наперебой, сидевшие за столом, вожаки банд. — Сержант, что он такое болтает?! И вообще, кто он такой, чтобы давать советы?!

Последняя фраза принадлежала Капитану Джеку. Лицо у Сержанта напряглось и окаменело, еще больше сделав его похожим на оживший скелет. Сейчас для меня наступил момент истины. Сержант одним разом мог отделаться от меня, приписав все заслуги себе и тем самым отделаться от обязательств, которые, я надеялся, он передо мной имел. Если бы он так сделал, то это было бы вполне в духе этого времени. Я напрягся, готовый действовать или бежать в зависимости от обстоятельств. Рука сама по себе скользнула к поясу, за которым был заткнут револьвер.

— Джек, это ты убил Лома?! — голос Сержанта был сух и ровен.

— При чем здесь это?! А надо, убил бы, не задумываясь! Я смотрю, ты доверяешь ему больше чем нам!

— Тогда бери своих парней и убей его помощника, Цирюльника Келли. Он остался сейчас единственным, способным собрать ирландцев в кулак! Убьешь, территория порта, которую мы захватим, будет за тобой!

Наступило тяжелое молчание. Было видно по лицам вожаков, что никто не ожидал от него подобных слов. Ведь сейчас он открыто заявил о себе как главарь, хотя до этого старался обходить подобные острые моменты в разговорах. Все это поняли. И в первую очередь Капитан Джек. Но в тоже время он никак не ожидал, что это произойдет именно здесь и сейчас, а потому оказался не готов к схватке. Растерявшись, он сбился на пустые угрозы: — Ты что же, равняешь эту свинью с Запада со мной?! А сам ты кто?! Где ты был, когда мы с Мясником дрались с ирлашками, итальяшками и прочим дерьмом на баррикадах, отстаивая нашу территорию?! Ты пришел на все готовое, Сержант! Я считаю, что ты последний в очереди из тех, кто должен стоять во главе нас! Так вот запомни...

При последней фразе он медленно встал. Поза его в достаточной степени демонстрировала угрозу. Дело принимало нешуточный оборот и бандитские предводители, сидевшие за столом, прекрасно понимали, что это начало борьбы за "трон" и чем она может закончиться, но ни один из них не сказал не слова, молчаливо следя за развитием событий. "Пусть победит сильнейший, а там видно будет, — читалось на лицах вожаков. Если это устраивало их, но никак не устраивало меня. Если я что-то и мог изменить в своей жизни, то только с помощью Сержанта.

— Эй, Джек! — мой голос прозвучал неожиданно для всех, а тем более самого Капитана Джека. Судя по его реакции, он явно не ожидал, что кто-то в здравом уме полезет в их разборку. — Ты что вскочил?! Собрался за Цирюльником?! Не торопись, парень, он уже мертвый! Я его убил! Я!! Пока ты здесь сидел за столом и жрал виски!!

Моя взвинченность была наигранной. Сейчас я просто изображал неистовство бандита, у которого переключило мозги от ярости. Дикие вспышки злобы здесь не были редкостью. Бандиты, частенько получавшие травмы головы, в большинстве своем были практически психопатами. К тому же мое поведение можно было принять как заявку "чужака" на место в обществе. Лезь вперед, круши тех, кто попадется под руку, в этом случае у тебя есть шанс, что тебя заметят.

В сторону резко полетел массивный стул, отброшенный сильной рукой. В этом движении чувствовалось переполнявшая Капитана, бывшая через край, злобная агрессия. В его глазах была жажда убийства, но движение, которым он достал нож, было точным, четким и выверенным до миллиметра. Да и стойка, которую он принял, говорила о нем, как об опытном и хладнокровном бойце. Я медленно встал вслед за Капитаном, предварительно пробежав глазами по лицам всех сидевших за столом. Все трое, за исключением Сержанта,

были злы, раздражены и растеряны. Сержант, наоборот, был собран и горел той холодной яростью, которая не заставляет дрожать руки и туманит разум, а напротив, собирает всю силу и волю в один кулак. Он явно был готов померяться с силами с Капитаном, если мне не повезет. Джек бросил на Сэма короткий взгляд, сопровождаемый усмешкой, как бы говоря: "Струсил? Кишка тонка против меня выступить, так наемником прикрылся. Ну, ничего сейчас прирежу эту грязную свинью и за тебя возьмусь!", по крайней мере, мне так подсказало воображение и скользнувшая кривая усмешка по губам Капитана, после чего перевел взгляд на меня. Демонстративно перебросил нож из руки в руку, потом обратно, затем тело его напряглось, и он медленно двинулся ко мне, обходя стол. Судя по тому, как он двигался, чувствовалось, что у него богатый опыт в подобных схватках. Единственное, чего он не знал и не мог учесть, то это моей специфической подготовки. Я знал, что мне не дадут использовать револьвер, поэтому решил его использовать в качестве отвлекающего маневра. Выждав, когда Капитан приблизится ко мне на расстояние двух шагов, я схватиться за рукоять револьвера, и тут же послышался голос: — Эй, парень, без глупостей!

Скосил глаза. В руке Малыша Израэла был револьвер, направленный на меня: — Так у тебя есть шанс. Попробуешь применить — не будет. А чтобы не было соблазна, отбрось его в сторону.

— Ладно. Как скажешь. Лови! — последнее слово было предназначено Капитану.

Насколько тот не был опытен, но все же не удержался, смесив взгляд на летящий в него предмет, тем самым, пропустив момент атаки. Моя левая рука стремительно упала на запястье Капитана, тогда как правая прижала другую его руку к талии. Это остановило бандита на какое-то мгновение, но и его оказалось достаточно. Голова метнулась вперед, с силой ударив бандита в лицо, и я явственно услышал, как хрустнули кости носа. Жгучая боль придала Капитану Джеку силы. Вырвав правую руку, он замахнулся ножом, но это был не четко выверенный удар, наносимый опытной рукой, а, скорее всего, отчаянное движение ослепленного острой болью человека. Только поэтому я смог уйти от ножа, нырнув Капитану под руку, затем нанес два сильных удара по корпусу слева и справа. От них у Капитана перехватило дыхание. Он согнулся, судорожно хватая воздух ртом. Воспользовавшись этим, ударил его кулаком по затылку, толкнув его голову вниз, и в то же время резко выбросил навстречу колено, превратив его лицо в бесформенную кровавую массу. Бандит захрипел и запатался. Воспользовавшись его беспомощным состоянием, вырвав из его руки нож, я с силой вогнал клинок ему в грудь по самую рукоятку. Капитан, весь залитый кровью, со стоном отшатнулся и, не удержавшись на ногах, рухнул на пол. Некоторое время тело на полу билось в агонии, пока, наконец, не замерло. Я подобрал с пола револьвер. Держа его в руке, медленно оглядел трех вожаков вызывающим взглядом, остановив его на Малыше Израэле. Тот правильно понял меня, засунув свой револьвер себе за пояс, после чего я сделал то же самое. Вожаки молчали, стараясь не встречаться глазами, друг с другом. Только один Сержант с кривой улыбкой на губах посматривал то на эту троицу, то на труп Капитана Джека, в то время как те старательно делали вид, что не замечают его глумливой усмешки.

— Джон, сделай еще одно доброе дело, — тут он сделал паузу, подчеркнув тем самым свое отношение к смерти Капитана, — позови людей, пусть займутся трупом, — затем подождал, пока я не вернусь, продолжил. — Теперь о деле. Если Джон, как он утверждает, убил Цирюльника, то ирлашки сейчас превратились в стадо баранов. Бери любого — и режь горло.

Он щелкнул крышкой часов, лежащих перед ним на столе: — Так что не будем дожидаться назначенного времени. Пойдем прямо сейчас и надерем ирландцам задницы!

Все тут же, без слова возражения, двинулись к дверям, старательно обходя лужу крови на полу.

Войны, как таковой, не было. Хотя ирландцы ожидали нашего нападения, но лишённые единого руководства и ослабленные внутренними распрями, они смогли оказать сопротивление только на начальном этапе. Не выдержав напора, начали отходить, пока отступление не превратилось в бегство. К полудню рынок и порт были очищены от ирландцев, после чего Сержант, решив все-таки прислушаться к моему совету, сел за стол переговоров с Ломаным Носом. Некоторые вожаки, такие как Малыш Израэл и Гризли Кэссиди открыто изъявляли свое недовольство и желание вести войну до победного конца, но пример Капитана Джека заставил их ограничиться только невнятными угрозами. Ломаный Нос, не совсем отойдя от наркотического дурмана, долго не мог понять, где он оказался и что от него хотят, а когда понял, схватился за голову. Некоторое время он мог изъясняться только руганью и угрозами пока в его нос не уперся ствол револьвера, после чего он быстро заткнулся. В наступившей тишине я ему снова в популярной форме объяснил, что его жизнь напрямую зависит от двух кусков земли, которые уже захвачены, после чего он тут же дал свое согласие. Тут же послали за его доверенными людьми, имена которых он назвал. Когда те приехали, он в их присутствии, правда, скрипя зубами, дал согласие на отторжение территории порта и района рынка. В обмен на это я подарил ему легенду о том, как он разработал и принимал непосредственное участие в операции по уничтожению своего конкурента Лома. Я надеялся, что с ее помощью он сможет укрепить у своих людей, пошатнувшееся к нему уважение.

Еще с неделю мы стояли "под ружьем", пока продолжались мелкие стычки и разборки на границах новых территорий, но скоро ирландцам стало не до нас, так как разборки Ломаного Носа с оппозицией вскоре перешли в настоящую войну. На этом закончилась мое участие в бандитской войне. На большой сходке по случаю нашей победы произошла раздача наград. В числе других Сержант озвучил и мое имя, отдав мне территорию порта. Я ожидал недовольства со стороны вожаков, но к моему удивлению бандиты приняли мое неожиданное возвышение сравнительно спокойно. Озадачило и встревожило это не только меня, но и Сержанта. По моему мнению, мы стояли на пороге заговора. Подтверждение мы получили во время застолья в узком кругу, где тосты и здравицы звучали сухо и натянуто, а взгляды некоторых вожаков выражали такую неприязнь, что сразу стало ясно: наслаждаться победой придется не скоро. Когда все ушли, мы некоторое время сидели молча, изредка переглядываясь. Мне интересно было знать, как он представляет себе наше дальнейшее сотрудничество, но мне хотелось, чтобы Сержант сам начал этот разговор. Но разговор пошел совершенно не о том, о чем мне хотелось поговорить.

— Ты знаешь, почему меня кличут Сержантом?

— В армии служил.

— Четыре года. Я, Сэмюэль Лански, прошел в огне и дыму почти всю Гражданскую войну! Звание сержанта я заслужил кровью, на передовой. В восемьдесят пятом меня тяжело ранили. Четыре месяца провалялся в госпитале. Когда вышел, понял, дело южан, на стороне которых воевал, проиграно. Некоторое время не знал куда податься, а потом взял и махнул в Нью-Йорк. Год искал работу. После чего плюнул на все и пошел в бандиты. Так оказался у Мясника.

Черты его лица еще больше заострились и посуровели. Кулаки сжались так, что побелели костяшки пальцев.

"Слишком коротко для исповеди. Что-то за всем этим стоит. Совершил ошибку, а теперь раскаиваешься? Вон как тебя корежит. Может тебе не по нраву бандитская жизнь... и ты думаешь, что найдешь во мне единомышленника? Странное начало разговора".

— К чему это, Сэм?

Он смотрел на меня, но не слышал меня, погрузившись в свои мысли. Очнувшись, спросил: — У тебя так бывало, Джон, хочешь забыть, а не можешь? Выбрасываешь из головы, а оно опять в голову лезет.

— И было, и есть.

— Значит, и ты... Ладно. Я вот о чем хотел тебя спросить, Джон. Ты слишком много знаешь и умеешь для простого головореза, которым хочешь казаться. В тебе мало подлости и много душевной силы. У меня командир такой был, капитан. Хороший человек, сильный. Повел людей в атаку... и все. Пуля в грудь. И в тебе есть военная косточка, но вот какого ты рода войск, хоть убей, не пойму! Хладнокровен и безжалостен. К тому же ты умный, осторожный и хитрый как лис. И еще одна странность: ты очень брезглив для бандита. Ты случаем не граф, а то еще хуже, особа королевской крови? Так кто ты, Джон?!

— Тебе это надо, Сэм?

Сержанту такой ответ не понравился, я видел это по его лицу. Будучи человеком подозрительным, он тут же впился цепким взглядом в мое лицо: — Это не ответ, Джон. Мне надо все знать о человеке, которому я могу доверять.

Я ожидал подобный вопрос: — Бежал из России... скажем так... из-за убийства одной высокопоставленной особы. Мое русское имя тебе ничего не скажет. А на Западе я жил под именем Джека Льюиса. Думаю, этого тебе должно хватить, чтобы понять, с кем ты имеешь дело.

На его лице стало медленно проступать недоумение: — Как понять твои слова?

— Возьми подшивку "Нью-Йорк таймс" за последние два года. Там несколько раз писали о банде братьев Уэйнов.

Я сам читал эти статьи, а в последней, полугодовой давности, узнал об окончательном разгроме банды братьев. При очередном ограблении поезда бандиты наткнулась на жесткий отпор. Трое были убиты в перестрелке, а младшего Уэйна и еще одного налетчика, тяжело раненых, захватили в плен. Через две недели их повесили. Старший брат Майкл Уэйн бесследно исчез.

— Подожди... Ты тот самый Льюис... из банды Уэйнов? Три тысячи долларов за голову?!

— Тот самый.

Некоторое время он внимательно смотрел на меня, а потом неожиданно спросил: — Почему я должен тебе верить?

— Есть один способ... — тут я сделал нарочитую паузу.

Не выдержав, Сержант выпалил: — Ну! Не тяни!

— Поеду на Запад и сдамся властям. Меня опознают, повесят, а ты об этом прочитаешь в газетах. Как тебе?

— Не смешно, — отрезал Сержант.

— Хорошо. Есть еще один способ, — с этими словами я скинул сюртук, затем, расстегнув рубашку, оголил предплечье. — Что видишь?

— Орел, — тут же поправился. — Голову орла.

— Как банда Уэйнов называлась?

— Белый орел, — он помолчал, вспоминая. — Было такое. Читал об этом. Будем считать, что ты меня убедил.

Застегнув последнюю пуговицу, я сказал: — Вопрос с доверием мы решили?

— Все, Джон. Твою тайну буду знать только я. Не волнуйся.

— Хорошо. По крайней мере, когда меня назовут Джеком Льюисом и станут надевать наручники, я буду знать, кто меня предал.

Сержант натянуто рассмеялся в ответ, после чего спросил: — И как мне теперь тебя называть?

— Даже не знаю. Для наших парней, наверно, останусь Джоном Непомнящим родства. А для себя... Наверно, Джеком. Я привык к этому имени. Насчет полного имени... Джек Дилэни! Как тебе, Сэм?

— Нормально, Джек. А теперь перейдем к нашим делам, — слово "нашим" прозвучало для моих ушей многообещающе. — У меня есть сведения о тайной встрече трех вожаков. Гризли Кэссиди, Малыша Израэля и Щеголя. О чем они говорили, мой осведомитель не знает, но об этом не так трудно догадаться, не правда ли, Джек.

— Нетрудно, Сэм. Что ты собираешься предпринять?

— Не знаю. Хочу услышать совет от тебя. Даже самый сумасшедший.

— Их надо убрать. Чем быстрее, тем лучше, пока они не нанесли себе еще больше единомышленников.

— Это понятно. Но как это сделать? Вызывать каждого на поединок? А причина? Кинуть им обвинение в лицо? Оно тут же вернется обратно ко мне! И неизвестно еще кому поверят! К тому же у них больше людей. А я даже не знаю толком, кто мне друг среди моего окружения, а кто враг! На словах все хороши, а вот на деле...

Я внутренне ликовал. Сержант созрел до ситуации, к которой я готовил свой ударный отряд. После первой нашей встречи я стал встречаться с парнями из бывших рейнджеров почти каждую неделю. Месяца два мы привыкали друг к другу, потом я осторожно подвел их к своей идее о создании отряда под моим руководством.

Мои мысли были им понятны и близки по духу, потому что как были они солдатами, так они ими и остались, несмотря на время, проведенное на гражданке. Они согласны были принять мое предложение, но только с одной поправкой, они хотели знать, что я представляю собой как боец. После пары тренировочных занятий проведенных за городом, они единогласно признали меня своим командиром. Двенадцать человек я разбил на две группы. Мы решили, что одна из них займется разведкой, слежкой и поиском информации, тогда как на другую будут возложены силовые акции. Из-за нехватки времени я поручил подборку людей в команды, выбранным мною командирам, на должности которых утвердил двух офицеров — рейнджеров. Я ожидал бурю возмущения, так как уже успел убедиться, что бывшие рейнджеры, люди волевые и самостоятельные, с собственным мнением по каждому вопросу, но к моему удивлению ничего подобного не произошло. Даже больше того, узнав о назначениях, на лицах многих из них появились хитрые улыбки. На мой вопрос, чем они вызваны, мне рассказали историю этих офицеров.

Встретились и подружились они при странных обстоятельствах. Тома Уилкса, тогда еще скромного лейтенанта в армии северян, послали в южные штаты с секретным заданием. Выбор пал на него потому, что он родился в Вирджинии, говорил с акцентом, характерным

для южанина, и хорошо знал те края. Все шло отлично, пока Том не наткнулся на капитана Джима Харда и не взял его в плен. По дороге противники прониклись уважением друг к другу и подружились, хотя Джим всячески пытался перехитрить Тома и сбежать, что, в конце концов, ему удалось. За то время, какое они скакали бок о бок, помимо рассказов о своей жизни, они дали друг другу клятву, что обязательно встретятся вновь, если уцелеют в этой войне. Через год после окончания войны они встретились вновь на мексиканской границе. Два года, проведенные в схватках с бандитами и индейцами еще больше отшлифовали их воинское мастерство и усилили их дружбу. Оба теперь были в звании капитана и майора, но при том положении вещей, которое сложилось в армии после окончания войны, они не могли больше рассчитывать на продвижение по службе. В худшем случае их ожидала стрела индейца или пуля бандита, в лучшем — служба в заштатном гарнизоне где-нибудь на границе заселенных земель. Под началом Тома Уилкса служил сержант, родом из Нью-Йорка. Наслушавшись его рассказов, друзья решили попытать счастья на Востоке. Некоторые из младших офицеров и сержантов, узнав, что их командиры решили уйти из армии, изъявили желание отправиться вместе с ними на Восток.

Том Уилкс возглавил группу разведки, а Джим Хард — боевое подразделение.

В игровой зал, где любил проводить время Гризли Кэссиди, зашли трое молодых людей, всем своим видом напоминающих парней с Запада. Отмачивая соленые шутки, сели за один из игорных столов, а еще через полчаса разгорелся скандал. Не успели парни Гризли приблизиться к ним, как загремели выстрелы. Четверо бандитов, в том числе Гризли Кэссиди, были расстреляны почти в упор.

Малыш Израэл был единственным из "офицеров" покойного Мясника, который каждую ночь проводил дома, в семейной постели. Он считал себя примерным семьянином. У него была жена и трое детей, которых он воспитывал в строгости, нередко прибегая к розгам. Около часа ночи он вышел из бара, сопровождаемый своим телохранителем гигантом — голландцем Большим Вилли. Больше их никто не видел.

Щеголя Джима, всегда одетого по последней моде, любителя молоденьких девушек и хороших сигар, никогда не выходившего из дому без двух малогабаритных револьверов в карманах, выловили в канале, раздетого догола, с перерезанным горлом.

* * *

Я заканчивал ужинать, когда в зале итальянского ресторанчика появился Бык Сэм. Быстро оглядевшись и увидев меня, он сразу направился к моему столику. Я тут же подал сигнал человеку из группы разведки, сидевшему через столик. Сейчас работала система, разработанная мною на случай явной опасности. Люди, сменяясь, сопровождали меня в течение дня, что давало мне надежную связь с группами, а также являлось нечто вроде страховки в случае покушения на меня. Сейчас в связи с заговором против Сержанта сложилась как раз такая ситуация. То, что явился не просто посыльной, а сам Бык, являвшийся вроде старшего телохранителя, говорило о том, что случилось нечто чрезвычайно серьезное. Это нашло подтверждение в словах Быка: — Кончай жрать и поехали! У Сержанта есть новости!

— Лови кэб. Я сейчас выйду.

— Я приехал с Сиплым. Он за кучера, — сказав, он тут же развернулся и пошел к выходу.

Проходя мимо столика, за которым сидел Дик Баткинс, бывший сержант роты рейнджеров, я замедлил шаг: — Группы к бою. Кабинет Сержанта. Сигнал — двойная вспышка спички. Объекты те же.

Сэм только что закончил рассказывать мне о второй тайной встрече все той же тройки бандитских предводителей, состоявшейся сегодня утром, но на этот раз шпиону удалось узнать каким-то образом, о чем велся разговор. Правда, особой веры этим сведениям у меня не было. Слишком много кругом было лжи. Официальные новости с континента иной раз опаздывали на полгода. Мы нередко узнавали о них раньше, но в таком искаженном виде, что я диву давался до чего может дойти человеческая фантазия. И что удивительно — подобным слухам верили! Каждое судно, приходя с товарами в нью-йоркский порт, привозило с собой свежие новости с континента. Они тут же перехватывались газетчиками и

на следующий день выходили в виде аршинных заголовков на первых листах газет, при этом частенько обрастая придуманными подробностями, не соответствующими реальным фактам. Впервые с этим столкнувшись, я даже не знал, что и думать о местной прессе, пока не наткнулся на один интересный образчик в одной из газет, объяснивший мне, что представляет собой нью-йоркский журналист того времени.

"Вчера, в семь часов вечера, в меблированных комнатах мадам Жаклин произошел очередной безобразный скандал. Заезжий торговец плюшем из Коннектикута (по слухам — приличная сволочь), отказался заплатить по счету, проведя с одной из девушек, 38-летней миссис Джекки Ноланд, два с половиной часа у нее в комнате, в обстановке интимной близости. Джекки свидетельствует, что обслужила клиента как всегда, на самом высоком уровне, "...но эта образина посчитала, что у него есть шанс сэкономить!". Двумя ударами табуретки Джекки уложила скупердя на пол, а затем разбила на его голове восемь тарелок. На крик пострадавшего о помощи, сбегались все клиенты, а также милашки мадам Жаклин. Они отбили торговца из рук разъяренной девушки. Среди сбежавшихся на шум находился и ваш корреспондент, который обнаружил в толпе спустившихся мужчин со второго этажа, одного из чиновников мэрии. Очень уважаемый человек, к тому же женат и имеет детей. Мы не считаем нужным называть здесь его имя, но если кто-то заинтересован в том, чтобы выяснить для себя этот вопрос, обращайтесь ко мне, Стиву Пайперу, в любое время. О цене со мной, можно легко договориться".

Но это то, что касалось общих новостей. Помимо этого люди сами лгали о себе, вралли о других. Одни пытались таким образом спрятать свое прошлое, другие — получить от этого выгоду, третьи — в силу болтливости языка и виски. Как только я это понял, то тут же вывел для себя правило: доверяй только трети того, что слышишь и половине того, что видишь, и тогда у тебя будут правильное представление о действительности. Вот и сейчас донесение осведомителя, пересказанное Сержантом, выглядело, мягко говоря, несколько неправдоподобно. Если верить ему, то в Нью-Йорк из Чикаго прибыла или вот-вот прибудет банда убийц, чтобы покончить с Сержантом и его людьми. Неправдоподобность этой версии заключалась в том, что у одного Гризли Кэссиди было под рукой около двадцати громил и убийц, не говоря уже о людях Малыша и Щеголя. Им только скажи: "Фас!" — порвут любого на части. Тогда откуда этот слух? Хотят отвлечь наше внимание и дать им время набрать себе сторонников? Или банду действительно наняли? Ответа мы не знали, как и не знали к чему готовиться, но вывод был очевиден: заговорщики были готовы начать действовать. Почему так быстро? Ответ на этот вопрос лежал на поверхности. Ни Гризли, ни Малыш Израэл, ни Щеголь Джимми не были дураками и понимали, что слухи об их заговоре уже дошли до наших ушей.

Я понимал растерянность Сэма. На сегодня у него не было ни достаточного количества верных ему людей, ни союзников. Попытки договориться с другими мелкими главарями, как Меняла Дик или Чак Коннорс ничего не дали, те просто заняли позицию наблюдателей, выжидая, чем все закончится. Гризли с компаньонами, видя бездействие остальных, поняли, что получили "добро" на любые свои действия. У нас, к сожалению, не было такой возможности, иначе остальные вожаки, пока остававшихся нейтральными, могли подумать, что началась общая зачистка и выступить против нас единым фронтом. Нам оставалось только выжидать.

— Если бы у меня было хотя бы пара недель. Я уже кое с кем переговорил. Проклятье! Гореть этим предателям в геенне огненной!

Это было уже не первое его проклятие за сегодняшний вечер. Я большей частью молчал, медленно потягивая виски, давая ему, как следует завестись. Мне нужно было подвести его к состоянию, когда в человеке начинают говорить эмоции наравне с разумом.

— С детства помню одно выражение: подчас язык у дурака бывает таким длинным, что может перерезать ему глотку. Их языки как раз нужной длины, да и я не стану стоять в стороне. Но как это сделать, ума не приложу! У одного Гризли Кэссиди столько же парней, сколько у меня! А этих жирных, заевшихся свиней семь! Пусть даже не семь, а три! Их слишком много! Они все себя считают большими боссами! Знаешь Джек, мне тут доложили, что некоторые из них считают, будто именно они выиграли войну с ирландцами! Как тебе! Не ты! Не я! А они!

"Похоже, дошел до кондиции. Начнем".

— Послушай, Сэм, нам нужны хорошо обученные, не боящиеся крови, подчиняющиеся приказу, солдаты.

— А я такой тупой! Не думал об этом! Таких солдат здесь на дивизию хватит! У нас треть банды таких! Зайди в любой бар и скажи: набираю парней для опасной работы! Столько сбежится, что девать будет некуда. И тут же поползут слухи: Джон, помощник Сержанта, набирает людей. Через полчаса все будут знать об этом! К каким бы ты хитростям не прибегал, все одно узнают! После чего тебя зарежут сразу, а меня немного погодя! Ты этого хочешь?!

— Тебе вообще такая идея нравится?

— Дело не в том, нравится она мне или нет! Не об этом надо думать, а о том, как выжить! Выжить, Джон! У меня около двадцати человек! Ты и Бык Сэм. Эта вся моя сила. Двадцать бойцов против пятидесяти! Как тебе такой расклад, Джон?! В армии при таком перевесе сил противника сдаются! Но здесь не та война! Здесь не берут пленных!

— Ты говоришь у тебя двадцать людей? С этой секунды прибавь к ним еще двенадцать парней! Они прошли Гражданскую, затем служили рейнджерами на мексиканской границе. Из них два офицера, три сержанта. Все они крепкие и надежные парни.

— Ты, дьявол, Джон! Почему ты мне о них раньше не сказал? Впрочем, сейчас это не важно! А ты уверен в них?! Все продается и покупается, а люди в первую очередь!

— В этом мире все возможно. Но я думаю, что среди них нет предателей.

— Хм, если так обстоит дело... И давно они у тебя?

— Знаком с ними около трех месяцев, но работать на меня начали три недели назад. Теперь во взгляде Сержанта читалась подозрительность.

— Ты опасный человек, Джон. Я никогда не смогу тебе полностью доверять. Никогда! Поэтому постарайся вести свои дела так, чтобы не заронить во мне ни капли подозрения. Так будет лучше для нас обоих. А теперь выкладывай, что задумал?

— Сейчас я подам сигнал из окна. Дважды зажгу спичку. После чего мои люди, разделившись на три группы, найдут и убьют Кэссиди, Щеголя и Малыша Израэла.

— Ты с ума сошел!! — Сержант резко и с такой силой вскочил с места, что отброшенное им кресло с грохотом отлетело к стене, только чудом не опрокинувшись. — А ты подумал об остальных главарях?! О головорезах, которые узнают о смерти своих вожаков?! Нас на ножи поставят в мгновение ока!

— А кто будет ставить, если их убьют?! Кто, я тебя спрашиваю?! — постепенно я сам стал заводиться, глядя на возбужденного Сержанта. — Те главари, которые сейчас со стороны наблюдают, кто победит, увидев, что произошло, тут же приползут к тебе на

коленях, моля их не убивать!

Честно говоря, я сам не верил тому, что сейчас говорил. Нам, скорее всего, придется драться насмерть, и выживем ли мы, одному Богу известно! Но другого пути у нас нет. Или мы — или они. Так должен думать и Сержант. Как бы то ни было, но мои слова на него подействовали успокаивающе. Перестав метаться по кабинету, он снова придвинул кресло к столу, правда, садиться не стал. Некоторое время молчал, смотря на черную лаковую поверхность стола, потом спросил: — А как они их найдут?!

— За всеми троими уже давно следят мои люди.

— Черт. Черт! Джек ты понимаешь, что если что-то пойдет не так, начнется резня! И ирландцы, и Дикий Джим Мортон не замедлят этим воспользоваться. Тогда нам конец! Нам всем конец! Начнется такое... я даже не могу передать словами!

— Подожди. Не торопись. Лучше скажи, почему Чак Коннерс на ножах с Малышом Израэлом?

— Из-за устричного бара на перекрестке улиц Парк Плэйс и Бродвея... Стоп! Понял твою мысль. Если Малыша не будет в живых, а Чаку пообещать... Тут есть о чем подумать! Если мы получим поддержку на ближайшей сходке хотя бы двоих вожаков, то можно считать... Но об этом еще рано думать! Том Меррик в хороших отношениях с Чаком. Так. Что я могу предложить Тому?

Сержант намного лучше меня знал мелких главарей в банде и об их отношениях между собой. Знал, кто с кем в приятельских отношениях, а кто кого ненавидит. Перестав нервничать, он с головой ушел в работу, пытаясь создать ситуацию, которая помогла бы перетянуть бандитских вожаков на нашу сторону. Прошло минут пять, пока он поднял на меня глаза. Попытка прочитать в его лице хоть что-то, ничего не дало, оно было непроницаемым. Я замер в ожидании того, что сейчас он скажет. До этого были эмоции, разговоры и мысли, а сейчас надо было решать. Его колебания нетрудно было понять, это решение может окончательно утвердить его в качестве главара, а может стать последней ошибкой в его жизни. Некоторое время мы смотрели друг на друга, затем он развернулся к окну и некоторое время смотрел на быстро темнеющий небосвод, потом придвинул кресло к столу. Сел. Налил виски в стаканчик. Взялся за него, потом отставил. В который раз поднял на меня глаза, с минуту испытующе смотрел на меня и только потом, даже не сказал, а громко прошептал: — С богом, Джек.

Я встал, уменьшил до предела свечение керосиновых ламп, после чего зажег перед окном, одну за другой, две спички. Сержант внимательно смотрел за моими действиями. Я взгляделся в темноту за окном. В условленном месте зажженная свеча прочертила огненный крест, после чего потухла. Пересек комнату, сел в кресло. Наши глаза встретились.

— Ночь нам предстоит длинная, Сэмми. Есть время подумать, что нам делать дальше.

Рано утром Сержант вызвал к себе остатки "старой гвардии Мясника". Вместо четверых приехало трое. Чак Коннерс. Меняла Дик. Билл Тонтон. Том Меррик не приехал и не прислал вместо себя человека. Все трое уже знали, что случилось, именно поэтому явились во главе вооруженных групп, как бы говоря, что не верят Сержанту. Ввалившись в кабинет, вместе с ближайшими подручными, главари расселись в приготовленные для них кресла, а затем молча усталились на Сержанта. Лица как камень, глаза злые. Некоторые из сопровождающих их бандитов держали руки на оружии, торчащем из-за их поясов. Больше всего меня беспокоил Меняла Дик. Судя по злобному и наглому взгляду, шарящему по нам,

тот искал хоть малейший повод для драки. Этот тип, похоже, не был склонен задумываться, прежде чем нанести удар. Чак Коннорс, бандит лет тридцати пяти, пытался выглядеть вызывающе, но если присмотреться, в его глазах легко читалась растерянность, а за нею прятался страх.

"Этот, похоже, будет выжидать до последней секунды, лишь бы не прогадать".

А вот Билл Тонтон был для меня большей загадкой. Насколько я знал, он всегда стоял особняком среди остальных главарей. Все вопросы старался решать сам, не прибегая к чужой помощи. Его девизом вполне могли стать слова: "Хочешь хорошо сделать дело, сделай его сам". Лицо, словно высеченное из камня, украшенное несколькими шрамами и сломанным в двух местах носом, дышало хищной силой. Я слышал, что за все пять лет, с того самого дня, как появился в банде, он не пропустил ни одной солидной драки в ее составе.

Пока все устраивались на своих местах, напряжение не было так заметно, но прошло несколько минут и оно стало тяжелым, нависнув над всеми нами черной грозовой тучей. Напряженность была видна в каждом движении находившихся в комнате людей, в их взглядах, в легком дрожании пальцев, когда они закуривали или отрезали ножом кусок от пачки спрессованного жевательного табака. Наступил тот момент, когда не нужно было хвататься оружие, чтобы превратить кабинет в поле боя, вполне могло хватить одного неправильно истолкованного слова. Если подобное случится, шанса уцелеть в этой перестрелке я не видел, а ведь все шло к этому, хотя никто еще не сказал ни слова.

"Чего ждешь, Сэм?! Пока нас... — но только я успел так подумать, как тот поднялся, приковав к себе взгляды всех присутствующих. Бандиты были готовы к оскорблениям, угрозам, наглым требованиям, но абсолютно не были готовы к той речи, которую преподнес им Сержант. Ее основу приготовил я, а обработал текст, снабдив оборотами речи девятнадцатого века, сам Сержант. Когда я зачитал ему набросок речи в первый раз, он пожал плечами и сказал, что подобного бреда никогда в жизни не слышал. Потом он начал говорить то, о чем не трудно было догадаться поначалу его вступления: — И если ты думаешь, что это я буду говорить перед ублюдками, которые придут решать жить мне или умереть, то ты еще больший дурак, чем я думал!

Мне долго пришлось уговаривать его оставить речь такой, какая есть. Сейчас я наблюдал и радовался, глядя, как у вожаков широко открываются глаза и раскрываются рты от изумления. Основу этого бреда составляли выжимки из речей политиков двадцать первого века.

— ...У нас, что мало врагов! Смотрите, с какой завистью смотрят они на наши победы! Не думайте, что они дремлют! Нет! Вы в этом убедились этой ночью! Их подлый удар вырвал из наших рядов самых стойких и крепких бойцов! Их смертью они решили внести разлад в наше единство! Судя по вашим суровым, жаждущим мести лицам, им это частично удалось! Враги ждут, когда мы начнем рвать друг другу глотки, а затем, улучив момент, ударят нам в спину! Но мы не дадим им этого шанса! Сплотим свои ряды, джентльмены! Станем плечом к плечу единой стеной!

Он говорил громко, четко и проникновенно, точно проповедник с амвона. Слова о вере друг в друга, о сплочении рядов, об опасности внешних врагов, выжидающих момент, чтобы ударить нам в спину, слетали с его губ легко и непринужденно, благодаря трехчасовому заучиванию.

— Сержант, ты что несешь! — первым опомнился Меняла Дик. — Какие такие внешние враги?! Или ты хочешь сказать, что наших парней грохнул кто-то со стороны, типа Дикого

Джима?! Так говори, если знаешь! А то какое-то там... единство и хрен знает еще что!

— Послушайте! Я собрал вас для того, чтобы узнать ваше мнение по поводу случившегося!

— Наше?! А почему ты думаешь, что мы что-то знаем?! — продолжал надрываться Меняла. — Мы сами пришли для того, чтобы узнать, что произошло!

— Ты хочешь сказать, что это я все устроил?!

Наступил момент, который должен был решить: жить нам или умереть. Тишина установилась как перед грозой. Давящая. Тяжелая. Главари и их ближайшие помощники напряглись, подобрались, одни руки сжались в тяжелые кулаки, другие легли на рукояти револьверов. Секунды тянулись настолько медленно, что казалось, время остановилось. Я уже начал прикидывать, в кого мне стрелять первого. Казалось еще секунда, и все взорвется громом выстрелов и криков ярости и боли, но Меняла чуть промедлил с ответом, зато Сержант не стал мешкать: — Если кто из вас знает, почему могли убить их троих — пусть выскажется! Но только без этих "я думаю, может быть" и прочих намеков! Только факты! Давай Меняла, начнем с тебя!

Маленькая речь была построена очень хитро. Она разделила вожаков, теперь каждый, если хотел бросить обвинение в лицо Сэму отвечал за себя сам. Меняла бросил быстрый взгляд на Билли Тонтона, потом на Чака Коннорса, но те никак не отреагировали на них.

И тут Меняла, понял, что упустил момент, когда на Сержанта можно было давить с позиции силы, а его соратники, похоже, встали на позицию "каждый сам за себя": — Пока не имею фактов! Но не дай бог, Сержант, если узнаем, что ты к этому причастен! Он до сих пор не назвал Сэма боссом, а Сержантом, подчеркивая тем самым, что считает его равным себе, но никак не главарем банды. Сержант сделал вид, что не заметил дерзости: — А что скажет Коннорс?

Он до сих пор не назвал Сэма боссом, а Сержантом, подчеркивая тем самым, что считает его равным себе, но никак не главарем банды. Сержант сделал вид, что не заметил дерзости: — А что скажет Коннорс?

— Каждый из нас много чего знает и видит, но я ни о чем подобном не слыхал, босс. За своих людей также ручаюсь, — низким, идущим, словно из нутра, голосом заявил Чак Коннорс.

Его слова оказались неожиданными даже для меня. Я не ожидал столь резкого и быстрого раскола среди вожаков, но больше всего он отразился на Меняле, явно не ожидавший такого подвоха от своего соратника. Ответом на злобный взгляд Менялы была кривая усмешка Коннорса. Определившись с выбором стороны, Чак Коннорс, похоже, освободился от внутреннего напряжения и стал спокойнее и увереннее себя держать, расслабленно откинувшись на спинку стула. Следующим был Тонтон, человек — загадка. Свирип, силен, себе на уме. Ни одного сколь значимого столкновения с другими бандами не проходило без его участия. Только от него сейчас зависело: поставить точку в этом деле или начать междоусобную войну. Снова начала сгущаться тяжелая тишина, но до пика ей не дал dorasti сам Тонтон: — Я могу повторить то же самое, что и Коннорс, босс.

Это была своего рода клятва в верности. Я облегченно вздохнул: похоже, пронесло! Посмотрел на Менялу, который только сейчас начал осознавать, что в ловушку, которую готовил для Сэма, попался он сам. Судя по всему, он думал, что наступил подходящий момент для свержения, а в результате проиграл схватку за власть, тем самым, подписав себе смертный приговор. И чем больше он осознавал, тем больше кровь отливала от щек. Сержант

уже некоторое время смотрел на Менялу, в ожидании, может тот что-то скажет напоследок, но тот старательно отводил глаза и из последних сил делал вид, что ему на все наплевать.

— Ну, что так никто ничего не слышал? Как такое могло произойти, парни?! Ведь, следующим может оказаться любой из нас!

И тут Меняла неожиданно как-то нехорошо оживился, заерзал на кресле, тем самым привлек внимание Сержанта: — Ты что-то хочешь сказать, Меняла?!

— Хочу! Если я правильно понял тебя, Сержант, убийцы могут продолжить свое черное дело?

Тот не понимая, что за мысли зашевелились в голове у Менялы, осторожно сказал: — Может и такое случиться.

— Вот-вот! Где трое, там и четверо, — он слегка развернулся в своем кресле к стоящим у стен людям. — Не правда ли, парни?!

— А что?! Вполне! Может эти убийцы, всех приговорили! — вразнобой и довольно вяло ответило ему несколько голосов, и те, в основном, принадлежали его людям.

Меняла, развернувшись к Сержанту, изрек с глубокомысленным видом: — Нужна осторожность!

Все молча ждали продолжения, но тот, высказавшись, замолчал. Причем вид у него был, я бы определил его, как довольный, хотя с чего ему быть таким? Пока я пытался сообразить, что может быть крыться за этой переменной настроеня, Сержант понял, что Меняла больше говорить не будет, снова встал, тем самым, подчеркивая важность того, что собирался сказать.

— Теперь поговорим о территориях, оставшихся без хозяев. Они не могут долго оставаться без крепкой руки, поэтому ты, Коннорс, будешь пока присматривать за землей Гризли. Тонтон на тебе хозяйство Щеголя. Землей Малыша займусь я. Но сразу предупреждаю вас обоих, объединения территорий временны, пока не найдем достойных людей.

Обойдя Менялу, Сержант подчеркнул этим, что больше не доверяет ему. Это поняли все, даже тупоголовые громилы — телохранители. Меняла молча сидел, но было видно, что он вне себя от ярости. По лицу Тонтона ничего нельзя было прочесть, зато Коннорс не скрывал своей радости: — Все будет сделано как надо, босс!

— Теперь я хотел бы знать, почему не приехал Том Меррик?

Голос Сержанта был громким и требовательным. Это уже спрашивал признанный всеми главарь банды у своих подчиненных. Ответить должен был Коннорс, так как они с Томом были в приятельских отношениях. Я угадал.

— Меррик пьян, как сапожник, — ответил Коннорс. — Хорошо, если к обеду протрезвеет.

— Ладно. С ним я сам разберусь. На этом закончим. С Богом, парни!

Когда все ушли, оставив после себя стойкий запах табака и пота, я тут же рухнул в одно из освободившихся кресел, чувствуя себя вымотанным до такой степени, словно участвовал не в переговорах, а в бою. Несколько минут сидел почти физически ощущая, как из меня выходит напряжение, словно освобождая виток за витком сжатую во мне пружину.

Наконец, почувствовав себя в норме, встал, поправил револьверы во внутренних карманах сюртука, только после этого посмотрел на Сержанта. Тот сидел, поставив локти на стол и прикрыв глаза руками. Почувствовав мой взгляд, поднял голову. Лицо бледное, осунувшееся, усталое.

— Ну, как ты, Джек?

— Как и ты, — я слабо усмехнулся. — Постепенно привыкаю к мысли, что мы все же вышли из этой переделки живыми.

— Ха! Хорошо сказано! А что ты скажешь насчет Менялы?

— Я тут подумал и решил, что Меняла хочет воспользоваться ситуацией. Ты тут говорил, что следующий может быть любой из нас, вот он и хочет, под видом тех неизвестных убийц, убрать меня, тебя. Ему сейчас терять нечего. Убить нас — это его последний шанс.

— Согласен. Так что будь осторожней, Джек. Мы не так крепко стоим на ногах, что бы ты там себе не думал, — я бросил на него вопросительный взгляд. — Помимо Менялы, остались помощники и доверенные люди Гризли, Щеголя и Малыша, каждый из которых имел свою, причем неплохую, долю. Сейчас им придется расстаться со своими кормушками, а среди них есть парни, что лишний доллар готовы своей мамашей торговать. Так что соображай...

Живя в среде, где человек редко доживал до положенного ему срока, я старался быть всегда готовым к опасности. Слишком много было кругом недовольных и врагов, а особенно сейчас, когда шла смена власти. И все же я никак не ожидал, что предупреждение Сержанта получит подтверждение среди бела дня, на глазах нескольких десятков людей.

После обеда я приехал в порт, чтобы дальше вникать в свою работу. По большому счету она пока заключалась в разговорах с людьми, через которых я пытался понять, что собой представляет теневая экономика порта и пути переброски контрабанды. Одновременно я пытался разобраться в специфике работы самого порта, кто, чем занимается, начиная от портового начальства и кончая портовой охраной. От полученных знаний, щедро пересыпанных специфическими и морскими терминами, у меня временами начинала пухнуть голова, после чего я обычно задавался вопросом: а оно мне надо? Но, потакать собственным слабостям не в моих привычках, после чего я снова принимался за дело. И вот сейчас идя вдоль причалов в свой офис, я пытался думать о делах, но люди вокруг меня суетились, шумели, ругались, никак не давая мне сосредоточиться на своих мыслях. Именно поэтому я обратил внимание на грузовую фуру, стоящую рядом с горой мешков. Извозчик дремал, сидя на козлах. Они резко выделялись на фоне всеобщей суеты.

"Странно, — подумал я. — Я то думал, что девиз американцев "время — деньги", а эти прямо в наглую простаивают. Извозчик, похоже, третий сон досматривает".

Мой интерес к ним, убийцы, очевидно, приняли за подозрительность, больше ничем нельзя было оправдать их поспешные действия. Не успел я отвести взгляда от повозки, как в руках возчика появилась винтовка, а еще через секунду полотняный борт фуры был откинут в сторону. В образовавшемся проеме появились еще два ствола. Такой наглости я никак не ожидал! Днем, в месте, где кругом народ... Если они хотели застать меня врасплох, то им это удалось. Стволы винтовок расцвели вспышками. Сначала что-то тупое ударило в области живота, словно кулак двинул под ребра, потом обожгло бок. Боль избавила меня от столбняка и придала прыти. Прыгнул, пытаясь в перекате достичь двух сломанных ящиков, лежащих в пяти шагах от меня, но резкая вспышка боли в боку сломала мою комбинацию, заставив распластаться на земле, корчась от боли. Отгородив свое сознание от боли, грызущей бок, я кое-как дополз до обломков. Они меня скрыли, но не настолько, чтобы стать настоящим укрытием. К тому же убийцы, поняв, что я не собираюсь умирать, открыли бешеную стрельбу. Пули роем свистели у головы, дробя в щепки дерево ящиков.

Единственное что меня спасало, это был пороховой дымок, закрывавшая им обзор.

"Суки! Достали! — вжимаясь в землю, я одновременно судорожно пытался вытащить из внутреннего кармана сюртука зацепившийся за что-то револьвер. — Меняла, гад! Найду — живым в землю зарюю!".

Осторожно приподняв голову, тут же понял, если сейчас не вытащу револьвер, я покойник. Один из бандитов, под прикрытием выстрелов, по длинной дуге, подкрадывался ко мне сбоку. Увидев, что я его заметил, он прицелился в меня. Я рванул из кармана револьвер. В этот момент из-за моей спины ударил револьверный выстрел. Пуля просвистела у головы готовящегося выстрелить бандита, заставив того невольно вздрогнуть и промахнуться. Зато я не промахнулся. Пуля ударила убийцу в грудь. Наемник отшатнулся назад, хрипло крикнул: — Уходим! — развернулся, сделал шаг, за ним другой, пошатнулся, сделал взмах руками, словно пытался удержать равновесие, после чего рухнул ничком на землю. Возница до этого с трудом удерживавший лошадей, дал им волю. Фура тут же рванулась с места. Только теперь, когда счастливо избежал опасности, я услышал возбужденные голоса людей и звуки трещоток портовой охраны, увидел лица людей со страхом на лице и любопытством в глазах, выглядывающих из-за штабелей досок и куч мешков. Я и до этого их слышал и видел, но тренированный мозг отдавал все внимание угрозе, отсекая их, как факторы, не заслуживающие внимания. Схватившись за ящик, я приподнялся, затем сел. Вокруг меня, осторожно, с опаской, стала собираться толпа, но люди держались на расстоянии, видя в моей руке револьвер. При попытке встать, земля неожиданно подо мной качнулась, пришлось сесть снова. На брусчатке с проросшей травой, где я только лежал, остались размазанные кровавые потеки. Нащупав, зажал рану, после чего поднял глаза на толпу, окружившую меня. Докеры, матросы, портовые чиновники, рабочие из доков, несколько конторских служащих.

— Эй, мистер, что случилось? Вы ранены? — этот вопрос мне задал седоусый мужчина, похожий на рабочего из корабельных доков.

— А что не видно? — огрызнулся я. — Может кто-нибудь поможет мне?

— Сейчас, мистер, сейчас! Обопритесь на меня. Осторожно, вот сюда! Присядьте здесь. И уберите, пожалуйста, револьвер.

Я присел на тюк, сморщившись от боли. В этот момент, рабочий, помогавший мне, придержал меня рукой за грудь. Меня словно током ударило. Даже ойкнул от неожиданности.

— Вы что в грудь ранены? — удивился мастеровой. — А крови вроде нет.

Осторожно коснувшись места удара, нащупал, лежащие в жилетном кармане серебряные часы — луковицу. Разбитые вдребезги. Криво усмехнулся: — Вот уж действительно... повезло, так повезло".

Поднял голову. Толпа стала плотнее и гуще.

— Врача хоть догадались позвать? — этот вопрос я задал не кому-то лично, а всем. — Или вы тут собрались пари заключать, сколько времени я продержусь, пока не протяну ноги.

В толпе раздался смех. В следующий миг народ подался в разные стороны, пропустив трех человек. Один из троих был врач, который тут же занялся моей раной. Двое других были моими работниками. Один из них конторский служащий, которого я нанял два дня назад для работы с бумагами в офисе, а второй был бандитом, исполняющим обязанности моего телохранителя и охранника в офисе. Его мне порекомендовал Сержант. И как видно не зря. Ведь это он, поддерживав огнем, спас мне жизнь.

— Спасибо, Карл! А теперь займись типом, которого я подстрелил. Ты меня понял?

В ответ он покачал головой: — Мертв. Врач его осмотрел первым.

Я сделал все что мог. Откинувшись, закрыл глаза и тут же провалился во тьму беспамятства. Не чувствовал ни как меня перевязывали, ни как везли в больницу. Через восемь часов, после того как вынули пулю, меня навестил Сержант.

— Ну, как ты?

— Пока живой. Спасибо за Карла. Он неплохо показал себя.

— У меня плохих парней нет.

— Кто на меня напал?

— Пока не знаю. Но, похоже, с подачи Менялы. Сам он исчез. Его нет ни дома, ни у любовницы, ни в одном из мест, где он обычно бывает. За ним должны были следить, но от моего человека пока нет вестей.

— Вот даже как.

— Ладно, я пошел. Новости будут, сообщу.

Спустя неделю после выхода из больницы, меня вызвал к себе Сержант. Не успел я войти к нему, как он без всяких предисловий сообщил мне новость: — Меняла сейчас в "Креморне".

— Где это? — не менее лаконично спросил его я.

— Этот гадюшник находится на тридцать второй улице, чуть западнее Шестой Авеню.

— Кто с ним?

— Из тех, кого узнали Длинный Ричард и Зеленщик Джим. Помимо них за столом еще пара человек, но кто они, неизвестно. В баре, напротив кабака, сидят четыре моих человека во главе с Быком.

— Еду.

Войдя с улицы в "Креморн" мы сразу наткнулись на барную стойку, покрытую красивой резьбой, за которой стоял огромный, несколько напыщенный человек с огромными, как у моржа, усами и роскошной бородой. Ему одного взгляда хватило сообразить, что эти парни пришли сюда не за виски и девочками, после чего отвел глаза в сторону и сделал вид, что его вообще не существует. За барменом открылись двери в большой зал, ярко украшенный картинами и статуями, привлекавшими внимание не столько своей художественной ценностью, сколько обнаженностью моделей; в нем за столами сидели и пили под музыку мужчины и женщины. Как только я заметил Менялу, то тут же направился в его сторону. Посетители, при виде решительно шагающей команды с руками, засунутыми в тяжело оттопыренные карманы, тут же прятали взгляды в стаканах с виски. Пьяный шум в зале постепенно стал стихать. Когда до столика оставалось три шага, Меняла, наконец, заметил нас. Он был сильно пьян, но не до такой степени, чтобы не понять, что сейчас должно произойти. Кровь отлила от его лица, глаза забегали. Он явно был не готов к подобной встрече, зато один из собутыльников, коренастый парень с жестким лицом, сидевший по правую руку от Менялы, продемонстрировал нам свою реакцию, резко вскочив на ноги. Я даже не понял, что он хотел сделать: убежать или схватиться за оружие, как из-за моей спины прогремели два выстрела. Вместе с серым облачком в воздухе поплыл резкий запах пороха. Бандит, схватившись за грудь, на которой быстро расплывалось кровавое пятно, отпрянул назад, но, наткнувшись на стул, зацепился и упал вместе с ним на пол. Меняла Дик до этого тупо пялящий на меня глаза, вздрогнул и словно очнулся.

— Джон, тебе чего?!

"Похоже, он еще и обкуренный. Никак в себя не придет".

Вместо ответа я вытащил из-за пояса револьвер, взвел курок и стал медленно поднимать оружие, в ожидании его ответной реакции. Некоторое время он продолжал сидеть и смотреть на меня мутными и красными глазами, пока ствол не стал на уровень его лба. Только тут его прорвало: — Я не виноват! Это не я! Мне надо поговорить с Сержантом! Я все ему объясню!

— Если это все что ты хотел сказать...

Последняя надежда, искоркой тлевшая до этой секунды в подлой и грязной душе Менялы затухла. В глазах вспыхнула ненависть, а рука метнулась под полу сюртука.

— Гореть тебе в аду, сучий выкормыш!!

— Только после тебя! — и тут же, чтобы не прослыть человеком, дающим пустые обещания, я выстрелил ему в голову.

Конечно, убить отступника мог Бык или Сиплый, но, вступив в банду, я должен подчиняться обычаям уголовного мира. Один из них гласил: "Кровь за кровь". Меняла покушался на мою жизнь, а значит, в свою очередь он должен был умереть от моей руки.

Никогда не думал, что существует столько разновидностей портовых воров. В самом низу воровской иерархии стояли "бродяги" и "грузчики". "Бродяги", по ночам бесшумно шныряли между рядами судов в порту, после чего забирались на нос и прислушивались к храпу капитана или его помощника. Услышав храп, "бродяга" спускался в капитанскую каюту, хватал одежду вместе с часами, деньгами, подтяжками, сапогами и всем прочим, а затем потихоньку убирался прочь. "Грузчики" имеют просторные брезентовые куртки с широким рубцом внизу, вроде большого кругового кармана, куда прячут украденный товар. Выше их стоят "перевозчики". Это не мелкое жулье, как грузчики; их дело переправлять на сушу более громоздкие кипы товара. Они продают матросам бакалею и прочие товары, для прикрытия своего истинного ремесла, а также для того, чтобы попадать на корабль беспрепятственно. На самом верху стоит особая порода воров. Закидывая на борт крюк, они забираются на корабль, глушат, а случается, что и убивают, вахтенных матросов, после чего грабят содержимое трюмов, перекидывая товар в лодки.

* * *

В первое же воскресенье, после того, как меня выписали из больницы св. Агнессы, я отправился в приют, где жила Луиза Доббинс. Чтобы не терять время в поисках этого заведения, нанял наемный кэб. Минут двадцать мы колесили по городу, пока не попали в лабиринт узких и грязных улиц. Вскоре одна из таких улиц привела нас к приюту. Здание было двухэтажным с фальшивыми колоннами по бокам от парадного входа и стояло в окружении таких же, как и оно, унылых старых зданий. Открыв тяжелую дверь с большим бронзовым кольцом, я вошел в фойе. Несмотря на теплый летний день, здесь был сумрачно и прохладно. Не успел осмотреться, как ко мне подошла молоденькая девушка в сером платье. Ее волосы были убраны под косынку такого же мышинного цвета. Судя по ее дежурной улыбке, именно она занималась приемом посетителей.

"Совсем молоденькая. Наверно, воспитанница старших классов. Только почему она такая холодная и отстраненная?"

— Что вам угодно, сэр?

Когда я объяснил, кого ищу, она тут же позвонила в маленький бронзовый колокольчик, стоявший на тумбочке, рядом с библией. Несколько минут спустя к нам подошла еще одна девушка-девочка в таком же мышинном наряде. Услышав имя и фамилию, она тут же ушла. В ожидании я стал рассматривать литографии на божественные темы, развешанные на стенах. Между ними висели надписи — лозунги, подобные этим: "Любите друг друга", "Бог помнит и о самом малом из своих созданий". Прошло минут двадцать, пока из-за угла коридора не появилась худенькая фигурка девочки, которую вела за руку служительница. Я невольно напрягся при появлении ребенка. По дороге сюда, я попытался напрячь свою память, но так ничего и не нашел, но, сейчас только бросил взгляд, как сразу ее вспомнил. Увидев перед собой хорошо одетого мужчину, она испуганно застыла, еще не понимая, кто перед ней. Наконец, узнав, она, словно маленькая птичка, выпущенная на свободу, рванулась ко мне. Служительница, не сказав ни слова, тут же развернувшись, пошла назад. Девочка, со всего

размаха уткнувшись лицом мне в куртку, горько заплакала. Неожиданное проявление эмоций от ребенка, который до этой секунды был для меня только абстрактной фигурой, заставило меня замереть в напряжении. Не имея опыта, не зная, что говорить и делать в подобных делах, я только и осмелился, что положить одну руку ей на плечо, а другой осторожно погладить ее по голове. Постепенно всхлипы становились реже, среди них уже можно было различать слова:

— Пришел... папочка умер... Джон... ты один у меня... как мне было плохо...

Выбрав момент, когда она, всхлипнув очередной раз, замолчала, сказал заранее заготовленную фразу: — Очень рад тебя видеть, маленькая леди.

По инерции она еще пару раз всхлипнула, потом замерла на секунду, и вдруг резко оторвавшись от меня, отступила на шаг, резко вскинув головку, стала вглядываться в мое лицо.

— Ты... ты... говоришь, Джон? Ты одет...так хорошо, — в ее голосе сквозил испуг и неуверенность. — И все-таки... это ты.

Только тут я рассмотрел ее личико. Жестокий удар кастета с острыми шипами не только сломал нос девочке, он нанес глубокую рану, которую местные костоправы, даже не удосужились хорошо зашить. Кривой и безобразный шрам шел от переносицы до верхней губы, разом перечеркивая миловидность и детское очарование. Хотя я постарался скрыть свое внимание к этому страшному украшению, но не успел отвести взгляд, как ее большие карие глаза снова наполнились слезами. С трудом, сдерживая слезы, тихо спросила: — Я уродина, Джон? На всю жизнь? Да?

В ее голосе было столько недетской боли, что у меня перехватило дыхание, словно неожиданно ударили под дых. Пока я собирался с духом, девочка по-детски закрыла шрам ладошками, готовая снова зарыдать. Этого я допустить не мог.

— Нет, маленькая. Нет. Для меня ты всегда будешь красивой маленькой леди, — поспешил я ее успокоить.

— Джон, ты так говоришь, потому что любишь меня. А девочки не хотят со мной дружить, только дразнятся и обзываются. У меня ни одной подружки нет.

— Послушай, малышка, я же приехал...

— Джон, Джон, а как ты стал говорить? И ты какой-то не такой... Ой, Джон, как ты красиво одет! Какие у тебя красивые пуговицы! — с детской непосредственностью она перескакивала с одной темы к другой. — Цепочка на самом деле золотая? А как ты меня нашел?!

Еще минуту назад ее глаза были полны горя, теперь снова стали живыми и любопытными, а голосок звенел веселым колокольчиком.

— Послушай, маленькая, ты меня совсем засыпала вопросами. Я тебе на все отвечу, только сначала задам один вопрос тебе.

— Только один?! — при этом она лукаво улыбнулась. — Неужели тебе неинтересно, как я живу?

В этот момент мне показалось, что сквозь черты маленькой девочки, проступили черты юной женщины. Я улыбнулся ей в ответ.

— Ой, Джон, какой ты хороший! — она радостно всплеснула ладошками. — Я так рада, что ты приехал! Так какой вопрос? Джон, говори быстрее!

— Маленькая, тебе тут нравится?

На ее лицо, словно, тень набежала. Взгляд опустил в пол, маленькие губки плотно

сжались. Нетрудно было догадаться, что ее предупредили, как отвечать, когда зададут подобный вопрос.

— Тебе по-честному, Джон? — голос ее стал опять тихим и глухим.

— Мы с тобой друзья Луиза, не правда ли? Если это так, то мы ничего не должны скрывать друг от друга, — я говорил это спокойно, но нехорошие предчувствия уже охватили меня.

— Мне здесь плохо, Джон. Очень плохо, — это было сказано так тихо, что я едва расслышал.

Я испугался, что она снова расплачется и попросит, чтобы я забрал ее отсюда. Подобный вариант мне приходил в голову, но только как исключительный, когда не будет другого выхода. Но она молчала. Я почувствовал облегчение и одновременно злость. На нее. Она только что, сама не сознавая этого, переложила на мои плечи принятие решения. С одной стороны я был наслышан о жестоких нравах подобных приютов и не сомневался в ее словах, а с другой стороны в мой образ жизни никак не вписывалась маленькая девочка.

"Мать твою! Да я понятия не имею, как обращаться с детьми! Ее же наверно надо кормить по распорядку, спать укладывать во время, а я... — мысли заметались, как стая испуганных птиц, но моя растерянность продолжалась недолго, с минуту. — Черт меня возьми! Чем я думаю! Да она несколько дней побудет со мной, пока я не устрою ее в нормальное место. К тому же как-никак эта девочка своими показаниями спасла мне жизнь".

Мне, одиночке, как по образу жизни, так и по складу ума, трудно было принять в свою жизнь ребенка, но сейчас другого выхода я не видел.

— Все плохое уже позади, малышка. Я забираю тебя отсюда.

— Ой! Я не верю! — ее личико осветилось таким счастьем, что на какое-то мгновение стало прекрасным, несмотря на уродливый шрам. — Это правда, Джон?! Правда?!

— Правда. Иди, собирайся, малышка.

— Джон, я быстро, — она, крутнувшись на месте, уже сорвалась на бег, как неожиданно резко затормозила, и снова развернулась в мою сторону. — Джон, ты же не уйдешь? Не бросишь меня здесь, правда?

— Клянусь тебе в этом, маленькая леди! — я говорил бодро и весело, а самого душила злость на подонков, которые могли плохо обращаться с этой милой девочкой. — Кстати, кого тут надо поблагодарить за заботу о тебе?

Она замаялась, не зная, что сказать. Врать ей не хотелось.

— Может твою воспитательницу?

— Нет. Она... плохая! — при этом она прикрыла ладошкой рот и чисто рефлексивно оглянулась по сторонам. — И ее муж. Мистер Твин. Он наказывает нас.

— Наказывает? За что?

— За плохое поведение. Мы ничего плохого не делаем, а он все равно нас бьет розгами. Говорит, что он так делает исключительно в воспитательных целях.

— Хорошо, маленькая. Теперь еще один вопрос: наверно мне надо подписать какие-нибудь бумаги, чтобы тебя забрать?

— Я не знаю, Джон, но управляет нашим приютом миссис Агнесса Фридман.

— Будешь ждать меня у кабинета миссис Фридман. Договорились?

— Обязательно, Джон! — это она выкрикнула уже на бегу.

Я выждал минуту и отправился за ней следом. Мимо меня прошла группа девочек,

одетых во все серое, а оттого смахивающих на маленьких мышек, во главе с сухопарой особой в лиловом платье. Лицо у воспитательницы было довольно приятным, но все портили брезгливо поджатые губы и надменно вздернутый подбородок. Весь ее вид говорил миру о том, какую тяжелую ношу, она взвалила на свои хрупкие плечи, пока другие словно мотыльки порхают по жизни. Похоже, она была из тех людей, чей девиз: "Я страдаю за вас, люди!". Я не люблю таких людей, и не обратился бы к ней, но никого другого просто не было. Остановившись, я вежливо кивнул, прикоснувшись рукой к полям шляпы, после чего спросил: — Извините мисс, вы не могли бы мне подсказать, где я могу найти мистера Твина.

Она обежала меня строгим взглядом, после чего, решив, что я все-таки достоин ее внимания, сказала: — В конце коридора. Дверь с медной ручкой, в форме головы льва.

Я ожидал увидеть дюжего мужика со злобной физиономией, а в кабинете оказался полный мужчина в хорошо сшитом сюртуке, что-то увлеченно пишущий. Не успел я перешагнуть порог, как он резко поднял голову. Если бы не нос в красных прожилках, играть бы ему отца благородного семейства в дешевых спектаклях. Грива седых волос, правильные черты лица, четко очерченный подбородок, вот только глаза были под стать носу — мутные и невыразительные.

— Что вам угодно...?! — он успел сказать членораздельно только начало фразы, как в следующую секунду его лицо с противным хрустом врезалось в столешницу. — А-а — у-у!!

Пока он жалобно выл, размазывая по лицу кровь и чернила, я обошел массивный стол и остановился в двух шагах. При моем приближении тот лихорадочными движениями попытался отодвинуть массивное кресло и вскочить, но резкий удар ноги опрокинул кресло вместе с его хозяином. Твин финишировал в углу своего кабинета. Новый вопль не успел набрать обороты, как тут же стих, не успел я подойти к нему. Он вжался в угол, закрыл голову руками, шмыгая носом и тихонько подвывая. Размахнувшись, я расчетливо ударил его ногой по ребрам. Тот охнул, содрогнувшись всем телом, и неожиданно, для меня, заплакал: — У-у! Не надо... больше. Я боюсь... боли. Пожалуйста, сэ-р!

Следующий удар ногой пришелся по рукам Твина, прижатым к лицу. Хозяин кабинета взвыл от вспышки острый боли в сломанном носу, после чего попытался отвернуться от меня к стенке, но вместо этого сполз на пол, сжавшись в комок и трясясь всем телом.

— Ты знаешь, почему я тебя бью?

— Не-е-т, сэ-эр, — гнусавил Твин, растягивая слова.

— В воспитательных целях. Согласно твоей исключительной методике.

— Спа-сибо, сэ-э-эр.

— Будем считать, что ты урок усвоил. А теперь для сведения: я здесь буду еще некоторое время. Если попадешься мне глаза — добавлю еще. Все понял?

— Да-да, сэ-р. Все понял, сэ-р, — в его голосе чувствовалась такая угодливость и раболепие, что мне стало противно, будто я только что вступил ботинком в кучу дерьма. — Спасибо за урок, сэ-р!

Не успел я выйти, как из-за угла вылетела Луиза. Не глядя на меня, она хотела обогнуть меня словно препятствие, но я успел схватить ее за руку.

— Ой! Отпусти... Джон! А я...

Она выглядела расстроенной, испуганной и злой одновременно. Следом тут же послышался тяжелый топот ног, и из-за угла быстрым шагом вышла служительница с лицом, более подходящим суровому фельдфебелю, чем женщине. Глаза ее зло сверкали.

— Вот ты где, негодница! Как ты посмела...!

— В чем дело, миссис? — холодно спросил я ее.

Она обожгла меня злым взглядом, потом медленно процедила: — Кто вы такой, мистер? И что...?

— Луиза, кто это? — я бесцеремонно перебил служительницу.

— Джон, это миссис Твин. Джон, я ничего не делала, только сказала, что ухожу и хочу забрать свои вещи. А она как закричит, как затопает ногами...

— Молчать, мерзавка! Она еще смеет врать тут!

Я заметил, что во время нашего разговора, то дети, то взрослые, привлеченные громкими голосами, появлялись, кто из-за угла, кто выглядывал из дверей, но, увидев крепко сбитую фигуру миссис Твин, тут же прятались обратно.

— Луиза, иди, собирай свои вещи, а я пока поговорю с этой... миссис Твин. Встретимся у кабинета миссис Фридман, минут через... двадцать. Все, беги маленькая!

— Стоять, Луиза Доббинс!! Ты смеешь идти без разрешения своей воспитательницы! Сейчас же иди к мистеру Твину!

Девочка вздрогнула, будто ее кнутом хлестнули. Плечи поникли, а в глазах застыли слезы и страдание. Тут я уже не выдержал: — Луиза, иди, собирай вещи! А вместо тебя к мистеру Твину пойдет она!

— Вы что себе...! — тут мадам — фельдфебель заткнулась на полуслове, так как от разговоров перешел к делу, впечатав ее физиономию в дверь кабинета, из которого только что вышел. Она ойкнула, прижав руки к лицу, отступила на шаг и ошарашено воззрилась на меня.

Похоже, эта бой-баба давно не получала достойного отпора. Я не дал ей время прийти в себя. Повернул ручку, открыл дверь и втолкнул эту особу внутрь. Сделав шаг вслед за ней, остановился на пороге и оглянулся на замершую девочку. У нее был настолько удивленный вид, что я не смог сдержать улыбку, несмотря на ситуацию.

— Иди! — повторил я еще раз.

Затем перешагнул через порог и захлопнул за собой дверь. У стены стояла, бледная как смерть, миссис Твин с отвисшей челюстью. Одной рукой она зажимала свой разбитый нос, а другая была протянута в сторону своего мужа. Я усмехнулся при виде этой картины.

— Что дуреха, мужа своего не узнаешь?

Если говорить честно, то сидевшего в кресле мужчину, я тоже не сразу узнал. Твин вставил в нос бумажные фитили, и перемазанная кровью и чернилами физиономия, начавшая опухать, окончательно превратила его лицо в страшную морду чудовища.

— Он... он...

— Он это. Он, — подтвердил я ее догадку. — Это я его отделал. Теперь твоя очередь.

Хозяин кабинета до этого пребывавший в шоке от неожиданного появления своей супруги с разбитым носом, как только услышал мои слова, тут же попытался спрятаться под столом. Получалось это у него плохо, так как он в страхе и спешке забыл отодвинуть тяжелое кресло. Несколько отвлекшись, наблюдая с любопытством за телодвижениями Твина, я чуть не пропустил атаку этой мегеры. Едва успел уклониться от ее удара правой, как тут же автоматически включились боевые рефлексy. Удар правой в солнечное сплетение был такой силы, что не только согнул ее пополам, но и отбросил к стене. Быстрый шаг вперед и новый удар, в печень. Скрючившись, она как подрубленная рухнула на пол и теперь лежала в позе человеческого зародыша с широко раскрытым ртом и белыми от съедающей ее боли глазами. Я повернулся к ее мужу. Тот сумел спрятаться только наполовину и теперь остановившимся

взглядом смотрел на свою супругу, лежавшую на полу.

— Эй, Твин! — он с трудом, плохо понимая, что от него хотят, повернул ко мне свое изуродованное лицо. — Передай своей жене, что когда я приду сюда в следующий раз, и услышу хоть одну жалобу, то больше жалеть вас не буду. Ты все хорошо понял?

Некоторое время он тупо пялился на меня, пока до него дошел смысл слов.

— Не будете... жалеть? Вы хотите сказать, что сейчас... не сильно били?

— Дурак дураком, а соображаешь! — с этими словами я толкнул дверь и вышел.

Директор приюта являла собой крайне худосочную особу, напоминая фигурой стиральную доску. Ее умные и злые глаза некоторое время внимательно изучали меня после изложения моей просьбы, после чего последовал отказ. После того как я начал во второй раз повторять свои доводы, меня вдруг неожиданно осенило. Достал бумажку в сто долларов и положил на стол перед ней. Она посмотрела на банкноту, потом на меня. И замерла, выжидающе глядя на меня, но я уже понял, к чему она клонит, поэтому подыграть ей мне было несложно.

— Я думаю, приют не откажется взять эти деньги на нужды бедных сироток.

Улыбка тронула ее маленький, почти безгубый рот: — Приют весьма нуждается в благотворительности. Нашим маленьким девочкам так многого не хватает.

Я достал еще банкноту и положил рядом с первой. Потом пристально посмотрел ей в глаза.

"Больше не получишь, старая вешалка!"

Она, похоже, правильно поняла мой взгляд: — Хорошо, мистер Дилэни. Вы пошли навстречу нашим нуждам, поэтому мы пойдем навстречу вам. Сейчас идите к моему секретарю мисс Дункан, она оформит все необходимые документы.

Выйдя на улицу, с силой хлопнул тяжелой дверью, вкладывая в удар всю свою злость и отвращение к серому и убогому миру, который явно по ошибке именовался детским приютом. Взглянул на Луизу. Та, похоже, ощущала нечто вроде неземной радости, судя по ее блаженной улыбке и сияющим глазам. Некоторое время шли пешком, пока не нашли кэб. Усевшись и сказав куда ехать, я принялся за решение проблемы под названием "ребенок". У меня никогда не было детей, поэтому я ничего не понимал в их воспитании. Единственный ребенок, с которым я некоторое время общался, был Тим, но с ним ситуация была совершенно иной. Не я за ним ухаживал, а скорее — он за мной. И так, что делать? Чтобы получить время на раздумье, я приказал кучеру остановиться около кафе — кондитерская.

Теперь с мрачным видом прихлебывал чай и пытался вспомнить то, чего я никогда не знал. Как воспитывают детей. Луиза тем временем ела пирожное, запивая чаем, крутила во все стороны головой, при этом, не забывая задавать мне самые разнообразные вопросы. Как мог я отвечать на ее вопросы и одновременно пытался понять, что мне теперь делать. Дело в том, что по пути я предложил заехать в магазин и купить ей на первое время пару платьев, белье, туфельки. Не успел я это сказать, как девочка потупилась и тихим, виноватым голосом сказала, что так не принято. На мой удивленный взгляд она еще более тихим голосом сказала, что такие вещи ей надлежит покупать с женщиной, но никак не с мужчиной.

— Луиза, сколько тебе лет?

— Скоро будет десять. Через... четыре месяца. Четвертого ноября. Ты мне купишь подарок? Хочу куклу. Я как-то видела в витрине магазина одну такую красивую... прямо глаз не отвести! Джон...

— Знаешь Луиза, я забыл тебе сказать. Я вспомнил свое настоящее имя. Меня зовут Джек Дилэни.

— Ой, как здорово, Джон! Э... Джек! Так ты вспомнил, откуда ты? И кто твои папа и мама?!

— Не все сразу, маленькая. Если я сейчас тебе все расскажу, то о чем мы будем говорить завтра?

Она весело засмеялась, показывая ровные белые зубки.

— Джек, а мы сегодня пойдем посмотреть кукольное представление? — при этом она снова протянула руку к вазе с пирожными, на что я сделал ответный ход: резко отодвинул ее на противоположный край стола.

— Нет. Хорошего понемножку. А пирожные мы заберем с собой. После ужина ты сможешь съесть еще парочку. А сейчас пей чай. Он уже, наверно, остыл.

— Джо-он, — умоляющее протянула она, — ну еще одно. Они такие вкусные. Только одно!

— Нет. Сначала я должен решить, как быть с тобою. Потом ты должна пообедать и... — тут я сделал паузу, не зная, что говорить дальше.

Вслед за мной, она смешно нахмурила бровки, изображая раздумье, потом неожиданно спросила: — А где ты живешь?

— Снимаю комнату. У миссис Браун. Хорошая женщина.

— У нее дети есть?

— Да. Есть. Девушка — подросток. Убирает в комнатах. И сын... Впрочем, это неважно. Твою мысль я понял.

Облегченно вздохнув, я придвинул ей вазу с пирожными: — Бери. Заслужила. Но только одно. И обязательно с чаем. Потом мы едем к миссис Браун.

Два месяца я крутился, как белка в колесе. Налаживал и раскручивал, если так можно назвать, "криминальный бизнес". Как и в любом деле, невероятно трудно начинать на пустом месте. До этого я ничего не знал ни о контрабандистах, ни о самой специфике работы порта, а также о способах, с помощью которых ввозились и вывозились нелегальные товары. Бандиты из группировки Ирландца получали мзду с порта, никуда не лезли, поэтому можно было только догадываться, сколько денег проплывает мимо меня, и скрежетать зубами от бессилия. Помимо получаемой мзды у ирландцев также была договоренность с некоторыми капитанами кораблей, чей нелегальный товар через бандитов уходил в магазины и лавки. Но все это было мелочью по сравнению с тем, какие дела проворачивались через управление порта, работавшим в одной связке с охраной. Все что я узнал, было настолько туманным и расплывчатым, что прижать к ногтю этих воров не представлялось возможным, а, не прижав, я не мог заставить их делиться своими доходами. Как говорить: не пойман — не вор. Так если не я, то кто? Специалист. И я отправился к Сержанту за помощью, тот, не долго думая, тут же дал ответ: Сиплый Мак. Свою кличку он получил из-за того, что в одной из драк ему повредили связки, после чего он стал хрипеть и сипеть, как старый паровой гудок. За свои сорок лет он трижды сидел в британских тюрьмах, а также успел отсидеться в австралийской каторжной тюрьме. Этот безжалостный и хладнокровный убийца с холодной и пустой душой, все же имел одну страсть. Всей душой он любил море. На мой вопрос, почему сидит на берегу, раз так любит океан, не задумываясь, ответил, что в Англии он объявлен пиратом и беглым каторжником, а за его

голову объявлена награда. На мое предложение поработать в одной команде, ответил согласием. Обладая буйным и неукротимым нравом, бывший пират первое время доставлял мне достаточно хлопот, пока я не дал ему пару уроков хорошего тона. Но наши трения не помешали ему быстро выйти на контрабандистов. Попытки найти с ними общий язык, не обошлись без крови. Вот тут мне и пригодился пират. Эти люди признавали только силу, поэтому, когда портовые рабочие обнаружили у причала четырехвесельную гичку с пятью трупами, а полиция, прибывшая на место, признала в них находящуюся в розыске шайку контрабандистов, все решили, что начались очередные бандитские разборки. Но, как не странно, все ошиблись, это был конец моей войны с контрабандистами. До этого были еще две лодки, но теперь они с проломленными днищами и набитые камнями, вместе с трупами их владельцев, покоились на дне. Гичка, выставленная на всеобщее обозрение, была своеобразным предостережением для всех контрабандистов, желающих работать на моей территории. Или вы работаете с нами или не работаете вообще. А еще несколько дней спустя после моего предупреждения в офис ввалился Сиплый в компании двух суровых мужчин, с продубленной морской водой и ветрами, кожей. Это были главари шаек контрабандистов, решивших, что я представляю реальную силу, пренебрегать которой не стоит. В предварительной беседе, я выяснил, что они представляют еще три группы контрабандистов, а главное, не горят мстостью за коллег по бизнесу. После бурного обсуждения, которое больше смахивало на торговлю на базаре, наконец, мы пришли к соглашению. Они согласны платить нам пятнадцать процентов от каждой партии контрабанды, а также отдавать треть товара на реализацию через наши руки, за это мы будем должны предоставить им склады для временного хранения на территории порта, а также помощь в переброске и доставке их товаров. После короткого совещания с Сиплым, я дал свое согласие. Решив вопрос с контрабандистами, я стал снова присматриваться к шайке воров — чиновников из управления порта. К этому времени я уже имел несколько осведомителей на территории порта, дававших мне информацию. Наиболее ценным из них был мелкий чиновник, сидевший в канцелярии порта. Именно от него я узнал, что шайку возглавляет первый заместитель начальника порта, а в его помощниках ходит начальник охраны. Работали они с крупными торговцами — оптовиками. Отстегивая хорошие деньги своим покровителям в городском совете и в полиции, они были своего рода "ворами в законе". В их понимании, я был мелким боссом во главе десятка тупых громил, способного только на то, чтобы трясти мелких лавочников, вышибая из них деньги. Для них, считавших себя хозяевами порта, я был никем, так как не имел серьезных связей, ни реальной власти, ни больших денег, но с другой стороны я являлся толстой занозой в их жирной заднице. Моя власть распространялась над докерами, работавшими в этой части порта, подрядчиками, занимающимися извозом, мелкими торговцами. Через своих людей я держал также в узде всех тех, кто кормился с порта. Воров, нищих, мелких рэкетиров, хулиганов. Благодаря моей команде перестали потрошить грузовые фуры, везущие груз из порта, мелкие банды налетчиков, а после того, как Сиплый, решив развлечься, распял на деревянной стене портового склада главаря одной из шаек, промышляющих взломом складов, число желающих легкой наживы резко уменьшилось. Когда я его спросил, зачем он это сделал, то получил ответ, по которому вполне можно было составить мнение об этом человеке: — В море мы и не такие шутки отмачивали.

Благодаря таким "шуткам" я стал пользоваться своеобразным уважением в порту. Меня боялись, передо мной трепетали и заискивали, но с портовыми властями я по-прежнему

придерживался нейтралитета. Мне что-то отстегивали, а я делал вид, что доволен, но я не собирался вечно довольствоваться крохами с барского стола, поэтому поручил Тому Уилксу, командиру группы разведки, найти мне человека, который смог бы разобраться в махинациях воров из портового управления.

Дождь кончился, но облака висели низко, по-прежнему готовые разверзнуться хлябями небесными. На причале блестели лужи. Хлопнув входной дверью офиса, я оставил за порогом соленый и влажный воздух. Не успел сесть за стол, как дверь открылась, и в кабинет вошли двое моих парней, волоча за шиворот какого-то затрапезного типа в мешковатой одежде. Тот слабо дергался, пытаясь вырваться из их рук. Подтолкнув к моему столу, они стали по обе его стороны. Я посмотрел на них, потом стал рассматривать того, кого они притащили. Бог ты мой! Этот тщедушный человек был стопроцентным евреем. Тощая, нескладная фигура, иссиня-черные с проседью волосы, крючковатый нос с оседлавшим его пенсне, все это говорило о его происхождении от сынов Иеговы. Если ко всему этому добавить мешковатый пиджак, непонятного цвета рубашку, мятые штаны и грязные ботинки, картину моего утреннего гостя можно было считать законченной.

— Томми, может ты, мне объяснишь, на какой свалке ты откопал это чудо? И почему не оставил там, а притащил сюда? Если ты не приведешь достаточно вескую причину для этого визита, то сильно пожалеешь об этом!

Парень знал, о чем я говорил. Время от времени я устраивал для своей команды тренировки, обучая их рукопашному бою, а в качестве манекенов для отработки приемов использовались провинившиеся бойцы. Ничего серьезного, но и приятного в этом парни ничего не находили, особенно когда я был в плохом настроении. Я и сейчас был не в духе. Причина лежала сейчас у меня на столе. Куча бумаг и книг по делопроизводству, таможенному кодексу, юриспруденции, а также морские реестры, образцы сертификатов, договоров, накладных. Будучи человеком самодостаточным и старающийся решать свои проблемы сам, я больше всего ненавидел ситуации, в которых проявлялась моя беспомощность. Как сейчас.

— Босс, у меня и в мыслях не было... — но, увидев, что я начал хмуриться на его оправдания, тут же начал излагать по существу. — Я думал, ты знаешь, Джон. Этого типа нашел Уилкс и приказал доставить к тебе. Сказал, что это тот, кто тебе нужен.

Томми Паркер был из группы парней, работавших непосредственно на территории порта. Эти полтора десятка бандитов я использовал для угроз, шантажа и физической расправы над недовольными моей политикой, помимо этого они занимались охраной складов с контрабандой и работали грузчиками при тайных перебросках товара. Паркер единственный, кто из этих братков имел немного мозгов, поэтому был поставлен старшим. Также он являлся моим связным с Уилксом, правда, использовал я его в "темную". Как только он произнес имя Тома Уилкса, я сразу понял, кто стоит передо мной. Но вот насколько этот тип в ермолке и мятых штанах является мастером своего дела?

"Главное, чтобы он был профи. Но еврей прямо как... настоящий. Сколько ему? Лет пятьдесят пять — шестьдесят".

— Если в кране нет воды, значит, выпили жида, — неожиданно для себя я продекламировал кусок глупой частушки, вдруг всплывший откуда-то из глубин памяти.

— Э-э..., милостивый сударь, а вы из каких краев будете? — вопрос был задан немного картавым, но вполне понятным русским языком.

Я оторопел.

"А он еще оказывается и из России".

— Из Питера, сударь. Еще вопросы будут? — я постарался вложить в голос как можно больше сарказма и холода.

— Вы меня неправильно поняли, милостивый сударь. Вопрос был задан только для поддержания знакомства, так сказать. Сам я из-под Одессы. Ну, раз вы из Петербурга, то я так понимаю, мы с вами не встречались. Два города, это не две соседние улицы. Впрочем, все зависит от человека. Есть такие люди, которых знать не хочешь и в упор не видишь. Взять наших бывших соседей по площадке Пшесинских. Берет на неделю, отдает через год Ворюги, которых свет не видел! Мое счастье, что я не одалживал ему денег, иначе бы приехал сюда в одном исподнем. Извиняйте, что отвлекаю пустыми подробностями, сэр, но я другое хотел сказать. В свое время я знал нескольких господ из Петербурга. Может вы знали господина статского советника...

— Стоп, Абрам! Болтать будешь на кухне со своей Сарой, а у меня к тебе дело. Хотя, подожди. Ты когда приехал в Америку?

— Ох, сэр, извините меня! Я до сих пор не представился. Лазарь Моисеевич Кац. Мещанин. Сошел с грязного корыта, которое в газетах почему-то называют современным кораблем, три месяца назад. Мы рассчитывали, что попадем в великую страну свободы, равенства и братства. И что? Вы меня извините, но что это за братья такие, которые прямо на ходу с тебя штаны норовят снять?! А взять это хваленое равенство! Я вам так скажу...!

— Хватит болтать. Чем занимался дома? Языки знаешь?

— Знаю английский. Немного немецкий и французский. А насчет... того, чем занимался... Как вам попроще, господин хороший, сказать... Жена, дети. Кушать хотят. И даже три раза в день.

— Говори, как есть. И коротко.

— Бухгалтером в порту. И это... Короче, обнаружили хищения в особо крупных размерах. Завели дело на этих воров. А те видят: бедный, старый еврей — есть на кого свалить! Я, конечно, еврей, но не дурак! Поэтому они там — дают показания, а здесь — на свободе!

Даже сейчас, когда вроде хвастался своей изворотливостью, он смотрел на меня печальным и кротким взглядом, сложив на животе руки. Его поза прямо излучала покорность и смирение, как бы говоря: я бедный, старый еврей, не делал никому ничего плохого. Пожалейте меня несчастного!

"Ловкач и пройдоха. Глаза чуть ли не ангельское смирение и вселенскую скорбь изображают, а ведь сам настороже. Рассказал сказку о гонениях на бедного еврея и смотрит, как яотреагирую. Актерская игра, между прочим, так себе. Теперь посчитаем. Бухгалтер. Работал в порту. Знает языки. Три плюса против одного минуса. А что вор, так мы тоже не святые. Да и земляк, как не как. Будет как-нибудь интересно поговорить об этой России".

До Каца я имел пару бесед с выходцами из Российской Империи, но это были простые матросы, отставшие от своих судов. У них были свои чисто собственнические понятия о жизни. Основными предметами, входящими в этот потребительский набор были: деньги, семья, вера в бога и царь — батюшка. Впрочем, вполне возможно, мне попались не те люди.

— Лазарь, если через две недели я получу толковые и ясные объяснения, как воруют портовые чиновники, можешь считать, что у тебя есть работа.

— Извините сэр, но вы меня явно с кем-то путаете! Я вам пытался объяснить, что я невинная жертва заговора...

— Ага. Ты еще про сионистов вспомни! И про мировой заговор против евреев!

— Вот видите! Вы сами все прекрасно знаете!

— Хватит дурака валять! Или тебе еще не объяснили, кто я?

— Нет, сэр! — в его глазах мелькнул страх. — Эти ваши мальчишки схватили меня за шиворот и привезли сюда, ничего не объяснив. Честно говоря, сэр, мне не хотелось бы думать, что я совершил ошибку, приехав в Америку, после того как узнаю кто вы. Хотя дело, похоже, идет к этому.

Последнюю фразу он произнес тихо, почти прошептал, но я все же ее услышал.

— Меня здесь знают под именем Джон Непомнящий родства. Для меня не играет роли, ни что ты вор, ни что ты еврей, если ты будешь хорошо работать. Поможешь — будешь работать у меня бухгалтером. Не хочешь — иди домой.

Сейчас маска болтливого еврея с Привоза исчезла, и на меня смотрел человек, который очень хотел жить. Ему было страшно, но он старался держать себя в руках.

— Наслышан о вас, сэр. Говорят, что вы... страшный человек, но в тоже время человек слова. Так у меня действительно есть выбор?

— Да.

— Зато, как ни горько признавать, у меня нет выбора. Я согласен.

— А почему я страшный?

— Люди разное болтают, сэр.

— Давай выкладывай!

— Сэр, это нечестно, я в Америке только три месяца. Ваши люди должны больше знать, — и он слабым кивком головы показал на Томми.

"Да что тут твориться?!".

— Томми, ну-ка скажи, что про меня в порту говорят.

Тот бросил злой взгляд на Лазаря: — Босс, я не понял ни слова из вашего разговора, но чтобы не говорил этот грязный еврей...

— Том!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Тот опустил глаза в землю, выдержал паузу и только потом начал говорить: — Да это только слухи, босс. Ты же знаешь, Джон, чего только народ не говорит. Вот недавно слышал про ведьму... Понял, босс! Болтают про кладбище, на котором ты живьем хоронишь своих врагов. В общем... это все, босс.

— Что называется — приплыл, — на большее выражение чувств меня просто слов не нашлось.

Услышать глупую сказку о себе, вот этого я никак не ожидал. Теперь я понял подоплеку косых взглядов и некоторую отчужденность работающих в порту людей, с которыми меня изредка сталкивала работа. До этого я понимал это, как страх по отношению к человеку с которым лучше не связываться, а теперь оказывается, что дело не только в этом. Ощущать себя злодеем из ужастика было бы смешно, если бы я не жил во второй половине девятнадцатого века, где люди с большим удовольствием верили в небылицы, чем в реальные вещи. Слепая вера в бога и дьявола, простота взглядов на жизнь и смерть, незнание сути вещей и законов природы делало умы людей незащищенными, а значит восприимчивыми к любым проявлениям непонятного. Они легко верили в ведьм, оборотней и прочую чертовщину, так почему им не поверить в убийцу, имеющего собственное кладбище! К тому же было нетрудно догадаться, откуда идут слухи.

"Может, я и переборщил с жестокостью, но эти люди только силу воспринимают как довод! Личное кладбище! Придумают же! Вот кого бы я точно закопал на таком кладбище, так это автора этой выдумки".

— Послушай, Кац, ты вроде умный человек, как ты можешь верить в такие глупости! Личное кладбище! Это же надо придумать! Все. Хватит об этом. Даю тебе две недели. Лазарь. А пока держи сто долларов. Мне нужно чтобы ты о деле думал, а не о хлебе насущном.

Бумажка в сто долларов взбодрила старого еврея лучше моих слов. Выпрямился, глаза заблестели, даже где-то повеселел.

— Приложу все свои усилия, милостивый сударь. Но мне может понадобится помощь, как тут быть?

— По денежным вопросам — ко мне. Набить морду — к Тому! — тут я перешел на английский язык. — Том, скажешь своим парням, чтобы... Бухгалтеру всемерно оказывали помощь. Да-да, не смотри на меня так, Лазарь! Будешь зваться с этого момента Бухгалтером!

Но если попробуешь ловчить со мной, то... закопаю живым в землю! На своем кладбище! А Том с Кеном мне помогут! Правда, парни?!

— Конечно, босс! Сделаем!

Я то шутил, но шутили ли они сейчас? У меня мурашки поползли по коже.

"А если поняли буквально? Может Том, и понял шутку, но не Кен. Простой как валенок. Никак не могу привыкнуть держать язык за зубами! Постоянно из меня лезет двадцать первый век!".

— Молодцы, парни! Ха-ха-ха! Шутки понимаете! Ха-ха-ха!

Тут же в унисон раскатисто рассмеялись парни, вслед им задрезжал тоненьким тенорком Бухгалтер: — Ха-ха-ха! Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!

— Все! Посмеялись и будет! Парни, вы идите. А ты, Лазарь, садись! Наш разговор еще не окончен.

Через три недели после этого разговора с Кацем, у меня в кабинете состоялся военный совет, который дал начало войне между мной и "ворами в законе". Состоялся он под утро, в обстановке строжайшей секретности. Присутствовало только три человека. Я, Кац и Джим Хард, командир боевой группы. Общую схему по переброске контрабандного товара портовыми чиновниками я узнал от Каца еще две недели тому назад. Бухгалтер действительно оказался большим специалистом в делах подобного рода.

— Через час — полтора из транспортной проходной порта выедут две грузовые повозки. На передней вместе с извозчиком едет один из портовых охранников, — как не старался Кац держать себя в руках, было видно что он до предела взвинчен.

— Почему один? — спросил Хард.

— Я так понимаю, для того, чтобы не привлекать излишнего внимания. В повозках китайский шелк. Около ста свертков. Куда повезут, не знаю. Так же, как не знаю маршрут следования.

— Сто свертков?! Ого! Нехило ребята работают, — прокомментировав это сообщение, продолжил. — Джим, возьми их сразу, чуть только они отъедут от порта. Изобразишь разбойный налет. Пару раз так сработаем, а там видно будет. Если не догадаются, сами выйдем к ним на переговоры. Слушай, Бухгалтер, а если они просто испугаются и перестроят схему переброски контрабанды?

— Могут. Перейдут на пересортицу. Поставят товар сортом ниже или часть товара оформят браком. Тут у нас действительно будут проблемы. Подобные вещи очень трудно отследить, но мне кажется до этого не дойдет. Во-первых, чтобы перестроиться, потребуется время. До полугода. Во-вторых, их партнерам вряд ли понравится такой сбой в поставках и те могут начать искать кого-нибудь другого. В-третьих, при пересортице их доходы сократятся больше чем на половину. И это самая веская причина, которая заставит пойти нам навстречу.

— Джим, бери ребят. Куда отвезти товар, ты знаешь. С возчиками и охранником грубо, но не до смерти. В общем, ведете себя, как обычные налетчики. Все понял? — дождавшись его кивка, скомандовал. — Вперед!

Спустя месяц после начала необъявленной войны я принимал людей, которых так долго и с таким нетерпением ждал. Наш план оказался настолько эффективным и действенным, что на переговоры пришли не доверенные люди, а сами главари шайки воров, по-другому я никак не мог назвать этих людей, хотя они и занимали в табеле о рангах немалые чины и являлись в глазах других людей благонамеренными и достойными членами общества. Первый помощник начальника порта и начальник охраны.

— Мы пришли, чтобы разрешить наши разногласия раз и навсегда, — сразу же взял быка за рога начальник охраны.

Как я знал, он закончил войну шестьдесят первого года в звании майора, после чего благодаря влиятельным родственникам оказался на этой хлебной должности. Его широко развернутые плечи, прямая осанка, гордо вскинутая голова, прямой и твердый взгляд все это могло бы говорить о кристально честном человеке, которого несправедливо обвинили, и сейчас он требовал сатисфакции. Если бы я не знал, что майор Барни Фрайри всю войну провел в тылу, занимаясь поставками продовольствия, то мог бы подумать, что передо мной сидит герой Гражданской войны. Величественным кивком головы господин Роберт Стаксель, первый помощник начальника порта, подтвердил только что сказанное майором. Широкая золотая цепь при этом движении шевельнулось на упитанном животике господина. Его холеное лицо являлось олицетворением основных черт присущих подобного рода чиновникам — спесивость, циничность и собственную значимость.

— Я слушаю вас, майор, продолжайте, — подбодрил я начальника охраны.

— Если хотите рассчитывать на наше сотрудничество, то должны вернуть нам наш товар или компенсировать его стоимость деньгами. Только при выполнении этого условия, я намерен продолжить нашу беседу.

— Если это все, что вы хотели мне сказать, то мой телохранитель проводит вас до двери. Карл!

Майор бросил взгляд на Стакселя. До этого момента, тот сидел с отсутствующим выражением, но, услышав мои слова, тут же развернулся к своему компаньону. После быстрого обмена взглядами, майор продолжил разговор: — С вами трудно вести дела. Ну, хорошо, пока мы это отложим. Теперь мы хотели бы знать, почему об этих грабежах знает весь город? К чему вы сделали их предметом всеобщего достояния?

Это, кстати, было идеей Каца. Это он предложил привлечь внимание полиции к этим разбойным нападениям, так как это должно было встревожить портовых воров. Ведь при успешном расследовании дела следы обязательно приведут к порту, а там какой-нибудь ретивый полицейский мог выйти на их след. А им этого очень не хотелось. В ответ на его

вопросы я только пожал плечами. Дескать, так вышло. Майор Барни Фрайри, получив такой невнятный ответ, нахмурился, помолчал некоторое время, бросил очередной взгляд на Стакселя, после чего решил продолжить разговор сам: — Мы предлагаем тебе два процента от каждой партии в обмен на охрану и доставку товара к месту назначения. В эту цену входит и ваше молчание.

— Десять процентов — и по рукам!

Замешательство от такой наглости на лицах обеих господ длилось не долго, но сейчас Стаксель опередил майора: — Что ты о себе возомнил? Кто ты такой, дьявол тебя возьми? Ты всего лишь, грязный бандит! Да мы тебя одним ногтем раздавим, вошь! У нас связи, деньги, полиция! Что у тебя есть, кроме десятка грязных подонков?! Ничего! Ты грязь под ногами! Падаль...!

Я сидел и слушал, как разоряется этот господин, который до этого демонстрировал всем своим видом свою принадлежность к высшим слоям общества, а на проверку оказался чем-то вроде уличной торговли. Та вежливо, с обходительной улыбкой на лице демонстрирует свои товары, но как только посчитает, что ее оскорбили, становится тем, кто есть на самом деле. Бабой. Наглой, злой, с грязным языком. Сравнение, пришедшее на ум, показалось мне смешным и точным. Представив Стакселя в этой роли, я невольно рассмеялся. Майор, до этого безуспешно пытавший успокоить своего разошедшегося партнера по "бизнесу", услышав мой смех, недоуменно посмотрел на меня, пытаясь угадать, чему тот предшествует.

— Карл! — обратился я к своему телохранителю, все еще стоявшему у двери. — Свистни ребят. Пусть заткнут этому уроду пасть.

Сунув два пальца в рот Карл пронзительно, по-разбойничьи, свистнул. Стаксель не успел еще уловить смысл сказанного мною, как в кабинет влетело трое головорезов. Карл указал пальцем на Стакселя. Пока чиновник, не сопротивляясь, глупо хлопая глазами, смотрел, как ему заламывают руки, майор, опомнившись от неожиданности, громко закричал: — Подождите! Стойте! Вы делаете большую ошибку!

В это самое мгновение мощный удар в живот выбил дикий вопль из господина помощника начальника порта. Затем последовал ряд ударов. Когда чиновник бессильно обвис на руках громил, а майор с отвисшей челюстью оторопело смотрел в тусклые, полубморочные глаза своего партнера, Карл вопросительно посмотрел на меня. Продолжать экзекуцию или как... Приняв его вопрос к сведению, я перевел глаза на майора, придав им оценивающее выражение, типа "Теперь, вроде, наступила твоя очередь. Готов получить по морде?". Тот еще толком не отошел от произошедшей на его глазах сцены, а тут еще этот многообещающий взгляд. Судорожно вцепившись в подлокотники кресла, да так что пальцы побелели, майор, с истерической ноткой в голосе, выкрикнул: — Не...не смейте!!

Усмехнувшись, я выдержал паузу, заставив майора занервничать еще больше, и только потом сказал: — Киньте этого крикуна в кресло, а сами идите.

Дождавшись пока за последним из моих людей закрылась дверь, продолжил: — Будем дальше говорить или...?

— После подобного произвола — никаких переговоров!

— Хорошо, но тогда запомните, что я вам скажу. Все ваши махинации на протяжении двух месяцев описаны день за днем. Там наименование товара, копии сопроводительных документов, имена поставщиков и тех, кому вы поставляете товар, торговцев — оптовиков. И, конечно, там же присутствуют все ваши имена. Если у меня будут проблемы, то эти

документы окажутся как в городском совете, так и в полиции! А теперь валите отсюда!

Майор с большим трудом поставил на ноги скорчившегося и мычащего от боли помощника начальника порта. После чего медленно поволок его к зданию управления. Как мне потом сказали, на это зрелище сбежалось полюбоваться половина работников порта. Я прекрасно понимал, что избиение Стакселя не останется для меня безнаказанным, но в любом случае чаши весов, на которых измерялось равновесие наших сил, почти сравнялись. Если раньше за содеянное, я уже на следующее утро мог проснуться в тюрьме, то теперь они десять раз подумают, осмелившись на такое. Но отомстить — отомстят обязательно. Только вопрос: как? Так как на кону стояли хорошие деньги, в ход могло пойти все, что угодно, вплоть до наемных убийц. Но в то же время Стаксель понимал, что моя смерть приведет прямой дорогой к огласке их махинаций с контрабандным товаром. Тогда их ожидает отставка от должностей, общественное порицание и тюрьма. В этом случае им не помогут никакие покровители. К тому же я знал благодаря своей разведке, а частично Лазарю, что собой представляет эта воровская шайка. Помимо главарей в нее входили группа чиновников, занимающихся приемкой и хранением контрабандного товара, в то время как охранники отвечали за охрану, вывоз и сопровождение товара. Работала группа обособленно, сама по себе, поэтому никаких связей в криминальном мире у них не было, за исключением нескольких скупщиков краденого. И то, к их услугам прибегали в отдельных случаях и мелкими партиями, а основной товар шел по давно отработанной схеме, по своим каналам. Просчитав варианты их возможных действий, я решил, что на убийство они пойдут только в самом крайнем случае, а вот наезд со стороны полиции на меня вполне реален.

Девятнадцатый век принес такое могущество нью-йоркскому порту, что никакой другой порт не мог с ним сравниться. Из Англии в Нью-Йорк поступала шерсть, из США в Англию — американский хлопок. Помимо этого основного направления импорта — экспорта, вывозили пшеницу, мясо, сыр, керосин, табак, сигары и хлопчатобумажные ткани. Ввозили — сахар, кожу, шелк, кофе, чай, аптекарские товары, ткани, книги и предметы роскоши. Кроме того, что огромные сделки способствовали развитию самого порта (годовой доход, примерно, \$4 млн., что по тем временам были сумасшедшие деньги), на каждый вложенный доллар приходилось от сорока и выше центов прибыли. Многокилометровые причалы с десятками кораблей и пароходов, доки для их ремонта, гигантские элеваторы для погрузки хлеба; обширные склады, с варрантами, целый флот судов, служащий для береговой торговли, все это, мне временами, казалось громадной машиной для печатания денег.

* * *

Уже издавека, на подходе к своему офису, я увидел стоящий рядом черный полицейский экипаж. Окошки на дверцах были задернуты черными штормками. При виде его я невольно вздрогнул. Входную дверь в здание закрывал широкой спиной рослый констебль, заложивший руки за спину и выпятивший мощный подбородок. Не успел подойти поближе, как двое полицейских вывели Карла. Его лицо было разбито в кровь. При виде меня он попытался остановиться, но жесткий тычок полицейской дубинки в спину, тут же заставил продолжить движение.

— Эй! Что вы делаете! Это произвол!

Обратив на мои крики столько внимания, сколько на таяние бродячей собачонки, полицейские затолкали моего телохранителя в кэб.

— Констебль! Ты что глухой?! Вы не можете так обращаться с человеком!

— Хватит орать! Они выполняют мой приказ! — неожиданно раздалось за моей спиной.

Я медленно развернулся. На пороге здания стояла фигура во всем черном. Начиная от шляпы и кончая носками ботинок. Круглая физиономия с курносом носом и пухлыми губами могла бы принадлежать милому пятилетнему малышу, если бы не усы, переходящие в небольшую аккуратную бородку. И все же в его лице было что-то злое и порочное. Пригляделся. Глаза. Злые и холодные, словно у змеи.

— Ты Джек Дилэни?

— Я. А кто вы, позвольте узнать?

— Это твоя контора? Ну, так заходи! Поговорим, заодно познакомимся, — при этом ударил тростью по открытой ладони левой руки, затянутой в перчатку.

Полицейский стоявший навтыжку, рядом с дверью, при его словах чуть усмехнулся.

"Заходи подруга в гости, мухе говорил паук, — но если честно говорить, мне было не до веселья, потому что я знал, что мне предстоит.

— Ну что же ты? Входи, не стесняйся! Ты же у нас здесь хозяин! — в словах господина в черном сквозила явная издевка.

Я увидел, как губы констебля снова дрогнули в усмешке.

"Ответная любезность со стороны Стакселя. Что ж придется пройти через это. Мать твою! — с этой мыслью я перешагнул порог своего кабинета.

Полиция Нью-Йорка представляла собой цепного пса городских властей, а значит, богатейших людей города, который легко науськивался на неугодных или непокорных, будь то человек или торговая компания. Им было без разницы. Только дай команду "Фас!" и покажи, кому рвать глотку. Как и в моем случае. Старший инспектор Бут и его помощник с констеблем, уже ждавшие нас в кабинете, оказались практичными людьми, не ставшими терять время на какие-либо объяснения. Сильный удар по почкам, нанесенный шедшим сзади меня инспектором Бутом и откинувший меня на кулаки его помощника, положил начало нашей встрече. Отбив удар помощника я ударил в ответ, размашисто и неловко, дав возможность уйти от моего кулака. Вся трудность была в том, чтобы не сорваться, удержать себя в руках, иначе в этой комнате было на три трупа больше, а в Нью-Йорке на трех полицейских меньше. Какое-то время удавалось смягчать их удары легкими, незаметными уколами корпуса и блоками, но когда на помощь пришел констебль, мое сопротивление было окончательно сломлено. После двух пропущенных ударов в грудь и в живот мне уже не пришлось изображать гримасы боли, она появилась сама собой. Следующий — в живот согнул меня пополам, а резкую вспышку боли в левой скуле и начавшее меркнуть сознание мозг отметил как хорошо поставленный удар в челюсть. Но это было последнее, на что я отреагировал более или менее отчетливо, после чего мне стало казаться, что в окружающем меня мире нет ничего кроме боли. Я попытался встряхнуть напелзающую на мозг черную пелену, как следующая волна накатившей на меня боли просто смяла сознание, как простую бумажку. Очнулся я на полу, дрожащий и мокрый. Открыл глаза. Сфокусировавшись, выделил из мутного и дрожащего мира, наклонившуюся надо мной фигуру констебля с кувшином в руках.

— Очухался, — констатировал полицейский, после чего убрался из моего поля зрения.

Глаза были полны слез от нарастающей во всем теле боли, губы распухли как олады, в правую почку словно вогнали пригоршню иголок. Осторожно приподнял голову, но даже этого движения хватило, чтобы в глазах снова потемнело, а дыхание перехватило. Как только волна боли отхлынула, я снова прозрел. В шаге от меня, на стуле верхом сидел старший инспектор с веселой улыбкой на пухлых губах. За его спиной стоял помощник, верзила с грубым лошадиным лицом. На его лице также блуждала удовлетворенная улыбка.

"Ну, суки... Ох!"

— О! Наш хозяин, наконец, очнулся! Иди, Генри! — приказал он полицейскому в форме, затем, выждав десяток секунд пока за тем закроется дверь, продолжил. — Ну, что понравилось?! Если "да", то только попроси. Мы всегда готовы помочь ближнему! Не так ли, Стив?! Ха-ха! — при этих словах оскал помощника явил мне два ряда неровных желтых лошадиных зубов. — Теперь слушай. Меня просили передать тебе, вонючему отродью, чтобы ты залез обратно в ту грязную лужу, откуда вылез! Если ты... О, черт!

Тут я с трудом перевернулся на бок, после чего меня вырвало. Позыв вызвал дикую боль в области желудка, заставив скрючиться в три погибели. Мир снова поплыл перед глазами. Старший инспектор резко вскочил со стула: — Вот дерьмо! Слушай Стив, а мы с тобой не перестарались? Вид у него уж больно...

В следующую секунду я в очередной раз потерял сознание, а очнулся уже в больнице, в палате. Рядом с кроватью стоял доктор и медсестра в белых халатах. Прислушался к себе.

Тело болело, но уже терпимо.

— Как вы себя чувствуете, больной?

— Ничего. Пить, — губы и челюсть дико болели и двигались с трудом.

— Сестра сейчас принесет.

— Как? — выдавил я сквозь одеревеневшие губы.

Я думал врач не поймет вопроса, но тот оказался не только сообразительным, но и с юмором.

— В зеркало лучше не смотреть, а то ночью кошмары замучают. Разбитая голова. Сломан нос. Сильное сотрясение мозга. Сломаны три ребра. Ушибы и гематомы по всему телу. Возможно, есть повреждения внутренних органов. Но вам, я думаю, пока и этого хватит.

Ровно через неделю я вышел из больницы, хотя лечивший меня доктор настаивал, чтобы я задержался еще на время. Доктор был прав, я неважно себя чувствовал, но вторая часть нашего плана, разработанная на случай неудачных переговоров, уже начала действовать, так что залеживаться мне было никак нельзя. Разработка второй части плана принадлежала мне и Кацу. Кстати, как оказалось, он хорошо разбирался не только в цифрах и бумагах, но и в людях. За считанные недели он сумел подобрать ключики к людям самых разнообразных профессий, ставшими его осведомителями. На основе собранной информации я разработал и определил последовательность наших дальнейших действий. Определенная роль в этом плане была отведена Сержанту. Он должен был связаться с парой прикормленных политиков, которые достались ему в наследство вместе с криминальной империей Мясника. Я попросил Сержанта не торговаться, так как успех нашей операции во многом зависел от скорости ее проведения. Надо было не дать опомниться Стакселю с его компанией, и не дать им броситься за помощью к своим покровителям. Политики, когда узнали о цене предложенной Сержантом, тут же принялись за дело. Со своей стороны я, с помощью парней Томми Паркера, нашел два десятка людей: докеров, портовых рабочих, служащих, подрядчиков, занимающихся извозом, которых любезно попросили написать письма — обвинения о плохой работе порта, о воровстве и взяточничестве среди портовой администрации. Конечно, не за бесплатно. Дело закрутилось уже на следующий день после провала переговоров. Когда на очередном заседании департамента, занимающегося жалобами и исками, были зачитаны слезные письма портовых рабочих, тут же, без обычных проволочек, была назначена ревизионная комиссия. И даже больше того — она прибыла в порт буквально на следующий день, что было почти неслыханно. При обычных чиновничьих проволочках эта комиссия должна была появиться в порту в лучшем случае через неделю. Портовое начальство, не ожидавшее подобной оперативности от городских властей, только глазами захолопало от удивления, когда члены комиссии, отказавшись от банкета в их честь, приступили к работе. Кто стал работать с бумагами, кто с людьми. Пока руководство порта, находясь в полном изумлении, пыталось понять, что происходит, Стаксель и майор быстро сообразив, что к чему, кинулись за защитой к своим покровителям. Но их хозяева были людьми, а не богами, а значит, им были нужны причины и время. А вот время мы им и не дали. Уже на следующий день к главе комиссии подошел человек и сказал, что совесть больше ему не позволяет молчать при виде столь наглого воровства, происходящего с попустительством портового начальства. Роль "честного" человека сыграл, как это было не удивительно, один из охранников порта по имени Хью Кеннеди. На него вышли парни из группы разведчиков Тома Уилкса. Сумма, которую он потребовал за свою "честность", была

по тем временам довольно внушительной. Триста долларов. Особенно, если учесть, что средняя недельная зарплата рабочего на заводе составляла от пятнадцати до двадцати долларов. И это при одиннадцатичасовом рабочем дне. "Честный" охранник, рассказал о злодейских махинациях портовых чиновников, а в качестве доказательства, указал на два склада. Они тут же были вскрыты и специалисты, приехавшие с комиссией, тут же принялись проводить сверку накладных с находившимся там товаром. Но это было еще не все! В ту же ночь запылали один из двух складов. Охрана порта, а затем прибывший по вызову наряд полиции, обнаружили связанного охранника и пылавшие стены склада. Пожарные команды сумели потушить огонь только к утру. Срочно вызванные члены комиссии некоторое время осматривали кучу обгорелых досок и углей, после чего затребовали детективов из Главного управления. Не успели появиться в порту полицейские, как пронеслась новая весть: исчез майор, начальник охраны порта. Жена утверждала, что рано утром он уехал, как она считала, на работу. Департамент полиции, по просьбе властей, бросил на его поиски лучших детективов.

Газеты радостно затрубили о воровстве в порту, о таинственном бегстве начальника охраны, а некоторые прямо намекали, что за всем этим стоят городские власти. Отцам города все это очень не нравилось, поэтому они в свою очередь давили на полицию, требуя найти преступников и предать их суду. Наша операция приближалась к своему завершению. Майор, которого усердно искала вся полиция города, сейчас валялся в трюме одного из кораблей, плывущем к берегам Европы. Предварительно накачанный виски и опиумом он был продан в качестве матроса капитану одного из судов вербовщиком, который с удовольствием оказал такую любезность моим парням. За время следствия был арестован помощник начальника охраны, несколько его подчиненных и два таможенных чиновника.

"Следующим будет на очереди Стаксель. Если он конечно не полный кретин и сумеет воспользоваться шансом, который я ему предоставил, — думая так, я имел в виду начальника охраны, на которого можно было все свалить. — А он далеко не дурак, к тому же у него сильные покровители. Им ведь тоже не хочется, чтобы он сел. Во-первых, потеря источника постоянного дохода, а во-вторых, он может начать языком...".

Вдруг в дверь постучали.

— Кто там?! — недовольно крикнул я. — Сказал же, меня не беспокоить!

— Босс! — в дверную щель просунулась голова Карла. — Тут Стаксель пришел. Плачет. Умоляет его принять.

— Даже так? Зови!

Вид Стакселя оставлял желать лучшего. Куда делся его напыщенный и холеный вид? Сейчас передо мной сидел, напуганный до полусмерти, весь в слезах и соплях, простой мужик. Несколько минут длилось молчание, во время которого я наслаждался униженным видом Стакселя, а тот сидел и ждал, что я ему скажу.

— Не хочешь в тюрьму? — Стаксель отрицательно замотал головой, не имея возможности говорить из-за душивших его слез. — Хочешь остаться в прежней должности? — теперь он закивал в знак согласия. — Хорошо. Останешься. Только теперь будешь работать на меня.

Поняв, что прощен, он оживился, на лицо вернулся румянец, глаза заблестели. Осмелившись на робкую улыбку, осторожно спросил: — Господин Дилэни. Не хочу выглядеть чрезмерно наглым, но на каких условиях мы будем работать?

— Тебя, считай, только что из тюрьмы вытащили, и ты сразу о деньгах! Некрасиво!

— Поймите меня правильно господин Дилэни...

— Значит так, Стаксель, деловой ты наш, вся организация работы по-прежнему висит на тебе. За это ты будешь получать... пятьдесят процентов, — я пристально посмотрел на него, стараясь подметить хоть малейшее неудовольствие на его лице, но, к великому сожалению, так ничего и не обнаружил. После повисшей паузы продолжил. — Видишь, я не такой жадный, как некоторые из здесь присутствующих.

После двухчасовых переговоров, в которых были обговорены детали, Стаксель ушел.

Мне бы радоваться, а вместо этого чувствовал себя злым и разочарованным. Я так надеялся, что тот даст мне повод его избить.

"Вот гад! Снова выкрутился! Не дал ни малейшего повода! А уж какие условия кабальные выставил! Хотя бы слово...! Сука! Как бы я его отделал! Ох, как бы я его...!".

Теперь мы стали получать прибыль в размере пятидесяти процентов от чистых продаж всего нелегального товара, проходящего через порт. И это не считая своей доли от партий контрабандного товара, доставляемого капитанами судов. Приехав к Сержанту, я рассказал ему о доходах, которые мы теперь будем иметь с порта, а затем с удовольствием смотрел как у того округляются глаза от удивления. С минуту он переводил глаза с листка бумаги с цифрами на меня, пока у него снова не прорезался дар речи.

— Столько?! — ошеломленно спросил он. — Матерь божья! Ну, воры, мать их! Такие деньги!

Несколько дней спустя, комиссия, посчитав, что выполнила поставленную задачу, официально заявила о завершении расследования. Полиция, со своей стороны, объявила во всеуслышание, что воровство в порту, осуществляемое шайкой во главе с начальником охраны и его помощником, пресечено. Все остались довольны. Городские власти показали общественности, что благодаря четкой поставленной работе их комиссии было обнаружено это злодеяние. Полицейское начальство тоже осталось довольно, так как раскрытие этого преступления, причем в сжатые сроки, давало им возможность для подачи хвалебного рапорта о работе полиции в вышестоящие инстанции. Ряд газет, ведущих репортажи по этому делу, неожиданно уделили внимание Хью Кеннеди, раструбив на всех углах о "честном поступке маленького человека, не побоявшегося сказать правду о сильных мира сего". Как результат — состоялось его назначение помощником начальника охраны. Правда, внимание журналистов к этому факту привлекли мы, заплатив им за достойное освещение этого факта. Городские власти, в свою очередь, правильно поняли намек, предложив начальнику порта отдать эту должность Кеннеди. Теперь на одной из ключевых точек среди портового руководства у меня был свой человек.

На улице во всю шел дождь. Я сидел в тяжелом кресле, закинув ноги на стол и держа в руке стакан с первосортным виски. В кабинете было уютно, а на душе спокойно. За все время, проведенное в прошлом, только сейчас я мог сказать, что доволен своим положением. Преодолена еще одна ступенька к богатству и власти. К тому же подобный бизнес мне начинал нравиться. Он не требовал ни специфических знаний, ни особой умственной изощренности, а это означало, что я его мог сам контролировать, как и доходы. Для меня на данный момент это было важнее всего, так как вся остальная "земля", с которой кормилась банда, была разделена вожаками чуть ли не до метра. Доход, собираемый с подведомственной территории, являлся для вожака таким же важным показателем уровня его влияния на бандитов, так же как его агрессивность и сила. Если раньше я был просто

боевиком, пусть даже одним из приближенных к Сержанту, то теперь стал равным вожакам по положению, что автоматически означало рост моего влияния среди рядовых бандитов.

"Деньги и власть — это сила. Так было и так будет. И кому как не мне, это знать, — тут мои мысли были неожиданно прерваны стуком в дверь. Я знал, кто пришел, поэтому сразу крикнул: — Заходи!

Вошел Карл в мокром плаще. Этот парень со временем стал для меня незаменимым помощником. На его плечах лежали все вопросы, связанные с работами в порту, находящиеся под нашим контролем, если только те не касались экономических и финансовых вопросов, также он отвечал за мою охрану и прием посетителей. Он знал в порту всех, и все знали его. Он умел, когда надо расположить к себе человека словом и кружкой пива, а когда надо пустить в ход кулак.

— Я их устроил в старом пакгаузе, за двенадцатым доком. Там две печки и запас угля. Похоже, дождь надолго зарядил. Им будет лучше под нормальной крышей, чем в этом дырявом корпусе баркаса.

— Добро. Скинь дождевик и садись. Виски хочешь?

— Не откажусь, босс. У меня такое ощущение, что я отсырел до самых костей.

Этому разговору предшествовала история, которая началась с первых дней моего вступления в должность смотрящего за портом. Осматривая свои новые владения, мы наткнулись за территорией порта на старую пристань, где когда-то швартовались рыбачьи баркасы. Пакгаузы, где временно хранилась рыба, были давно растащены местными жителями. Сама пристань со временем сгнила и обвалилась. Очевидно, с тех же времен остался остов рыбацкого баркаса. Он лежал, наполовину вытасченный на берег, зияя черными провалами полусгнившей палубы. Рядом с баркасом валялось с два десятка бочек. Увидев их в первый раз, я удивился: как это их не прибрал к рукам местный хозяйственный люд. Но потом забыл о них, а потом, привыкнув к этой картине, и вовсе перестал обращать внимание до того дня, когда мне пришлось задержаться в порту до глубокой ночи. Садясь у ворот порта в наемный кэб, я случайно посмотрел в сторону бывшей пристани и увидел там с десяток костров. Я показал на них Карлу и тут же получил ответ: в обломках шхуны и в бочках живут малолетние беспризорники. Иногда их количество достигает нескольких десятков. Помявшись, добавил, что там видели даже детей пяти — шести лет.

— Пяти лет?! Мой бог! Это сейчас лето — тепло, а как зимой?

— Хорошо, если половина из них переживут ее. Обычно, большая часть детей, на зиму перебирается в город. Подвалы, котельные, канализация. Те, что остаются, не жильцы на белом свете.

Я видел много страшного в жизни, но картинка замерзающих на снегу маленьких детей заставила натурально передернуться, словно меня уже сейчас настиг порыв холодного зимнего ветра.

— Дьявол! Как же так?! А где их родители?!

— В основном это дети иммигрантов, прозябающих в нищете и живущих в трущобах. Родители просто не в состоянии их прокормить.

— Мать вашу! А эти...как их...приюты?!

— А что ты знаешь про приюты, Джон?! Ты жил там?! Они еще в сто раз хуже тюрьмы!

— Ты чего кипятишься?

— Я сам прожил в этом, проклятом богом, месте два года, пока не сбежал, — уже тоном ниже, сказал Карл. — Как только над нами там не измывались, даже вспоминать страшно.

Беды детей — беспризорников тронули меня, поэтому при следующей встрече с Сержантом, я затронул эту тему. Я думал этот холодный и жестокий человек, которого мало трогали беды людей, если только они не касались его или банды, просто пропустит мои слова мимо ушей, но тот неожиданно проявил интерес. Ободренный вниманием, я изложил ему свой план. Тот, немного подумав, дал добро. Идея состояла в наложении на некоторых лавочников и владельцев магазинов небольшой дополнительной дани в виде продуктов. А вот торговцам моя идея совсем не понравилась, но деваться было некуда. Теперь каждый вечер к старой пристани приходила подвода с несколькими ящиками. В них были мясо, хлеб, овощи. Правда, мясо по большей части представляли мясные обрезки и требуха, то же самое и с овощами, большая часть которых была изрядно подпорчена. Но для живущих впроголодь детей, это было вроде манны небесной. Со своей стороны я организовал им дрова. Пару раз я навещал их на старой пристани, но, закрутившись в вихре дел, переложил судьбу детей на Карла. Но если мне удавалось встретиться с кем-нибудь из маленьких оборвышей в районе порта, я обязательно давал тому пару мелких монет. И почти каждый раз при встрече с бездомным ребенком, я вспоминал о Тиме. Жив ли он? Несколько раз я спрашивал у беспризорников о нем, но никто из них так и не мог вспомнить похожего на него мальчика.

"Странно, что в этой жизни меня судьба постоянно сводит с детьми. Сначала Тим, теперь вот Луиза".

Мысли плавно перетекли на девочку. Пока она наслаждалась каникулами за городом, но завтра ее должны были привезти обратно в город. Когда стал вопрос о ее временном устройстве, моя квартирная хозяйка, предложила девочке временно пожить у своей старшей сестры, имевшей собственную ферму. Дети фермерши выросли и разъехались, поэтому та будет только рада маленькой девочке. Единственной, кто остался недоволен подобным решением, была сама Луиза, но когда мы приехали на место и увидели теленка с большими глупыми глазами, то по ее счастливому лицу я понял, что больших слез при нашем расставании не будет. За время ее отсутствия я нашел ей приличное заведение с полным пансионом. "Универсальная школа для леди миссис Кролинг".

— Босс! Эй! — я поднял недоумевающие глаза на Карла. — Очнулся, наконец. Я тебе говорю — говорю, а ты будто не слышишь.

— Теперь слышу. Говори.

— Ты знаешь, что на завтра назначена забастовка докеров?

— Знаю, — равнодушно ответил я.

— Наши докеры, похоже, решили присоединиться к ним.

— Их дело. Пусть не работают.

— Я бы не стал тебя по этому поводу беспокоить, босс, но дело в том, что наши работяги уже сегодня собираются передать тебе бумажку со своими требованиями. Тут еще, у них, похоже, ячейка сформировалась или нечто в этом роде.

Если бы подконтрольные нам бригады докеров решили завтра участвовать во всеобщей забастовке, я бы и слова не сказал. Это головная боль властей и полиции, но не моя. Но то, что среди моих грузчиков появились социалисты... Да еще ячейка! К чертям! Я не собирался делить с кем-то влияние на грузчиков!

— А ты куда смотрел?! — я кинул злой взгляд на Карла. Тот опустил глаза. Приподнятое настроение начало опускаться стремительными темпами.

"Не было печали, так черти накачали. О чем мне с ними говорить? Черт! Никогда не сталкивался с подобной проблемой!".

— Когда?!

— В обед.

Толпа, около пятидесяти здоровенных мужиков, портовых докеров, стояла напротив меня, обжигая злыми взглядами, а у меня за плечами стояло только четверо моих людей во главе с Карлом. И всем им было не по себе, впрочем, как и мне. Нетрудно было представить, что с нами будет, если эта толпа решит на нас броситься. Чуть поодаль от грузчиков стояло четверо бригадиров с вытянутыми от испуга физиономиями. Я скользнул по ним свирепым взглядом.

"Я вам припомню этот бунт, уроды!"

— Говорите, что вам надо?!

Я знал, что им надо, но просто так стоять и молчать под злыми взглядами полусотни человек, было довольно неуютно. Толпа всколыхнулась, расступилась, пропустив в первый ряд, троих человек. Стоявший посредине, крупный, широкий в кости, парень, с копной пшеничных волос, согласно информации Карла являлся организатором ячейки. По иронии судьбы он был моим соотечественником. Павел был единственным русским среди интернационального состава грузчиков. Без семьи. Иммигрировал в Америку из России около полутора лет назад. Грамотный, довольно быстро овладел английским. Имея хорошо подвешенный язык, быстро стал неформальным лидером среди докеров. Карл, в свое время, предложил ему место бригадира, но тот отказался. Был народовольцем, за пропаганду и сопротивление жандармам при аресте был сослан в Сибирь, под надзор полиции. Бежал, долго скитался, пока не оказался на пароходе, идущим в Америку. Здесь примкнул к местному рабочему движению.

— На завтра назначена всеобщая забастовка докеров! Мы собираемся показать всем силу рабочего класса! Я не сомневаюсь, что настанет день...!

— Хватит болтать языком, Павлик Морозов, — я перешел на русский язык. — Подобного дерьма я слышал в своей жизни столько, что тебе и не снилось! Так что не трать мое время попусту!

— Ты меня с кем-то путаешь. Я не Морозов, — удивленный и сбитый с толку неожиданно раздавшейся родной речью, он неожиданно сам для себя перешел на русский язык.

— Пусть не Морозов, а Сидоров, какая мне разница! Не сбивай людей с толку! Им детей кормить надо, а ты своим равенством и братством...!

— Ты не собьешь меня с пути борьбы!! Меня не запугали царские жандармы...!! — теперь он снова кричал на английском языке. — Тебе, наемнику капитала...!!

От его речей пахло партийными съездами, пятилетками и пионерами, салютующими перед мавзолеем на Красной площади. Всем тем, что делало из людей марионеток, тупо шагающих под красным знаменем в "светлое" будущее. Неожиданно возникшее чувство отвращения к этому оракулу человеческого счастья, заставило меня на какой-то миг выйти из себя: — Хорош глотку рвать, дерьмократ!! Хватит, наслушался!! Пошли все на работу!! Или хотите работать вахтовым методом?!

Народ малость опешил от непонятных слов, замерев в недоумении и тревоге. Основная масса находившихся здесь грузчиков были людьми, стоявшими далеко от политики. Все они, в основном, пришли сюда, из чувства мужской солидарности, простого любопытства и из-за того, что все идут, типа "все пошли — пошел и я". И только сейчас, видя, как разворачиваются события, эти люди начали понимать в какое дело они ввязались. У многих

на лицах уже сейчас можно было прочесть выражение: "какой я был дурак, что уговорил прийти сюда".

— Вижу, не понимаете?! Ха! Сейчас поймете!! Месяц работаете, а потом вместо вас набираю других!! Новых!! Устраивает?!!

После моих слов на лицах грузчиков появился страх, а в глазах смятение, зато у апологета новой веры глаза запылали огнем фанатизма. Оглянувшись на понурую толпу, он крикнул: — Не бойтесь, друзья!!! Он один, а нас много!! Встаньте плечом к плечу, товарищи!! Мы несокрушимы, когда едины!!

Но, получив в ответ, вместо ожидаемого одобрительного рева толпы, пару нерешительных выкриков из задних рядов, понял, что если сейчас ничего не предпринять, то эти люди отступятся от него, оставив одного. А он столько времени боролся за их сознание! И чтобы вот так, в одно мгновение... Отбросив растерянность и колебания, расправив плечи, он решительно зашагал ко мне. Подойдя, сначала начал давить на меня взглядом, когда не вышло, крикнул громко и четко, явно работая на публику: — Дилэни!! Ты должен выслушать требования рабочего класса!! — после чего, достав из-за пазухи сложенный вчетверо листок бумаги, начал его разворачивать, но, не успев это сделать, как я оказался рядом с ним. В следующую секунду его рука, с зажатой в ней бумажкой с требованиями, оказалась в тисках болевого приема. Вывернул руку до предела, заставил стать на колени и уже был готов ткнуть его лицом в землю, как он, хрипя и задыхаясь, заорал: — Будущее за нами!! Мы выкосим вас, кровососов, как сорную траву!! Борьба только...!!

Лучше бы он этого не говорил. Я собирался его только унижить, но, услышав пророческие слова, у меня внутри словно все перевернулось. Хруст сломанной кости заглушил вопль боли. Толпа, до этого стоявшая неподвижно, вздрогнула и подалась назад. Только теперь я понял, что сломал народовольцу руку. Со мной уже давно не случалось, чтобы чувства брали вверх над разумом в критической ситуации. А тут... Я был ошеломлен случившимся, наверно, не менее чем народоволец. Все вокруг замерли. Вдруг от толпы оторвался человек, сделал шаг и прыгнул. Солнце сверкнуло на лезвии ножа. Тут же сработали боевые рефлексy. Блок. Захват. Новый крик боли. Как только тот оказался на земле, я с силой опустил каблук на руку с зажатым в ней ножом. Не балуй! Под хруст костей и дикий вопль, шагнул вперед.

— У кого еще есть желание поговорить?!! — для выразительности своих слов я ударил несколько раз кулаком правой руки в открытую ладонь левой. — Как, в мою бытность, говорили некоторые ораторы: открыт для прямого и конструктивного диалога!! Ну!! Есть желающие?!!

Толпа подалась назад, хотя я стоял на месте. Я их понимал, потому что знал: нахожусь на грани срыва. Сейчас я был готов любого рвать на части. Только дай повод. И народ это почувствовал. Прошла секунда, две...минута.

— Нет желающих! Очень хорошо! Значит, будем работать?!

— Да. Будем. Это все Павел. Мы что... — после секундного затишья вразнобой ответили тихие и тусклые голоса из толпы.

— С вами все ясно! Исправились! Теперь вы, господа хорошие!! — я резко обернулся в сторону бригадиров. — Как вы допустили такое?!!

Взгляды всех четверых тут же ушли в землю.

— Смотреть в глаза!! По правде говоря, гнать мне вас надо в шею, всех четверых! Уроды! Бездельники! Но я решил дать вам шанс. Каждый из вас сейчас подойдет к толпе,

ткнет пальцем и выберет одного человека, который, по его мнению, является одним из зачинщиков бунта. Это ваш шанс остаться в бригадах. Начали! Сивый!

Коренастый мужик по кличке Сивый, явно когда-то сидел в тюрьме. Вечно полупьяный, большой любитель подраться и выпить, в то же время умел заставить людей работать. Не раздумывая, сделал несколько шагов к толпе и тут же ткнул грязным пальцем в грудь грузчика по имени Барт, который входил в троицу социалистов. Тот вскинулся, сжав кулаки, но когда до него дошло что случилось, тут же сник. Сивый оглянулся на меня для утверждения приговора. Я кивнул, после чего бригадир отошел на свое место. С двумя другими бригадами тоже все решилось просто. Они без колебаний решились на предательство, лишь бы их не потерять теплое местечко. Меня беспокоил только Дикки. Тот парень, который приютил меня, а потом привел сюда, в порт. Я не забыл этого и как только стал боссом, назначил его бригадиром вместо прежнего. Правда, в последствии, не раз жалел об этом. При его мягком и уступчивом характере, грузчики бригады просто вили из него веревки, выторговывая для себя всякие поблажки. Я разговаривал с ним на эту тему пару раз, он обещал, но все шло по-прежнему. Это испытание было явно не для его характера. Он понимал это, поэтому шел, словно на казнь. Подойдя, минуту стоял, вглядываясь в лица людей, словно видел впервые. Медленно поднял руку, но тут же резко опустил ее. Я уже знал, что сейчас произойдет. Так оно и случилось. Неожиданно для толпы он повернулся ко мне.

— Слагаю с себя обязанности бригадира, — он сказал это тихо, но твердо, глядя при этом мне в глаза.

В толпе тут же побежали шепотки. Некоторое время мы смотрели друг другу в глаза, затем я сказал: — Свой выбор ты сделал сам. Выбирай бригаду, в которой будешь работать. Свободен!

После чего, повернувшись к толпе, сказал: — Говорю один раз! Еще раз подобное повториться — вышибу вон! Не одного! Всех!

— Теперь вы! — я бросил косой взгляд на троицу бригадиров. Эти единственные из всех, выглядели в какой-то мере счастливыми. — Сегодня будете работать наравне со всеми! В поте лица! Костыль, гони эту толпу бездельников на работу! Карл! Убери этих революционеров с глаз долой! Но что б без рук! Хватит с них!

Толпа, дружно развернувшись, торопливо зашагала к причалам. Некоторые оглядывались, но осторожно, украдкой. Заметив, что я смотрю им в след, тут же отворачивались и прибавляли шаг. Угрызений совести по поводу того, что сделал, не чувствовал, как и особой радости по случаю победы. Наверно потому, что ее не было. Просто сработал один из основных законов этого времени "кто сильный — тот и прав" и толпа подчинилась силе. Зато с бригадами получилось как нельзя лучше. Я повязал их, пусть не кровью, так подлостью, сделал из них вроде пастушьих псов, верных хозяину, которые не дадут сбиться стаду с пути. Теперь они любому волку горло перегрызут.

Я пришел в пансионат к одиннадцати часам, так как утро воскресенья воспитанницы "Универсальной школы" проводили в церкви, где слушали проповедь, ставили свечи и перевозносили свои детские молитвы к Богу. Затем чинно возвращались, переодевались, после чего их отпускали домой, в семью. Прозвенели удары гонга. Один, второй, третий — и большой дом наполнился звонким смехом, визгом, веселыми детскими криками. Луиза выбежала ко мне, в толпе торопящихся воспитанниц, старавшихся не упустить ни одной

минуты из их короткого отпуска, и как всегда бросилась мне на грудь, но сегодня в детском порыве было нечто отличающее его от обычного проявления детской радости при моем появлении. Я умел отличать подобные отклонения, как золото от бронзы, но мой опыт касался перепадов настроения взрослых женщин, но не маленьких девочек. Тут она не раз и не два ставила меня в тупик. Нет, не капризами, а своими взглядами на мир, на людей, на меня самого. Ее внутренняя чистота, наивность, искренность нередко ставили меня перед такими вопросами, что я только диву давался, как можно смотреть на давно известные вещи под таким углом зрения. И сейчас я чувствовал, что она расстроена, правда, пыталась скрыть это, но неловко, по-детски. Хотя она жила в пансионе уже почти два месяца, каждый раз мы уходили под градом любопытных взглядов и перешептывания за нашей спиной. Мужчина — опекун и девочка со шрамом на лице — кто эта странная парочка? Чтобы не давать еще больше поводов для досужих домыслов, я не стал ее расспрашивать что случилось, прямо сейчас. Как только мы вышли, я по привычке посмотрел на небо. Расписание наших воскресных прогулок во многом зависело от погоды. Сегодня на голубом небе висело яркое солнце, только пушистые белые облачка висели далеко на горизонте.

"У нас в расписании парк, — подумал я.

При хорошей погоде мы старались проводить время на свежем воздухе, а где это лучше сделать, как не в центральном парке, изобилующими аллеями, фонтанами, статуями и, конечно, игровыми площадками. Покосился на Луизу, но солнышко и свобода, ее, похоже, сегодня не радовали. Подойдя к краю дороги, подозвал кэб, затем спросил ее: — В кафе-кондитерскую?

Это было у нас своего рода традицией. Не поднимая глаз, она кивнула головой. Усевшись в экипаж, только я открыл рот, как глаза Луизы стали наполняться слезами. Она пыталась их сдержать, но это у нее плохо получалось, поэтому она просто закрыла лицо ладонками.

— Мы же друзья, Луиза. Ведь так? — она быстро кивнула, не отрывая рук от лица. — Расскажи, что у тебя случилось. Ты же знаешь, я сделаю для тебя все, что в моих силах.

С трудом, сдерживая слезы, она сказала дрожащим голосом: — Джек, почему люди бывают такими плохими?

— Гм... Ну, наверно оттого, что их плохо воспитывали... родители. Не привили им... любовь к ближнему.

— Ты прав. Но как говорит мисс Картрайт, это касается бедных людей. Им нужно все дни напролет трудиться и времени на воспитание детей не хватает. Поэтому их дети постоянно на улице, где перенимают плохие привычки взрослых.

Сейчас ее голосок не дрожал. Она четко и звонко произносила фразы, как хорошо заученный урок.

— Скажи мисс Картрайт, что она умная и хорошо тебя учит.

— Ты знаешь, Джек, она очень красивая. Она только вторую неделю у нас работает, а все девочки уже успели в нее влюбиться. У нее такая милая шляпка с букетиком синеньких незабудок! Прямо прелесть! А какая лента...! — я слушал ее в пол уха и тихо радовался мгновенно высохшим слезам, но как оказалось, моя радость оказалась преждевременной, — ...но почему богатые девочки бывают такими злыми?

— Э-э... что за девочки?

— Сестры Моррисон. Агата и Паула. Они со вторника у нас появились. И сразу начали дразнить меня. Теперь и другие девочки меня дразнят.

Ее глаза снова наполнились слезами. Я глубоко вздохнул. Ну, как тут можно помочь?

— Послушай малышка, я обязательно поговорю с миссис Кролинг. Если не сегодня, то завтра обязательно.

— А это не будет выглядеть так, будто я жалуюсь на девочек?

"Черт! Конечно! Но что я еще могу сделать? Хот нет, могу. Поговорить с их отцом".

— Слушай, а давай, я поговорю с их отцом? Как идея?

— Тебя даже на порог не пустят. Он очень богатый. Сестры хвастались, что них два выезда, а слуг не сосчитать. И еще у него много магазинов и... что-то еще. Я уже не помню.

Проводив Луизу до парадной двери и поцеловав на прощание, я некоторое время стоял, задумавшись. Фамилию Моррисона я прекрасно знал, как и сеть "Универсальных магазинов Моррисона". Знал также, что он подвизается в политике и очень богатый человек, чье состояние превышает полмиллиона долларов. Девочка права, к такому человеку просто так не попадешь, а если и получится, то когда узнают, с чем пришел, мне просто укажут на дверь. И никакой моей крутости не хватит, чтобы сладить с таким богатым и влиятельным человеком. Это не Стаксель, "вор в законе", с которым можно было схватиться на равных, но что-то надо было делать, поэтому прямо с утра я поехал в "Универсальную школу" для разговора с миссис Кролинг. Как только услышала, с чем я приехал, она пообещала, что поговорит с девочками, но при этом дала понять, что если ей придется выбирать между мной и Моррисоном, она предпочтет его. Откланявшись, я вышел в коридор. С минуту стоял, думая о том, что мне следует предпринять дальше. Затем пришла мысль повидаться с Луизой, но тут же отпала, так как я вовремя вспомнил, что все утро до самого обеда отводиться под занятия. Только я начал спускаться по широкой лестнице, как неожиданно услышал невнятный разговор, но, судя по резким голосам, он больше напоминал ссору мужчины и женщины. Неожиданно он резко оборвался, после чего послышался звонкий цокот женских каблучков.

"Муж с женой, наверно, поссорились, — подумал я и продолжил спускаться по лестнице.

Не успел я спуститься на несколько ступенек, как впереди затопали тяжелые мужские шаги. Сходя с последнего лестничного пролета, я еще успел зацепить краем глаза мужскую фигуру в проеме открытой двери. Высокий, подтянутый мужчина в отлично сшитом костюме. Я направился вслед за ним к выходу, как неожиданно обратил внимание, что на месте Анабель, женщины — швейцара, сидит другая женщина в обычной униформе служительниц школы — темно-синее платье и белый фартук с оборками. Густые темные волосы с проседью и морщинистое лицо говорили о том, что ей далеко за шестьдесят. Проходя мимо столика, я вежливо кивнул ей, а в ответ раздалось нечто невнятное. Думая, что она обращается ко мне, остановился, но тут же понял, что ошибся. Просто она настолько глубоко погрузилась в себя, что, забывшись, произносила некоторые из своих мыслей вслух.

— Грязный мормон... Исчадие ада... Почему Господь так несправедлив? Моя бедная сестра... Славная девочка...

Поставив мысленно диагноз: — Старушка не дружит с головой, — я собрался уже уходить, как неожиданно наверху зашумели детские голоса. Женщина, очнувшись, неожиданно для себя вдруг обнаружила стоящего перед столиком мужчину. Ее лицо тут же приняло виноватое выражение: — Ради бога, сэр, извините меня. Я... я задумалась и не заметила вас. Вы что-то хотели спросить?

Теперь мне, в свою очередь, стало неловко, и я спросил первое, что пришло в голову: —

Кто этот мужчина, который недавно вышел?

По ее лицу скользнула гримаса гадливости: — Моррисон, сэр. Это все, что вы хотели узнать, сэр?

"Моррисон. Это его она мормоном обозвала? Уже интересно. А если напрямую спросить?"

Только я открыл рот, как за моей спиной раздался быстрый топот женских каблуков и звонкий голос: — Это мистер Дилэни, Марта. Он приходил к миссис Кролинг. Спасибо, что заменила меня.

Марта встала и не слова не говоря, скрылась в глубине коридора, а на ее место села дородная миссис Анабель. Пару раз, когда мне приходилось ждать Луизу, я разговаривал с этой женщиной, но после того как обнаружил, что у нее язык, что пропеллер, старался общаться с ней, исключительно только двумя словами: "Здравствуй и прощай". Но сейчас ее болтливость была мне на руку. Хватило одного вопроса, после чего Анабель не нужно было подгонять. Трагедия этой женщины была обычной для этой Америки, но для меня она показалась дикой. Семья Марты жила на Западе в районе Большого Соленого озера, пока там не появились мормоны. Размеренная жизнь фермеров была сломана в одно мгновение, после того, как они отказались присоединиться к секте. Сначала им было приказано убираться с родных мест. Когда отец Марты отказался это сделать, "ангелы-разрушители", так назывались военизированные отряды мормонов, напали на их дом. Ее отец, мать и брат погибли, а ее вместе с сестрой забрали, после чего насильно выдали замуж. Она прожила среди них два года, но после того, как ее первенец умер, решилась на побег со своей младшей сестрой. Когда погоня стала их настигать, они в страхе разбежались в разные стороны. Марте удалось убежать, но что произошло с сестрой, она не знает. Долго бродяжничала, работала прачкой, посудомойкой, кухаркой, пока не попала в Нью-Йорк и не устроилась на работу в школе. Узнав все это, я вежливо попрощался с женщиной.

"Моррисон — мормон. И что из этого? Даже если он убил отца или брата Марты, никакой суд не возьмется его осудить из-за давности лет. А жаль. Судя по всему, та еще сволочь. Даже если суд состоится, он наймет свору адвокатов и выкрутится, а затем смешает меня с дерьмом. Наверно мне будет проще перевести Луизу в другой пансион, чем с ним связываться".

Жизнь, несмотря на досадные мелочи, постепенно налаживалась. Было несколько стычек с ирландской группировкой, но благодаря хорошо поставленной разведке каждый раз они получали достойный отпор, пока до них не дошло, что связываться со мною лучше не стоит. Две группы под руководством Тома Уилкса и Джима Харда, а также портовая команда Томми Паркера были отлично вышколены и хорошо делали свою работу. Все незаконные операции, имевшие место в порту, теперь находились под моим полным контролем. Это были большие деньги, но, к моему сожалению, их нужно было делить с кучей народа. Начиная от начальника порта и капитана полиции, в чьем ведении находился наш район, кончая долей Сержанта. Мои парни тоже обходились недешево. И все же я мог позволить себе трехкомнатную квартиру с ванной в неплохом районе. Спальня, кабинет и гостиная. Обедал в лучших ресторанах. Да, я достиг многого с того момента, когда вышел из тюремных ворот без цента в кармане. А ведь прошло только полгода. Но я не считал, что это мой предел, к тому же меня не прельщала роль мелкого бандитского босса. Пусть даже первого помощника Сержанта. Даже теперь, когда мы упрочили свое положение среди

бандитских группировок и сами стали представлять реальную угрозу для своих соседей, я полагал, что не время почивать на лаврах, надо сливать криминал с бизнесом, наподобие будущей итальянской мафии. Несколько раз я пытался говорить с Сэмом на эту тему, но тот и слышать не хотел ни о каких новшествах. Мне же подобное примитивное существование, основанное на тупом вышибании денег, уже стояло поперек горла.

Вместе с легендами о покорителях Запада, в народе ходили чудесные истории о том, как простой человек из низов может стать невероятно богатым. Вся Америка того времени знала такие фамилии, как Астор, Вандербилт, Ротшильд. Как они начинали с нескольких долларов и благодаря своему уму, практичности и сметливости стали мультимиллионерами. Я их не знал лично, так как не знал, сколько правды в этих историях, зато видел, как растут состояния торговцев, имеющих конторы и офисы в кварталах, примыкающих к Южной улице, лежащей недалеко от порта. Мои попытки наладить с некоторыми из них партнерские отношения натывались каждый раз на завуалированный отказ, как только они узнавали, кто я на самом деле. Первое время мне было обидно и досадно, но человек ко всему привыкает. Несмотря на неудачи, я не прекращал попыток наладить свой бизнес, одновременно приглядываясь и изучая методы ведения торговли местных коммерсантов. Часть из них работала с постоянными партнерами и товаром, другие же работали на так называемом "перехвате". К кораблю, только что пришедшему и ставшему на рейд, тут же неслись лодки с торговцами. Последующий разговор — торговлю на борту корабля можно приблизительно изложить в таком диалоге.

— Сколько у вас стоит этот мешок с дерьмом? — интересовался торговец, едва перебравшись с лодки на борт судна.

— Какое же это дерьмо! — возмущался капитан торгового судна, пунцовея на глазах. — Это же английская шерсть самой пикантной выделки.

— Какой — такой выделки дерьмо? — кривясь в ухмылке, спрашивал торговец.

— А ну, иди отсюда! — угрожал моряк, уже лиловый от злости.

— Возьму за..., - предлагал сухопутный торговец. — Лучшей цены не найдешь. А то тут такие крутые бандиты в порту появились, что — ого — го!

Моряк старался не прислушиваться, но, будучи опытным человеком, знал, что доля правды в словах сухопутного торгаша есть.

— Да, еще и пошлину платить, — продолжал уговаривать торговец. — А тут — раз, два и дело в шляпе.

Нередко были случаи, когда товар со всего судна моряки продавали, не заходя в нью-йоркский порт.

Но в один прекрасный день все изменилось, когда ко мне в офис ввалился Сиплый в компании с одним из капитанов торгового судна. Оба были навеселе, а значит, были довольны собой и жизнью, но как оказалось, спустя некоторое время, в отношении капитана, я поспешил с выводами.

— Джек, позволь тебе представить моего старинного друга, Генри Джеймса! Моряк, таких еще поискать надо! Только вчера стал на рейде. Работает на одну английскую торговую компанию.

Я уже собирался гнать их в шею, но, услышав про торговую компанию, тут же передумал.

— Как насчет того, чтобы продолжить веселье?! — с этими словами я выставил на стол бутылку хорошего виски.

После короткого знакомства и изложения последних новостей, капитан, в достаточной степени подогретый виски, стал сетовать на жадность местных торговцев. Держат цену, не дают купцам из других городов торговать наравне с ними. Ведь торговцу из Чикаго или Филадельфии товар можно было продать чуть дороже, а закупить у них — чуть дешевле. От этих "чуть" в речи капитана меня стал разбирать смех, я то знал, что местные торговцы на каждом долларе имеют от сорока до шестидесяти центов прибыли. А капитан все продолжал жаловаться: — У меня двоюродный брат живет в Чикаго. Очень богатый торговец. Имеет несколько магазинов и складов. Торгует оптом и в розницу. Он был бы рад работать с торговыми компаниями за океаном, но нью-йоркские крысы — торговцы, заявили ему, что торговать он будет только через них и никак иначе. И по их расценкам. Ты скажи мне, Джек, где справедливость?!

— Почему бы твоему брату и тебе не начать работать со мной?

— А ты, какую компанию представляешь, Джек?!

Я глянул на Сиплого, тот отрицательно качнул головой, дескать, не говорил, кто ты. Я посмотрел на пунцового от выпитого виски капитана и выдал ему напрямик: — Я местный босс. Джон Непомнящий родства.

До этого вольготно развалившийся в кресле капитан, тут же подобрался. Несмотря на приличную дозу виски, капитан пытался усиленно сообразить, что может стоять за подобным предложением. В глазах торговцев и капитанов я был главарем портовой банды, вымогателем и убийцей, что никак не соответствовало имиджу честного торговца. И капитан, каким бы крутым не был, а в этом я не сомневался, иначе бы он не ходил в друзьях Сиплого, не был исключением.

— Э-э... Тут надо... подумать. Посоветоваться. Точно. Посоветоваться!

Реакция капитана меня не удивила. Я уже был готов приплюсовать эту попытку к своим остальным неудачам, как взревел обиженный Сиплый, видя недоверие старинного друга к своему боссу.

— Генри, морской бродяга, ты нам не веришь?! Мне, который тебе жизнь спас!! Если так, ты мне не друг!!

Капитан несколько секунд смотрел на своего возмущенного товарища, после чего залихватски махнул рукой: — Рискну, парни! Будь, что будет!

Торговый союз мы скрепили второй бутылкой виски. Как ни странно, с двоюродным братом капитана и двумя его партнерами по бизнесу, которые в это время находились в Нью-Йорке, я быстро нашел общий язык, а когда они узнали об условиях, на которых я предлагал сотрудничество, тут же были отброшены последние сомнения. При виде оживившихся и начавших уже подсчитывать свои барыши торговцев, я усмехнулся про себя, переиначив широко известный в будущем слоган: "Человеческая жадность — двигатель торговли".

Около четверти товара поставил я, остальной товар нашелся на складах его двоюродного брата, тут же в Нью-Йорке. Через четыре дня корабль капитана Джеймса был загружен и отправлен в обратный путь. Эту сделку сочли удачной все, но больше всех ей радовался я: — Черт меня возьми! Начало положено! Я буду миллионером, несмотря не на что!

Мормоны — название членов секты под названием "Церковь Иисуса Христа святых наших дней", основанной Джозефом Смитом 6 апреля 1830 года в Ла-Фейетте (шт. Нью-Йорк). Их вера основана на том, что после смерти Христа нечестивые люди преследовали апостолов и убили многих из них, после чего истинное учение по прошествии времени исказилось. После смерти основателя в 1844 году секта утвердила в качестве временно руководящего органа церковный Совет двенадцати апостолов, возглавлявшийся Брайямом Янгом. Согласно историческим документам, вследствие гонений на них, мормоны были изгнаны из штатов Среднего Запада (Миссури, а затем Иллинойса) и в 1846–1848 гг. переселились в пустынные земли, ныне территория современного штата Юта, где основали город Солт-Лейк-Сити. Отличительными чертами секты от ряда других подобных организаций, были: многоженство и создание вооруженных формирований под названием "ангелов — разрушителей".

* * *

В толпе, среди торопящихся по своим делам людей, сновали юркие мальчишки с пачками газет, крича во все горло. Торговцы и торговки с тележками — лотками, криками зазывали покупателей, расхваливая товар. Цокот копыт и стук колес, грохотавшие по булыжной мостовой, дополняли звуковую гамму большого города, а яркие краски города, такие, как желтый шарабан или светлозеленое пальто молодого мужчины в какой-то мере скрашивали сизый оттенок ползущих по небу осенних туч. Жизнь большого города шумела и бурлила по другую сторону стекла витрины итальянского ресторанчика, в котором я частенько завтракал. Мне нравилось наблюдать за этой до сих пор не приевшейся картиной во время завтрака, не думая ни о чем. Прозвенел колокольчик у входной двери. Повернув на звук голову, встретился глазами с вошедшим мужчиной. Настроение сразу испортилось. Увидев меня, он тут же направился в мою сторону. Не успел остановиться у моего стола, как Карл, сидевший у двери, начал вставать. Жестом усадил телохранителя обратно, после чего кивком головы предложил сесть незваному гостю. Мы не стали здороваться, потому что оба презирали друг друга. В его глазах, я был бандитом и рэкетиrom, в моих — он был таким же, только одетым в полицейский мундир, впрочем, это не мешало нам оказывать друг другу услуги. Я вернулся к еде, а сержант крикнул, чуть повернув голову в сторону стойки: — Кофе!

Пока ему несли кофе, я быстро доел свой завтрак и стал осторожно прихлебывать горячий чай. Одетый в темно-коричневый костюм из твида, с холеными усами и бакенбардами, сержант сейчас выглядел зажиточным торговцем или старшим клерком какой-нибудь юридической конторы, но никак не полицейским. Сержант Генри Маклин имел холодный ум и жестокое сердце, знал все темные закоулки человеческой души и все подлые уловки уголовного мира. Он считал, что стоит на страже закона, но при этом брать взятки не считал для себя позором. Очистить у пьяного мастерового карманы он не позволил бы себе никогда в жизни, зато выследить и прижать в темном переулке воришку после дела и заставить поделиться с ним добычей — всегда, пожалуйста.

Допив чай, я достал деньги, чтобы расплатиться, и только тут сержант соизволил открыть рот: — Кофе здесь хорош, но я приехал не ради него, Джек. У меня к тебе разговор, — я молча посмотрел на него. — Почему ты не удивлен, парень? Сам Генри Маклин приехал к тебе через полгорода, потратившись на извозчика, а ты смотришь на меня...

— Доллара тебе хватит покрыть издержки, Маклин? — перебил я его. — А лучше давай я тебе пятерку дам, чтобы ты от меня сразу отстал. Пойдет?

— Ты же знаешь, Джек, я меньше двадцатки зараз не беру, — некоторое время он пристально смотрел на меня, в ожидании, как я прореагирую на его слова. После затянувшейся паузы хитро усмехнулся. — Я всегда знал, что ты жмот, Дилэни. Знаешь, как трудно в наше время прожить на зарплату полицейского?

— Я только знаю, что помимо своей зарплаты ты в месяц имеешь триста — четыреста долларов навару. Вот это я знаю! И хватит об этом. Переходи к делу!

— Ты что-то много знаешь, Дилэни. У умников, вроде тебя...

— Излагай дело, сержант, — резко перебил я Маклина.

— Ишь ты как! Излагай! Слова у тебя какие-то слишком правильные, Джек Дилэни. И фразы правильно строишь, словно университет закончил в свое время. Надеюсь, ты не адвоката учился. Не люблю их. Для меня они, что коты помойные. Так же как и вы, уголовный сброд! Всех вас давить...! Впрочем, я отвлекся. К делу, так к делу. Ты ведь знаешь, что от нашего двенадцатого округа собирается баллотироваться один тип по фамилии Ван Дайк. Кортленд Ван Дайк. В свое время он женился на Агнессе Баронталь вдове крупного виноторговца. Оба подошли к свадьбе как деловые люди. Он дал ей имя, ввел в высший свет, она ему — деньги. За пять лет брака обзавелись двумя детьми. Кажется, живите и радуйтесь, ан нет. Полез в политику. Язык подвешен, связи и деньги есть. Затем, решил к политическому капиталу денежный прибавить, став в прошлом году помощником олдермена. Работал в комиссии по недвижимости. Неплохо нагрел руки, торгуя городской землей и выдавая лицензии на строительство.

Говоря это, по его лицу скользнула презрительная усмешка, которую обычно Маклин приберегал для меня, а теперь он удостоил ее городского советника. Вообще-то меня мало интересовала высокая политика и работа городских властей, хотя я знал, как и любой житель Нью-Йорка, что это была одна большая банда, жирующая на государственных деньгах.

"Олдермены? А чем они занимаются?".

— А чем занимаются олдермены?

— Чем занимается Палата Олдерменов? Выдает и отзывает лицензии на различные виды деятельности. Может разрешить или запретить строительство. С ними согласовывается прокладка транспортных линий. Короче, всем. Несмотря на то, что олдермены не получают ни цента жалования, через их руки проходят очень большие деньги, часть из которых ловкие люди кладут в свой карман. Вот почему олдерменами становятся люди, обладающие хорошими связями в верхах. Такие как Ван Дайк. Вернемся к нему.

— Минуточку. Это ведь он возглавил комиссию, расследовавшую воровство в порту?

— Он. Он! Ему это так понравилось, что он пошел еще дальше. Требуем от Главного полицейского управления создания комиссии, которая будет расследовать коррупцию и противоправную деятельность в рядах полиции. И не такую, которая собирается от случая к случаю, а на постоянной основе. Нам это не нравится. Очевидно, он забыл основной жизненный принцип: "Хорошо живешь сам, так не мешай жить другому".

"Кому это нам? — мне очень хотелось спросить его об этом, но не стал, потому что видел, что сержант и так сильно нервничает, причем не из-за моих подначек. — Впрочем, он может не знать. Его вполне могут в "слепую" использовать".

— Этого типа надо скомпрометировать, — продолжил Маклин. — Да так, чтобы его в ближайшие десять лет не в одну комиссию не взяли.

— Гм... А почему я?

— У тебя, в отличие от большинства уголовников, есть мозги.

— И как ты представляешь это себе, Маклин?

— Джек, мне нужен результат, а какой ты способ выберешь, решать тебе. Срок — месяц. Но хочу сразу предупредить: хоть малейший слушок пройдет о нашем разговоре — сильно пожалеешь. Ты меня знаешь, Джек, я свои слова на ветер не бросаю!

— Насчет угроз понял, а что я получу в качестве награды?

— Наше хорошее отношение, — это было сказано с наглой усмешкой и такой уверенностью в своем всемогуществе, что меня внутри всего передернуло.

"Отделать бы тебя урод, да так, чтобы ты на карачках полз через весь город до своего участка!".

— Вот даже как. Хорошо, Маклин, я посмотрю, что тут можно сделать, — сказав, я встал и пошел к выходу.

Удивление, написанное на лице полицейского, было настолько явным, что не трудно было догадаться, не так он рассчитывал закончить этот разговор.

Из ресторана я поехал к Сержанту, а Карла послал за Бухгалтером. Проницательный ум старого еврея частенько подмечал то, что ускользало от моего внимания. Сэм не любил слушать советов от посторонних лиц, кроме нескольких человек, которых числил в ближайших помощниках, но для Каца делал исключение, правда, только в редких случаях. Дождавшись Бухгалтера, я изложил им обоим суть задания, которое возложил на меня Маклин. Озадачив обоих, я подумал, что политик, типа Ван Дайка очень даже пригодился бы в моем хозяйстве. Что политические партии тесно связаны с уголовным миром Нью-Йорка ни для кого не было секретом. Бандиты обеспечивали политиков избирателями, громили избирательные пункты конкурентов, выполняли специальные заказы по запугиванию и устранению неудобных. В свою очередь главари через политиков имели возможность влиять на приговоры, натравливать полицию или городские власти на своих соперников. Поэтому я был не прочь обзавестись своим карманным политиком и не столько для решения насущных вопросов, сколько для поднятия и развития своего будущего бизнеса. Теперь, когда моя прежняя жизнь становилась все более призрачной и далекой, я чувствовал, что стал меняться, все больше проникаясь жизнью, взглядами и ценностями человека второй половины девятнадцатого века. Найдя для себя в хитросплетениях людей и больших денег определенный интерес, я даже стал находить в этом нечто близкое к своим прежним чувствам, когда охотился за людьми. К тому же бизнес в этом веке не требовал высшего экономического образования, сложных банковских операций, консультантов и экспертов по экономике, маркетингу и рекламе, валютных и сырьевых бирж. Правда, все это существовало, но еще в таком зачаточном состоянии, что я сам мог вести дела торговой компании, имея пару специалистов, определенный капитал и поддержку городских властей. Но ни капитала, ни поддержки у меня пока не было, зато была идея. Она сформировалась у меня в голове, когда я случайно зашел в один из низкопробных баров. Там продавали такую

сивуху, что становилось дурно только от одного ее запаха. Если народ пьет даже такое, подумал я, то почему не наладить производство дешевого виски, тем более, что мы контролировали большой кусок города, где с избытком хватало баров и ресторанов.

— Джек, я не знаю, что за человек Ван Дайм. Слышал только, что язык у него хорошо подвешен и связи есть, но я наведу о нем справки, — только я открыл рот, чтобы предупредить его об осторожности, как Сержант предупреждающе закивал головой. — Да знаю я, знаю. Очень осторожно. А ты что Бухгалтер скажешь?

— Что тут скажешь? Политика — дело тонкое. И политики — тоже. Ван Дайма я видел в порту. Одет по последней моде! Что б я так жил! Так нет же, как еврей, так обязательно бедный! К тому же от него пахнет, как от двух дамских парикмахерских вместе! Неспроста это! Не сомневаюсь, что девочки к нему так и льнут.

Поняв, к чему он клонит, сказал: — Хорошо. Проверим его любовные связи. Больше ни у кого предложений нет?

— Джек, посади на хвост Дайму пару своих проныр, а там видно будет, — подвел итог Сержант. — С этим все или еще что?

— Не все, — сердито буркнул я, недовольный торопливостью Сержанта. — Непонятно, почему начальник семнадцатого участка, капитан полиции Майкл Баррет так заинтересован в этом деле?

— Почему? Интересный вопрос, — Кац почесал свой крючковатый нос, затем поглубже задвинул пенсне на переносицу. — Могу только предположить, что здесь замешана политика. Вы смотрите на меня и думаете: почему старый еврей вспомнил о политике? Так я вам скажу! От нашего округа помимо Ван Дайма собирается баллотироваться Томас Моррисон! Ему тоже хочется запустить руки по локоть в государственную казну, набить карманы золотом от продажи лицензий, дотаций и привилегий! Как я их понимаю! Почему одним все, а другим ничего! Я каждый день спрашиваю Господа, а почему не я?! За что Господи мне приходится унижаться каждый день из-за нескольких долларов?! Почему я всего лишь старый, больной еврей, а не...

— Хватит! Десять раз на день одно и то же! Лучше скажи: Моррисон это "Универсальные магазины Моррисона"? — прервал я его затянувшийся монолог.

Кац нахмурившись, молчал, всем своим видом демонстрируя, что обиделся. И очень сильно.

— Ну! — подтолкнул его Сержант.

Кац недовольно пожевал губами и только потом недовольно буркнул: — Он.

— Значит, Моррисон при помощи капитана решил убрать конкурента. Правильно, зачем тратить деньги на предвыборную борьбу, если можно убрать его таким способом! Умно, ничего не скажешь! — искренне восхитился Сержант.

Я уже переставал удивляться наглым аферам и махинациям, являвшимся естественными для этого века, но то, что этими жуликами восхищаются и ставят их в пример, как умных и изворотливых людей, никак не мог понять. Как и сейчас не мог понять восхищение Сэма проявлением человеческой подлости.

— Если это тот Моррисон, то, возможно, у меня кое-что на него есть, — сказал я, после чего рассказал о Марте, и ее пока непонятной связи с Моррисоном.

— Мормон, да еще убийца, — с довольным видом заявил Кац, потирая сухонькие ладошки. — Это же какой процесс может быть! Бедная женщина против богатого мормона — убийцы! Обыватели Нью-Йорка будут в восторге! Под это дело нам еще будут нужны

журналисты и хороший обвинитель с длинным языком. Процесс Моррисон, конечно, выиграет, а вот выборы проиграет!

Сержант опрокинул в себя стаканчик виски, сморщился, после чего сказал: — Это же какая куча денег будет выброшена на ветер. И ради чего, Бухгалтер?

— Ой! Не могу поверить! Вы меня спрашиваете? То мне рот затыкают... — но наткнувшись на мой взгляд, тут же сменил тему. — Так я вам скажу, хоть и не царь Соломон! Когда Моррисон станет пустым местом, капитану Баррету не будет смысла давить на мистера Дилэни. Это одно. Второе. Мы можем поставить это себе в заслугу перед Ван Даймом. А если еще поймаем его на каком-нибудь неблагоприятном деле, то он будет весь наш! Это я вам говорю, Лазарь Кац!

— Держи карман шире! Эти господа, как я сумел убедиться, работают с кем-то, только когда им выгодно. Начнешь на них давить, на тебя тут же обрушится полиция, газеты, различные комиссии. Вы уж мне поверьте! Хотя мы представляем определенную силу в городе...

— Подожди, Сэм. Если не просто шантажировать его, а предложить ему сотрудничество, которое будет сулить ему большие барыши. Не устоит, станет с нами работать!

— Хм. Сотрудничество. А что ты под ним имеешь в виду?

— Подумать надо.

— Подумать надо, — передразнил меня Сержант. — Что ты можешь придумать?! У них уже все схвачено! И железные дороги, и биржа, и недвижимость — все давно у них в кармане!

— Хорошо! Пусть по-крупному мы играть пока не можем, — мне не хотелось говорить о своей идее, приберегаемой для себя, но это был тот случай, когда на кон, чтобы выиграть, надо ставить все, что есть, — но как ты посмотришь на то, чтобы производить виски самим. Пара винокуренных заводиков — и мы поставляем виски и джин в бары и рестораны района, который мы контролируем.

— Хм. Насчет виски — хорошая идея. Народ пил, пьет и будет пить. Так почему бы нам не стать у этого крана? Джек, ты голова! Что ты скажешь, насчет идеи, Кац?

— Деньги есть деньги, мистер Уоллинг. И мое мнение: чем их больше — тем лучше.

Через две недели после нашего совещания у Сержанта состоялся процесс, где Марта Дуган публично обвинила мормона Моррисона в убийстве своей семьи и похищении ее младшей сестры. Газетчики набросились на это дело, словно стервятники на труп. В течение трех дней заголовки будоражили умы обывателей, только шум начал затихать, как вдруг его фамилия снова прозвучала, но теперь уже на одном из заседаний городского совета. При выступлении одного из членов комиссии по выявлению нарушений правил торговли, а также злостных неплательщиков налогов неожиданно для многих была произнесена фамилия Моррисона, вместе с внушительной цифрой, указывающей, сколько он недоплатил в городскую казну. Не успел он опомниться, как на его склады нагрянула комиссия в поисках нарушений. И тут же не замедлила грянуть новая сенсация. На складах были обнаружены большие партии контрабандного товара. Если до этого его адвокаты действовали довольно успешно, то к этому удару они не были готовы, в результате чего их клиент был взят под стражу прямо в зале суда, правда, не проведя за решеткой и двенадцати часов, вышел под залог в сумму пять тысяч долларов. Для газетчиков этот процесс стал подобно манне, падающей с неба. Некоторые газеты, пользуясь моментом и стараясь привлечь к себе больше

внимания, приписали Моррисону такие "подвиги", наградили рядом таких гнусных привычек, что даже издавший виды Нью-Йорк содрогнулся, узнав, что за монстр скрывался под личиной уважаемого человека. Газеты буквально растоптали его, смешав с грязью. Высший свет и общество закрыли перед ним свои двери. Приемы, визиты, балы — теперь все для него и его семьи осталось в прошлом.

В воскресенье я прогуливался по фойе "Универсальной школы" в ожидании Луизы. Неделя выдалась нервная и тяжелая, и сейчас я предвкушал незатейливое, живое общение с девочкой. Я отдыхал с ней душой, забывая хоть на короткое время, кто я такой и чем занимаюсь. Именно поэтому по воскресеньям я никогда не брал с собой Карла, живого напоминания своей работы. Основная масса воспитанниц в окружении родителей уже успела исчезнуть за парадной дверью, когда я увидел ее медленно спускающейся по лестнице. Вид у нее был, мягко скажем, расстроенный.

— Что опять эти несносные сестры Моррисон? — я подскочил к ней, встревоженный.

— Нет, их еще позавчера мама забрала. Совсем, — уныло ответила она, глядя в пол, выложенный мозаичной плиткой.

— Ты себя плохо вела и тебя наказали?

— Джек, ты громила?

От ее вопроса у меня перехватило дыхание. К тому же ее детский, наивный взгляд, ожидавший ответа, сейчас, в данный момент, был для меня страшнее любой людской или божьей кары. Мысли заметались, как вспугнутая стая птиц.

"Она знает?! Откуда?! Кто ей мог сказать?!".

— Луиза, кто тебе это сказал? — спросил я ее, пытаюсь выгадать время для придумывания подходящего ответа.

— Нет, Джек, ты мне сначала скажи, это правда или ложь!?

— Правда то, что я не громила. Клянусь!

— Ой, Джек! Я так рада! Извини, что подумала о тебе плохо! Вернее, я так не думала, просто девочкам как-то рассказала, что ты начальник над грузчиками в порту, а эти противные сестры Моррисон, чтобы мне досадить, всем рассказали, что в порту одни бандиты и громилы! И еще там есть Ходячая Смерть. Она ловит людей и хоронит их живыми в могилы! — меня после этих слов словно ведром холодной воды обдало. — Что ты на меня так смотришь, Джек? Я знаю, что нехорошо слушать страшные рассказы! Мне самой потом так страшно бывает! Так страшно! А они сами, эти сестры, какие вредные! Их отец тоже вон какой плохой оказался! Джек, я так рада, что ты не громила!

Переведя дух, посмотрел на Луизу. Она уж улыбалась, все ее беды были позади. Хватило только моего слова. Я выдавил из себя улыбку, при этом не испытывая никакой радости, только облегчение, что на этот раз все обошлось. Взял ее за руку, и мы пошли к двери. На улице было прохладно, но не было ветра и сияло солнце, поэтому мы решили поехать в парк. Прогуливаясь по пожухлой траве, покрытой ковром опавшей листвы, я слушал в пол уха милую детскую болтовню, а сам думал о том, что я делаю и зачем. То, чем я занимался сейчас, как и в своей прежней жизни, было основано на силе, страхе и крови, но в тоже время отличалось, как боевой нож спецназовца от кухонного ножа домашней хозяйки. Но ведь что главное в жизненном пути? Цель. Дети, дом... А у меня, как и прежде дорога вела в никуда. Какая тут может быть цель? Выжить на определенном этапе, а дальше уже и не заглядываешь. Да и к чему может привести такой путь? Только к очередному подвалу. Нет.

Не хочу. До сих пор я мог оправдаться перед собой словами: надо выживать, все средства хороши, а что теперь говорить? Если раньше я говорил себе: так сложилась судьба или мне нравился риск и адреналин в крови, то теперь я понимаю, что просто не искал ничего другого, плывя по жизни, как-то бревно по реке. Несет течение — вот и хорошо. Была одна фраза, но у кого не помню, хоть убей: "Судьбу человека предопределяет то, что человек думает сам о себе". Так вот, я не хотел думать о себе, как об убийце и бандите, хотя прежде меня подобные вещи не задевали. Если раньше я жил своей работой, то тем, чем я сейчас занимался, меня явно тяготило. Именно раздвоенность в себе привела меня к мысли о бизнесе, который даст мне возможность стать другим человеком и уйти с пути в никуда.

"А еще можно уехать в Россию. Как никак историческая родина. А что там? Начинать все с начала? А как же Луиза?"

И тут я с удивлением понял, что всем этим мыслям об иной судьбе в немалой степени я обязан маленькой девочке, чья теплая ладошка сейчас лежала в моей руке. Прежняя работа и та жизнь, которую я вел, приучила заботиться только о себе, что стало моим кредо, но, забросив меня в прошлое, судьба решила исправить эту оплошность, заставляя меня постоянно о ком-то заботиться.

— Джек, я продрогла. Пойдем в наш ресторанчик?

— Идем, малышка. Согреемся, покушаем. Ты, какой сок будешь пить?

Обсуждая и перебирая вслух вкусные блюда, мы отправились в небольшой ресторан, расположенный по соседству с парком. В предвкушении тепла и стаканчика виски я не сильно обращал, что делается вокруг меня, но вдруг неожиданно маленькая ладошка в моей руке дрогнула. Даже такой мелочи хватило, чтобы зазвучать внутреннему сигналу тревоги. Глаза и уши тут же начали сканировать пространство в поисках опасности, а правая рука расстегнула верхнюю пуговицу пальто, чтобы облегчить доступ к потайному карману, где лежал маленький револьвер. Впереди нас, шли три молодых клерка или приказчика, в плохо скроенных, но с претензией на шик, легких пальто, залихватски поигрывая тросточками. Сзади чинно вышагивающую пожилую семейную пару, обгоняла стайка хохочущих молоденьких девушек. По мостовой неслись кэбы, тащились омнибусы и грузовые фуры. Явной опасности нигде не было. И только теперь, когда убедился, что вокруг все чисто, я проследил взгляд Луизы. Она смотрела, не отрывая взгляда, как разговаривают женщина и мужчина, стоя на аллее, рядом с парковой скамейкой. Это было совсем недалеко от того места, где мы только что гуляли. Сейчас их заслонял ствол дерева, но после нескольких шагов, я увидел их снова. Мужчина стоял ко мне спиной, держа женщину за руку. Мой взгляд уже пробежал по ним, когда я осматривался.

"Что ее могло в них заинтересовать? — только я успел так подумать, как получил ответ: — Джек, это мисс Картрайт.

— Ничего девоч..., - начал я, но тут же вспомнил, что рядом Луиза. — Э-э... Я хотел сказать, она красивая, эта твоя учительница.

В следующую секунду на наших глазах разговор, до этого спокойный, начал перерастать в ссору. Женщина стала вырывать руку, а мужчина, не отпуская ее, схватил второй рукой за талию и притянул к себе, пытаясь поцеловать.

— Джек, миленький, пожалуйста... — Луизу просто трясло при виде надругательства над ее любимой учительницей. Она, по ее виду, очевидно, так понимала происходящее. Мне, честно говоря, не хотелось лезть в это дело, так как я считал, что подобные сцены не требуют вмешательства со стороны. Бой-френд пытается сорвать поцелуй у своей возлюбленной, а та

решила пококотничать, изображая из себя недотрогу.

"Может им так нравится проявлять свои чувства. Если бы захотела, то позвала на помощь".

Но это была любимая учительница Луизы, что не сделаешь для ребенка. Бросив еще один взгляд на лицо маленькой страдальцы, строго сказал: — Стой. Молчи. Не сходи с места.

Я был в трех шагах от борющейся парочки, когда молодая женщина обратилась ко мне за помощью: — Сэр, пожалуйста! Я прошу вас помочь мне!

Большие серые глаза в сочетании с правильными и тонкими чертами превращали ее лицо в настоящее произведение искусства. Мне тут же захотелось тоже поддержать ее за талию.

"Почему она раньше не позвала на помощь? Ведь кругом полно народа".

Не успели прозвучать ее слова, как мужчина резко обернулся, продолжая держать молодую женщину в своих объятиях. Тут я несколько опешил. Передо мной стоял Моррисон. Я его знал в лицо, так как присутствовал на одном из заседаний суда, а он, похоже, меня не знал. По крайней мере, в лицо.

"Кстати, насчет лица. По-моему он слишком сильно возбужден. А вот она... нет. Очевидно, я ошибся. Любовью здесь не пахнет. Тогда, в таком случае, что здесь происходит?".

— Что вам здесь нужно?!

— Для начала отпусти девушку, мистер. Потом узнаешь, что мне здесь нужно.

Его прямо передернуло от моих слов. Похоже, с нервами дела у него обстояли не важно, иначе я никак не мог объяснить скоропалительность его дальнейших действий.

— Мерзавец! Я тебя сейчас проучу!!

Оттолкнув девушку, он перехватил трость как дубинку, обеими руками, потом резко взмахнул ею, собираясь ударить меня ею сбоку. При этом он совершил самую распространенную ошибку, занеся ее слишком далеко назад и слишком низко. Выполнение удара с большим замахом требует времени. Когда трость пошла вперед, я находился на расстоянии шага от нее. Проследив движение по дуге, я поймал ее обеими руками. Пройдя небольшое расстояние, трость просто не успела набрать скорость. Вместо мощного удара я получил безобидный шлепок по ладоням. После чего вся сила, которую Моррисон пытался вложить в удар, обратилась против него. Мне только и осталось, что развернуться вместе с ним, выводя его из равновесия. Затем ударил его ногой по щиколотке, вырвал трость из рук и с силой нанес ей удар сбоку по его голове. Шляпа и Моррисон полетели в разные стороны. С секунду смотрел на его распростертое тело на засыпанной листвой аллее, пока не понял, что думаю о том, куда лучше нанести добивающий удар.

"Черт! Тебе крупно повезло, петух гамбургский. Если бы не Луиза, ты бы у меня всю оставшуюся жизнь на лекарства работал".

Трость в моей руке и взгляд на лежащее тело, очевидно, также зародили, в молодой женщине, мысли о дальнейшей расправе. Ее испуганный и одновременно растерянный взгляд метнулся от меня к распростертому телу, потом обратно. Она явно не знала что делать. Пока она колебалась, я стоял и молча ждал ее объяснений.

— Мистер..., - так как я не спешил представиться, она продолжила, — я вам очень благодарна. Ваш отважный поступок...

Тут ее взгляд устремился через мое плечо. Оглядываться не было необходимости,

быстрый топот маленьких ног мне был хорошо известен.

— Луиза! Как ты сюда попала?! Ты одна?! А где твой опекун?!

— Я не одна... А вы... — девочка еще не пришла в себя от произошедших на ее глазах событий. — Джек, ты такой...

— Все хорошо, моя маленькая. А теперь разрешите представиться. Джек Дилэни. Опекун Луизы.

В это время Моррисон завозился на земле, потом с трудом сел, держась левой рукой за голову.

— Ох! Что... за черт!

Судя по его бледному и разом осунувшемуся лицу, ему было очень плохо.

— А что будет с ним?! Ему, похоже, плохо. Мы разве не должны помочь ему? — чуть ли не в унисон раздались голоса Луизы и мисс Картрайт.

— Почему бы и нет? Желание дамы — закон. Разве не так говорят рыцари своим дамам?

При этих словах я выразительно посмотрел в глаза мисс Картрайт. Ее глаза ответили мне вызовом, несмотря на то, что щеки начали пунцоветь: — Вы не похожи на человека, читающего на ночь рыцарские романы, мистер Дилэни.

— Тут вы не правы мисс, изящная литература мне не чужда, но давайте отложим этот разговор на потом, пока я не разберусь с вашим негодяем.

— Он не мой! — в ее голосе было полно возмущения.

— Хорошо. Спорить не буду. Не ваш, — говоря это, я подхватил Моррисона под мышки и поставил на ноги. Потом легко подтолкнул по направлению к скамейке. Тот неуверенно, пошатываясь, сделал два шага и с трудом сел. — Но то, что он негодяй, вы же не собираетесь отрицать, мисс Картрайт?

Ее глаза потемнели от гнева: — Вы не можете так говорить о незнакомом вам человеке!

— Стоп! Как я не понял! Моррисон ваш близкий друг! А это просто была милая размолвка любящих сердец!

— Я...! Вы...! Как вы смее!

Ее переполняли смущение и гнев. Я смотрел на ее горящие глаза, на бурно вздымающуюся высокую грудь, на маленькие кулачки, с силой сжимающие ремешок ридикюля и любовался ею. Но тут тоненький голосок прервал наше противостояние: — Джек, это папа Агаты и Паулы?

— Точно так, малышка. Мы сделали хорошее дело, теперь можем идти. Вон, у тебя даже носик посинел от холода. Все, нам надо в тепло. Вы с нами мисс Картрайт?

— Неужели вы думаете, что я брошу человека в беспомощном состоянии? — ее голос должен был негодовать по поводу моей бесчувственности, но почему-то именно этого чувства в нем не ощущалось. Только растерянность. Похоже, она никак не могла решить, как себя вести по отношению ко мне.

— Взгляд мутный. Лицо бледное. Диагноз: сотрясение мозга, — я изложил вывод с безапелляционным видом, зная свое дело, доктора: — Хорошо, мы придем кэб. Кэбмен отвезет его домой, где любимая женушка уложит его в кровать. А его милые дочки...

— Вы... вы...! — она хотела сказать мне что-то резкое, но сдержалась, после чего продолжила более спокойным, но весьма холодным, тоном. — Надеюсь, мистер Дилэни вашего благородства хватит на то, чтобы сдержать обещание и прислать кэб?

Только я открыл рот для достойного ответа на столь язвительное замечание, как звонкий детский голосок ответил за меня: — Конечно, миссис Картрайт. Вы не думайте плохого о нем. Джек хороший. Он все сделает.

После чего мне только и осталось, что откланяться. Выйдя из парка и подойдя к краю мостовой, я подозвал кэб, после чего объяснил кучеру ситуацию и показал направление. Затем взял Луизу за руку, и мы начали идти, но очень медленно, так как девочка не отрывала глаз от парка. Вдруг она резко остановилась. Мне поневоле пришлось тоже остановиться и повернуть голову в том же направлении.

— Вон, смотри, они уже выходят. Кэбмен положил его руку себе на плечо и поддерживает мистера Моррисона. Джек, ты не слишком сильно его ударил? — при этом она посмотрела на меня. Я виновато ей улыбнулся в ответ. После чего она снова повернулась к медленно бредущей парочке. — А миссис Картрайт несет за ним шляпу и трость. Джек, а почему ты не помог ему?

— Он плохой, — я сделал попытку подладиться к ее детским понятиям.

— Плохие люди, так учит Господь, тоже нуждаются в человеческой доброте. Только познав добро, они могут исправиться. К тому же если бы ты ему помог, миссис Картрайт пошла с нами. А почему вы как-то странно разговаривали?

— Странно? Может быть, — я усмехнулся наивности ребенка.

Все же слова Луизы как-то странно царапнули меня по душе. Странно разговаривали! Ну, конечно! Вдруг я понял, почему так с ней разговаривал. Она мне понравилась, и я, чтобы привлечь к себе внимание, заговорил с ней на языке двадцать первого века, более свободно и раскованно, чем принято, совершенно забыв о разнице между нами в сто сорок лет. Забыл, что она по-другому воспитана, что смотрит на мир другими глазами, иначе, чем я.

Мы проследили за ними вплоть до того момента, как кэбмен с натугой загрузил Моррисона в экипаж. Луиза, дождавшись брошенного в нашу сторону взгляда миссис Картрайт, помахала ей рукой. Та, махнув ей в ответ, резко повернулась и пошла в противоположную от нас сторону.

"В свое время мне умный человек сказал так: наши представления о людях исходят из нас самих. Из наших страхов, надежд, мечтаний и только на тридцать процентов из реальности. Интересно насколько может быть это выражение справедливым к пониманию мужчины женщины... в особенности к красивой и... изящной?".

Последнее соображение было вызвано точеной фигуркой удаляющейся девушки, которую не могло скрыть даже легкое осеннее пальто

Вся власть города, как политическая, так и городская были насквозь продажны. Чиновники всех рангов крали из федеральной казны и бюджета штата и города. Брали огромные взятки за подряды на строительство, выделение земли, запуск новых транспортных линий, уборку улиц. Не было статьи в городском бюджете, которая бы не приносила бы дохода тем, кто управлял Нью-Йорком. Во главе всех крупных махинаций и сделок стоял Уильям Марси Твид, сенатор и лидер Демократической партии в Нью-Йорке. Переполнившим чашу терпения делом, на котором Твид "погорел", стало финансируемое из казначейства штата строительство суда округа Нью-Йорк на Чамберс-стрит, 52. Возведение здания суда обошлось налогоплательщикам в двенадцать миллионов долларов. Чтобы представить себе масштаб воровства во время строительства, нужно вспомнить, что как раз в это время, в 1867 году, Российская империя продала Аляску всего за 7 миллионов долларов, то есть почти в два раза дешевле, чем стоило казначейству штата одно трёхэтажное здание.

* * *

Около семи часов вечера я медленно шел по сорок шестой авеню. Моей целью был бордель мадам Рошан. Про это заведение под названием "Дом благородных дев" в газетах писалось так: "обслуживание только на высшем уровне и только для истинных джентльменов". Пройдя мимо ярко освещенного парадного входа, я завернул за угол, обошел дом и вышел на параллельную улицу. Пройдя мимо черного хода борделя, дошел до следующего здания. Этот двухэтажный дом не блистал особой красотой. Красный кирпич упрямо лез из-под осыпающейся штукатурки. На первом этаже дома над входом висела старая вывеска, которая гласила "Бакалейные и колониальные товары. Моцарт и сыновья". Но ни бакалейных товаров, ни Моцарта с сыновьями здесь давно не было, зато здесь был тайный вход в заведение мадам Рошан для избранных. Именно с этого входа в это заведение часто навещался Кортленд Ван Дайм. Как я уже знал, этот своеобразный филиал борделя состоял из двух роскошных спален для особенно дорогих гостей. Дорогих — из-за толстых кошельков, а не из-за их обаяния. На первом этаже находился охранник, пускавший только своих, проверенных клиентов и комната для обслуживающего персонала пополам с буфетом. Виски. Вино. Фрукты. Легкие закуски. Остановившись у двери, постучал условленным стуком. Сначала открылось маленькое зарешеченное окошечко в двери, и только после того как меня узнали, лязгнул засов, и дверь отворили. За ней находились два бойца из группы Джима Харда и лежащий без сознания охранник мадам Рошан. Кивнув парням, поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Здесь меня ждал Сэм Бык и фотограф со своей камерой. Тот явно нервничал. Некоторое время я осматривал здоровый деревянный ящик с объективом — гармошкой на треноге, потом перевел взгляд на Быка. Тот все понял без слов.

— Все нормально. Дверные петли смазаны, войдем бесшумно. А с камерой я ему помогу.

— Тогда пошли.

Я вошел первым, за мной остальные. Помощник олдермена, пристроившись сзади к

стоявшей на четвереньках блондинке, работал в поте лица. Другая проститутка, черноволосая, стояла на коленях, прикрыв томно глаза и сексуально изогнувшись, оглаживала свои прелести для еще большего возбуждения клиента. Стоны и крики не прерывались не на секунду. Мне пришлось толкнуть в плечо фотографа, застывшего при виде открывшейся его глазам картины. Очнувшись, он быстро установил камеру и засунул голову под черную ткань. Не успел он это сделать, как брюнетка решила поменять позу и открыла глаза. Увидев нас, она застыла как изваяние на какие-то мгновения, тем самым, подарив еще несколько драгоценных секунд для подготовки фотографу, после чего в воздух ввинтился тонкий, визгливый крик. Ван Дайм на мгновение замер, после чего резко повернул голову в нашу сторону. В этот момент раздался щелчок, и будуар осветила магниевая вспышка. Крик мгновенно прервался, после чего неподвижно замершая при виде нас группа голых фигур пришла в движение. Дамы с пронзительным писком нырнули с головой под одеяло, оставив голого клиента разбираться с непрошенными гостями. Тот пару секунд недоуменно смотрел на нас, пока не сообразил, что сидит на кровати голый. Метнувшись к стулу с одеждой, он судорожными движениями стал натягивать на себя нижнее белье. И только после того как его мужское достоинство оказалось прикрыто, он подал голос: — Кто вы такие?! Что вы себе позволяете?!

Я кивнул Сэму на фотографа. Тот тут же взял его за плечо, после чего они покинули спальню.

— Сэр, извините меня за вторжение. У меня к вам есть разговор. Крайне важный, — я старался говорить спокойно, но внутри меня разбирал смех. Уж больно забавная вокруг была обстановка для серьезного разговора. Особенно пикантно смотрелись детали женского белья, разбросанные по всей спальне. Да и сам полуодетый господин Ван Дайм никак не придавал ей серьезности.

— А фотограф зачем?

— Извините, но наш разговор не для лишних ушей, — при этом я выразительно покосился на кровать.

— Мари, Аннет, на сегодня все.

Головы девушек тут же дружно показались из-под одеяла.

— Все? — недоверчиво спросила беленькая проститутка. — А наши деньги?

— Вы получите их сполна. Мой человек, за дверью, заплатит вам все, до последнего цента, — ответил я ей.

Как только за ними закрылась дверь, я сел в легкое кресло напротив одевшегося Ван Дайма. Тот уже сумел взять себя в руки, и теперь в его взгляде читалось не только негодование, но и любопытство.

— Теперь вы мне объясните, что означает ваше вторжение?

— Мы хотели бы видеть вас в качестве партнера в некоторых коммерческих операциях. А чтобы закрепить наше партнерство и сделать его в какой-то мере равноправным, я решился на такой шаг, — увидев, что он хочет меня перебить, жестом остановил его, после чего продолжил. — Фотография никогда не увидит света, если мы найдем с вами общий язык. Конечно, это грубый шантаж, но кто этим сейчас не грешит, господин Ван Дайм? Насколько я наслышан о вас, вы также не гнушаетесь подобных методов, когда вам надо убрать с дороги противника, так что мы в чем-то похожи друг на друга, — я думал что он каким-то образом отреагирует на мою наглость, но тот предпочел проигнорировать мои слова. — Теперь о нашем уже начавшемся сотрудничестве. Не делайте удивленные глаза

господин Ван Дайм! Ведь благодаря нам, у вас не стало политического противника. Как вам это?

— Противник? Это вы о Моррисоне? Хм. Красивый ход. Он был серьезной фигурой. А вот с фотографией, — тут он сделал паузу, затем укоризненно покачал головой, — вы пересолили. Почему просто не переговорить со мной?

— Я дважды записывался на прием у вашего секретаря. И что?

Ван Дайм раскурил сигару, затем медленно и со вкусом затянулся. Пустил дым изо рта.

— Что тут скажешь? Издержки нашей бюрократии. Хорошо, закроем этот вопрос. Так что за коммерческие операции вы собираетесь мне предложить?

Прошло буквально десять минут с начала нашего разговора, а его непринужденность, хорошие манеры, отточенные фразы, все это, в сочетании, невольно заставляло меня заострять внимание именно на нем, а не на окружающей нас обстановке.

"Вот, жук! Сумел-таки создать такое впечатление, словно я нахожусь не в шлюшкиной спальне, а у него на приеме в кабинете".

— Производство виски.

— Занимайтесь. Зачем вам мое благословление на это дело?

— Благословление нам действительно не нужно. А вот от лицензии на производство виски мы бы не отказались.

— Хм, — он на некоторое время задумался. — Очень интересно. Как раз по этому вопросу я буквально позавчера разговаривал с одним моим коллегой. Вот уж действительно не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Судя по вашим решительным действиям, вы имеете отношение к криминальному миру Нью-Йорка?

— Вы правильно понимаете, сэр.

— Ваше имя, мистер?

— Джек Дилэни.

— Как же, как же. Наслышан. Вы большой человек в порту. Впрочем, неважно. Вы в курсе, что с полгода тому назад власти в несколько раз увеличили ставки налогов на алкогольную продукцию. Это было сделано, прежде всего, для того чтобы сбалансировать государственный бюджет, который все никак не может прийти в себя после войны шестьдесят первого года. Естественно, что владельцы винокуренных заводов оказались недовольны подобными нововведениями. Часть из них собралась в группу, представители которой недавно прибыли в Нью-Йорк, чтобы найти человека, который бы понял их бедственное положение и помог им. Таким человеком является мой коллега и очень мой хороший знакомый. Он, может быть, и пошел бы на некоторое отступление от правил, ради помощи хорошим людям, но не может заниматься этим лично. Ему нужен человек, который бы стал связующим звеном, между ним и группой владельцев винокуренных заводов. Работа посредника будет оплачена. Оказавшись вовлеченным в это дело, вы получите не только материальную выгоду, но и тесные связи с производителями алкогольной продукции. А это значит, что у вас появятся возможности для дальнейшего сотрудничества, как с поставщиками алкоголя, так и с моим хорошим знакомым. Дерзайте! Ваши успехи на данном поприще, мистер Дилэни, будут хорошим поводом для продолжения нашего разговора.

— Мы рады будем помочь вашему хорошему знакомому, сэр.

Дело винокуров, первоначально казавшееся простым, на самом деле оказалось довольно

щекотливым и суетливым. Прибывшие в Нью-Йорк два выбранных представителя от группы владельцев винокуренных заводов оказались как по внешности, так и по характеру обычными фермерами. Наглыми, жадными и трусливыми. В принципе, они такими и были в прошлом, когда растили лук и разводили свиней. Только в отличие от большинства других фермеров бог им дал чуточку больше мозгов. Взять хотя бы одного из двоих Дика Макнилла. Агрессивный, наглый, не верящий на слово и во всем ищущий подвох. Правда, его агрессия проявлялась до тех пор, пока он не узнал, с кем разговаривает. Затем я четко дал понять, что в бизнесе они будут участвовать по любому, хотят они этого или не хотят, но когда я перешел к условиям и возможностям нашей совместной работы, как заметил, что угрюмотоскливое выражение начало сходиться с их физиономией, сменяясь живым интересом. К концу нашей беседы они уже сами засыпали меня вопросами и предлагали новые идеи. Хотя их сомнения так до конца и не рассеялись, но теперь, как мне показалось к концу наших переговоров, они видели во мне не столько бандита, сколько коммерсанта. На следующий день вечером, после суток, которые я им дал на обдумывание, они дали свое согласие на сотрудничество от лица всей группы владельцев заводов. Когда я приехал к Сержанту рассказать о результатах проведенных переговоров, то был встречен скептической усмешкой и такими же словами: — Ну, как тебе фермеры?! Получил удовольствие?! Наверно затряслись от страха, забились в угол, держа руки на кошельках, когда узнали, кто ты такой. Потом быстро дали согласие и умотались, благодаря бога, что остались живые, при этом, искренне надеясь, что никогда тебя в жизни больше не увидят! Ведь так и было?! Ну, давай рассказывай! Не томи!

По мере моего рассказа ехидная усмешка на его губах стала затухать, а вместо этого стало проступать удивление на лице. Закончил я словами: — Теперь Сэм, мы будем получать пятнадцать центов с бутылки виски, проданного в нашем районе. И еще я договорился с капитанами, закупающими небольшие партии виски для буфетов своих кают-компаний. Кстати, некоторые из них не прочь закупать по несколько ящиков для своих нужд. И еще одно. Есть компания, которая поставляет вина и крепкие напитки для буфетов кораблей речного и прибрежного плавания. Знаешь, сколько кораблей составляет этот каботажный флот?! Четыреста! Заполучив такую компанию, и имея пару собственных винокуренных заводов, мы... Не хочешь за меня закончить эту фразу, Сэм!

— ...будем иметь кучу денег!! А что за компания?! С кем они... Черт! Об этом потом! Ну, Джек Дилэни! У меня слов нет! Благодаря тебе мы скоро будем купаться в деньгах! Гром и молния меня порази! Все! Кидаем все и едем в ресторан! Виски и девочки! Сегодня плачу я!

На следующее утро я с трудом оторвал голову от подушки, а затем помогая себе руками, сел на кровати. Голова раскалывалась. Во рту было сухо и противно. Даже холодный душ не сильно помог. Я твердо решил отлежаться сегодня дома, но отдохнуть мне так и не дали. Сначала приехал Карл. Только я закончил перечислять ему дела, которыми он должен будет заняться, как дверь распахнулась, и в комнату вошел Кац в сопровождении Томми Паркера. У него было такое скорбное лицо, что я мог предположить только два варианта постигшего нас несчастья: или наступил мировой экономический кризис или он потерял доллар. Но, судя по тому, как Томми замер у порога, стараясь как меньше привлекать мое внимание, нетрудно было догадаться, что есть еще и третий вариант, и он касается порта.

— Что случилось? Выкладывайте!

Кац, несколько помедлив, подошел к столу, снял шляпу с головы, прижал ее к груди

обеими руками, после чего произнес трагическим тоном: — Нас ограбили, мистер Дилэни.

— А если по конкретней?

— Куда уж конкретнее, сэр. Склад, куда позавчера был сложен полученный от контрабандистов товар, ограблен. Там были сигары, кофе, чай, ткани и шестнадцать ящиков вина. Сегодня я собирался большую часть товара отвезти Давиду Геллеру. Пришел, а там... Содом и Гоморра! Часть ящиков разбита, товар лежит на полу. Очевидно, воры не знали, где что лежит и взламывали ящики все подряд. Больше всего было украдено рулонов ткани, а также сигары и кофе. И еще три ящика вина.

— Сколько получается в деньгах?

— Не меньше двух с половиной тысяч долларов.

— Сколько?! — я вскочил с кресла. — Это же две четырехвесельные лодки!! И что, их никто не видел?! Том, ты отвечаешь за охрану! Куда смотрели твои уроды?!!

— Длинный Джексон, уверяет, что проходил около склада, где-то, в час ночи. Все было тихо. К тому же все знают, попадись они на краже, конец один — в мешок и в воду!

— Мне плевать, что тебе говорил Длинный! Тряхани его, как следует!! Я должен быть уверен, что он непричастен! Иначе..., я отдам его Крысе! И еще. Бери всех парней и прочеши порт! Спрашивай у всех! Я хочу знать, как так получилось!! Две большие груженные лодки!! Их не могли не заметить! Свободен!! Карл, ты тоже с ним!

Нетрудно было заметить, когда я упомянул о Крысе, лица у всех троих напряглись и застыли, хотя все они, только слышали о нем. Слухи о Крысе, как мастере пыток и палаче, распространял я сам, запугивая его именем своих громил. Я это сделал в отместку о распушенных слухах. Про кладбище и Ходячую Смерть. Сам же Крыса, жил своей непонятной для меня жизнью, иногда пропадая неделями неизвестно где, но постоянно возвращаясь после отлучек ко мне. Дня три, а то и пять, он ходил за мной следом, но никогда не подходил и не заговаривал со мной первым. Когда я его замечал, то окликал и пытался разговаривать, но его ответы были настолько неопределенными и односложными, что я бросил эти попытки, теперь просто давая ему при встрече деньги. Он их брал и снова исчезал в тени ближайшей подворотни. Да и для меня он стал сродни тени. Когда солнце — она есть, когда тучи — ее нет. Правда, первое время его исчезновения меня беспокоили. Боялся, что открою в один прекрасный день утреннюю газету, а там пишут про маньяка, который отрезает головы своим жертвам. Но со временем мои страхи ушли сами собой. Скорее всего, болтается по низкопробным кабакам и откусывает мышам головы за деньги, как делал прежде. Мне очень хотелось так думать. Он не доставлял мне проблем, зато навел на мысль. И вот сейчас я пожинал плоды в виде страха, на лицах людей, которые только слышали о Крысе.

— Кац, теперь тебе. Соберешь, что осталось и отвезешь Геллеру.

— Чтоб у этих паршивых воров руки отсохли! И Давид будет недоволен. Скажет, чем торговать?

— Пусть свое недовольство засунет себе в задницу! Так ему и передай! И еще. Мне надо в нашем районе найти контору, которая бы занялась разливом виски в бутылки и наклейкой на них этикеток. Иди! Я буду в порту к обеду.

Я шел по территории порта, злой и недовольный. Две лодки груженные товаром! И у кого?! У меня! Вдруг, неожиданно, рядом со мной раздался детский голосок: — Мистер! Эй, мистер!

Я остановился и повернул голову. В двух шагах от меня стоял мальчишка-беспризорник, лет девяти-десяти, по кличке Цилиндр. Свое прозвище он заработал, найдя на свалке старый, помятый цилиндр. Натолкав в него старых газет, он долгое время носил его, пока тот куда-то не пропал. Худенькое тельце, в буквальном смысле этого слова, было закручено в некогда бывшее пальто. Из-за треснувших швов воротника и из подмышек торчала подкладка, а из подвернутых рукавов торчали грязные рукава мужской рубашки. Все это висело на его худеньких плечах как на пугале. На ногах было некое подобие обуви, сделанное из рогожных кулей и держащееся при помощи веревок, завязанных вокруг щиколоток. Картину дополняла всклокоченная, грязная шевелюра, синие с хитринкой глаза и окурок сигары, торчащий в углу рта. Судя по его довольно поблескивающим глазкам, ему уже что-то удалось спереть в порту. Я оббежал глазами его наряд, который местный фермер постеснялся бы надеть на пугало, но этот малыш им явно гордился. Так и есть, под пальто, в районе подмышки что-то выпирало.

— Ну что тебе Цилиндр?

— Прикурить не найдется, мистер?

— Курить вредно.

Цилиндр знал, что я не курю. Это был только повод, чтобы заговорить со мной.

— Мистер, а как насчет монетки для голодного мальчика?

— Будет тебе монетка, если скажешь, что у тебя под мышкой.

Лицо мальчишки сразу потеряло человечность, превратившись в морду зверька, захваченного врасплох. Он напрягся, готовый к бегству.

— Ничего у меня нет, — сказал, как отрезал.

Даже голос изменился, став глухим и злым.

— Нет, так нет. Держи монетку.

Я протянул ему ладонь. Он осторожно, словно звереныш, готовый в любой момент отскочить, приблизился, затем, схватив четвертак, тут же отскочил. Честно говоря, я был только рад этому. Пахло от мальчишки отвратительно, и я с трудом сдержал брезгливую гримасу.

— Слушай, парень, когда ты мылся в последний раз?

— Последний? — мой вопрос его явно озадачил. — Точно, не помню. А что?

— Запах от тебя... — я неодобрительно покачал головой.

— А ты не нюхай!

Мне только и осталось, что снова покачать головой на подобное нахальное заявление. Только я хотел идти дальше, как Цилиндр снова заговорил: — Джон, ты бы сказал этим крысам, портовым охранникам, чтобы руки не распускали. Два дня тому назад эта старая сволочь Маккартни, меня дубинкой по спине перетянула. Я ему: за что? А он смеется и говорит: ты радоваться должен. Я тебя учу. Ум через задницу вгоняю. А Тихоню сегодня ночью чуть совсем не убили.

— Его-то за что? Он совсем тихий паренек. Лишний раз рта не раскроет.

— Сам толком не знаю. Молчит. Забился в угол и трясется.

— На. Возьми для Тихони, — я протянул ему еще одну монету в двадцать пять центов. Забрал ее, он зажал ее крепко в кулаке.

— Доброго дня тебе, Джон, — мальчишка уже развернулся, готовый уходить, как я неожиданно его окликнул: — Цилиндр!

Он резко развернулся. Глаза настороженные.

— Слушай, а ты ничего не заметил нынешней ночью?

— Нет. Ничего. Ну, я пошел.

— Не знаешь, так не знаешь. Кроме Маккартни, кто еще из охранников к вам пристаёт?

— Его напарник. Длинный такой. Белобрысый. Шведом кличут. Я его только что...

— тут мальчишка резко замолчал, после чего ткнул пальцем куда-то вбок. — Вон он идет, гад. Чтоб ему в ад провалиться!

Я повернул голову. Этого охранника я знал. Из вновь набранных. Конечно, я мог бы и сам с ним разобраться, но теперь это не соответствовало моему статусу босса. Уже собирался отвернуться от него, как в этот момент тот посмотрел в нашу сторону. Встретившись со мной глазами он явно растерялся, даже замедлил шаг, но в следующую секунду отвел глаза и пошел своим путем. Я смотрел ему вслед и пытался понять, что только что сейчас произошло. Поведение Шведа говорило о его явном замешательстве. Но почему? Посмотрел на мальчишку, но тот никак особенно не отреагировал на странности в поведении охранника, только взгляд стал злым. Мальчишка отпадает. У меня тоже дорожки не пересекались со Шведом. Слишком мелкая рыбка для меня. Тогда что?

— Эй, Джон! Так я пойду? А то Тихоня там голодный сидит.

"Тихоня... прибежал ночью. Охранники... его чуть не убили. Значит... он был в порту. Ночью, — цепочка фактов в голове выстраивалась сама по себе: — Он что-то видел. Швед занервничал, увидев меня с беспризорником. Он тоже был ночью в порту. Неужели это он, сучонок?! Стоп! Не пори горячку! Разложим все по порядку. Тихоня столкнулся этой ночью с этим охранником. Этой ночью меня ограбили. И теперь он занервничал, увидев что я разговариваю с беспризорником. Отсюда вывод...".

— Джон ты чего?! Смотришь на меня, а как будто не видишь! — в голосе мальчишки слышались испуганные нотки.

— Тихоня... точно был этой ночью в порту?

— Так я же вроде тебе уже сказал, Джон, — удивленно сказал мальчишка. — Его чуть там не убили эти ироды. Еле убежал.

"Все сходиться".

— Цилиндр, хочешь пять долларов?

— Еще бы не хотеть! А что надо делать?

— Приведешь Тихоню. Поговорить надо.

— А еще пять для Тихони?!

— Иди, вымогатель. Не обижу.

Шведа и Маккарти мои парни взяли быстро и тихо, после того как те закончили дежурство и шли домой. Связанных по рукам и ногам их в грузовом фургоне перевезли на один склад, находившийся на берегу реки. Рядом с ним на берегу была сколочена маленькая пристань для одной лодки. И пристань, и лодка были хорошо укрыты густыми зарослями тростника и осоки и не видны со стороны реки. Своего рода черный ход. Сам склад представлял собой сырое и угрюмое помещение из красного кирпича, с сырыми потеками, как внутри, так и снаружи, наверно, поэтому внутри помещения размещались две печи. Одна большая — на самом складе, другая маленькая — в небольшой комнате, отделенной от общего помещения двумя кирпичными перегородками, в одной из которых была пробита дверь. Осматривая помещение в первый раз, я еще тогда подумал, что этот склад, находящийся сравнительно недалеко от порта и одновременно в заброшенном месте, редко

посещаемым людьми, вполне может пригодиться для доверительных бесед с нехорошими людьми. Сторожем на складе я назначил Джеймса Богарта, одноногого ветерана — попрошайку. И не только из-за благодарности, что он свел меня со своими товарищами — рейнджерами. Как оказалось, он был не только хорошим солдатом, но и большим специалистом по развязыванию языков в роте, переняв в свое время опыт мексиканских бандитов и индейцев. За последние полгода Богарт не раз уже сумел доказать, что он мастер своего дела. Даже самые упорные, попав в его руки, долго не выдерживали, а охранники совсем не походили на крутых парней. Поэтому я ожидал сведений уже в течение часа. Так оно и получилось. Как уже я догадывался, грабители сговорились с охранниками, Шведом и Маккарти. Около трех часов ночи гичка пристала напротив склада, где хранилась контрабанда. В свое время я специально выбрал этот склад, наиболее близкий к воде, для хранения контрабанды. До ограбления это казалось удобным — быстрая перегрузка товара с лодок контрабандистов, теперь удобство сыграло на руку грабителям. Шайка грабителей состояла из пяти человек. Главарем у них был Шкипер Мак. Охранники встретили их, затем помогли взломать склад. Они рисковали, но не так уж сильно, как могло показаться, так как четыре склада, в том числе этот они не несли ответственности. За них отвечали головой парни Тома Паркера. Чтобы скрыть то обстоятельство, что воры действовали по наводке, был взломан рядом стоявший склад с бочками со смолой, канатами и парусной тканью. Малую часть награбленного загрузили в лодку, а большую часть перенесли на склад, от замка которого у охранников имелись копии ключей. Из порта товар они собирались вывозить мелкими партиями, после того как утихнет шум. Скорее всего, так бы все и случилось, если бы не Тихоня, который по чистой случайности, наткнулся на них ночью.

— Лица не трогали? — спросил я Джима Харда, сидящего в кресле напротив меня.

— Нет. Только по почкам дали, да в живот по паре горящих щепок загнали, — хищно усмехнулся бывший капитан рейнджеров.

— Когда ты говоришь, они должны встретиться со Шкипером Маком?

— Сегодня вечером, в восемь, в баре "Сухая ветка".

— Ты думаешь, придет?

— Сначала придет шестерку. Тот осмотрится и если опасности не почует, даст знать главарю. Они же для него, что золотая жила для старателя. Будет разрабатывать, сколько сил хватит.

— Где охранники?

— Как ты велел. Дома. Парни Уилкса за ними приглядывают. Кто захочет наведаться — милости просим!

— Дело полностью на тебе, Джон. Мне нужен этот Шкипер с его висельниками.

— Понял, босс.

Холодный сырой ветерок, налетающий порывами, не только пронизывал насквозь, но и нес временами противные до тошноты запахи, о происхождении которых даже думать не хотелось. Уже около полутора часов мы поджидали шайку Шкипера в засаде. Те должны были приплыть еще час тому назад, но до сих пор их почему-то еще не было. На этот раз я решил сам участвовать в этой операции, так как давно хотел посмотреть на работу бойцов в сложной обстановке. Это был для них своего рода экзамен. Джим Хард и пятеро его людей рассредоточились между складами, взяв в кольцо место, где была назначена встреча грабителям. Швед и Маккартни сначала терпеливо стояли в ожидании лодки, но после того

как время прошло, они занервничали, завертели головами по сторонам, вглядывались в темноту, висевшую над водой. Уже несколько раз поднимали заслонку тайного фонаря, подавая сигнал, затем опускали ее и слушали, не раздастся ли плеск воды или тихий шлепок весла о воду. Но кругом все так же было тихо и темно. Мне уже начало казаться, что кроме холодного сырого мрака в мире ничего не осталось, как неожиданно явственно послышались тихие шлепки весел о воду, а затем глухой удар, означающий о состыковке носа лодки с причалом.

— Что вы так долго? — ломаным голосом от страха громко прошептал Маккарти.

— Показалось, что за нами следят. Выжидали. Как тут?

— Все тихо.

— А что вы сами на себя не похожи? Трясет вас как в лихорадке.

— Постой здесь на холодном ветру, тебя не так еще затрясет.

— Ладно тебе. Давай руку, приятель.

Выбравшись на берег и привязав лодку, они успели сделать только с десяток шагов, как Джон с парнями их окружили. Неожданность и внезапность нападения позволили бойцам Харда с самого начала нанести ощутимый урон противнику. Двое из шайки Шкипера, не успев среагировать на опасность, мгновенно были сбиты с ног мощными ударами кулаков с надетыми на них кастетами. Вслед за ними упали на землю охранники, но эти оказались на земле, потому что им так было приказано. Вынырнув из-за угла соседнего склада, я перекрыл дорогу к лодке, после чего стал наблюдать за схваткой. Грабители, растерявшись, совершили большую ошибку. Вместо того чтобы разбежаться в разные стороны, они инстинктивно выбрали короткий путь к бегству, попытавшись пробиться обратно к лодке. Все пока шло, как я и предполагал, кроме одного. Не учел, что тайные фонари могут быть использованы в качестве оружия. Предполагал, что грабители схватятся за ножи, но вместо этого они использовали фонари. Крепкий мужик, в теплой драповой куртке, сумел отбить удар бойца Харда, а затем неожиданно обрушил на его голову фонарь. Билл Сайдерс рухнул на землю, как подкошенный. Грабитель не стал терять даром времени и следующим замахом руки отправил свой фонарь в полет. Тот, ударившись о плечо бойца, в это время дравшегося со Шкипером, заставил того пошатнуться. Главарь, воспользовавшись моментом, выхватил нож и ударил своего противника в бок. А грабитель в куртке, не теряя времени, протаранив плечом еще одного бойца, кинувшегося ему на перехват, бросился к лодке. Шкипер рванулся вслед за ним, но не успел пробежать и двух шагов, как на его плечах повис Джим Хард, сбив его с ног. Еще один из грабителей, отчаянно размахивая фонарем, сумел прорваться и пустился бежать, рассчитывая затеряться среди складов. Вслед за ним тут же устремились двое парней Харда. Здоровяк в драповой куртке, распираемый яростью и страхом, раскинув руки, пер прямо на меня. В самый последний момент отскочив, я перехватил противника за руку, дернул вниз, выворачивая руку и заставляя упасть противника на колени. Затем резко дернул, выворачивая руку из сустава. Вопль только начал зарождаться, как я, отпустив руку, нанес сокрушительный удар каблуком по шее судорожно дергающегося тела. Под ногой что-то противно хрустнуло. Грабитель неподвижно замер. Быстро оббежал глазами место схватки. Два неподвижно распростертых на земле тела грабителей. Сам Хард сидел на Шкипере, лежащим ничком на земле и связывал ему руки. Охранники только начали осторожно подниматься с земли, боязливо оглядываясь по сторонам. Двое бойцов закончив связывать оглушенных грабителей, теперь оказывали помощь Биллу Сайдерсу и раненному в бок. Еще один боец держался рядом со Шведом и Маккартни, испуганно озирающимися

вокруг. На всякий случай. Бросил взгляд на лежащее передо мной тело.

"Похоже, мертв. Проверим. Шея. Пульса нет. Труп, — я распрямился, после чего подошел к Харду, уже вставшему на ноги.

— Это все, на что способно твоя боевая группа? Вас было шестеро. Их пятеро. Неожиданность была на вашей стороне. И каков результат? Двое раненых. Чему я вас учил?!

Тот вскинул на меня, неостывшие от схватки, полные дикой злобы глаза: — Ты же сам сказал, что их надо брать живьем! И сам видел, как они сопротивлялись!

— Проверку ни ты, ни твои люди не сдали. Устроишь разбор ошибок с парнями, доложишь мне, а уже потом я буду разбираться с тобой. Ты все понял?

Джим Хард пытался выдержать мой взгляд, но не смог, опустил глаза: — Понял, командир.

Тут появились бойцы, тащившие за руки неподвижное тело беглеца. Судя по некоторым признакам, это был труп. Оказалось, что когда они его настигли, тот схватился за нож. В результате схватки — легкая рана одного из бойцов и труп грабителя. Я был раздражен и зол на себя, так и на своих учеников — бойцов Харда: — Уличная драка, а не захват противника. Но фонари... Как я не учел этого факта!"

Злость кипела во мне, требуя выхода. Сгреб за шиворот главаря, рывком оторвал его от земли и прислонил к стене склада.

— Где товар?

Тот молча ухмыльнулся мне в лицо, чем еще больше разозлил меня.

"Играть в молчанку? С бойцом специальной разведки?"

Быстрое "потрошение" являлось одним из моих основных предметов специальной подготовки. Пальцы сжали болевые точки у основания шеи. Шкипер вскрикнул, закатив глаза, потерял сознание. Потерев уши, привел в чувство.

— Товар?! Быстро! А то раздавлю яйца!

Глаза главаря злобно сверкнули.

— Сам сделал выбор, — башмак опустился на самую уязвимую точку тела. Тело задергалось. Я нажал сильнее.

— О-ох! Все скажу!

Несколько минут спустя я уже знал, где находится тайник с товаром. Отойдя в сторону, щелкнул крышкой часов. Около четырех часов утра. Порыв холодного ветра заставил меня поежиться. Адреналиновый заряд кончился, я снова чувствовал сырость и холод. Оглянулся на Харда. Тот тут же подошел ко мне.

— Что делать с ними, знаешь. Я пошел. Товар из тайника сразу отвезешь Геллеру на склад.

— Хорошо, Джек. Все будет сделано, как надо.

Кивнув на прощанье головой парням, двинулся по направлению к своему офису, думая только о том, что чашка кофе и стаканчик бренди будут мне очень кстати. Я уже допивал третий стаканчик, как появился Карл. Только приступил к указаниям по сегодняшней работе, как двери открылись, и появился Кац, с довольной ухмылкой на лице. Прямо с порога он объявил, что нашел компанию, занимающуюся разливом и наклейкой этикеток на бутылки. Находилась она в старом здании на берегу реки, недалеко от бывшего жилища Доббинсов, а нынче дома Дикки и Марты.

Пару раз, еще до стачки докеров, я навещал их дом, каждый раз находя теплый прием и доброе слово, но после того, что случилось, не был не разу. Мне не хотелось, ни слушать

гневные слова Марты в свой адрес, ни оправдываться. Насчет ее отношения к своей особе я не сомневался, после разговора с Дикки, произошедший несколько дней спустя после забастовки. Моя попытка наладить хоть какое-то отношение неожиданно напоролась на гневную отповедь о плохих людях и их гнусных поступках. По окончании его чересчур эмоциональной речи, мрачно заявил, что никому другому не спустил бы подобных слов и тут же пожалел о сказанном, видя как робкого и простодушного парня начало трясти от страха. Теперь когда стало понятно, что это не выплеснутая злоба, а просто всплеск накопившихся эмоций, я решил оставить для него путь для отступления, сказав напоследок, будет трудно, приходи, сделаю все, что в моих силах.

Компания под громким названием "Громби и сын" обитала в ветхом строении в конце узкой извилистой улочки в нескольких метрах от воды. Комнаты с обшитыми панелью стенами, потерявшими цвет под воздействием сырости и копоти, подгнившие полы и лестницы, писк и возня крыс все это произвело на меня довольно отвратительное впечатление. С трудом, найдя комнату с тусклой табличкой "Управляющий", я толкнул дверь и вошел. Следом за мной проскользнул Кац. Карл остался в дверях. Нашим глазам предстала грязная комната, где все убранство составляли две табуретки, колченогий стол, вешалка для шляпы, старый календарь, чернильница, да стоявшие на камине часы без минутной стрелки. За столом сидел благообразный господин с седыми волосами, падавшими на плечи и длинными баками. От Мика Уокера, так он нам представился, мы узнали, что основной работой компании была разливка и доставка вин и крепких напитков в бары и рестораны. После того как мы договорились о цене, управляющий изъявил желание лично показать, как ведутся работы. Зайдя в первую из комнат, мы стали наблюдать, как полдюжины подростков проверяют бутылки, держа их против света, откладывают треснувшие в сторону, а целые полощут и моют. Затем управляющий провел нас через ряд комнат, где шел сам процесс разлива. Мокрые шланги, лужицы алкоголя, мутные глаза детей и стоявший над всем этим запах сивухи, который, казалось, пропитал здесь все насквозь. Наконец, мы добрались до последней комнаты, где шла закупорка полных бутылок и наклейка на них этикеток. Здесь было только четверо мальчиков. Трое уставились на нас, как только мы вошли, четвертый в это время ставил последнюю бутылку в ящик. Вот он распрямился, а затем повернулся в нашу сторону. Я вздрогнул, не веря своим глазам. Передо мной стоял некто, очень похожий на мальчика, которого я потерял больше года назад. На Тима. Парнишка, похоже, тоже не сразу верил своим глазам, увидев меня.

— Джек, ты... жив?! — в его голосе была надежда и страх. — Ты же...

— Тим!! Парень! Я тебя все-таки нашел!

Пообедав, мы перешли в мой кабинет. Мальчишка, чистый, накормленный и одетый во все новое, пил чай со сладким печеньем. стакан с чаем стоял передо мной, но я к нему так и не притронулся, за все время рассказа Тима о его жизни в Нью-Йорке. После разбойного нападения, когда меня и труп налетчика куда-то утащили трое бандитов, главарь шайки и девчонка — наводчица прихватив вещи и растерявшегося Тима, двинулись грязными задворками в глубь трущоб. Он даже не пытался сопротивляться, настолько был удручен моей гибелью. Минут через сорок его приволкли в грязный, вонючий, пустой дом, где было их логово. Заведя в одну комнату, открыли крышку люка и столкнули в подпол. До этого он воспринимал все происходящее с ним, как в кошмарном сне, и только оказавшись в темноте, среди шуршащих в углах крыс, он понял весь ужас своего положения. Забившись в угол,

сжался в комок. Несколько раз проваливался в тревожный, не дающий отдыха сон, потом просыпался, когда от холода, когда из-за писка дерущихся крыс. Время тянулось невыносимо долго, пока вдруг неожиданно не открылась крышка люка, и тусклый квадрат света не упал на земляной пол. К этому моменту он был готов выть от голода и жажды, но все тот же страх не дал ему сразу кинуться к спущенной лестнице. Наоборот он заставил его забиться в самый темный угол. По лестнице спустилась пьяная девчонка — наводчица. У нее в руке был нож. Не успела она стать обеими ногами на пол, как Тим неожиданно сам для себя бросился на нее, оттолкнул и моментально выбрался наверх. Стрелой промчался сквозь комнаты и выскочил наружу, заметив только краем глаза костер в одной из комнат и на его фоне темные человеческие фигуры. Дальше он просто бежал, не разбирая дороги, из последних сил, пока не упал от усталости на грязной улочке. Она привела его к воде. Наступил поздний вечер. Не зная куда идти, он просто сидел и смотрел на воду. Она текла, огибая сваи и образуя за ними маленькие водовороты. Голодный, уставший, но довольный, что оказался на свободе и его жизни ничего не угрожает, Тим свернулся клубком и заснул. На следующий день начались его скитания по улицам большого города. Он голодал, просил милостыню, приворовывал на рынках. К зиме прибил к компании беспризорников, живших в канализации. Жили, в основном, кражами. Ему не нравилось воровать и он начал искать себе работу. В начале весны нашел себе работу у зеленщика. Перебирал овощи, толкал тележку, зазывал покупателей, доставлял заказы и крупные покупки на дом. Но хозяин имел буйный характер и много пил. В конце весны не выдержав участвовавших побоев, ушел. Половину лета перебивался случайными заработками, пока случайно не набрел на эту компанию по разливу. Здесь он проработал около шести месяцев. Это было самая лучшая часть его жизни, сказал мне Тим, за все время пребывания в Нью-Йорке.

Специфика моей работы подразумевала умение сливаться с окружающей обстановкой, и в тоже время быть вне нее, иначе говоря, жить своим заданием, ни на что не отвлекаясь. Привыкая смотреть на мир холодным и расчетливым взглядом, от которого в не меньшей степени, чем от специальных навыков, зависит твоя жизнь, непроизвольно начинаешь мыслить этими категориями и в мирные периоды своей жизни. "Мир сквозь прицел" постепенно меняет твои привычки, мировоззрение и характер. И в один прекрасный день ты просто перестаешь меняться, стирая границу между "работой" и "домом". Начинаешь жить, как и там, сам в себе и для себя. Так случилось с моей прежней жизнью, правда, я это осознал только здесь, взглянув на себя со стороны. В этом времени мне пришлось меняться в обратную сторону, привыкать жить с людьми и в обществе. Здесь это было проще сделать, хотя бы потому, что жизнь еще в этой совсем молодой Америке была дика, своенравна и жестока по сравнению с тысячелетними устоями Европы. Идя по жизненному пути в одиночку, умея решать свои проблемы сам, при этом, не боясь проливать как свою, так и чужую кровь, я вполне подходил на роль первооткрывателя и основателя Америки. Опять же, в этом времени, мне все чаще приходилось заниматься производством и сбытом, торговлей и финансами, то есть с тем, о чем я имел в прежней жизни только смутное понятие. Хотя в основе моей нынешней жизни, как и прежней, лежало насилие, но в тоже время, оно не стало основополагающим началом моего существования в прошлом. И как я подозревал, виной тому были дети, вторгнувшиеся в мою жизнь. Сначала Тим, затем Луиза. Мне постоянно приходилось оглядываться на них, смирять свои порывы, учиться смотреть на мир их глазами. Под их воздействием я менялся, но это были не те изменения, которые

полностью перекраивают психику человека. Нет. Я как был, так и остался бойцом специальной разведки Евгением Турминым, а ныне бандитом Джеком Дилэни, но во мне, похоже, пробудилось то, что я давно похоронил, любовь к людям. Правда, пока к двум маленьким представителям человечества. К Тиму и Луизе.

И сейчас, когда смотрел на крепкую фигуру Тима, на его улыбающееся лицо, я чувствовал гордость за мальчика, показавшего себя на деле мужчиной. По привычке я попытался проанализировать свое чувство и неожиданно понял, то, что я сейчас чувствую, может быть сравнимо с гордостью отца за своего сына.

Моррисон представлял тот тип закоренелого и расчетливого эгоиста, чьи эмоции и чувства были сосредоточены только на нем самом и на своих удовольствиях. Уход от мормонов, переезд в Нью-Йорк и женитьба не изменили его сути. Он всегда брал, что хотел, не взирая на то, вещь это или человек. И вот сейчас он хотел Джулию Картрайт. То, что она невинна, возбуждало его еще больше. Сначала он думал склонить ее к близости, используя свое мужское обаяние, затем предложил деньги, от которых она с негодованием отказалась. И тогда Моррисон поклялся, что пойдет на все, лишь бы заполучить ее. В выборе средств и методов он никогда не был щепетилен. Убийства, шантаж, подкуп — именно этими методами он поднимался вверх, к власти и деньгам.

"Все средства и методы хороши, лишь было хорошо мне", — подобная мысль вряд ли приходила ему в голову, но зато она хорошо отражала суть его натуры.

* * *

Я стоял перед зеркалом. Из него на меня смотрел худощавый человек со спокойным загорелым лицом и карими глазами. Легкое пальто серого цвета, пошитое в одном из лучших мастерских города, облегало его широкие плечи и грудь без единой морщинки.

"А Джек Льюис был недурен собой, — подумал я и подмигнул себе в зеркале. — А вот, сколько ему лет, хотел бы я знать? Двадцать четыре — двадцать пять? Да, где-то в этих пределах. Наверно, это странно выглядит, когда человек не знает, ни когда он родился, ни сколько ему лет, ни кто его родители".

Я достал из жилетного кармана часы. Стрелки показывали десять часов пять минут. Пора ехать.

— Тим! Ты собрался?!

На пороге моего кабинета показалась крепкая фигура мальчика. Он выглядел взволнованным и немножко сердитым. Нервно огладив лацканы своего нового сюртука, спросил: — Мы уже идем? — а на лице его читалось: — Джек к ней хорошо относиться, значит, я тоже должен к ней хорошо относиться. А если она мне не понравится? Что тогда?".

Он уже знал историю того, что со мной произошло, и как я стал опекуном маленькой девочки, но детский страх, что она займет его место в моей жизни, заставлял его нервничать и сердиться. К тому же, как и я, он привык заботиться только о себе, а сейчас в его жизни появилась маленькая девочка, которая теперь будет вроде его сестры. Мне не трудно было угадать смятение в его душе, потому что несколько месяцев тому назад, перед встречей с Луизой, сам чувствовал нечто подобное.

Открыв парадную дверь школы, я который раз оказался в самом центре сосредоточения эмоций, представляющих лучшую сторону человека: любви, ласки и обожания. Группки девушек, сбегających по широкой лестнице, одна за другой, тут же рассыпались, оказываясь в объятиях своих родных. Я наблюдал этот праздник любви каждое воскресенье и привык к нему, как привыкли и ко мне, но сегодня со мной был хорошо одетый молодой человек

приятной наружности, поэтому мы невольно оказались в центре внимания юных леди и их родителей. Иногда за взглядами следовал громкий шепот и шутки, заканчивающиеся взрывами смеха. Тим дважды успел покраснеть под наиболее настойчивыми взглядами юных прелестниц, пока, наконец, на лестнице не появилась Луиза. Сбежав с лестницы, она вприпрыжку помчалась ко мне, как вдруг неожиданно увидела рядом со мной незнакомого ей мальчика. Резко затормозив, она перешла на шаг, идя чинно и манерно, как и положено юной леди. От такой резкой смены поведения, выглядевшей довольно забавно, я не смог сдержать улыбки, после чего замер в ожидании, когда же живущий внутри ее бесенок, озорник и выдумщик, вылезет наружу. Подойдя, она сначала посмотрела на меня, но я молчал, потом перевела взгляд на Тима. Продолжая смотреть на него, вдруг неожиданно спросила меня: — Джек, а кто этот мальчик с тобой?

Я не стал отвечать, а вместо этого посмотрел на Тима. Тот понял мой взгляд правильно и представился: — Меня зовут Тимоти Морис, а тебя зовут Луиза Доббинс. Джек тебя еще называет маленькой леди. Правильно?

— Ой! Ты Тим! Да, а я Луиза! — говоря, одновременно она стала оглядывать его со всех сторон, дергая за рукава и теребя его за пуговицы, став прежней Луизой, непосредственной и непринужденной. — Джек мне рассказывал о тебе! Тим, а как ты нашел Джека? Ой! А ты уже совсем большой мальчик!

— Подожди, болтушка! У нас весь день впереди! Успеете еще наговориться. Теперь о деле. Луиза, в прошлый раз, ты мне говорила о списке принадлежностей для занятий по вязанию, вышивке или чему-то там еще. Мисс Картрайт должна была вам сказать, что нужно купить. Короче, что нам надо покупать?

При моих словах ее счастливая улыбка мгновенно увяла.

"Ну и что у нас опять случилось? — с легкой тоской подумал я, но тут же понял, что дело не в самой девочке, так как ее поведение резко отличалось от того, когда она чувствовала себя виноватой. Вместо того чтобы опустить глаза в пол, она сначала бросила взгляд по сторонам, словно шпион или заговорщик, который боится, что его подслушают, после чего, взяв меня за руку, приподнялась на цыпочки и прошептала: — Джек, наклонись, пожалуйста, ко мне, — когда я наклонился, продолжила. — Я вчера видела, как мисс Картрайт плакала. Так жалобно, так жалобно, что я сама заплакала. Правда, Джек. Ей, наверно, плохо. Раньше она смеялась, а теперь все время грустная ходит. Джек, ты не можешь ей помочь?"

Я выпрямился. Молодая женщина мне нравилась, и я был не прочь ее снова увидеть, но не в компании двоих детей, к тому же в прошлый раз мы расстались не самым лучшим образом, поэтому рассчитывать на теплый прием мне не приходилось. Да и мало ли из-за чего могла плакать девушка? Может, у нее вчера болел зуб или миссис Кролинг ее отчитала? Да мне просто хотелось отдохнуть, развеяться, а не решать чужие проблемы! Я уже совсем решил огорчить Луизу отказом, но стоило мне заглянуть в молящие глаза ребенка, и я сдался. Черт! Где она живет? Огляделся. Фойе школы уже опустело. Уловив любопытный взгляд женщины — швейцара Анабель, тут же понял, у кого я узнаю адрес. На мой краткий вопрос на меня тут же излился словесный поток, смысл которого заключался в том, что будь лет на тридцать моложе, она была бы не прочь дать свой адресок такому красивому кавалеру, после чего в последний раз хихикнув, дала мне адрес. Как только мы сели в наемный экипаж, я в общих словах объяснил ничего не понимающему Тиму ситуацию, после чего за него взялась Луиза. Сначала тот односложно отвечал на ее бесконечные вопросы, но

потом разговорился и теперь они весело смеялись вместе над тем, что им казалось смешным за улице. Предоставив детей самим себе, сам я наблюдал за уже привычными уличными картинками. Вон остановился грузовой фургон, кучер кивает сидевшему рядом с ним мальчишке. Тот лезет вглубь фургона и тут же выныривает с пакетом в руках. Соскакивает и бежит к черному входу дома. Эта сценка являлась доставкой продуктов на дом богатым клиентам, которые могли позволить держать кухарку. А вот две молодые леди в изящных пальто и модных шляпках, сморщив носики и изящно приподняв края своих длинных одеяний, обходили свежую кучу конского навоза. Их обежал, громко стуча по мостовой разбитыми башмаками, мальчишка — газетчик, громко выкрикивая последние новости.

"Все это уже стало для меня привычным и обыденным, — думал я, глядя на скользящую мимо меня жизнь города, — но не мое это. Не мое! — и тут же подправил себя. — Или, скажем так, пока не мое. Да и времени прошло не так уж много, чтобы врать в эту эпоху. Стать своим".

Да, я привык к газовому освещению, привык подзывать криком кучеров кэбов, привык читать газеты, уже не смеясь над рекламой, типа: "На Стейт-стрит, 37 полно молодых крепких сисек. Лулу, малолетняя куртизанка, перешла в клуб "Империял". У француженки Керри, Стейт-стрит, 10, наконец-то появились новые чулки", но сам так и не врос окончательно в окружающую меня жизнь, наверно поэтому, до сих пор смотрю на уличные сценки, как на кадры из исторического фильма.

Место, куда привез нас кэбмен, оказалось рабочим районом, состоявшим в основном из жилых трехэтажных домов красного кирпича. Улицы, на удивление, были относительно чисты, а идущие люди были, если небогато, зато сравнительно чисто и опрятно одеты. Хотя сама улица была довольно широка, но сильного движения транспорта на ней не наблюдалось и тот, в своей основе, состоял в основном из грузовых фургонов, а когда кучер свернул на боковую улочку, то теперь только колеса нашего экипажа выстукивали по неровным камням булыжной мостовой. Дети, не видя ничего интересного, притихли, глядя каждый в свою сторону. Неожиданно экипаж остановился. Я выглянул: — Это здесь?

Кучер, нагнувшись в мою сторону, сказал, ткнув кнутом для убедительности в сторону трехэтажного дома: — Вот этот дом, мистер.

Ступив на землю, я увидел стоящий впереди перед нами еще один экипаж. Он стоял у подъезда дома, который нам был нужен.

"Не удивлюсь, если это приехал Моррисон, — не успел я так подумать, как из подъезда дома вышла мисс Картрайт в его сопровождении. — Может оно и к лучшему. Они в одну сторону, а мы в другую. Вот только надо подойти поздороваться, тем более что меня она уже заметила".

Повернув голову, я негромко сказал детям: — Сидеть тихо, словно мыши под веником. Позову, тогда придете.

Луиза в ответ на мои слова тихо прыснула в кулак. Тим бросил на меня вопросительный взгляд, но, не дождавшись разъяснений, молча кивнул головой.

"Похоже, ты становишься мужчиной, парень".

Пара остановилась, дожидаясь, пока я подойду.

Остановившись, я приподнял слегка шляпу и коротко кивнул молодой женщине, полностью проигнорировав при этом мужчину. Выражение ее лица, мне не понравилось.

"С таким лицом на кладбище ездят, а не на прогулку".

Вид подавленный, лицо бледное, губы плотно сжаты. Я уже подумал, что это реакция на мое появление, но легкий кивок головы и скользнувшая легкая улыбка по ее губам, заставили меня изменить свое мнение и бросить взгляд на Моррисона. Похоже, все же он являлся причиной ее подавленного состояния. Тот тем временем пытался делать вид, что меня нет, но это ему плохо удавалось, оттого он еще больше нервничал. Заметив, мой далеко недружелюбный взгляд, брошенный на ее спутника, мисс Картрайт решила несколько разрядить обстановку, поздоровавшись первой: — Добрый день, мистер Дилэни. Что вы здесь делаете?

— Добрый день мисс Картрайт. Если я вам скажу мисс, что приехал к вам в гости, вы мне, наверно, не поверите.

— Джулия, нам пора ехать, — это было сказано тоном господина указывающего служанке, что надо делать.

В ответ на эти слова ее головка резко вздернулась, глаза сверкнули, казалось, она сейчас выскажет этому типу все, что она о нем думает, но, встретившись взглядом с Моррисоном, она как-то странно обмякла, словно шарик, который только что проткнули иголкой. Плечи опустились, глаза потухли, после чего она тихо сказала: — Извините, пожалуйста, мистер Дилэни, но нам действительно надо ехать.

Вместо того чтобы откланяться, как того требовали приличия, я сделал два шага вперед, окончательно перегородив им дорогу к карете. Глаза девушки удивленно расширились, зато Моррисона зло сузились. Выведенный из себя, он шагнул ко мне, сжав кулаки.

— Вы что себе позволяете, мистер? Убирайтесь с дороги!

Судя по всему, он хорошо запомнил нашу последнюю встречу, потому что на этот раз он решил обойтись без применения трости, ограничившись сжатыми кулаками и искаженным от гнева лицом. Интересно, что он обо мне думает? Скорее всего, я представлялся ему наглым верзилой с крепкими кулаками, претендующий на внимание мисс Картрайт. Я молча усмехнулся в ответ на его слова. Теперь на его лице стирая гнев, стало проступать сомнение в своих силах. Он явно растерялся, не зная что делать. Что делать? Драться? Себе дороже! Звать полицию? А где она? Попробовать договориться? Пока все это он прокручивал в голове, я решил закрепить образ верзилы в его голове. Так, на всякий случай.

— Ну что ты, мистер, постоянно лезешь в чужой разговор? С тобой, что ли разговаривают? — я говорил грубовато и небрежно, как недалекий, но уверенный в силе своих кулаков человек. — Видишь, с дамой разговариваю. Ты что не джентльмен?

Очевидно, эта роль мне удалась, так как из-за моей спины раздался грубый, чуть с хрипотцой, голос кучера: — Хозяин, может, я потолкую с этим несговорчивым?! Судя...!

— Сиди, где сидишь! — резко оборвал я его. — Пока кнут не вырвал и не затолкал тебе его в зад... Гм! А вы милейший господин, если так торопитесь, садитесь и езжайте! Вас никто не держит! Так как мне нужна мисс Картрайт, а не вы.

— Послушайте милейший, а если я вам дам пятьдесят долларов, вы уйдете с нашего пути?

— Судя по вашему говорливому кучеру, вы богатый человек, мистер?

У Моррисона при моих словах рот скривился в презрительной усмешке, попался, дескать, мерзавец на крючок. На деньги клюнул!

— Не бедный. Так что, договорились?!

— Мы, мистер, хоть люди простые, но с протянутой рукой на углу не стоим. Так что оставьте себе эти деньги! — при этом я постарался придать себе горделивую осанку увальня

из деревни, развернув плечи, выпятив грудь и надув щеки. Дескать, мы не из таких, нас деньгами не купишь. Моррисон был уже готов разразиться проклятиями по моему адресу, но в последний миг сумел сдержаться, очевидно, вспомнив, что произошло в прошлую нашу встречу. Скользнув по мне злым взглядом, он решил сделать еще одну попытку повлиять на девушку: — Джулия, вы мне уже давно обещали эту прогулку. Не нарушайте свое слово!

— Так это просто прогулка? А я, глядя на его настойчивость, уж подумал, что он вас, мисс Картрайт к алтарю тащит! — я был напорист, как положено человеку, который все в своей жизни добывает своими руками.

Чего я никак не ожидал, что мои слова произведут на этих двух разных людей столь сильное воздействие. Лицо молодой женщины неожиданно побледнело, губы задрожали, глаза наполнились влагой. У мужчины лицо закаменело, а в глазах было столько лютой злобы, что мои мышцы сами по себе напряглись, готовясь отразить нападение. Как вдруг Моррисон неожиданно замер. Grimаса ярости пропала, вместо нее на губах появилась ядовитая усмешка. Такой резкий переход в настроении кого угодно насторожит. В голове мелькнуло: — Неужели решил схватиться за оружие?!".

Но он не полез в карман, а вместо этого повернул голову в сторону молодой женщины, еле сдерживающей слезы, сухо произнес: — Не хочу, чтобы вы совершили непоправимую ошибку, Джулия, поэтому дам вам время хорошенько все обдумать. Приеду через два часа, — после чего повернулся ко мне. — Вы еще будете здесь, мистер Дилэни? — дождавшись моего короткого кивка, продолжил. — Тогда мы с вами, возможно, еще увидимся. А пока разрешите откланяться.

Он осторожно обошел меня, а так как я не стал поворачиваться, то сначала услышал хлопанье дверцы экипажа, затем свист бича и, наконец, затихающий стук колес. Все это время я смотрел на мисс Картрайт, которая, в свою очередь, провожала растерянным взглядом удаляющийся экипаж.

— Мисс Картрайт, вы меня извините, что отвлекаю вас от столь увлекательного зрелища, как уезжающий экипаж, но я действительно приехал к вам по делу.

С секунду она смотрела на меня, еще находясь в прострации, и только потом поняла, что я к ней обращаюсь.

— Что вы сказали? — в ответ на мой укоризненный взгляд ее щеки заалели. — Извините, ради бога. Я несколько расстроена, но дело не вас! А совсем наоборот! Я вам так рада, что вы даже не можете себе представить! — и тут же поняв, что ее слова могут быть неправильно поняты, попыталась исправить положение. — Вы не поймите меня превратно, мистер Дилэни. Я просто хотела выразить свои чувства...

Тут она почувствовала, что совсем запуталась и решила сменить тему: — Еще раз извините меня. Я вас внимательно слушаю.

— Мисс Картрайт, вы так мило краснеете, что у меня аж сердце замирает.

— Вы издеваетесь надо мной! — но сейчас в ее голосе не было сердитых ноток, более того, в нем чувствовалось облегчение и радость.

— Кстати, насчет дела, по которому я приехал. Луиза!! Тим!! — не успел я крикнуть, как распахнулась дверца и Луиза прыгнула на мостовую, минуя подножку, после чего улица огласилась криком: — Я бы давно уже прибежала, да Тим не пускал! Джек, ты должен сказать этому мальчишке, чтобы он так больше не делал! Он меня не пускал, держал за руку! Мисс Картрайт! Это я попросила Джека, не надо злиться на него!

Лицо молодой женщины при виде Луизы стало ласковым и нежным. Пока Луиза

ластилась к своей учительнице, я искоса наблюдал за Тимом. Тот медленно вылез, затем аккуратно захлопнул дверцу, после чего подошел, снял шляпу и представился: — Мисс Картрайт, разрешите представиться, я Тимоти Морис.

Молодая женщина в ответ расцвела яркой улыбкой. Я был заворожен, глядя на то, сколько всего может вложить женщина в простую улыбку. Смотря на нее, я уже был готов поверить в райское блаженство.

— Я очень рада нашему знакомству мистер Морис.

Парень, похоже, тоже ощутил себя в раю, судя по его глупой улыбке и сияющим глазам.

Эйфория продолжалась недолго: — Мисс Картрайт идемте с нами! Мы собрались гулять! Идемте с нами на спектакль "Барышня и дикарь"! Там...

При этих простых словах лицо молодой женщины приняло испуганное выражение, словно у маленькой девочки, которую родители первый раз привели в детский сад.

"Они уйдут, а я останусь, — читалось на нем.

— Извини, милая, но у меня есть еще дела. Я должна... Впрочем, это не важно. Вы что-то хотели, мистер Дилэни?

— Э-э... Как тут сказать, мисс Картрайт, — играть прежнюю роль не имело смысла, но именно тот тип нагловатого увальня, которого я разыгрывал перед Моррисоном, мог помочь разрешить ситуацию. — Мы тут подумали и решили сходить к вам в гости.

Когда взялся играть эту роль, то совсем забыл о детях, а теперь я пожинал плоды, глядя, на удивленные лица Тима и маленькой Луизы. К счастью мисс Картрайт ничего не заметила, потому что мое бестактное предложение прибавило красной краски к ее щекам и заставило ее еще больше смутиться.

— Мистер Дилэни, я право не знаю...

— Ой! Джек! Как ты здорово придумал! Мисс Картрайт, вы нас приглашаете в гости?! — меня неожиданно поддержал счастливый голосок девочки.

— Я, милая моя... — молодая женщина растерянно замолчала.

— Мы сейчас все уладим, — сказал я. — Мисс Картрайт не ожидала нас сегодня в гости, поэтому не приготовилась. Я прав, мисс?!

После ее облегченного кивка, я продолжил: — Значит, мы должны купить продукты, а затем если наша хозяйка не возражает, поможем приготовить ей обед.

— Да... я рада. Но мы не готовы... У нас не прибрано. И вообще...

— Я так понял, что вы все-таки не против, чтобы нас пригласить к себе, — подвел я итог ее жалким возражениям.

В ответ я получил взгляд женщины, которую застали голой врасплох. Она в растерянности: то ли искать, чем прикрыться, то ли выцарапать глаза нежданному гостю, но в любом случае, сейчас в ее взгляде было мало доброты и любезности. Подъем на второй этаж прошел бы спокойно, если бы не комментарии маленькой болтушки: — Ой! Стенка темная. Она что сырая? Тим! Посмотри она совсем мокрая! Тут ступенька сломана! А почему они все так противно скрипят?!

Квартира состояла из двух маленьких комнат и еще меньшей кухоньки. На пороге нас встретила пожилая женщина, чисто и аккуратно одетая. Черты лица были еще привлекательны, но жизнь уже успела оставить свои отметины. Правда, это не сказалось на фигуре, а только на лице. Но если бы дело заключалось в морщинках у губ и у глаз, было бы все понятно, но неестественная бледность лица и горевшие на щеках красные пятна говорили об одной из страшных болезней этого века — чахотке.

"Туберкулез. Интересно, в какой стадии?"

Я поймал ее взгляд. Так и есть, неизбежная тоска человека, знающего о дате своей смерти. Не успела женщина ахнуть при нашем появлении, как маленький ураган по имени Луиза уже обрушился на нее: — Ой! Миссис Картрайт! Как вы похожи на свою дочь! А меня зовут Луиза! Это Тим! А это Джек!

— Ух, ты, какие мы нарядные! Ну, прямо прелестная кукла — девочка! Проходи, пожалуйста! К сожалению Джулия не предупредила... Минуточку! Джулия, так ты не поехала с этим отвратительным...

— Мама, я тебя прошу! У нас гости!

— Хорошо, милая, хорошо! Но почему ты... — заинтригованная нашим неожиданным появлением хозяйка дома все никак не могла успокоиться, и я разрешил себе вмешаться, чтобы погасить намечающийся семейный конфликт: — Миссис Картрайт! Разрешите представиться. Джек Дилэни. Это мои воспитанники. Луиза и Тим.

— Очень приятно, мистер Дилэни. Дети, садитесь на этот диван. Сейчас будет готов чай, но больше я вам ничего не могу предложить, так как...

— Все нормально, мэм. Так как мы сами навязались, то продукты с нас. И не спорьте! От вас нужен список продуктов, после чего мужчины идут в лавку.

— Ну, раз так вы решили, — при этом она бросила испытующий взгляд на дочь, — так тому и быть. А мы пока займемся приготовлениями. Луиза, девочка, ты нам конечно поможешь?

Странно, но Луиза была счастлива, как никогда. Я думал она расстроится, что не попадет сегодня ни в кафе — кондитерскую, ни на спектакль, а получилось наоборот. Она весело засмеялась и захлопала от восторга в ладоши. А в глазах светиться радость.

"Черт возьми! Как я не подумал об этом! Она же ребенок. Ей не хватает матери, домашнего уюта, а я даже ни разу не привез ее к себе. Думал, что ее все устраивает. Промашка!".

— На обед я предлагаю отбивные с картошкой и салат. Было бы время, я бы вам пончики с повидлом сделала бы, но как видно не судьба.

— Мы купим на десерт пирожных.

— А вы не боитесь разориться мистер Дилэни? — чуть насмешливо спросила меня мать Джулии.

— Я неплохо устроен, мэм. Так что до разорения мне пока далеко.

— Рада за вас, мистер Дилэни. Кстати, я немного слышала о вас.

— Надеюсь только хорошее?

— И не только хорошее, судя по первому впечатлению, какое вы произвели на Джулию.

Но, глядя на вас сейчас, думаю, что моя дочь чересчур эмоционально восприняла...

— Мама!

— Все, мы пошли.

Через час, когда мы с Тимом принесли продукты, а женщины занялись кухней, я смог оглядеться. Маленькая гостиная с потемневшими, потерявшими свой первоначальный белый цвет стенами. Посредине стоял стол, к глухой стене прижался диван. Рядом с окном стояло кресло и столик, на котором стояла корзинка с разноцветными клубками. В углу находился камин, покрытый голубой изразцовой плиткой. На краях каминной полки стояли подсвечники со свечами, а посредине красовались часы. Жили они явно не богато, но очень мило и уютно. Яркие занавески на окне и кружевные салфетки, лежащие на мебели,

сглаживали и оттеняли бедность обстановки. Просидев около десяти минут на диване, я уже не знал, куда себя деть. Встал, прошелся, затем заглянул в кухню. Джулия старательно делала вид, что очень занята, поэтому я снова вернулся в гостиную. Подошел к окну, выходящему на улицу, и тут же заметил подъехавший к дому экипаж.

"Быстро он, однако. Что же ему от Джулии надо? Впрочем, спущусь и потолкую. Много времени не займет. Да и темнеть уже начало. То, что надо для делового разговора".

Заглянув на кухню, я сказал: — С вашего разрешения милые дамы, я погуляю минут двадцать.

— Джулия, мужчина пробыл в нашем доме полтора часа и его уже тянет уйти. Что это могло бы значить? — в ее голосе легко читалась насмешка.

Встретившись с миссис Картрайт взглядами, мы улыбнулись друг другу, Джулия заметив наши улыбки, вспыхнула и опустила голову, так ничего и не сказав.

— Хорошо. Идите, но не больше двадцати минут. Отпустим его, Джулия?

— Идите и возвращайтесь. Мы вас ждем, — она постаралась говорить весело, но получилось несколько натянуто.

— Джек не задерживайся долго, — вставила свое слово Луиза, крутившаяся на кухне.

Не успел я открыть дверь, как за спиной раздался голос Тима: — Я с тобой, Джек.

Остановившись, я повернулся к нему: — Я пойду один Тим. Так надо.

— Тебе может понадобится помощь, — он сказал это тихо, но твердо.

— Почему ты так решил?

— Он приехал не один.

"Почему я этому не удивляюсь?".

— Я разберусь сам. Оставайся здесь и никого не подпускай к окну. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из женщин видел мой разговор с этим типом.

Как я и думал, меня ожидали в полутемном подъезде. Два громилы с дубинками в руках надвинулись на меня из полумрака, как я неожиданно узнал одного из них.

"Попробуем обойтись малой кровью".

— Никак это ты Ушастый Билл?

Бандит замер, взгляделся, а когда узнал, подался назад. В его глазах легко читался страх. Второй громила замер в недоумении, не понимая, что нашло на его напарника. Наши пути с Биллом пересеклись месяца три тому назад. Наверно поэтому моя беседа с ним еще не выветрилась из его памяти. Он был единственным из банды грабителей, рискнувших грабить грузовые фуры в районе порта, кто остался в живых. Избитого до полусмерти, парни притащили налетчика на склад. Его ждала незавидная судьба, если бы по чистой случайности я, в это время, не оказался там. Учтя, что шайка только начала работать и не нанесла особого ущерба, я решил побыть немного добрым и оставил ему жизнь. Правда, меня потом некоторое время грызли сомнения в правильности своего поступка. И сейчас, похоже, наступил момент проверить, ошибался я тогда или нет.

— Матерь божья! Джон Непомнящий родства?! Черт, во что мы вляпались?!

Его напарник, до этого переводивший недоуменный взгляд с Билла на меня и обратно, после этих слов медленно развернулся к своему подельнику. На его лице была смесь испуга с удивлением.

— Ушастый, я тебя правильно расслышал? Это тот Джон, правая рука Сержанта? Босс из порта, чьи парни вас всех...?! Тебе что жить надоело?!!

— Заткнись, дерьмо собачье! Джон! Ни сном, ни духом! Клянусь тебе! Что б мне не

жить! Этот фраер ни слова не сказал о тебе! Если бы знал, ни в жисть не подписался!

— А где он вас так быстро нашел?

Билл замялся, явно пытаясь соврать, но подельник ударил его локтем в бок: — Говори, как есть.

Громила нехотя полез в карман, долго копался в нем, но все-таки нашел и протянул мне измятую четвертушку бумаги. Я глянул, и мне стало смешно. На бумажке был прейскурант бандитских услуг, как раз в духе бандитов Нью-Йорка:

"Подбить оба глаза — 4 доллара;

Сломать нос, челюсть — 10;

Завалить дубиной — 15;

Отрезать ухо — 15;

Сломать руку или ногу — 19;

Пырнуть ножом — 25;

Большая работа — от 100 долларов".

"Бизнесмены хреновы! Но в этой идее что-то есть! Может нам организовать бюро добрых услуг? Надо будет поговорить на эту тему с Сержантом".

— Услуги, значит?

— Жить-то надо, Джон! Но мы на вашей территории ни-ни! Матерью клянусь!

— Деньги с клиента получили?

— Аванс — двадцать долларов! Но нам наплевать на эти деньги! Говори, что надо — сделаем!

— По высшему разряду! — тут же подхватил его напарник. — И денег не возьмем!

— А заказ на что?

— Сильно избить, а потом сломать обе руки.

— Да — а... Хорошо. Давайте его сюда.

— Сделаем, Джон!

Несколько минут спустя в подъезд влетел Моррисон. Удержаться на ногах ему помогла стена. Из носа текла кровь, пачкая белое кашне. Цилиндр при толчке слетел с его головы и теперь лежал на грязном, заплеванном полу. Следом за ним в подъезд шагнули бандиты. Несколько секунд непонимающим взглядом Моррисон всматривался в меня, словно видя впервые, потом попытался отшатнуться, но громилы не дали это сделать. Сбив с ног, поставили на колени. Ушастый схватил его за волосы и вздернул голову вверх с такой силой, что Моррисон взвыл от боли и попытался схватить бандита за руку, но тут же снова завопил дурным голосом и затряс в воздухе рукой. Удар дубинки по костяшкам пальцев нанесенный вторым головорезом оказался весьма болезненным. В их действиях четко прослеживалась координация действий и слаженность совместной работы.

— А ну, говори падла...! — начал было Ушастый.

— Здесь я задаю вопросы! Моррисон, говорю один раз. Повторять не буду. Будешь вилять, парни сделают из тебя отбивную с кровью. Не прожаренную. Итак, что у тебя за дела с девушкой?

Неожиданно оказавшись в роли человека, которую готовил для меня, он сломался почти мгновенно.

— У нее есть брат. Младший. Работает у меня в магазине. Попался на краже. Я хотел его сдать в полицию, но вмешалась Дж... мисс Картрайт. Сказала, что... отблагодарит меня, если я не отдам ее брата под суд. Вот... и все.

— Значит, она сказала, что отблагодарит, забравшись к тебе в постель. Ах ты, падла! Отведите эту крысу за угол, и ножом по горлу!

Честно говоря, я сейчас притворялся, играя в крутого бандита, благо клиент был напуган до помрачения сознания, а значит, был готов верить всему.

— Нет, я соврал! Это я ей предложил! Я! Не убивайте меня! Я дам деньги! Дам! Много дам!

— Ладно, живи гнида! Но помни! Косо взглянешь на семью Картрайтов, сам лично переломая тебе руки и ноги, а потом скормлю бродячим собакам! Они тебя еще живого жрать будут! Ты понял меня?! — я добавил в голос злобы и презрения, чтобы гад хорошенько прочувствовал глубину моего гнева.

— Да! Понял! Ни ногой! Никогда! Пальцем не трону! Богом клянусь!

— Расплатись с парнями и можешь идти.

Как только две столларовые бумажки перекочевали в карманы бандитов, те быстро попрощавшись со мной, довольные, удалились. Моррисон, медленно, держась рукой за стену, вышел из подъезда. Проходившая мимо пара, только взглянув на него, сразу сменила шаг с прогулочного на быстрый. Выйдя вслед за ним, я остановился на пороге. Первым делом посмотрел на кучера. Было интересно, как тот отреагирует. Тот, уже собиравшийся слезть с облучка, чтобы помочь хозяину, при виде меня тут же снова сел на свое место и замер, как статуя. Моррисон, словно пьяный, открыл неловко дверцу, затем медленно, цепляясь руками за все, что только можно, заполз внутрь экипажа. Не успела дверца захлопнуться, как кучер, не дожидаясь приказа, хлестнул лошадей и с места послал их вскачь. Колеса громко застучали по камням мостовой. Проводив экипаж взглядом, я развернулся, чтобы идти вверх, как по лестнице застучали женские каблучки.

"Она увидела или... — мысль оборвалась, как только я заметил лежавший у стены цилиндр. Видно кто-то из бандитов откинул его сюда ногой. Не успел я сделать шаг к нему, как площадке показалась сердитая мисс Картрайт.

— Что вы сделали с ним?! Отвечайте сейчас же! Я не шучу! Ой! Это его..., - увидев цилиндр, она побледнела. — Но... он же... уехал?

— Вы про кого мисс Картрайт? — деланно-удивленным тоном спросил я.

— Про мистера Моррисона! Я видела, как он садился в экипаж. Он такой...

— Какой такой?! Несчастный, что ли?! Вы его жалеете?!

— Вы, я смотрю, готовы издеваться над каждым! Вам дай только повод! Зачем вы его избили?! Не отрицайте! Я видела! У него все лицо было в крови! — в ее голосе прямо-таки звенело возмущение.

— Зря вы так. Я его и пальцем не тронул. Seriously, — я сказал это тихо, спокойно и убедительно.

— Вы действительно его не... трогали? А что тогда... с ним случилось?!

— В подъезде на него два хулигана напали, хотели деньги отобрать, а я вступился.

— Вы... правду говорите?

— Так вот насчет правды, мисс Картрайт. Если бы вы... Короче. Все ваши проблемы я уладил. Домогаться он вас больше не будет и к вашему брату больше претензий не имеет. Если предпримет какую-либо попытку, смело обращайтесь ко мне. Мы докеры, мужики надежные, не то, что эти типы в белых шелковых шарфиках с тросточками в руках.

— Он вам все рассказал?! — ее глаза стали просто огромными от изумления, что придало ее лицу еще больше очарования.

— Ага. В благодарность за то, что я помог ему избавиться от грабителей.

— Вы опять издеваетесь надо мной, мистер Дилэни.

Ее странно-задумчивый взгляд, словно что-то пытался сказать мне, но я сразу не понял, что это был намек на заслуженную награду, вроде горячего поцелуя, а когда понял, было уже поздно, ее долго сдерживаемые слезы хлынули двумя ручейками. Расстроенный, что упустил подходящий момент, я осторожно взял ее за плечи и прижал к себе.

— Я вам так... благодарна! Так благодарна! Вы даже... не представляете, от чего меня спасли! Я... даже не знаю, как вас благодарить!

— Да ладно вам мисс Картрайт. Все прошло. Забудьте об этом, как о дурном сне.

— Знаете, Джек...

Тут с лестницы раздался звонкий голосок Луизы: — Джек! Мисс Картрайт! Где вы там? Все уже остыло!

После этого случая я получил возможность встречаться с мисс Картрайт, теперь уже Джулией, на правах друга. По четвергам, в эти дни она дежурила по школе и возвращалась поздно, я провожал ее домой и по субботам, когда у нее было мало занятий. Гуляли, обедали, но не больше. Мою страсть держала в узде двойственность моего положения. Мне очень не хотелось, чтобы девушка узнала о той, другой стороне моей жизни, а это рано или поздно произойдет, если наши платонические отношения перерастут в более близкую связь. Да и ее пока, похоже, устраивали наши взаимоотношения, что чувствовалось по ее поведению, не дающему ни малейшего повода к излишним вольностям. В общем, я решил в этой ситуации положиться на широко известные слова: "жизнь покажет". И она показала!

Поздно вечером в четверг, после того, как проводил Джулию домой, уже подъезжая к своему дому, я решил заглянуть в бар, расположенный в пяти минутах от моей квартиры и пропустить стаканчик перед сном. Сказано — сделано. Выйдя из бара, я свернул в арку, чтобы через нее выйти на улицу, где я жил, как впереди неожиданно в лунном свете тускло блеснул ствол револьвера. Грабители! Рука уже двинулась к карманному револьверу, как шорох за спиной заставил меня замереть, а грубый голос лишил надежды выкрутиться без особых проблем: — Не дергайся, фраер, не то получишь пику в спину.

Не успел опустить руку, как тут же получил сильный удар в спину и отлетел к стене.

— Повернись, — последовал следующий приказ.

Повернулся, стараясь не делать резких движений. В трех шагах слева от меня стоял бандит с револьвером в руке, с правой стороны, в шаге от меня, стояла пара головорезов, держа наготове ножи. Лица напряженные, жесткие, губы кривятся в ухмылках. Они могли себе позволить издевательские усмешки, так как стояли они грамотно, подстраховывая друг друга, что говорило об их большом опыте в делах подобного рода.

— Чего хотите? Деньги?

— И деньги тоже. А пока заткнись и слушай! — главарем, как я и предположил, оказался бандит с револьвером.

— Один мистер хочет получить твою голову в подарок. Как тебе такое? — сказав, бандит радостно осклабился в ожидании, когда жертва начнет рыдать и молить о пощаде.

"Наемные убийцы! Моррисон?! — мысль появилась и исчезла, после чего мозг в темпе стал просчитывать варианты своих дальнейших возможных действий. Мое молчание наемникам явно не понравилось, заставив снова насторожиться.

Несколько мгновений спустя главарь прервал паузу: — Храброго из себя корчишь?! Ну-

ну! Посмотрим, насколько у тебя хватит этой храбрости, когда я у тебя живого буду голову отрезать. Очень-очень медленно. Парни... Хр-р-р! А-а-ах!

Нож, ударивший сбоку в шею, прервал речь бандита. За ним последовал еще один удар. Все произошло настолько быстро и неожиданно, что я даже сразу не сообразил, что мне пришел на помощь Джек Крыса. Как он сумел так неслышно подкрасться к бандиту, одному богу только было известно. Пока главарь, булькая кровью, заваливался на землю, бандиты какими они не были опытными, не сумели удержаться от искушения и посмотреть в сторону своего главаря. Картина, представшая их глазам, заставила их замереть на какое-то время. Крыса, воспользовавшись секундами замешательства, подскочил к ближайшему бандиту и попытался ударить ножом в грудь, но тот уже успел опомниться. Уйдя от ножа Джека, тут же нанес ему ответный удар. Крыса отшатнулся, но очевидно клинок бандита все же его достал, так как я услышал его вскрик, полный боли. Сознание, оценив обстановку, тут же бросило тело в атаку. Отбив удар ножа, не успевшего набрать силу, я ударил в лицо своего противника. Не успел налетчик отшатнуться, ослепленный болью, как я сделал короткий и быстрый шагок вслед за ним, после чего резко и сильно ударил ладонью в нос, вогнав тонкую кость переносицы ему в мозг. Тело бандита еще падало в темноту, как я, развернувшись, бросился к клубку из двух тел. Бандит, ослепленный яростью, сидел на Джеке сверху и бил его ножом с таким остервенением, что не только лицо Крысы было в крови, но также лицо и руки его убийцы. Только в очередной раз его рука взметнулась вверх с ножом, как носок моего ботинка протаранил его висок. Голова бандита безвольно мотнулась в бок, а вслед за ней завалилось набок тело. Столкнул обвисшее тело бандита, наклонился над Джеком. Глаза Крысы были открыты, но уже ничего не видели. Его грудь, шея и лицо были просто залиты кровью.

"Так Джек, мы с тобой и не поговорили толком. Что ты был за человек, я так никогда...".

Раздавшийся рядом шорох сбил меня с мысли и заставил резко развернуться. Бандит, убивший Крысу, пытался приподняться на дрожащих руках. Его глаза выглядели так будто были вырезаны из мутного стекла. Изнутри, из самых глубин, вздыбилась дикая ярость. Рука сама нащупала нож, а желание убивать заставило вскочить на ноги, но в последний момент я сумел подавить в себе этот импульс. Вздернув голову, на ноги, дотащил до стены, затем прислонил его к ней. Затем сорвал с него пальто и отшвырнул в сторону. До этого момента оглушенный бандит не сопротивлялся, но, теперь начав приходить в себя, сделал попытку оттолкнуть меня. Удар ладонью в лоб припечатал его затылок к стене. Обмякнув, верзила тут начал сползать по стене. Пришлось поддерживать его вертикально до тех пор, пока тот не научился стоять снова, после чего достал из кармана нож. На блестящем лезвии заиграли лунные блики.

— Начнем, — сказал я сам себе и резко полоснул им по щеке бандита.

Черная в темноте кровь залила щеку бандита. Он вздрогнул всем телом и попытался дернуться, но моя рука тут же крепко прижала его к стене. Выйдя из шокового состояния, в его глазах появилась осмысленность, а затем страх. Увидев, что тот созрел к процедуре допроса, я быстро приставил к его глазу нож.

— Нет ответа — нет глаза. Все понял?

— Да — а. Поня — ял, — простонал, заикаясь от страха, бандит.

— Кто меня заказал?

— Не знаю, — лезвие ножа стало приближаться к его глазу. — Стой! Зато знаю, кто нас

нанял!

— Кто?

— Ты оставишь меня в живых?! Что тебе в моей смерти! Я исчезну! Ты меня никогда не увидишь!! Матерью клянусь!!

— Вопрос — ответ!

— Скажу! Все скажу, только не убивай!! Прощу тебя. Я хочу жить! Богом заклинаю, не убивай!!

Нож вонзился в глаз. Заревев от боли, бандит замер на какой-то миг, его руки взметнулись вверх, чтобы зажать рану. Я отскочил назад, внимательно следя за реакцией противника. Затем его здоровый глаз полыхнул злобой, и он шагнул ко мне, одновременно поднимая руку для удара. Не успел он завершить своего движения рукой, как нож вонзился ему в предплечье. Пока бандит переживал очередной болевой шок, удар в челюсть отбросил его опять к стене. Не успел его затылок с треском врезаться в кирпичную кладку, как острие ножа снова замерло у самого зрачка. Неожиданно тело громилы затряслось мелкой дрожью, а сам он начал громко по-детски, с завываниями рыдать.

"Сломался. Теперь все скажет".

— Кто?

— Моррисон.

— Зачем врал про посредника?

— Хотел потянуть время. Я хочу жить. Жить.

— Где вы с ним должны были встретиться?

— На 87-й. Там сдаются комнаты. Номер четыре. На первом этаже дома бакалейный магазин Бауэра и часовая мастерская.

Я отвел нож от его глаза, но руку не опустил. Он был жив, но душа его уже умерла. Не человек, а его пустая оболочка стояла у стены с безвольно опущенными вдоль тела руками. Резко взмахнув рукой, я одним молниеносным движением рассек ему горло и тут же отскочил назад, чтобы не запачкаться. Несколько секунд наблюдал за тем, как кровь била широкой струей на подбородок и на грудь, затем под жуткие хрипы умирающего бандита нагнулся, подхватил его пальто и подошел к телу Крысы. Завернув в него труп Джека, взял на руки и стал осторожно пробираться к своему дому. Под ногами хрустел мусор, и звук моих тяжелых шагов отражался от старых кирпичных стен.

Через сутки, труп, висящий в петле, нашел домохозяин. Рядом с опрокинутой табуреткой валялся листок бумаги — посмертная записка с одной фразой: "Больше не могу жить с виной в сердце". Полицейский эксперт, сличив ряд документов, написанных рукой Моррисона с этой запиской, признал, что она была написана его рукой. Через несколько дней дело было закрыто, а затем было отправлено в архив на пыльную полку.

Полиция Нью-Йорка, начиная с 50-х годов девятнадцатого века, была настолько коррумпирована, что в книге "Истории Таммани Холл", написанной по официальным документам муниципалитета, Густав Маерс приводит избранные примеры взяточничества, в том числе и 368 подношений суперинтенданту полиции Джорджу Мацеллу и его партнеру, капитану Норрису. В полицейской системе того времени было принято, чтобы патрульный констебль платил по 40 долларов капитану своего участка. Капитаны полиции платили как минимум по 200 долларов своим хозяевам из коридоров власти. К тому же полицейские всех рангов регулярно использовались как сборщики взяток, а также как посредники в проведении сомнительных сделок политиков. Продажность полиции сводило на "нет" работу по избавления города от преступников, давая им возможность уходить от правосудия. Да и сами действия полиции по наведению порядка получали много нареканий со стороны общественности и властей, так как мало чем отличались от бандитских методов.

— На конце полицейской дубинки больше закона, чем в решении Верховного суда, — так было сказано начальником 21-го полицейского участка капитаном полиции Александром Уильямсом, против которого восемнадцать раз возбуждали уголовное дело и каждый раз оправдывали.

* * *

Патрик О'Нил был бы стопроцентным ирландцем не будь американцем до мозга костей. Смелый, открытый, умный, с неплохим чувством юмора, вдобавок к этому он еще обладал деловой хваткой. Отличные качества для любого человека, как для капитана корабля, так и для коммерсанта, но к удивлению всех кто с ним сталкивался, не по службе, а в жизни, узнавали, что он являлся полицейским, да не просто постовым, а работающим в сыском бюро полицейского департамента Нью-Йорка. До тридцати лет он много чего видел и где побывал. Валил лес в Канаде, плавал по Миссисипи в качестве моряка на речном пароходе, был шахтером и свободным старателем. Но однажды ему предложили должность шерифа в небольшом городишке, и он понял, чего хочет от жизни. Искать пропавших коров и ловить конокрадов, было интересно, но уж очень просто. Ему хотелось раскручивать сложные дела, участвовать в настоящих полицейских расследованиях и он решает вернуться в Нью-Йорк, где родился и рос до восемнадцати лет. Его способности заметили, спустя четыре года работы постовым полицейским он дорос до сержанта, а затем его перевели в сыском бюро. В те времена без хороших связей или денег сделать это было почти невозможно, но благодаря своим способностям, пробивному характеру и железной хватке он сумел проложить себе дорогу через все бюрократические препоны и комиссии. Его мечтой было выбиться в детективы, стать в ряд тех, кому поручают самостоятельное расследование, но для этого он должен был заявить о себе раскрытием пары — тройки громких дел, а вот этого ему никто не собирался давать. Это был замкнутый круг, который он при всех своих способностях был не в силах разорвать. Правда, тут еще могли помочь деньги, но про таких, как Патрик всегда говорили: "Честный, но бедный". Поэтому он третий год участвовал в расследованиях в качестве помощника. Не раз начальство отмечало его интуицию и

цепкость в ведении следствия и смелость при задержании преступников, но дальше благодарностей и денежных поощрений дело не шло. Как ему объяснил один из его начальников, когда тот пришел к нему с очередным рапортом о выделении ему самостоятельного дела: — Ты как помощник просто незаменимый человек. Такими людьми не бросаются. Поэтому оставим все как есть.

Вот этого человека я поджидал в уютном баре, в который заходил после работы, когда ему позволяла служба. Я сидел за столиком перед стаканом джина, в глубине зала, у стены, в ожидании заказанного ужина. Мокрая шляпа и плащ висели на вешалке в углу. Дождь кончился, но облака висели низко, по-прежнему готовые в любой момент разверзнуться хлябями небесными. В ожидании его прихода, я пытался проиграть в уме разговор с Патриком, но тот был человеком себе на уме, к тому же было неизвестно какие черты характера возьмут вверх при нашем разговоре. Ирландские или американские? Да и знакомство, можно сказать, у нас шапочное... Познакомились мы с ним на одном из представлений, даваемых заезжей театральной труппой, которые так любила смотреть Луиза. Один из подвыпивших зрителей, стал сильно возмущаться, ругая и оскорбляя актеров. Не успел я подняться со своего места, как плотный и широкий в кости мужчина, лет тридцати пяти, рыжеволосый, встал и попросил выйти хулигана. Тот сначала подчинился, встал и пошел к выходу, но сделал пару шагов, резко развернулся и бросился на рыжего, шедшего сзади него. Лавки со зрителями резко сузили пространство маневра, увернуться рыжему здоровяку от броска не удалось, и они клубком покатались по полу. Я пришел ему на помощь, после чего мы скрутили молодчика и доставили в участок. Патрик остался там оформлять задержание, но перед тем как расстаться со мной дал мне адрес этого бара. Я заходил сюда два раза. Первый раз мне повезло и мы встретились. Во второй раз я прождал около полутора часов, но так его и не дождался. Может, повезет сегодня. Тут мои мысли перебила трель дверного колокольчика. Хлопок входной двери, отсекающий сырость и холод улицы, и расплываюсь в довольной улыбке. На пороге стоял тот, кто мне был нужен. Цепкие и внимательные глаза полицейского по привычке сноровисто оббежали присутствующих, только после этого он улыбнулся мне в ответ. Подошел к моему столику. Его пальто и шляпа были влажные, очевидно его также где-то прихватил дождь.

— Так-так-так, и кого я здесь вижу? Джек, собственной персоной!

— Привет, Патрик. Как насчет джина?

— Он еще спрашивает! Эй, Освальд! — закричал он официанту, в этот момент рассчитывающемуся с клиентом. — Мне как всегда!

Повесив пальто и шляпу на вешалку, сел за столик: — Привет, Джек! Если дело, которое тебя привело ко мне, не испортит мне аппетита, то ты можешь начинать прямо сейчас.

При этом его глаза искрились хитрым любопытством. Дескать, как я тебя поддел. Никуда не денешься — давай выкладывай!

— Ну, раз ты так ставишь вопрос... — тут я как бы замялся. — Дело, в общем, касается не столько меня, сколько тебя.

Выражение его лица не изменилось, зато глаза стали острыми и колючими, как льдинки. Сейчас он напоминал клинок, который осторожно вытягивают из ножен, чтобы не привлечь внимание противника.

— Даже так... — некоторое время он молчал, потом сказал. — А ты точно уверен, что это нам нужно. И мне, и тебе?

— Нужно, Патрик. Если ты, конечно, считаешь, что закон есть восстановление

справедливости.

Он некоторое время смотрел на меня, пытаясь понять по моему лицу, что это: констатация факта или двусмысленная колкость, которую надо отнести на счет полиции. И когда решил, что я не ерничаю, а говорю серьезно, ответил: — Формулировка грубовата, но суть верна.

— Значит, выслушаешь? — после его короткого кивка, я продолжил. — Сначала определимся. Никаких вопросов. Ни как узнал, ни где узнал. Есть шайка. В ней три бандита. Том Пристли или Маисовая Лепешка. Кокни Уорд. Кастет Генри. Слышал о них?

— Я-то слышал, а вот ты откуда о них знаешь?

— Я же просил: никаких вопросов. Я продолжу?

Патрик кивнул головой в знак согласия.

— На днях они собираются ограбить банковского курьера. Так вот...

— Джек, заявляя подобное, ты автоматически оказываешься замешанным в...

— Ты мне дашь договорить или как?!

Детектив секунду жег меня глазами, потом резко схватил стакан с джином и одним махом опрокинул содержимое себе в рот. Потом таким же резким движением поставил его на стол.

— Слушаю. До конца, — слова были рубленными и тяжелыми. Ими он словно разделил наш разговор, как бы говоря: "Теперь хорошего парня Патрика нет, есть Закон".

— Помнишь, ты мне говорил, что тебе нужно громкое дело, чтобы стать настоящим детективом. Оно перед тобой, только протяни руку. Как ты знаешь, иногда из одного банка в другой перевозят наличные суммы. Когда маленькие, когда большие. Эта сумма будет приличной, потому что преступники долго выжидали. Предваряя твой вопрос Патрик, отвечаю: банковский курьер в деле. Судя по тому, что я слышал, это будет их второе подобное ограбление. Четкого плана их операции не знаю, но ты же вроде полицейский детектив, так что тебе и карты в руки.

— Ты хочешь сказать, что убийство банковского курьера Сэмюэля Терри на Бикман — стрит их рук дело?

— Насчет этого ничего не скажу. Просто не знаю.

О'Нил некоторое время смотрел на меня, потом спросил: — Ты предлагаешь мне взять этих троих?

— Да, Патрик. Предлагаю.

— Джек, сдается мне, что ты вполне можешь сам разобраться с ними, но почему-то хочешь... как бы это выразиться... сделать меня своим должником. Или как говорят у нас в полиции "посадить на крючок".

— Патрик, просто я не хочу, чтобы ты до конца своих дней ходил в чьих-то помощниках. Из тебя выйдет не только хороший детектив, но и начальник бюро. Я верю в тебя, парень!

— Вот так-так. Меня покупают! Меня Патрика О'Нила пытается купить бандитская морда! Да, Джон Непомнящий родства, да! Удивлен?! А кто сейчас говорил что я хороший детектив?! Вот что, ублюдок, выметайся отсюда и чтобы твоей ноги никогда здесь больше не было! Никогда! — несмотря на то, что он говорил, не повышая голоса, это нисколько не умаляло силы злости в его голосе. — Тебе, сукин сын, просто повезло, что я полицейский! Благодарю Господа за это, иначе твоя бандитская морда испробовала на себе крепость ирландских кулаков!

— Подожди, Патрик! Если ты думаешь, что я хочу убрать их с помощью полиции, то ты ошибаешься. Помнишь, что я тебе сказал в самом начале нашей встречи? Помнишь?! Закон это восстановление справедливости! Так вот, я хочу справедливости для маленькой девочки!

Тот смотрел на меня и пытался понять, что я говорю. А злость тем временем медленно сходила с его лица, а вместо ее начала проступать недоумение. Он явно был сбит с толку. Какая маленькая девочка? О чем он говорит?

— При чем здесь девочка?! О чем ты?! Ты что пытаешься сбить меня...

— Маленькая девочка по имени Луиза Доббинс! Тебе это имя о чем-нибудь говорит, сержант О'Нил?!

К недоумению прибавилась растерянность.

— Гм. Дело Доббинса. Нанесение тяжких телесных повреждений с последующим убийством. Подожди — подожди. Ты хочешь сказать, что эти подонки тоже там наследили?! Если это так... Подожди! Черт! Я же видел тебя на спектакле с девочкой! Это была Луиза... Доббинс?

— А вы проницательны, сержант. Признаться, я уже начал сомневаться в ваших детективных способностях.

— Не ершишь, Джек. Может, я и погорячился, но ты бандит, а я полицейский. И мы стоим по разные стороны. Ты же не будешь этого отрицать?! Хотя должен признать, все, что я о тебе слышал, говорит о тебе как об очень жестоком, но... умном и рассудительном человеке. Гм. Довольно странно для головореза. Обычно... Ладно, об этом как-нибудь потом. Лучше скажи мне: что тебя связывает с Луизой Доббинс?

— Я ее опекун. И хочу, чтобы люди причинившие зло ей и ее отцу были наказаны по всей строгости закона. Хочу прийти с ней на суд. Пусть, если захочет, выступит против них. А не захочет давать показания, это ее дело, но, по крайней мере, она будет знать, что зло наказуемо! К твоему сведенью, ее до сих пор изредка мучают кошмары о том дне, а ведь прошел почти год. Да, я могу их убить, закопать живыми в землю, но ведь никому легче от этого не станет. Ни ей, ни мне. Так что, сержант?

— Хм. Один бандит сдает других бандитов во имя торжества справедливости! Святой Квентин! Это прямо какое-то чудо! Так что там с ребенком, Джек?

— Она еле выжила. Кроме этого у нее на лице остался уродливый шрам. Сейчас пока этого не понимает, а подрастет — будет трагедия. Так пусть возмездие сгладит в какой-то мере эту боль.

— Черт! Если дело обстоит так, как ты говоришь, то я скажу...да. И все равно я тебе не верю, Дилэни! Ты мог повернуть все это с одним из своих продажных капитанов, которые готовы лизать задницу любому, лишь бы тот им платил. А ты пришел ко мне. Почему?!

— Ты хороший человек, Патрик О'Нил. И я хочу, чтобы ты занял место, которого ты достоин.

Я не мог сказать ему прямо, что он мне нужен. А он был мне нужен. Не прямо сейчас, а в будущем. Насколько я его изучил, он был своеобразным человеком, у которого была своя личная жизненная программа и свои понятия о жизни. Он явно был не из тех, кому только и хватало ума на то, чтобы пересчитать и сунуть в карман взятку, а за тем отработать, делая вид, что ничего не видит и не слышит. Он был не чета им. С таким человеком в будущем можно будет делать большие дела, если правильно подойти к нему. Я думал, что сумею со временем найти к нему подход, хотя бы потому, что он чем-то походил на меня, а пока ему нужно было помочь вскарабкаться вверх по служебной лестнице.

— Слышать приятно, но это не ответ.

— Скажу только одно, такие люди, как ты, нужны этому городу и закону, по уши сидящему в дерьме. Нужны людям, которые смотрят вперед, а не в свой карман. Я к чему все это говорю. Я не собираюсь всю оставшуюся жизнь оставаться бандитом. Как ты сказал: я не глупый человек. И как у любого умного человека у меня есть свои планы на будущее, причем никак не связанные с уголовным миром.

Патрик некоторое время рассматривал меня, словно видел впервые, затем опустил глаза, задумчиво поковырял вилкой в остывшем овощном гарнире. Есть ему явно не хотелось. Отложил вилку и крикнул, не поворачивая головы: — Освальд, еще джина!

Затем поднял на меня взгляд: — Да — а... Что и сказать, не знаю. Ты полон сюрпризов, Джек, как... В общем, я сейчас я не готов к подобному разговору, но мы с тобой обязательно поговорим на эту тему. Обещаю, обязательно поговорим.

Я собирался к Сержанту, чтобы рассказать ему как обстоят дела на нашем винокуренном заводе. Интерес человека к производству алкоголя, который никогда не опускался до таких мелочей, как производство и бизнес, меня, честно говоря, заинтриговал. До сих пор его интересовал только конечный результат — получаемая прибыль. Немного подумав, пришел к выводу, что это очередной способ выказать ко мне недоверие. Дескать, я за тобой слежу — попробуй только проколоться. Хотя я считался его правой рукой, друзьями мы так и не стали, ближе всего к нашим отношениям подходило слово — партнеры. Да и говорить о полном доверии в волчьей стае, а именно так представлялась мне банда, было бессмысленно. Здесь все было построено по принципу: человек человеку волк.

Я уже начал подниматься из-за стола, как дверь моего кабинета неожиданно распахнулась. Рука непроизвольно дернулась к полуоткрытому верхнему ящику стола, где хранился револьвер, но остановилась на полпути. На пороге стоял Карл с пачкой свежих вечерних газет в руках.

— Ну что?

— Сейчас зачитаю! Где это... Вот! Ограбление банковского курьера! Возле Парк — роу! Полицейская операция по обезвреживанию шайки отъявленных преступников превзошла все ожидания! — при этой цитате я весело ухмыльнулся, — ...курьер не успел ступить на подножку кэба, как раздались выстрелы. Беззащитные граждане при виде злодейского нападения в страхе прижались к стенам, но храбрый курьер даже будучи раненым в грудь, сумел оказать сопротивление. Он выхватил...

— Стоп! Только основное.

— Кучер, везший курьера, ранен. Сам курьер, получивший две пули, умер по дороге в больницу. Один из бандитов был ранен в перестрелке, двое других пытались бежать, но неудачно. Схвачены, скручены и брошены в тюрьму.

— Хорошо. А имен полицейских там не упоминали? Патрик О'Нил?

— Здесь... нет... Вот...Есть! Детектив О'Нил первым...

— Все отлично! Поехали. Сержант, уже нас ждался.

Только мы закончили с Сэмом деловую часть разговора и настроились поболтать за стаканчиком виски, как к нему вломился один из его парней и с порога заявил, что пришел Джордж Говард. Я вскинул удивленно брови, так как знал наперечет клички всех больших боссов преступного мира Нью-Йорка, а мелкий и сам бы не сунулся к Сержанту, так как все они были объявлены "вне закона" в зоне нашего влияния. Мелкие шайки никто специально

не отслеживал, но когда попадались — пощады им не было. Нечего плодить конкурентов! Если бы организовывалось совместное дело с кем-то из больших боссов, то Сержант сначала знакомил меня с сутью предложения, а уж потом с возможными партнерами. Пока я в уме перебирал возможные варианты, Сэмюель все это время смотрел на меня с хитрой улыбкой.

— Небось, голову ломаешь, кто это?

Я слегка пожал плечами, демонстрируя полное равнодушие, хотя, судя по загадочной физиономии босса, мне предстояло интересное знакомство.

— Зови! — сказав, Сержант откинулся в кресле и зашарил рукой в ящике стола. Извлек коробку с сигарами. Открыл. Понюхал. — Джордж любит хорошие сигары.

Вот сейчас неизвестный гость определенно заинтриговал меня. Сержант был явно не из тех людей, которых называют гостеприимными.

— Посмотрим, с чем он к нам пришел.

Дверь открылась, и через порог перешагнул среднего роста, модно одетый человек, лет тридцати пяти. Одетый в отлично пошитый серый костюм, в сером цилиндре, с изящной тросточкой в руках, окутанный запахом хорошего одеколона, он представлял собой образец истинного "денди". Его костюм и хорошие манеры странно смотрелись среди простой обстановки кабинета Сержанта. Тот был бы не прочь обзавестись нормальными апартаментами, но ему приходилось считаться с мнением рядовых бандитов, считавших "чем проще — тем ближе к народу". Оценка кабинету была дана, как я и предполагал, "ниже средней", судя по легкой брезгливой усмешке, скользнувшей по губам гостя. Пройдясь внимательным взглядом по мне, он остановил его на Сержанте. Тот кивнул ему, как старому знакомому, получил в ответ царственный кивок, после чего показал рукой на кресло, стоящее напротив меня, предлагая сесть: — Садись, Джордж. В ногах правды нет.

Тот сел, поставил трость между ног и возложил обе руки на набалдашник, затем, подняв руку, зачем-то поправил гвоздику в петлице. Все это он проделал плавно и важно, дескать, смотрите, какие у меня хорошие манеры. Может кому-нибудь они и могли показаться изысканными, но у меня они не вызвали ничего, кроме легкого раздражения.

"Павлин ряженный!".

Снова пройдясь взглядом по мне, он обратился к Сержанту: — Сэмюель, прими мои поздравления. Тебе это место в самый раз. Мне сказали, что под тобой две сотни людей стоит. Да и земля у тебя... А насчет порта, вообще молчу! Такой лакомый кусочек...

— Джордж, хватит молоть языком. Пришел — дело говори.

— Скажу. Но может, ты сначала познакомишь меня с этим молодым человеком, хотя я догадываюсь, кто это может быть.

— Джон Непомнящий Родства, — отрекомендовался я, не став дожидаться ответа Сержанта.

— Джордж Говард. Рад знакомству, сэр.

— Я был бы рад вам ответить тем же, но не могу, так как не знаю, что вы из себя представляете. Сэр.

На секунду воцарилась тишина, затем по мне скользнул острый, как бритва, взгляд, только затем он был облачен в слова: — Вы осторожный человек. Только нередко бывает так, что осторожность становится сродни трусости.

Не успел я открыть рот, как вмешался Сержант, которому не очень понравилось начало нашего знакомства: — Джек, это Западный Джордж, если тебе это о чем-то говорит.

"Западный Джордж, неуловимый грабитель банков. Как же слышал. Вроде говорили,

что денег через него столько прошло, что не пересчитать. С такими бабками мог бы уже и на пенсию уйти, а он еще продолжает воровать, скотина! Минутку! А что он здесь делает? Он же вроде перебрался в Чикаго... или Сан-Франциско".

Тот, услышав свою кличку, тут же подобрался, выпрямил спину и вскинул подбородок, словно знатный вельможа на великосветском приеме в тот момент, когда дворецкий оглашает его имя присутствующей знати.

"Если он решил, что я, услышав его дурацкую кличку, стану перед ним по стойке смирно, то он крупно ошибается!".

— Слышал о вас, — я решил ограничиться этой сухой фразой, чтобы позлить его. И я своего достиг. Легким раздраженным кивком он сухо ответил на мои слова, а затем развернулся корпусом к Сержанту, всем своим видом показывая, что теперь будет разговаривать с ним.

— Я пришел к тебе с деликатным делом, Сэмюель. Весьма деликатным.

Он сделал паузу, и в кабинете стала медленно разливаться напряженность. Сержант и тот ее почувствовал. До этого сидел, развалившись, а теперь выпрямился. Взгляд сердитый и недовольный.

— Говори, Джордж, — буркнул сердито Сержант. — От него у меня нет секретов. Пока нет.

Его последние слова мне не понравились. Зато Западному Джорджу они явно пришлись по душе.

— Что ж, Сержант, ты всегда был деловым человеком. Слушайте. Через полторы, максимум через две недели мы собираемся взять банк. В свое время я устроил в него своего человека. Теперь я знаю о банке больше, чем его управляющий Уоллес Ридклифф. Но мне нужен человек, способный разобраться с вооруженным охранником внутри банка.

— А где Банджо Смит?

— Спит вечным сном на кладбище Сан-Франциско.

— А почему пришел ко мне? Ты всегда был сам по себе и сам подбирал себе людей. Что изменилось за те полтора года, что я тебя не видел?

— Может, ты меня и не видел эти полтора года, зато слышал обо мне. Мне последнее время, скажем так, не совсем везло. Зато теперь я намерен взять реванш у судьбы.

Сержант криво усмехнулся: — Опять начал свою интеллигентность показывать. Не темни, Западный. Говори, как есть.

— Дашь человека?

— Тебе же надо лучшего из лучших, не так ли Джордж?

— Ты меня знаешь, Сэмюель, я скупиться не привык. Покупаю только все самое лучшее.

— Найдем мы тебе такого человека. Это все?

В глазах Сержанта появилось задумчивое выражение. Я знал его. Оно появлялось, когда у Сэма возникало сомнение в чем-либо. Как в деле, так и в человеке. Западный, похоже, тоже уловил сомнение Сержанта.

— Не все. Я собираюсь взять еще один банк и сберкассу. И все в течение двух месяцев.

— Ты что совсем с головой не дружишь?! Здесь же такой шухер начнется...!

Тут в разговор вмешался я: — По первому банку все ясно, а что с подготовкой по второму банку и сберкассе? Или у вас там тоже по человеку сидит?

Сержант бросил на меня злой взгляд, но смолчал, только откинулся на спинку кресла и скрестил руки на груди. Этот жест я тоже хорошо знал. Он означал, что большой босс очень

не доволен. Но вот кем или чем, еще предстояло выяснить.

— Сначала покончи с одним делом, тогда ты вправе переходить к другим. Так мне часто в свое время говорил отец. Вас устраивает мой ответ? — ответ был язвительно — назидательным, как и тон Западного Джорджа.

Мне оставалось только пожалть плечами. Внешне я был спокоен, но внутри уже начинал беситься от тона и поведения этого типа.

"Пусть решает Сержант. Он большой босс. Ему и карты в руки".

— Не много ли ты на себя берешь, Джордж? — недовольно процедил Сэм.

— Не много, Сэмюель. Это составляет лишь самую малость от общего числа банков Нью-Йорка.

Этот человек умел держать себя в руках. Даже видя, что не все складывается не в его пользу, он оставался спокоен. Хотя другие, зная крутой нрав Сержанта, уже бы мерили глазами расстояние до двери. Но Сэм вроде начал расслабляться или мне это только показалось... не знаю, но в любом случае Западный мне не нравился, а я привык доверять своей интуиции.

— Сколько?

— Шесть процентов с каждого дела. Договорились?

— Договорились! Когда он тебе будут нужен?

— Через три дня.

— И все-таки, почему ты изменил своим правилам работы? Сделать банк и смотаться в другой город — вот твой стиль. Почему сейчас так?

— Не доверяешь — так и скажи. Разбежимся!

— От такого предложения трудно отказаться. Раньше из тебя и пять процентов не выжать, а тут шесть даешь и не торгуешься. Грех отказываться!

— Ладно. Скажу, но все это останется между нами. Хорошо? — он обвел нас взглядом, словно хотел убедиться, что мы согласны. — Просто хочу сорвать хороший куш и хорошенько отдохнуть. Залечь на дно на полгода — год. Хорошее виски, красивые женщины, карты в приятной компании. Представляешь Сержант: длинный стол с белой скатертью, серебряный сервиз. Я сижу во главе стола, а за спиной стоит шеренга слуг. Пальчиком поманил, а он тут же перед тобой навытяжку. Хорошо!

— Красиво говоришь, Западный. Будем считать, что ты меня убедил. Говори, где парню назначишь встречу?

— В кафе "Этуаль" на улице...

— Знаю. Он будет тебя там ждать с шести до девяти вечера.

Джордж встал. Прикоснулся двумя пальцами края шляпы, слегка наклонил голову: — Разрешите откланяться, господа.

После чего вышел, гордо неся самого себя. Когда за ним закрылась дверь, я посмотрел на Сержанта, тот не обращая на меня внимания, опять о чем-то думал.

— Что не так, Сэм?

— Какой-то он не такой, наш Западный Джордж. Шесть процентов без торговли... это же надо.

— Если есть сомнения, зачем связываться?

— Если бы у меня появились сомнения, то и разговора бы не было. Не в этом дело. Для начала уточни, кто из его шайки будет с нами работать и что за банк. Я тут тоже кое-кого поспрашиваю.

— Хорошо. А что он вообще за тип?

— Появился в Нью-Йорке в шестьдесят пятом. Взял отделение Океанского банка. Чистое взял. Исчез. Слухи донеслись, что работал в Чикаго, Сан-Франциско, потом снова появился у нас. К этому моменту у него уже была своя шайка. Три человека. Здесь в Нью-Йорке он взял четвертого Банджо Смита, убийцу. С ними он постоянно колесил из города в город, беря банки, сберкассы, ювелирные магазины. Ни одного провала. И вот сейчас, спустя полтора года, снова объявился. Стоит особняком в криминальном мире, только иногда обращается за помощью, как вот сейчас. Говорят, что он из богатой семьи с Запада. Слышал также, что он закончил факультет архитектуры. Отсюда его вид и манеры. Были также слухи о его доме, где-то на Восточном побережье. Но это, скорее всего болтовня, а вот что ему изготовили специальный комплект инструментов для взлома сейфов за три тысячи долларов — это правда. Аккуратен в своем деле, старается учесть все до мелочей. Платит своим парням очень хорошо, поэтому те готовы за него порвать глотку любому. И во всем стараются походить на него. Пьют, едят в дорогих ресторанах, живут в лучших гостиницах. Короче, наслаждаются жизнью на полную катушку. Вот с таким человеком придется иметь дело.

— А много денег они взяли?

— Полмиллиона, не меньше.

Сэм за эти дни так ничего толком и не выяснил по Западному Джорджу. Только слухи и пустая болтовня. Отправив человека Джорджу, Сержант снова вызвал меня к себе.

— Кого ты дал, Сэм?

— Бритву Стива. Парень отлично владеет ножом, не говоря о его любимой бритве. Тут ему нет равных. Ты сумел повесить хвост?

— Послал двоих парней. Надеюсь, все будет нормально.

— Слушай, Джек, а у тебя не возникала мысль забрать у Западного кассу после дела.

— До этой секунды не возникало. А что?

— Ладно, забудь. Считаю, что неудачно пошутил.

— Уже забыл.

Все ограбление заняло около шести с половиной часов. Западный Джордж со своими помощниками, оказались настоящими мастерами своего дела. Они вскрыли два металлических ящика, каждый по полтонны весом, пройдя все их многочисленные секреты. Правда, денег оказалось намного меньше, чем я ожидал. В газетах было написано, что банк потерял около пятидесяти семи тысяч долларов. Ограбление банка конечно большое событие, но новое ограбление отделения Народного банка спустя полторы недели произвело настоящий фурор в Нью-Йорке. К тому же сумма оказалась почти в полтора раза больше первой добычи. Газеты Нью-Йорка от солидных изданий до бульварных листков с восторгом смаковали двойное ограбление. Некоторые газетчики описывали ограбление с такими подробностями, словно сами присутствовали при них. Полиция города бросила все силы на поиски преступников, подстегиваемая властями, газетами и выступлениями политиков. Шли третьи сутки после двойного ограбления, когда я после завтрака спустился вниз, собираясь ехать в порт. На улице меня уже поджидал Карл, сидящий в кэбе. Выйдя на улицу, я только начал поднимать воротник, защищаясь от холодного ноябрьского ветра и одновременно оглядываясь по сторонам, как рядом с экипажем остановился наемный кэб, из него высунулся мужчина и махнул мне рукой. Я знал этого человека. Джеффри Фармер. Разведчик из группы Тома Уилкса, который с еще двумя парнями вел слежку за Западным Джорджем.

Сердце противно екнуло. Его появление означало только одно, с Западным что-то не так. Подойдя, сел рядом с ним. Карл тут же вылез из экипажа, не доходя до нас нескольких шагов, остановился, у газового фонаря. Достал из жилетного кармана часы и, поглядывая по сторонам, стал изображать человека, который кого-то с нетерпением ждет. Автоматически отметив в уме: — Молодец. Правильную занял позицию, — я тут же перешел к делу: — Что случилось?

— Западный неожиданно поменял адрес. Два часа тому назад вышел из гостиницы, в которой жил последние три дня, с двумя кофрами в руках. Нанял кэб. Около получаса кружил по городу, затем неожиданно выскочил около сквозного двора, пересек его и выскочил на параллельную улицу, где его ожидал кэб. Не успел он сесть, как кэбмен тут же пустил лошадей вскачь.

— Кто из его помощников? Шило? Гвоздь?

— Гвоздь. За ним следовал Мак Роуз, командир. Доехав до Роут-стрит, 17 Западный слез. Вошел в дом, где сдают меблированные комнаты. Сейчас он там. Но есть подозрение, что он там недолго останется.

— Почему, Джеффри?

— Исхожу из господских замашек Западного Джорджа, командир. Этот старый клоповник явно не в его вкусе. К тому же он осматривался по сторонам так, словно впервые в этом районе. Стал бы человек прятаться в таком месте, если не знает о нем ничего? Я бы не стал. Отсюда можно сделать вывод. Это временное пристанище.

— Скорее всего, приехал с кем-то там встретиться... Кто там из наших парней?

— Арчи Круз, Стив Каллиган и Мак Роуз.

Я махнул рукой Карлу, подзывая его: — Галопом к Сержанту, а оттуда с ним на склад.

Парни заметили меня раньше, чем я разглядел их в уличной толчее. Не успел кэб остановиться, как тут же от фонаря, до этого подпиравшего его, отделилась крепкая фигура уличного хулигана. Касторовая шляпа с начесом, приталенное пальто и брюки, заправленные в тяжелые ботинки. Расхлябанной походкой он подошел к нам.

— Эй, мистер, закурить есть?!

— Будет! — и я стал копаться во внутреннем кармане, как бы ища папиросы.

Арчи Круз тут же доложил: — Западный не выходил, командир. Стив снял комнату, напротив той в которую занял Западный Джордж.

Чтобы со стороны не было так заметно движение губ, он оглаживал рукой усы.

— Ничего подозрительного?

— За исключением двух господ, смахивающих на полицейских, которые приехали сюда пятнадцать минут назад. Вон стоит кэб, на котором они приехали.

Я посмотрел в том направлении, которое он мне указал. Мать моя! На месте кучера сидел помощник инспектора Бута.

— Парни, за мной!

Удара ногой дряхлый замок не выдержал. Дверь с грохотом распахнулась. Наш визит оказался настолько неожиданным, что когда мы ворвались в комнату, реакции всех троих хватило только на то чтобы вскочить и замереть под дулами револьверов. Между ними на старом, обшарпанном столе кучками лежали банковские упаковки денег. Судя по всему, они их делили перед нашим приходом. Бут вытаращил глаза при виде меня и замер, не веря своим глазам. Судя по всему, он меньше всего ожидал меня здесь увидеть. Западный Джордж криво усмехнулся, так как уже сообразил, что произошло. Незнакомец, довольно

упитанный мужчина, в хорошо сшитом пальто, похоже, был наиболее труслив из всех троих, так как буквально стал белеть на глазах. Не обращая больше внимания на этих двоих, я двинулся к Буту, который тут же начал пятиться. Шаг за шагом, пока не уперся спиной в стену.

— Давно не виделись, инспектор, — и в следующий миг с силой вогнал ствол револьвера ему в живот.

Некоторое время смотрел, как Бут сползал по стене с выпученными глазами и белым от боли лицом. Затем, развернувшись, подошел к Джорджу: — Ну, что урод допрыгался?

— Ты, сучий ублюдок, — зашипел он. — Да я тебя голыми руками порву... А-а-ах! У-у-у!

Удар рукоятью револьвера в лицо бросил налетчика на пол. Развернувшись в пол оборота, стал разглядывать незнакомца с рыхлым телом и мучнистым от страха лицом. Его аккуратно подстриженная бородака подпрыгивала вместе с трясущимся подбородком.

"Похоже, его и спрашивать не надо будет. Сам все расскажет. И что знает, и что не знает".

Поднял револьвер на уровень его переносицы и взвел курок.

— Вы... не име-ете... пра-ва. Я... инспе-ктор... поли-ции, — он не говорил, а выталкивал слова трясущимися от страха губами.

— Бут тоже полицейский, чем ты лучше?

— Я из Депар-тамента... поли-ции... Сан-Франциско, — проблеял он.

— Сан-Франциско?! Каким ветром тебя к нам занесло, инспектор?

— Я скажу. Скажу! Моя информация для вас имеет большую ценность, — тут он сделал паузу, выжидающе глядя на меня.

— Не волнуйся. Расскажешь, все как есть, уйдешь своими ногами.

— Западного Джорджа взяли на месте преступления при ограблении банка. Нас навели на него. Была организована засада. В перестрелке был убит один его человек. Банджо Смит. Чтобы не идти в тюрьму, Западный предложил нам план.

— Нам, это кому?

— Ну... Можно без имен? Все-таки начальство. Вам не нужно, а мне лишнее беспокойство.

"Похоже, совсем оправился, раз стал проявлять заботу о начальстве".

— Хорошо. Продолжай.

— Джордж предложил нам деньги. Он грабит пару банков и отдает большую часть нам.

Но так как в Сан-Франциском полицейском управлении кое-кто знал о его задержании, то решили провернуть дело в Нью-Йорке. Я приехал сюда и переговорил с инспектором Бутом. Он, в свою очередь, переговорил кое с кем из своих, а после дал согласие. Правда, с одним условием, Западный должен ограбить не два банка, а три. Им было мало выделенной доли. Мне-то что, три так три. Я должен был получить восемьдесят процентов от суммы с двух банков, а остальное меня не касалось. Сегодня я оказался здесь, чтобы забрать свою долю.

У меня даже дыхание перехватило от такой непомерной наглости и вместо меня высказался, стоявший за моей спиной Арчи: — Ну, вы и суки полицейские! Твари алчные! Вас гадов, как бешеных собак, надо отстреливать за такие дела!

Полицейский из Сан-Франциско тут же принял слова на свой счет и жалобно залепетал: — Я здесь, не при чем! Это не я! Я только как посредник!

Я посмотрел на него так, что тот сразу заткнулся.

— Ты, — я ткнул пальцем в полицейского из Сан-Франциско, — садись и пиши, все, что ты мне сейчас только что рассказал. Внизу должность, звание, номер жетона, имя.

Я перевел взгляд: — Тебе, Бут, тоже самое. Напишите, останетесь здесь, не напишите, тоже останетесь здесь, но уже в качестве трупов. Решать вам. Арчи, упакуй Западного. Его мы забираем с собой. Стив подгони кэб к черному ходу. Джеффри достань бумагу и чернила. Пулей, парни!

— Я не буду писать! — заявил Бут, правда, в его голосе не чувствовалось уверенности.

— Арчи, сделай ему больно! А второй раз заявит подобное — просто перережь ему глотку, — в моем голосе настолько явно прозвучало равнодушие к судьбе Бута, что это поняли все. А в первую очередь, сам Бут.

— Хорошо, хорошо. Я напишу. Не бейте! Не бейте!

Занеся над скорчившимся от страха инспектором руку, Арчи посмотрел на меня. Я показал жестом, чтобы он вернулся к Западному Джорджу.

Сержант был страшен. Его лицо в нормальном состоянии напоминало скелет, теперь же оно напоминало ожившую маску демона смерти, если бы такие существовали в природе. В глазах горело бешенство, рот перекошен в злобном оскале. Он не ругался, не сыпал проклятиями, сберегая дыхание, все свои силы вкладывал в удары ногами по человеку, который лежал перед ним на полу, в луже крови. Западный Джордж уже не кричал, у него хватало сил только на хрипы. Лицо, руки, шея — все в крови. Каждый новый удар скручивал его тело, заставлял извиваться. Еще один удар в живот согнул Западного пополам, заставив захлебнуться собственным воплем. Честно говоря, мне давно надо было вмешаться, но ярость Сэма была настолько сильна, что вполне могла обратиться против меня, а мне не хотелось конфликтовать со своим боссом из-за какого-то вшивого предателя.

"А вот сейчас, пожалуй, можно".

Обхватив за плечи Сержанта, я осторожно стал оттаскивать его в сторону. Два его телохранителя — головореза нахмурились, подобрались, но на дальнейшие действия против меня не осмелились.

— Пока достаточно, босс. Есть еще кое-что интересное.

Тот встряхнул мои руки с плеч, некоторое время стоял, тяжело дыша, не сводя взгляда с распростертого на полу тела, потом, не поворачивая ко мне головы, зло бросил: — Что там еще у тебя?!

— На, смотри, — и протянул бумаги, написанные полицейскими.

— Что это? Полиц... Инспектор Бут?! Сан-Франциско?! — он повернулся к телохранителям. — Дик! Приведи эту суку в чувство! Ты что не понял! Не бить! Привести в чувство!

Телохранитель замер, затем нехотя наклонился к телу и несильно хлестнул по щеке Западного. Голова грабителя безвольно мотнулась и замерла. Головорез бросил быстрый взгляд на Сержанта. Я перехватил его взгляд и посмотрел на тело. Труп. Сержант уже это тоже понял, но все же решил уточнить: — Готов?

— Мертвее не бывает, босс.

Сержант повернул ко мне лицо. Криво усмехнулся, потом пожал плечами, дескать, погорячился, с кем не бывает.

— У тебя что-то было, Джек?

— Было, да сплыло, Сэм. Он работал в контакте с полицией. Он знал имена! Его надо было заставить написать бумаги на полицейских!

— Все! Он труп. Говорить больше не о чем! Бумаги, что ты мне дал, мы их можем как-то использовать?!

— Могли бы, если к ним приложить показания Западного Джорджа!

— Да — а, — протянул Сэм, — Бут был бы у нас вроде собачонки. Подай то, принеси это.

Но я думаю, и этой писанины хватит, чтобы его приструнить. Кстати, сколько в этих сумках денег?

— Не считал. Просто сгребли их со стола. Если Западный припрятал часть, мы этого уже никогда не узнаем.

— Ад и дьяволы! Погорячился я! — наконец он признал, что совершил ошибку. — А ты куда смотрел?! Кайф ловил?!

Я бросил на него злой взгляд, но говорить при людях ничего не стал. Тот понял меня, бешенство в его глазах вспыхнуло в последний раз и погасло. Затем бросил последний раз взгляд на труп и зашагал к выходу, бросив по пути телохранителю: — Дик! Забери сумки!

Остановившись на миг, на пороге, кинул через плечо: — Джек! Поедешь со мной!

Первую бутылку в кабинете Сержанта мы прикончили, не произнеся ни слова. Стаканчики опрокидывались под гробовое молчание. Я чувствовал себя опустошенным и уставшим, хотя день еще, в принципе, только начинался. Судя по внешнему виду, Сержант был не в лучшем состоянии. Когда от второй бутылки осталась половина, Сэм открыл рот: — Знаешь Джек, когда мы только начинали работать вместе, ты был совсем другой человек. Ты был наш человек. Сильный, жесткий, не боящийся крови. Теперь ты стал другим.

Я ухмыльнулся: — Другим, это каким? Трусливым, что ли?

— Другим... это значит другим. Ты, как я заметил, все больше лезешь в коммерцию. Якшаешься с торгашами! Не противно?! Жадные, трусливые и наглые душонки! Из них можно только выбивать на деньги, но не общаться! Зачем тебе все это, Джек?!

— Чем отличаются деньги с наших винокуренных заводов от этих? — я показал на два кофра с деньгами, скромно стоявшими у стены. — Чем? Не знаешь? Так вот я тебе скажу! Эти, в сумках, куш, который ты можешь сорвать раз, причем рискуя своей головой! А те ты получаешь постоянно и без особых усилий! Уловил разницу!

— Ты ли это, Джек?! Ты, которого наши головорезы, не боящиеся ни бога, ни черта, уважают как никого другого, говоришь о спокойном бизнесе?!

— Сэм, к чему этот разговор?

— Да я и сам не знаю. Просто нашло что-то. Хотя... нет, я тебе скажу. Мне не хочется, чтобы вместо моего помощника и отличного бойца появился еще один жадный торгаш!

— Так тебе же будет лучше Сэм. Будешь доить меня, как и остальных!

— Тебя подоишь! Хотел бы я посмотреть на того сумасшедшего, который рискнет это сделать! Ха-ха!

Мы смеялись до слез на глазах. Долго, чуть ли не с истерическим надрывом, чувствуя, что только сейчас стало отступать напряжение. Потом мы снова пили и говорили.

— Когда-то, Сержант, я был молодым и глупым, чтобы верить в идеалы, и скажу больше, воевать за них. Потом идеалы куда-то делись, и воевать я продолжил по привычке. Но привычки хороши, когда касаются чистки зубов по утрам и трехразового питания, а когда он касается твоей жизни и смерти, а идеалы вместе с человеческой совестью оказываются на

помойке, то поневоле приходишь к мысли, что воинский долг не более как условность. Но я продолжил воевать по приказу. Потому что ничего другого не умел. Потом меня... скажем так, убрали в угоду одному большому боссу. Я стал вольным стрелком или наемным убийцей. Все это меня устраивало, пока меня... В общем, я оказался здесь, в Америке. И только здесь я начал понимать, что... устраивало меня все в прежней жизни потому, что я не знал ничего другого и если, честно говорить, знать не хотел. Ты не знаешь, как это иной раз страшно бывает увидеть себя со стороны. Что-то изменилось во мне, после чего я стал смотреть на жизнь и на людей немного по-другому. И этого вполне хватило, чтобы понять в жизни есть и другие интересные вещи. Как бизнес, например. Зачем я тебе это рассказываю...

— Потому что ты пьян, Джек и еще, наверно потому, что больше тебе не кому сказать.

— Может, ты и прав, Сэм.

Перед представительным человеком в темном костюме остановился секретарь.

— Господин Маршалл готов вас принять, мистер Торнтон.

Человек встал и последовал за секретарем по коридорам, устланными пушистыми коврами. Переступая порог кабинета, он хорошо знал жестокость, необузданность и нетерпимость хозяина, и потому немного нервничал. Алан Маршалл сидел за длинным столом, перед ним лежала папка с документами, чернильный прибор и золотой колокольчик.

— У вас для меня новости? — без обиняков начал он.

— Да, сэр, — он помолчал. — Похоже, нашелся наследник. Некий Тимоти Морис, сэр. Он пришел ко мне...

— Торнтон, ты знаешь, я не люблю долгих вступлений.

— Да, сэр. Я сравнил сведения, полученные от него с теми, что были у меня. Нет сомнений, он наследник. Теперь решение за вами, сэр.

— Он единственный наследник? Точно?

— Да, сэр.

* * *

Спустя две недели после истории с Западным Джорджем, мы сидели в кабинете у Сержанта. Хозяин кабинета и мы с Быком, слушали соображения одного молодого человека.

Его слегка развязанные манеры и легкая небрежность в одежде только подчеркивали изящность и элегантность этого человека. Француз Тим. Аферист и шулер, он хорошо был известен в Чикаго, но в Нью-Йорке его пока не знали. Пока. Он приехал в Нью-Йорк по моей инициативе, вместе со своей командой из трех человек, еще месяц тому назад. Организовав производство и сбыт крепких напитков, я некоторое время думал, какое направление мне выбрать следующим, пока не решил остановиться на игорном бизнесе. Некоторое время присматривался, разговаривал с людьми и пришел к выводу то, что нам выплачивали владельцы игорных заведений за покровительство, было жалкими крохами, по сравнению с непрерывным золотым потоком, ссыпавшимся в их собственные карманы.

Изложив ситуацию в цифрах Сержанту, я получил от него одобрение своим действиям, затем, наведя справки, он пригласил в Нью-Йорк Француза и его команду для негласной проверки игорного бизнеса. После переговоров и получения инструкций они были отправлены на изучение работы игорных заведений, находившихся под нашей рукой. И вот сейчас мы слушали отчет о суммах денег, проходящих еженедельно через каждое игорное заведение. Неожиданно Сержант прервал речь шулера и зло оскалился: — Француз, ты отвечаешь за эти цифры?!

— Матерью клянусь, Сержант! За прошлую неделю один только Кривой Барнум положил себе в карман тысячу долларов! А у него далеко не самое лучшее заведение. А если взять Ника Гильома, так тот получает от двух до трех тысяч!

— Мэрриэт Барнум?! Ник Гильом?! Эти суки постоянно плачутся, что отдают нам последние гроши! Урою гадов!! Я им, мать их, устрою веселую жизнь!!

— Не горячись, Сержант! — мне считанные разы приходилось его успокаивать, обычно на подобных советах он был спокоен и рассудителен, но деньги, проплывающие мимо его карманов, всегда были его больным местом. — Соберем их вместе, и пусть с ними поговорит Француз. Объяснит им популярно и в цифрах, что надо делиться, а не кидать нам жалкие крохи. Если не дойдет, разговаривать будем по-другому!

Результатом наших двухнедельных переговоров с владельцами игорных заведений явились два сторевших игорных зала и простреленная голова владельца еще одного казино, после чего мы стали получать не тот неизменный жалкий процент, остававшийся со времен Мяслика, а от сорока до шестидесяти процентов дохода от каждой игры, ведущейся на столах зеленого сукна. Сорок процентов мы стали брать от доходов с рулетки и карт, а шестидесять процентов от игры в кости. Для того чтобы не вводить владельцев в искушение, их заведения стал инспектировать Француз со своими людьми, вошедший в команду Сержанта. После того как был установлен жесткий контроль над игорным бизнесом, я позволил себе расслабиться и заняться детьми. И в первую очередь Тимом. Луизе было нужно только внимание и забота, а вот с мальчиком было все намного сложнее. Я хотел, чтобы он пошел учиться, а тот все рвался на поиски работы, объясняя тем, что не хочет сидеть у меня на шее. Когда мы в очередной раз завели разговор на эту тему, я спросил его: — Слушай, парень, что ты так рвешься на работу? Ты с шести или семи лет работаешь! Не надоело? Сначала получи специальность, а потом работай, хоть до посинения!

— Ты не понимаешь, Джек! Не могу я сидеть у тебя на шее столько лет! И еще! Я хочу сам решать за себя. Когда почувствую, что мне нужно знать больше, тогда пойду учиться, а сейчас я хочу найти себя в профессии! Хочу понять, что мне нравится, а что нет!

— Хорошо, Тимоти! Я понимаю твоё желание стать самостоятельным! И все же давай погодим до того момента, пока не разберемся окончательно с адвокатской конторой Торнтон и с теми, кто тебя разыскивал. Может потом тебе и работа не понадобится!

Я так говорил, потому что уже навел справки об этом адвокате. Респектабельная контора, занимающаяся делами довольно богатых людей и солидных компаний. Неужели Тим богатый наследник?

— Тогда, Джек, не будем затягивать. Пойдем к адвокату завтра.

— Не торопись, дружок. К нему просто так не попадешь. Сначала надо записаться на прием, а уж когда он примет нас, самому богу наверно не известно.

Это была отговорка, так как я просто хотел дать ему время восстановить силы после года мытарств в трущобах Нью-Йорка. Прошло три недели, а парень до сих пор не может оставить ни крошки на тарелке, каким бы он не был сытым. Зато на прогулки по городу я отпускал его безбоязненно. Если он смог выжить год на "дне", то это могло говорить только об одном: в свои тринадцать лет он вполне состоявшийся, самостоятельный человек. Общались мы в основном вечерами, проводя время в долгих беседах. И каждый раз он не забывал спрашивать: — Когда мы пойдем к адвокату?

Это продолжалось неделю, пока я не выдержал и сказал: — Завтра едем. Нас будут ждать.

Честно говоря, я думал, что наш поход к адвокату это пустая трата времени, так вещи и бумаги были утеряны, а значит, удостоверить личность Тима не представлялось никакой возможности. Единственное, в моем понимании, что мог сделать адвокат в подобной ситуации, то это устроить личную встречу Тима с теми, кто его разыскивал.

Когда я спросил у младшего клерка, можем ли мы встретиться с адвокатом по делу

Тимоти Мориса, губы последнего тут же растянулись в стандартной улыбке.

— Вас уже ждут. Разрешите проводить вас.

Войдя, в богатый, но безвкусно обставленный кабинет, я с удивлением обнаружил помимо адвоката, сидящего в вычурном кресле за таким же, с претензией на шик, столом, еще одного человека. И он явно не являлся родственником мальчика. Широкоплечий, мускулистый мужчина, лет сорока, с цепкими, внимательными глазами мне от чего-то сразу напомнил агента Барни Фергюссона. И моя интуиция меня не подвела. Когда хозяин кабинета Джером Торнтон представил его, я ничуть не удивился тому обстоятельству, что мистер Уилл Грин оказался старшим агентом детективного агентства Пинкертон. Я рассказал им о моей встрече с Фергюссоном и его просьбе найти Тимоти Мориса, а также о поворотах судьбы, повлиявших и затянувших по времени наш приход. После того как я закончил, первым начал вопросы задавать Уилл Грин. Насколько я понял, его интересовало не столько, как погиб подчиненный, а где его документы и рабочий дневник. Более или менее удовлетворившись моими ответами, он предоставил слово хозяину кабинета. Тот тут же принялся за Тима, затем после получасовых расспросов, наконец, подвел итог: — Если я правильно все понял из нашей общей беседы, то у вас, мистер Дилэни, нет на руках абсолютно никаких документов, подтверждающих, что этот подросток является Тимоти Морисом?

— Да, господин Торнтон.

— В таком случае, мы не можем продолжить с вами разговор о деле, в результате которого был предпринят поиск Тимоти Мориса. Вполне возможно, что этот мальчик может являться искомым лицом, но я адвокат и верю только бумагам и вещественным доказательствам, но никак не словам. Если вы, мистер Дилэни, сможете найти и представить соответствующие доказательства, то в этом случае жду вас у себя в любое время, а сейчас извините, меня ждет работа и клиенты.

— Одну секунду господин Торнтон! А разве не ближайшие родственники организовали поиск Мориса?

— Мистер Дилэни, я уже вам сказал, что не намерен обсуждать это дело без каких-либо прямых доказательств, указывающих на то, что этот мальчик Тимоти Морис, — это было сказано раздраженным тоном и с недовольной гримасой на лице.

— А вам не кажется странным...

— Мистер Дилэни! Мое время — деньги! Поэтому соизвольте покинуть мой кабинет! — теперь тон был повелительно — резким, не допускающим никаких возражений.

Я уже перешагивал порог, как до меня донесся голос старшего агента: — Мистер Дилэни не хотите ли вы оставить нам свой адрес. На всякий случай.

Этот вопрос я ожидал услышать от адвоката, но его почему-то задал агент Грин. Повернувшись, ответил: — Извините, господин старший агент, но в создавшейся ситуации не вижу смысла это делать. Даже на всякий случай.

Выйдя на улицу, я предложил Тиму пройти пешком. Объяснив это тем, что хочу подумать. Мне действительно нужно было подумать над некоторыми странностями этой встречи, а также узнать, не пустил ли старший агент за нами хвост. Если да, то топтунов должно быть двое. Один пешком, другой на кэбе.

"Пахнет большими деньгами. И это все о чем можно догадаться, а вот от чего отталкиваться не понятно. Кто затеял розыски? Зачем? Проследить за адвокатом? У него наверняка большая клиентура. И как вычислить того, кто нам нужен? Блин! Одни вопросы!".

Шедший рядом Тим, до сих пор молчавший, вдруг неожиданно спросил: — Со мной что-то не так?

— Ты умный парень, Тим. Уловил самую суть. Тебя искали не родственники. А вот кто и по какому делу, еще предстоит выяснить.

— Джек, ты думаешь, что это все из-за наследства, которое оставил мне кто-то из родственников?

— Может и так, но, скорее всего это касается наследства, оставленного тебе отцом или матерью.

— Почему ты так решил?! — в его голосе послышалось удивление.

— Не так громко, Тим. Тебя разыскивали по девичьей фамилии твоей матери. Значит, разговор идет о завещании, где фигурирует фамилия твоей матери, а ты после ее смерти стал прямым наследником. А теперь хватить идти пешком, поехали!

Не обращая внимания на удивление мальчика, вызванное резким переходом в разговоре, я махнул рукой, подзывая стоящий в десятке метров кэб. Некоторое время он просто ехал о чем-то думая, потом, очнувшись, посмотрел по сторонам и обратился ко мне: — Джек, мы разве едем не домой?

— Заедем по дороге в одно кафе. Перекусим. Там великолепный куриный бульон, а к нему маленькие пирожки с мясом. Пальчики оближешь!

Это кафе находилось на моем пути от дома до порта. Его держала семейная пара Голленбергов. Сначала я думал, что это евреи, а оказались — истинные арийцы. Зигфрид и Марта. Чистота, домашний уют и вкусная еда для подобного заведения на границе портового района, где хватает различных отмороzków — дорогого стоит. Стоит только зайти и посмотреть на кружевные занавески на окнах да фарфоровые тарелки, развешанные по стенам, как сразу чувствуется уют и тепло домашнего очага. В свое время я объяснил местной шантрапе, правда, перед этим показав на практике, насколько хрупок человеческий организм, что будет, если они продолжат свои наезды, после чего я стал желанным гостем в этом заведении. Затем, когда пришло время подумать, где устроить место контакта с моими бойцами, мне сразу пришло в голову это кафе. Теперь в течение дня я мог застать здесь кого-нибудь из разведчиков Тома Уилкса или из бойцов Джона Харда. Сегодня в зале сидел Арчи Круз. Проходя мимо его стола, подал условный знак. "За мной хвост". Не успели мы сесть с Тимом за стол, накрытый белой хрустящей скатертью, как к нам тут же подошел сам хозяин, чтобы обслужить нас.

— Привет, Зигфрид. Бульон и мясные пирожки. Мальчику тоже самое.

— Здравствуйте, мистер Дилэни. Через пять минут.

Пока мы не спеша ели, Арчи допил свой кофе и вышел. Теперь я был спокоен. Если есть хвост, он его вычислит, а сбросить его уже будет проще. Перешли к десерту. Взяв с блюда сладкий пончик, я сказал: — Тим, ты давно хотел посмотреть, где я работаю. Так вот, доедим и поедем в порт. Ты доволен?

— Джек, я дважды приходил к своим ребятам из фирмы, где я раньше работал. Помнишь, "Громби и сын"? — как только я услышал это название, я уже знал, что он мне сейчас скажет. — Туда постоянно приезжают твои люди за товаром... Так что я знаю, кто ты и чем занимаешься.

Я вертел в руке пончик, с волнением ожидая и боясь того, что он может мне сказать. И должен был признать, что это чувство было для меня внове, нечто иным, чем ощущение страха перед опасностью, который я привык сдерживать и держать в узде.

— И что? — я сам не узнал свой голос, звенящий от напряжения.

— Я хочу тебе сказать только одно: чем бы ты не занимался и чтобы про тебя не говорили, я всегда буду к тебе относиться как к старшему брату.

— Гм. Спасибо, — больше я сказать ничего не смог из-за комка в горле, непонятно откуда взявшегося. Может быть из-за беспричинной радости, охватившей меня?

— И еще. Зная тебя, Джек, я подозреваю, что ты просто так не оставишь историю с моим наследством. И все же я хочу попросить тебя: давай оставим все как есть. Не будем ничего раскапывать. Хорошо, Джек?

Его слова вернули меня к нашей проблеме.

— Должны же мы знать, что за всем этим кроется? — я ответил ему вопросом на вопрос, тем самым, уходя от прямого ответа.

— Не знаю, Джек! Адвокат Торнтон специально послал агента на мои поиски, затратив на это немалые деньги. И кабинет у него богатый. Похоже, он не бедствует. Отсюда можно предположить, что меня ищут очень богатые люди. Я правильно понимаю?

— Ты прав во всем, мой мальчик. Что ты предлагаешь?

— Получить в наследство большие деньги это хорошо, Джек. Мы могли бы открыть магазин или даже основать торговую кампанию, а еще можно построить корабль и самим перевозить грузы. Знаешь, я не так много видел в жизни, но одно понял: мне нравится ездить и смотреть. Конечно, иметь деньги хорошо, но я против того чтобы лезть из-за них в драку. Однажды я видел, как человека убили из-за доллара. Мне этого достаточно. Я не хочу ничьей крови. Поэтому прошу тебя не лезть в это дело. Пусть все остается по-прежнему.

— Знаешь парень, тут дело не в тебе, и не во мне и даже не в деньгах, а в справедливости. Я никогда не забуду, как ты гладил одеяло в той сраной гостинице. Пока ты радовался вшивому одеялу, кто-то спал на мягких перинах. Если ты наследник, почему твоими деньгами должен пользоваться кто-то другой. С другой стороны — это только твое дело. Как скажешь, так и будет.

Тим некоторое время смотрел на меня, а потом сказал: — Джек, ты просто узнай, кто меня искал, а там посмотрим. Хорошо?

— Хорошо, Тим. Хорошо. Попробуем узнать. Будет не по зубам, отойдем в сторону. Значит, договорились?

Я решил, что на этом все закончиться, но мальчик снова проявил себя мужчиной: — И еще, Джек. Если наследство действительно существует, я хотел бы, чтобы стало общим. Моим и твоим. И я хочу это закрепить на бумаге. У нотариуса.

— Тим, зачем это тебе...

— Джек, я так хочу. А деньги, что заплатишь нотариусу, я отработаю. И еще. С завтрашнего дня я начну сам заниматься поисками работы, хватит уже сидеть у тебя на шее, если, конечно, у тебя нет подходящего для меня дела.

На следующий день, как я не упирался, он настоял на визите к нотариусу, затем мы поехали к одному моему знакомому торговцу Джонатану Григу, с которым у меня были деловые отношения. Он, мне как-то жаловался, что не может найти порядочного мальчика — посыльного. Когда я представил ему Тима, Григ кивнул согласно головой и тут же отправил его с поручением.

Теперь, когда Тим стал работать на Грига, у нас появилась новая традиция. Перед тем как разбежаться каждому по своим делам, мы вместе завтракали в итальянском ресторанчике, недалеко от моей квартиры. И всегда занимали столик у окна. Я сиделся

лицом к стеклянной витрине, а Тим, занимал место напротив меня. Карл садился за столик у двери, после чего раскрывал свежую газету и с головой погружался в мир сплетен и новостей. Сегодня было все как обычно, но, как выяснилось несколько минут спустя, мне это только так казалось.

— Тим, тебе точно нравится работать у Грига?

— Точно, Джек. Он меня уже сделал старшим посыльным, и теперь я команду Сдобной Булкой.

— Я все время хотел спросить, почему ты называешь паренька, с кем работаешь, Сдобной Булкой?

— А потому что у него лицо круглое и мягкое, как булочка. Да он и не обижается, Джек.

Я слушал его, накручивая спагетти на вилку, но не успел поднести их ко рту, как напротив витрины остановился грузовой фургон, загораживая от нас мостовую и противоположную сторону улицы.

Не успел я в душе возмутиться этим безобразием, как владелец тележки, до этого беседовавший с покупателем, неожиданно выхватил из-под товаров, разложенных на тележке, винтовки. На какое-то мгновение я растерялся, уж больно внезапным оказалось даже для меня это покушение. Эти две или три секунды дали возможностям убийцам вскинуть винтовки, и только тогда я закричал: — Тим!! Ложись!!

Он только успел поднять на меня недоумевающие глаза, как в этот миг стекло раскололось на тысячи мелких осколков, брызнувших в разные стороны. Последнее что я успел заметить, перед тем как инстинкт самосохранения кинул меня вниз, под стол, остановившийся, ничего не видящий взгляд Тима. Выстрелы не утихали не на секунду. Рука нащупала маленький револьвер во внутреннем кармане, как звон колокольчика над входной дверью слился с грохотом выстрела, затем через секунду второго, который резко оборвал короткий стон. Карл убит! В следующую секунду пронзительно закричали в два голоса итальянцы, бармен и официант. В ответ на их крики ударил еще один выстрел, и зеркало за стойкой бара разлетелось вдребезги. Итальянцы мгновенно смолкли.

"Наглец, — только успела промелькнуть эта мысль, как послышались осторожные шаги в мою сторону. — Ну, давай, сука! Я тебя жду!"

Я замер, готовый стрелять в ту же секунду, как только убийца окажется в поле зрения, и тут мое ухо неожиданно уловило и выделило, среди грохота выстрелов на улице винтовок, револьверный выстрел, раздавшийся от входной двери. Выстрел за спиной подбравшегося ко мне убийцы должен был его отвлечь, и я решил использовать шанс.

Упав на бок, я тут же оказался в поле зрения убийцы, как раз в тот момент, когда тот полуобернулся на выстрел. В ту же секунду я выстрелил в замершую фигуру наемника.

Пуля попала туда, куда я метил, в левую половину груди. Он попытался нажать на курок, но сил уже не было, и вытянутая рука с револьвером упала вдоль тела. Тут одна из винтовочных пуль, просвистела у моей головы, другая со звоном разбила последнюю тарелку на столе, разбросав по столу макароны, залитые соусом. В ту же секунду вскочив на ноги, я бросился к двери, по пути протаранив плечом своего несостоявшегося убийцу. Тот отлетел в сторону. Его предсмертный стон смешался с тяжелым грохотом рухнувшего на пол стола. Сбоку от двери, рядом с опрокинутым стулом, лежало тело Карла в луже крови с револьвером в руках. Струйка дыма еще вилась из его ствола. Я выхватил револьвер из его руки.

"Спасибо, друг!".

Завеса порохового дыма сделала свое дело, стрелки не видели, что произошло внутри ресторанчика, и ждали своего напарника, который должен был довести дело до конца. Мое появление стало для них большой неожиданностью. Воспользовавшись их оторопью, я замер, навел ствол на ближайшего бандита и выстрелил. Выронив винтовку, стрелок схватился за грудь, после чего стал заваливаться спиной на рядом стоящую тележку. Последний из убийц просто отбросил винтовку в сторону и бросился бежать, но даже если бы у него были крылья, он бы не ушел от меня. Погоня, под крики прохожих и полицейские трещотки, длилась недолго. Только он успел свернуть за угол на ближайшую улочку, как я с лету обрушил ему на голову рукоять револьвера. Убийца так и покатился по брусчатке, пока, наконец, не замер, уткнувшись лицом в камни мостовой. Подскочив к нему, еще не остывший от схватки, я с силой ударил его по ребрам, потом еще раз. Он застонал и попытался свернуться, но я не дал этого сделать. Схватив его за шиворот пальто, я оттащил его в тупичок между домами и бросил на мусорную кучу. Он глухо стонал. Я оглянулся по сторонам, затем ударил его для верности по голове револьвером еще раз. Стон резко оборвался. Выйдя из тупичка, снова оглянулся по сторонам. Никого не было, зато за углом во всю раздавались крики и гам возбужденной толпы. Засунув револьвер за пояс, быстро свернул за угол, растолкал зевак столпившихся перед рестораном, а затем шагнул прямо через разбитое стекло. Едкий запах пороха стоял в воздухе вместе с клубами дыма. Итальянцы до этого осторожно выглядывавшие из-за стойки, увидев меня, тут же нырнули обратно. Зато зеваки, стоящие на улице, с любопытством наблюдая за моими действиями, тут же начали комментировать их на все лады, но как только я подошел к Тиму, голоса за моей спиной сразу стихли. Пальцы привычно скользнули по шее. Пульса не было. Уже убирая руку, пальцы зацепились за шнурок на шее мальчика.

"Память матери. Теперь это будет память о тебе".

Разорвав шнурок, сунул талисман Тима в карман. В сердце острой иглой кололо чувство вины за смерть мальчика. Мне очень хотелось посмотреть ему в лицо, но тут из памяти всплыл его остановившийся взгляд и я не решился потревожить его покой. После чего подошел к телу Карла. На минуту замер, отдавая память мертвому. Затем, толкнув входную дверь, вышел на улицу. Народ тут же смолк при моем появлении и подался назад. Пройдя сквозь раздавшуюся толпу, вышел краю дороги и подозвал кэб. Сел, сказал кучеру, что мне нужно забрать моего пьяного приятеля. Доставив наемника на склад, я отдал его в руки моего штатного палача одноногого Джеймса Богарта. Очнувшись и увидев, с кем ему придется иметь дело, наемник быстро сломался, рассказав, все что знал. След вел к посреднику, к которому тут же поехали мои парни. Оставалось сидеть и ждать. Пока я шел по горячим следам, полный холодной ярости, мысли о смерти Тима были, как бы заслонены непрерывной чередой действий и событий, цеплявшихся одно за другое и требовавших сиюминутного решения. Теперь им никто не препятствовал. Тоска и боль утраты рвали на части сердце и мозг. В свое время я уже проходил через это, когда терял боевых друзей, но эта боль была не такой. Она была яростной, пронзительной и клокочущей, сжигающей меня изнутри. Не знаю, сколько времени я находился в подобном состоянии, но неожиданно раздавшиеся резкие крики вернули меня в реальный мир. У входа я увидел двух своих парней, а между ними трясущегося человечка в пальто цвета грязи и темно-серой шляпе. Наткнувшись на мой взгляд, тот мгновенно замолк и съежился.

— Он что-нибудь сказал?

Вопрос я задал в пространство, не адресуя его кому-то лично, но ответил Богарт: — Щас я им займусь! Запоет...!

Человечек перевел взгляд на палача. Увидев его заляпанный кровью фартук, он вздрогнул всем телом, после чего, закатив глаза, мешком упал на пол. В другое время парни бы ржали как жеребцы, но, сейчас принимая во внимание мое состояние, стали молча и быстро приводить посредника в чувство. Открыв глаза, тот сразу, без всякого понукания, начал быстро говорить: — Моя кличка Старый Бак. Ко мне четыре дня назад пришел один тип. Передал привет от Голландца Ларри, моего старого друга и сказал, что у него есть заказ. Убрать двоих. Срок — неделя. Дал пятьсот авансом, остальные после дела. Мне он показался странным, не нашего поля ягода, поэтому я послал за ним хвост. Но он легко от него ушел. Я тогда к Ларри, а тот мне говорит: держись от него подальше — здоровее будешь. Но я человек настырный и любопытный. Выставил Голландцу бутылочку, тот и раскололся. Оказалось, тип из детективного агентства, на кого-то из богатеев работает. Тут мой интерес и угас, ведь связываться с ними, что ссать против ветра. Это все, что я знаю. Верьте мне.

"Агентство? Грин, сволочь! Больше некому!".

— Опиши мне типа из агентства!

Спустя пять минут у меня не осталось никаких сомнений, что заказчиком является старший агент Грин.

"Если взять Грина, значит и адвоката надо брать. Скорее всего, агент только посредник, а Торнтон — мозги. Но за ними же кто-то стоит?".

— Меньше знаешь — лучше спишь. Правда, Бак?

Тот только успел ответить растерянным "Ага", как на его голову обрушилась рукоять револьвера.

— Оттащите в угол. Он еще нужен. Звено Харда доставит Грина. Предупредите капитана, что агент опытный и умелый боец. Лучше всего сделать засаду у Старого Бака. Грин скоро узнает о сегодняшнем покушении и наверняка придет к посреднику, чтобы произвести с ним окончательный расчет. Деньгами или пулей. Теперь ты, Том. Твои люди пусть сядут на хвост адвокату. Возьмете его, когда тот поедет домой. И главное: взять этих двоих тихо, без свидетелей! Все. Выполняйте!

Старшего агента, взяли, как я и предполагал, при подходе к норе Старого Бака. Сейчас он стоял посреди склада и волком смотрел на меня. Я не стал отдавать его на растерзание Богарту, так как знал что не получу от этого ни малейшего удовлетворения, к тому же я не привык чтобы мои личные дела улаживали чужие люди. Я смотрел на его застывшее лицо, напряженные плечи, на сжатые тяжелые кулаки и думал о том, что если даже переломаю этому сукину сыну кости все до единой, мне вряд ли станет легче. У меня на глазах умирали люди, я сам их убивал. Видел, как умирали мои товарищи и друзья, и горел к их убийцам ненавистью. Была возможность — мстил. Жестоко и люто. Утолить боль, подобным образом, удавалось нечасто, чаще приходилось прятать свои чувства, носить ее с собой, пока она не рассосется сама с собой, но сейчас было совсем по-другому, она не была похожа на то, что я испытывал раньше. Не была такой неистовой и злой. Может быть потому, что к горевшей в сердце ненависти примешивалось горькое чувство непоправимой утраты смешанное с тихой печалью, словно Тим стоял рядом и тем самым сдерживал меня, не давая разгореться лютой злобе. Наверно только поэтому я не бросился на агента сразу, а дал ему шанс, пусть призрачный, пусть даже на словах: — Схватка. Один на один. Выиграешь —

уйдешь, проиграешь — ...

Несколько секунд тот молчал, никак не реагируя на мои слова, только бросал короткие затравленные взгляды на моих парней, стоявших вдоль стен. Потом что-то в его лице дрогнуло, неуловимо изменилось. Глаза стали более живыми. Теперь он смотрел на меня.

— Я слышал, что ты Джек Дилэни, человек слова. А как насчет твоих людей? — он говорил почти спокойно. Было видно, что этот человек далеко не трус и умеет держать себя в руках.

— Ты так уверен в своих силах?

— Уверен. Не уверен. Это все слова. Я хочу знать: твои люди дадут мне уйти?

— Да.

Пока он говорил, я пытался понять, что я чувствую по отношению к этому человеку. В другое время я испытал бы дикую радость, месть близка, но сейчас ничего подобного не чувствовал. Только сосущая пустота в сердце. Тот только снова открыл рот, как я сказал:

— Нападай.

Он стремительно бросился ко мне и ударил... в пустое место. Затем наступил мой черед. Я наносил удар за ударом с четкостью автомата в массивный корпус и лицо. Сначала он пытался контратаковать, потом ушел в глухую защиту. Но и это ему не помогло, пропустив очередной удар в голову агент "поплыл", широко открыв рот и борясь за каждый вздох. Еще один удар и Грин упал на колени. Секунду-другую смотрел на него сверху вниз. Убить просто так не входило в мои планы. Мне нужно было знать все, что знает он. Схватив его за руку, я с силой ее заломил. Старшего агента прямо крючило от боли, но все же у него хватило силы сказать: — Ты... труп. Просто еще не знаешь этого. Ты не доживешь...

— Слышал. Много раз. И пока еще жив.

— Ты еще не знаешь...

Вместо ответа я рванул вверх его руку. Лицо Грина стало мучнисто-белым, глаза закатились, но я не остановился на этом, ребром ладони сломав руку в локте. Кости прорвали окровавленную плоть и полотно рубашки. Грин дико вскрикнул, потом начал стонать.

— Ты мне ничего не хочешь сказать?

Тот продолжал стонать, не говоря ни слова, тогда я склонился, взял его здоровую руку и положил себе запястьем на правое колено. После чего резко ударил по запястью ребром ладони. Послышался хруст кости. По телу Грина побежали судороги боли. Он уже не стонал, а хрипел.

— Не... могу... больше. Убей.

— Куда ты так торопишься? Я еще только начал.

— Будь... ты... проклят. Скажу...

Теперь я знал кто, но до сих пор не знал почему. Отойдя от лежащего, в кровавой луже, Грина, я подозвал жестом Джона Харда.

— Поеду домой. Хочу побыть один. Когда привезут адвоката, пришлешь за мной человека.

— Будет сделано, командир.

Вернувшись, я первым делом вытащил из бара бутылку виски и стакан, затем сел за стол. Налил полный стакан и выпил, как воду. Затем наполнил снова, после чего бережно достал из кармана "память о Тиме", мешочек, сшитый из оленьей кожи. Осторожно сжал пальцы, в надежде почувствовать тепло мальчика, который столько лет, не снимая, носил

его на груди. И тут неожиданно пальцы почувствовали нечто, не соответствующее пустому мешочку. Растянув бечевку, я пошарил рукой внутри, как и ожидал — он был пуст. Тогда я снова помял его пальцами и, наконец, понял. Мешочек оказался сделанным из двух слоев тонкой кожи, а между ними было что-то вложено, вроде куска тонкой ткани. Полоснув ножом по шву, распорол его, затем, схватившись за края, с силой рванул их в разные стороны. На столешницу упал, находящийся внутри кусок белого шелка с текстом, написанным четкими и ровными буквами. Пробежав его глазами, я понял, это то, что приговорило Тима к смерти. По своей сути это было завещанием, написанное мужем своей жене. Найдя на Западе золото, он вернулся в цивилизацию и выкупил у правительства эту землю. Десять тысяч гектаров. Получив официальный документ, он положил его на хранение в одном из банков Нью-Йорка, после чего снова отправился на Запад. Почему он завещал еще при жизни все жене и сыну, и почему эти указания были написаны на шелке и зашиты в мешочек, похоже, навсегда останется для меня тайной. Да я и не стал ломать над этим голову, потому что я теперь знал все. Теперь надо было думать над тем, как всеми этими знаниями распорядиться. Порывшись в столе, я нашел бумагу, в которой было сказано, что наследником Тимоти Мориса является Джек Дилэни. Положил рядом с куском шелка. Некоторое время смотрел на эти два документа. Во мне сейчас боролись два человека. Один считал, что настоящий убийца Тима должен умереть немедленно, второй возражал: этот тип — дорога наверх к богатству и власти, а убить его — когда придет время.

Через день мы с Луизой похоронили Тима и Карла. Кроме нас, больше не было никого, если не считать сопровождения — шестерых вооруженных парней. После церемонии погребения я забрал Луизу к себе домой, предварительно наняв женщину, которая бы ухаживала за ней. Для охраны девочки отрядил четырех парней. Двое в квартире, двое — на улице. Сержант был в курсе, что случилось, но никак не отреагировал на происходящее, тем самым, предоставляя мне полную свободу действий.

Спустя неделю после смерти Тима я стоял у основания широкой лестницы клуба "Корона". Откуда-то сверху доносилась бодрая музыка. Огромный зал украшали цветные флажки и бумажные китайские фонарики. Вокруг меня бурлило и шумело человеческое море. Обычный благотворительный бал в пользу бедных, организованный городским фондом "Щедрая рука" под девизом "Пока рука дающего не оскудеет". На него были приглашены богатые люди города, политики, духовенство, городские власти. Смокинги и меха, жемчуг и золото. Вокруг некоронованных королей Нью-Йорка вились чиновники всех рангов, порученцы, агенты в штатском. Помимо последних вокруг самого клуба стоял кордон из полицейских. Вокруг трех длинных столов с легкими закусками теснилась самая бедная часть этой аудитории — журналисты. Они быстро ели, время от времени, поглядывая на часы. Вот-вот должен был подъехать мэр. После его вступительной речи должен был начаться сбор денег, замаскированный под благотворительную лотерею. Я же здесь находился не ради бедных, а ради того, чтобы увидеть, как отреагирует на письмо один человек. Алан Маршалл. Импозантный и холеный мужчина, с хорошими манерами и холодными глазами, он сейчас стоял в группе из четырех человек, таких же богачей, как и он сам. Наблюдая за ними, одновременно я прислушивался к разговору группки владельцев небольших заводов. Темой была провинность рабочего перед хозяином.

— Кнутом и пряником!

— Кнутом и пряником? Чушь, милейший! Только кнут! Пряник рабочие украдут себе сами! Кнут!

В этот самый момент к Маршаллу подошел человек с прямой спиной и военной выправкой. Полицейский чин, определил я. Отведя того в сторону, полицейский ни слова не говоря, вручил ему небольшой пакет. Мультимиллионер, разорвав конверт, прочитал письмо, затем начал задавать вопросы. Полицейский четко и коротко отвечал, правда, после каждого такого ответа лицо полицейского чина принимало все более виноватое выражение, затем он был отослан барским движением руки, а Алан Маршалл некоторое время смотрел неподвижным взглядом куда-то в пространство. Очнувшись, огляделся по сторонам. Он умел держать себя в руках, выражение лица ничуть не изменилось, только пальцы нервным движением сжали в комок листок бумаги. Не обращая внимания на любопытные взгляды стоящих вокруг людей, резко развернувшись, он направился к выходу.

"Начало положено, посмотрим, каким будет конец".

Утром следующего дня я перешагнул порог его кабинета. От помещения веяло утонченной роскошью. Сделав несколько шагов по мягкому ковру, остановился у кресла, в расчете, что мне предложат сесть, но хозяин кабинета, не только не стал этого делать, но даже не удостоил меня кивком головы. Вместо этого он принялся осматривать меня тяжелым, оценивающим взглядом, словно мясник, примеряясь, как лучше разрубить тушу. Я, в свою очередь, принялся рассматривать его. Начал с лица. Черты были грубоваты, но правильны. Серые глаза глядят умно и жестко. Мощная шея, широкие плечи. Несколько томительных минут мы то ощупывали, то мерили друг друга взглядами, пока Маршалл не понял, что давить на меня подобным способом бесполезно.

— Так вы утверждаете, что у вас есть свидетельские показания против меня?

— Утверждаю, тем более что одну из копий этих показаний вы уже видели.

— Вы собрались шантажировать этим меня? Зря. Вам это не по силам. Вы уйдете отсюда в наручниках, как ушли другие, приходившие с подобными заявлениями. Видите этот колокольчик на столе. Сейчас в нем заключена ваша судьба. Кроме него, у меня в стол встроена кнопка. Нажимаю, и в кабинет вбегают вооруженные люди, которые не только схватят вас и обвинят в попытке покушения на меня, но и дадут показания против вас в суде. Теперь, мы, похоже, уравнили наши позиции, мистер шантажист и можем перейти к делу, — тут он сделал паузу, тем самым, приглашая меня высказаться по поводу его ума и изворотливости. Но, так и не дождавшись, продолжил. — В вашем письме, приложенном к копии, было сказано, что вы дали убежище Грину и Торнтону, для того чтобы они смогли дожить до суда. Это похоже на правду. Мои люди так и не смогли найти нигде следов ни адвоката, ни Грина. Предположим, что они выступят в суде против меня. И что? Неужели вы думаете, что их слов хватит, чтобы выиграть дело? Или вы думаете, что в нашем городе больше нет адвокатов, кроме Торнтон? А сколько людей за деньги согласятся лгать и лжесвидетельствовать против вас и ваших свидетелей, вы даже себе не представляете! Процесс против меня не будет стоить и выеденного яйца! Да вы и сами это прекрасно знаете! Вам, также как и другим, нужны деньги, поэтому вы здесь! Или я не прав?! Вы знаете, почему я с вами еще разговариваю?! Потому что в данный момент мне не нужна подобная огласка. Я сейчас нахожусь в стадии переговоров с двумя крупными компаниями, и мне не хотелось бы, чтобы они закончились неудачей. Поэтому я хочу знать, сколько вы хотите, чтобы похоронить это дело. Окончательно и бесповоротно. Но предупреждаю сразу, не пытайтесь играть со мной. Мое терпение не беспредельно. Итак: сколько?

Усмехнувшись, причем я постарался сделать это наиболее нагло, после чего я сел в

кресло без приглашения. Закинул ногу за ногу, некоторое время смотрел, как начало каменеть его лицо, только потом сказал: — Убийца и шантажист — неплохая пара, не правда ли, господин Маршалл.

Мне хотелось позлить его, вывести из равновесия, потому что он заслужил это своим наглым поведением. И мне это удалось. Лицо железнодорожного магната потеряло невозмутимость, глаза метнули молнии.

— Шут гороховый, ты, что себе позволяешь!! Я же тебе сказал мое терпение...!!

— Заткнись!

Достав из внутреннего кармана пакет с бумагами, бросил его на стол перед наливающимся кровью и бешенством лицом хозяина кабинета.

— Ты у меня сейчас...!!

— Читай! Потом посмотрим, что кричать будешь!

Мое бесстрастное лицо и презрительный взгляд подействовали на миллионера как холодный душ. Его уверенность в себе до этого представлявшая цельную гранитную плиту, похоже, получила трещину. Не отрывая от меня взгляда, в котором переплелись изумление и ярость, он нащупал пальцами пакет, вскрыл его и замер.

— Чего уставился, читай!!

На лице магната проглянула неуверенность, а в глазах — смятение. Как он осмелился?! Отдает приказы. Мне? Неужели у него...?! Очевидно, похожие мысли пронесли в его голове, потому что в глазах мелькнула тревога, и он опустил взгляд. Быстро пробежал глазами одну бумагу, потом вторую, третью. Потом снова схватил первый лист и стал читать внимательно, вчитываясь в каждую букву. Затем бросил на меня отстраненный взгляд, после чего откинулся на спинку резного кресла и несколько минут сидел, бросая взгляды то на меня, то на бумаги.

— Вы основательно подошли к этому делу, — он помолчал. — Сколько хотите отступного?

— Вы отдали приказ убить мальчика?

Он смешался от неожиданности вопроса, с минуту смотрел на меня непонимающими глазами.

— Господи! Вы опять об этом? Что вам этот мальчишка?!

Я ощутил приступ ярости. Бешенной, неконтролируемой ярости. На какой-то миг я представил, как сворачиваю железнодорожному магнату шею, как хрустят, ломаясь, позвонки, как по уголку его рта потечет слюна, смешанная с кровью. Я наслаждался этой картинкой секунду или две, пока вдруг не понял, что еще мгновение и... Как только это осознал, с трудом, но я все же сумел взять себя в руки.

— ... да не смотрите на меня так. Хорошо! Хорошо! Извините! Забыл, что он ваш воспитанник! Но он мертв. Его уже нет. И говорить о нем бессмысленно. Сейчас идет речь с вас и обо мне, о больших деньгах. К тому же, как мне кажется, вы человек дела и не должны руководствоваться эмоциями. Я прав?

— И все же я хотел бы услышать от вас, от кого поступило предложение убить Тима Мориса?

— Вы..., - но тут же замолчал, наткнувшись на мой взгляд. — Торнтон. Это он посоветовал мне напрямую поговорить с Грином для решения этой проблемы. Просто я отдал им приказ: разрешить проблему в кратчайшие сроки. А как он это поймет, и какие меры предпримет, мне было безразлично, лишь бы меня это не коснулось никаким образом.

Мне важен был только результат. Так что, если я и виновен в гибели вашего воспитанника, то только косвенно. Вся вина ложиться на Торнтон, предложившего воспользоваться услугами старшего агента, и на самого Грина. Мне нет смысла врать. Вы должны понимать, что люди моего уровня такими мелочами не занимаются. Они только отдают приказы. Вас устроил мой ответ?

"Значит, все-таки Торнтон. Что ж, и ему и тебе, Маршалл, будет отмерено прожить ровно столько, сколько времени вы мне будете нужны".

— Пока, да, — я сказал неопределенно, но даже этих слов хватило, чтобы на лице мультимиллионера проступило удовлетворенное выражение.

— Сначала Дилэни, давайте, определим, что вы хотите от меня? Доли в моих кампаниях или денег?

— Для начала я хотел бы знать, помимо залежей серебра и угля, золото на этой земле было найдено?

— Там есть еще и золото? Не знал! А вы мне нравитесь! В вас чувствуется сила и хватка делового человека, Джек Дилэни! Сразу видно — воспитывались на Западе, — Маршалл достал из богато инкрустированной шкатулки сигару. Отрезал маленькой гильотинкой кончик, чиркнув спичкой, поджег ее. Затянувшись пару раз, продолжил. — Не хотите работать на меня? Мне нужны такие, как вы.

— Всему свое время, господин Маршалл. А пока я хотел услышать вашу цену в звонкой монете за эту землю. И не забудьте к этой сумме присовокупить компенсацию за уже использованный вами уголь и серебро.

Магнат на мои слова только криво усмехнулся, еще раз просмотрел бегло бумаги между затылками, после чего сказал: — Цена будет около... двух миллионов долларов, но, учитывая некоторые обстоятельства, согласен накинуть еще двести тысяч.

— Судя по оценке некоторых экспертов, эта цифра должна быть, как минимум, больше чем в полтора раза.

Спустя год, я стоял перед гранитной плитой с надписью "Тимоти Морис. Родился — 1857 г. Умер — 24.11.1871 г. Четырнадцать лет — это возраст мальчика, но ты прожил их как настоящий мужчина". В который раз, перечитывая выбитые на граните слова, я пытался найти слова, которые были бы понятны ему, будь он живой, но чувство вины, заставившее сжиматься мое сердце, никак не добавляло ясности моим мыслям.

"Я помню о тебе, мой мальчик. Все время корю себя за то, что так мало сделал для тебя, а ты наоборот, сумел много сделать для меня. Помог мне, взрослому мужчине, который всегда сам выбирал себе путь. Вот ведь судьба, какая бывает извилистая, Тим. Не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Мне тебя здорово не хватает, парень. Особенно наших вечерних разговоров... Временами мне кажется, что отступись я тогда, и ты остался бы жить, хотя, на самом деле, твоя смерть была предreshена в тот самый момент, когда мы появились в кабинете адвоката. Кто ж знал, что так получится?! Винить себя и ставить свечки в церкви я считаю бессмысленным. У меня свой путь. Знаю, ты осуждаешь убийства, мой мальчик, но я человек другой закваски и считаю, что таким гадам на земле не место. Помнишь, адвоката Торнтон, наглуую и беспринципную сволочь? Три месяца тому назад его зарезали при попытке ограбления. Так сообщили газеты, но тебе Тим я скажу правду: его убили по моему приказу. По большому счету этой гниде повезло больше, у него есть могила, а у агента Грина и того нет. Кормит рыб, а где я и сам не знаю. Тебе, я знаю, неприятно это слышать, но ты должен знать, что в мире существует справедливость. Пусть даже такая. Все, о плохом больше не слова. Поговорим о хорошем. Золотая жила твоего отца оказалась богатой и вместе с серебряными копиями приносит очень хороший доход. И еще. Треть паровозов, идущих на Запад, заправляются твоим углем, Тим. Этот кусок земли оказался очень богатым. На твоей земле вырос приличных размеров городок с большой железнодорожной станцией. Я взял с Маршалла только половину денег, вложив их в торговые операции за океаном и в недвижимость, все остальное лежит в паях двух компаний. Железнодорожной и судостроительной. На днях заканчивается строительство большого отеля, рядом с портом. В будущем такие заведения будут называться гостиничными комплексами. В нем кроме гостиницы будут три игорных зала, ресторан, бар. Тут свою долю внес Сержант. Похоже, он окончательно поверил в меня, как в бизнесмена. Хотя я все еще считаю его первой рукой, но почти отошел от этих дел, свалив их на Джона Харда. С месяц как ушли два корабля с моим товаром. Один ушел в Англию, другой в Европу. Как ты и хотел, парень. Начал изучать банковское дело. Хочу иметь свой банк. И насчет биржи есть мысли. В общем, планов у меня море. Вот такие дела. Знаешь, я хотел захватить сегодня с собой Луизу, но потом решил, что не стоит. Будет плакать, а у меня и так тяжело на душе каждый раз, когда я прихожу сюда. К тому же она почти забыла о тебе, но ты ее за это не вини. Она еще ребенок. Правда, растет не по дням, а по часам и все больше стесняется своего шрама. Даже не знаю, что делать. Да чуть не забыл! Помнишь, миссис Джулию Картрайт?! Я две недели тому назад сделал ей предложение, и она ответила на него согласием. Через месяц свадьба. Вот, в принципе, все новости, Тим. И еще я хотел тебе сказать напоследок. Знаешь, мне временами кажется, что вся моя предыдущая жизнь была своеобразной подготовкой к встрече с тобой и Луизой. Ты изменил меня, мой взгляд на мир, за что я тебе, мой мальчик, очень признателен. И как бы не повернулась моя судьба в дальнейшем, благодаря тебе я всегда буду считать, что мой дом

здесь, в этом времени и в этом мире. И другого я не хочу".

Больше книг на сайте - Knigolub.net